

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 5

2008

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2008. № 5

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2008

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),

М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феокистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),

А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),

И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),

В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),

К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Голев Н. Д., Дмитриева Л. М.</i> Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики).....	5
<i>Алпатов В. В.</i> Апеллятивы со значением 'церковь' в английской топонимии.....	18
<i>Дьёни Г.</i> Венгерские элементы в топонимии Башкирии.....	36
<i>Шилов А. Л.</i> О саамской топонимии севера Карелии.....	49
<i>Младенова О. М.</i> Этнонимия и национальное самосознание.....	65
<i>Хоффманн Э.</i> Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации.....	90

СООБЩЕНИЯ

<i>Кабинина Н. В.</i> О происхождении гидроформанта - <i>жма/-зьма</i> в субстратной топонимии Русского Севера...	105
<i>Топорова Т. В.</i> О специфике имен собственных, восходящих к обозначениям флоры, в Старшей Эдде...	109

МАТЕРИАЛЫ

<i>Махрачева Т. В.</i> Материалы к Словарю хронимов Тамбовской области. I. А–К.....	113
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы	140
V Всероссийская научная конференция «Проблемы региональной ономастики» (<i>Р. Ю. Намитокова, С. Ш. Шхалахо</i>).....	140
Симпозиум «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте» (<i>Т. Н. Дмитриева</i>).....	142
Ономастическая проблематика в лингвокраеведческих исследованиях: эхо всероссийской научной конференции «Проблемы лингвистического краеведения» (<i>Т. А. Сироткина</i>).....	144
Симпозиум «Имя в экономике и экономической истории-2» (<i>С. О. Горяев, К. Цишианг</i>).....	146
[Краткая информация].....	153
Рецензии	156
Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири (<i>Ю. С. Костылев</i>)...	156
Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон: Фамилии тотемичей. Названия деревень. «Советские» ойконимы. Русские гидронимы (<i>К. А. Гейн</i>).....	158
Бабалова А., Алаба О. А. Словарь йорубских антропонимов (<i>В. И. Супрун, У. Ф. Эменка</i>).....	162
Обзоры	165
Топонимика Дагестана: становление и развитие (<i>М. Р. Багомедов</i>).....	165
Новые книги	175
Новый журнал	181
Украинский ономастический журнал «Λογος ονομαστικῆς» (<i>В. М. Калинин</i>).....	181
Новые диссертации по ономастике	183
Saarikivi J. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects (<i>И. И. Муллонен</i>)	183
Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии (<i>А. К. Матвеев</i>).....	188
Экспедиции	192
Топонимия тихвинской корелы: интерпретация экспедиционных материалов (<i>Д. В. Кузьмин</i>).....	192
Юбилей	201
К юбилею В. И. Супруна (<i>И. В. Крюкова</i>).....	201

CONTENTS

ARTICLES

<i>Golev N. D., Dmitrieva L. M.</i> Unity of the Ontological and Mental Existence of the Toponymic System: A Contribution to Cognitive Toponymics.....	5
<i>Alpatov V. V.</i> Place-Name Elements with the Meaning 'Church' in English Toponymy.....	18
<i>Dyeni G.</i> Hungarian Elements in Toponymy of Bashkiriya.....	36
<i>Shilov A. L.</i> On Saam Toponymy of the North of Karelia.....	49
<i>Mladenova O.</i> Ethnic Terms and Ethnic Identity.....	65
<i>Hoffmann E.</i> Names of Political Events and Their Onymisation in the Mass Media.....	90

REPORTS

<i>Kabinina N. V.</i> On the Origin of the River-Name Element <i>-zhma / -z'ma</i> in the Substrate Toponymy of the Russian North.....	105
<i>Toporova T. V.</i> On the Specific Character of Proper Names Ascending to Flora Terms in the Elder Edda....	109

MATERIALS

<i>Mahracheva T. V.</i> Materials to the Dictionary of Chrononyms of Tambov Region. I. <i>A–K</i>	113
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia	140
V All-Russian Scientific Conference "Problems in Regional Onomastics" (<i>R. Yu. Namitokova, S. Sh. Shhalaho</i>)	140
Symposium "Finno-Ugrian Onomastics in the Areal Aspect" (<i>T. N. Dmitrieva</i>).....	142
Onomastic Problems in Linguistic Local Studies: An Echo of the All-Russian Scientific Conference "Problems in Linguistic Local Studies" (<i>O. A. Sirotkina</i>).....	144
Symposium "Name in Economics and Economic History – 2" (<i>S. O. Goryaev, K. Cshishang</i>).....	146
[Short information].....	153
Reviews	156
Burykin A. A. Historical-Ethnographic and Historical-Cultural Aspects of Study of the Onomastic Space of a Region. Essays on Toponymy and Ethnonymy of Eastern Siberia (<i>Yu. S. Kostylev</i>).....	156
Kuznetsov A. V. Totma Onomasticon: Surnames of Totma Dwellers. Village Names. "Soviet" Place- Names. Russian River-Names (<i>K. A. Geyn</i>).....	158
Babalola A., Alaba O. A. Dictionary of Yoruba Personal Names (<i>V. I. Suprun, U. F. Emenka</i>).....	162
Обзоры	165
Dagestan Toponymics: Making and Development (<i>Ĭ. R. Bagomedov</i>).....	165
New books	175
New journal	181
Ukrainian Journal of Onomastics "Λογος ονομαστική" (<i>V. M. Kalinkin</i>).....	181
New dissertations on onomastics	183
Saarikivi J. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects (<i>I. I. Mullonen</i>)	183
Dyeni G. Proto-Hungarians in the Urals in the First Millennium A.D. in Russian and Hungarian Historiography (<i>A. K. Matveyev</i>).....	188
Expeditions	192
Toponymy of Tikhvin Karelians: Interpretation of the Expedition Materials (<i>D. V. Kuzmin</i>).....	192
Jubilees	201
V.I. Suprun's Anniversary (<i>I. V. Kryukova</i>).....	201

С Т А Т Ь И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 5

Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева

ЕДИНСТВО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО И МЕНТАЛЬНОГО БЫТИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

(к проблематике когнитивной топонимики)

The paper considers issues generated by the cognitive approach in toponymics. The starting point for the authors' argumentation is a borderline between two inseparable modes of existence of the toposystem: the "ontological" (all that refers to the language ontology – langue and parole) and the "mental" one (toponymic worldview). Mental existence of the system is defined through "mental-toponymic stereotypes" that connect units of all name classes and language levels between themselves and with the sphere of extralinguistic experience, provide intrinsic organisation of the toposystem, are represented in the semantic structure of names and in contexts that reflect results of communicative activity of language speakers. The authors see a further perspective of study of toposystems in exploring "sub-ensembles" – toponymic units interacting in an individual mind – and the area where sub-ensembles overlap, thus forming the kernel of a toponymic microsystem.

Проблема «человек и язык» приобретает в последнее время все большую актуальность, поскольку становится очевидным, что полное исследование языка возможно только при условии выхода за его «пределы», при обращении к человеку – творцу и потребителю языка. При этом с переходом к лингвистике, ориентирующейся на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью, сместились исходные моменты в представлениях о языке: язык рассматривается как конститутивное свойство человека, делающее его человеком, – что повлекло за собой выдвижение основных требований к исследованиям языковых феноменов – понять природу языка и объяс-

нить его можно лишь исходя из понимания человека и его мира. В силу этого проблемы восприятия, понимания и интерпретации становятся в антропологистике центральными, базовыми.

В лингвистических работах обращение к проблеме восприятия продуктов речемыслительной и языкотворческой деятельности связано с развитием когнитивного направления, в котором пересекаются интересы представителей самых разных наук – лингвистов, психологов, этнографов. Топонимистами в когнитивистике сделано совсем немного попыток – удачных или менее удачных; общее направление когнитивных исследований пока обходит своим вниманием ономастику, поэтому целесообразно представить в общих чертах проблематику топонимических исследований в данной области.

Собственные имена определяют систему знаний о мире, участвуют в формировании мировоззрения человека, а топонимы, кроме того, фиксируют отражение географической действительности в сознании человека, возникнув изначально в качестве знаков-ориентиров. Это и является фундаментальным основанием для представления о топонимии как о сложном системном образовании в языке, относительно специфичном и независимом и одновременно органически связанном с общезыковыми отношениями и процессами.

До настоящего времени основным аспектом ономастических исследований был онтологический. Топонимическая система, например, рассматривалась сама по себе, в виде карты, словаря, в виде каких-то других системных объединений, которые существуют как бы сами по себе, вне человека. На самом же деле и возникновение, и существование, и развитие топонимической системы не осуществляются без опосредования сознанием. Как и всякая система языка, топонимическая система существует не только в системоцентрическом, но и в антропоцентрическом измерении. Географические названия не связаны с географическим объектом напрямую, между ними стоит человек.

Это означает, что две формы бытия топонимической системы неразрывны: онтологическое бытие системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием. Обоснованием этого могут служить современные философские концепции. Так, М. Хайдеггер наряду с другими аспектами определения сущности бытия рассматривает следующие: 1) бытие означает *п р и с у т с т в и е*, а «через настоящее в смысле присутствия бытие определяется однообразно как прибытие сути и позволение присутствовать, т. е. как *р а с к р ы т о е* (здесь и далее разрядка наша. – Н. Г., Л. Д.)» [Хайдеггер, 1991, 89]; 2) бытие есть *в ы р а з и м о е*, т. е. *м ы с л и м о е*; 3) бытие определяется через *п р и с в о е н и е*. М. - Хайдеггер отчетливо осознает необходимость позиции воспринимающего субъекта при рассмотрении сущности бытия: «Сущее в целом берется так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [Там же, 49]. Иными словами, «бытие как полагание» определяется из отношения к эмпирическому применению рассудка, и точка опоры этого отношения – в мышлении, т. е. в акте человеческого субъекта. Таким образом, «внешнее существование» бытия (в данном случае бытия системы) фиксируется

при помощи его осмысления и присвоения субъектом, или интерферентом в когнитивистской терминологической парадигме.

Онтологическое бытие системы (все, что относится к онтологии языка – язык, языковая система, текст, речевая деятельность) неотрывно от ментального и реализуется через ментальное, которое есть не только результат, но одновременно и причина, и результат. Исходным пунктом когнитивного анализа при этом является анализ того, как топонимы существуют в головах людей, изучение регламентаций того или иного сознания. Именно этот тезис проходит через понятие «когнитивная топонимика».

Это значит, что если традиционный структурный анализ был ориентирован прежде всего на выявление взаимоотношений внутри топонимической системы, то когнитивный (ментальный) подход обращается к языковому сознанию носителей языка. Система в ее ментальном бытии расценивается как некая часть объективной реальности, не полностью тождественная ей, которая выступает компонентом конкретно-исторического субъективного опыта и предполагает обращение к языковому сознанию носителя языка и топонимической системы, его интенциональным и когнитивным структурам, влияющим на топонимическую систему и отражающимся в ней. Ментальное бытие системы определяется через концепты, представленные в семантической структуре названий и репрезентированные в топонимических контекстах, фиксирующих результаты коммуникативной деятельности носителей языка.

Исследование топонимического материала в ментальной парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием наименований и их ролью в общении людей, с восприятием имени, при этом на второй план отодвигаются проблемы истории и этимологии названий, поскольку для использования имени актуален вопрос о том, какое содержание реально воспринимается членами данного коллектива. Изучение реального контекста ситуации дает возможность построить один из вариантов синхронической классификации топонимии, в которую – кроме традиционного деления топонимии по типу и функции – вводится новый аспект: фактическое современное восприятие географического названия членами конкретного языкового коллектива, функционирование названия в сознании личности. В настоящее время антропоцентристское направление топонимических исследований, в которых синхроническое изучение топонимии идет с учетом реального контекста ситуации, представлено в работах Е. Л. Березович [1998, 2000], М. В. Голомидовой [1998], М. Э. Рут [1999а, 1999б], В. И. Супруна [2000].

В парадигме антропоцентристского подхода отмечается, что структуризация познания окружающей действительности начинается с моделирования этой действительности в топонимической картине мира. Топонимическая картина мира и топонимическая система представляют собой разные формы бытия: топонимическая картина мира – ментальное, топонимическая система – онтологическое, топонимическая картина мира – это топонимическая система в ее ментальном бытии. Будучи связанной с пространственным концептом, топонимическая карти-

на мира имеет территориальный характер и региональные особенности, которые принято рассматривать в качестве регионального менталитета, т. е. биологически, исторически и социально обусловленной системы стереотипов, функционирующей в данном регионе (подробнее о стереотипах см. далее). Формирование топонимической картины мира как системы миропредставлений определяется совокупностью факторов, традиционно разделяемых на интра- и экстралингвистические. При этом внешне обусловленная представленность некоторых жизненных факторов (например, условия жизни человека – экономические, политические, социальные) часто является приоритетной, однако несомненна актуальность и таких компонентов, как возраст человека, профессия, образование и т. п.

Ментальное бытие выступает демиургом в достаточно сложных топонимических ситуациях. Приведем один пример (подобных примеров в топонимических исследованиях великое множество). Колхоз *Имени Фридриха Энгельса* дает название селу – *Фридриха*, которое по аналогии с широко распространенными на Алтае названиями типа *Повалиха*, *Ребриха*, *Топчиха* начинает восприниматься как носитель топоформанта *-их(а)* и соответствующим образом склоняться (*у Фридрихи, к Фридрихе*). Интерпретации направления детерминистского воздействия здесь двоякие: *от системы*, которая управляет ассоциациями (название *Фридриха* вошло в ряд топонимов или оказалось втянутым в него), и *от сознания носителя языка*: ассоциации представляют собой прямое системообразующее начало.

Доминирование в топонимической науке на протяжении долгого времени онтологических имманентоцентристских представлений, для которых языковая личность не была обязательной, объясняет тот факт, что языковая личность присутствовала в ней в лучшем случае на фоне описаний топонимических систем. Появление антропоцентристских моделей ставит вопрос об их взаимодействии с моделями системоцентристскими. На наш взгляд, во многом это взаимодействие организуется по принципу дополнительности [см.: Голев, 1995; 1998].

Нельзя утверждать, что в работах структуралистского плана исследователи не обращались к сознанию жителей. Если посмотреть на нашу традиционную лингвистику, то в ней более чем достаточно «крупинок» ментального подхода к разным топонимическим явлениям и проблемам, к фиксации отражения сознания. Например, известный всем топонимистам «принцип относительной негативности» В. А. Никонова [см.: Никонов, 1964] иллюстрирует единство форм ментального и онтологического бытия топонимической системы, отметим в этой связи и попытку Г. В. Глинских [1987] искать системообразующие параметры за пределами языковой системы. Однако очевидно, что эти «крупинки» не выходили пока на уровень системообразующего принципа.

Сочетание онтологического и ментального подходов как бы проецирует в топонимастику новую точку отсчета. В соответствии с современной антропоцентристской научной парадигмой, особенно с учетом репрезентации топонимической системой ментальных структур носителя языка, топонимической личности, становится необходимым изучение топонимической системы в когнитивно-прагмати-

ческом аспекте, который предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания, учитывает связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками. И прежде всего это позиция восприятия, идентификации и особенно в интерпретации языка и его единиц. «“Когнитивная революция” была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире, особенно ярко выраженное в лингвистическом “интерпретационизме”» [Демьянков, 1994, 20].

Все сказанное означает, что существует особый системообразующий центр, возникает иная точка отсчета – языковое сознание носителей языка, в котором и функционируют данные топонимы в их единичности и в их системном существовании. Сознание топонимической личности, как мы уже отмечали, является одним из внутренних факторов развития топонимической системы, установка на систематизацию всегда присутствует в сознании личности. Стремление включить этот признак в число конституирующих наблюдалось уже давно. Например, в 1985 г. А. В. Суперанская вносит дополнение в традиционное определение топонимической системы: «Топонимическая система – это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также способов их соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований (выделено нами. – Н. Г., Л. Д.)» [Суперанская, 1985, 108]. Хотя такая дефиниция объединяет разноплановые признаки и несколько эклектична, она весьма знаменательна. В монографии «Теория и методика ономастических исследований» [1986] дается определение топонимической системы, с нашей точки зрения, существенно более целостное: «Под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [Теория и методика..., 1986, 51]. Заметим, что идея о единстве построения топонимов на антропоцентрической основе не была развита в отечественной топонимике, поскольку, очевидно, анализ мировоззренческих моделей возможен только при обращении внимания на человека говорящего, воспринимающего и интерпретирующего, а лингвистическая парадигма повернулась лицом к человеку только в конце XX в.

Итак, на современном этапе – благодаря обращению к ментальным аспектам языка – перед топонимической наукой открываются новые возможности. Вступление топонимики на путь когнитивизма актуализирует ряд моментов, которые мы считаем важным обозначить и предварительно обсудить.

В первую очередь следует отметить, что если речь идет о топонимии и топонимической системе, то в центре когнитивно-топонимического исследования должен находиться топоним как специфическая единица языка. В этой связи полезно рассмотреть теоретическую позицию И. С. Карабулатовой, представленную в монографии «Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области» [2001], в которой ментальный статус топонимической

системы (в его ассоциативном проявлении) заявляется как презумпционный для исследования. Исходя из этого, автор вводит термин «топонимическая ассоциация», под которым понимается ассоциация, порождаемая «онтологическим топонимом», т. е. топонимом, зафиксированным на карте или в справочнике, вне зависимости от того, существует ли он в языковом (топонимическом) сознании субъекта ассоциирования. Ср.: *АБАК* – *кабак*, *табак*, *бак*, *счета*, *бочка*, *аббат* и т. п. [см.: Карабулатова, 2001, 115]. Подавляющее число реакций, приведенных в «Словаре топонимических ассоциаций» [Там же, 114–204] – это реакции на форму слова. Наш опыт изучения словесных ассоциаций [см.: Голев, 1989; 1996] однозначно говорит о том, что такие реакции массово возникают лишь в том случае, если испытуемому слово незнакомо, если он не соотносит его ни с каким понятием или денотатом и тем более ни с каким топонимическим объектом. Представленный в работе И. С. Карабулатовой подход носителя языка – это подход не к топониму, а к некоему произвольно взятому семиотическому знаку, некоей звуковой субстанции, не обладающей топонимическими характеристиками. Таким образом, «онтологический топоним», даже будучи отмеченным на карте, в словаре или справочнике, не является реальным (функционирующим) топонимом, если он оторван от топонимической личности и не существует в ее ментальном бытии.

Топонимическая личность (как проявление языковой личности) – это личность, ориентирующаяся в географическом пространстве с помощью знаков-ориентиров (суть топонимов). Разумеется, ориентация – это и создание топонимов, и их использование в «готовом виде» при передаче пространственной информации адресату в любой его ипостаси, и их восприятие, понимание и интерпретация в позиции адресата. В целом все это и составляет функциональный план топонима. Применительно к топонимическим ассоциациям это означает, что таковыми могут быть только ассоциации на известные респонденту топонимы, включенные в сознании испытуемого в топонимический контекст и, шире, в топонимическую систему. Можно не сомневаться, что в этом случае на *Абак* – если это более или менее известное испытуемым село, находящееся в определенном месте и имеющее определенные характеристики, – не последуют в массовом количестве ассоциации наподобие приведенных выше. Более того, позволим себе предположить, что ассоциации будут разными на село *Абак* и реку с тем же названием, если в качестве стимула ассоциирования испытуемым будут предъявлены по отдельности словосочетания *село Абак* и *река Абак*. Нет сомнения и в том, что у разных типов топонимических личностей будут разные ассоциации, при этом сама типология топонимических личностей должна быть увязана именно с пространственной ориентацией и знанием топонимических объектов (об этом далее).

Результаты ассоциирования со «знаемыми» топонимами в специфической ментальной форме отражают истинное актуальное значение топонима, не сводимое ни к его внутренней форме (словообразовательному или этимологическому значению), ни тем более к значению внешней формы, т. е. «фонетическому» значению, на выявление которого в сущности и направлен ассоциативный эксперимент И. С. Карабулатовой. Такое (подлинное) значение топонима существует в ментальном бытии носителей языка, использующих этот топоним.

Географические названия несут информацию более сложную и объемную, чем их этимологические значения, но эта информация может быть расшифрована лишь на основе фоновых знаний. Событийно-континуальное (или экстралингвистическое, энциклопедическое) значение – это все, что известно информанту о топообъекте, а поскольку топонимы ориентированы на внеязыковой событийно-временной континуум, им свойственна повышенная экстралингвистичность, топоним как бы представляет образ объекта в нашем сознании. В этом смысле топонимическое значение, понимаемое в широком антропоцентристском смысле, является фрагментом концептосферы языковой личности, отражающей ее жизненный опыт [см.: Лихачев, 1993].

С другой стороны, ассоциации и смыслы, фокусируемые топонимом, отражают коммуникативный опыт топонимической личности. «В акте коммуникации, в котором присутствуют онимы, говорящий и слушающий должны обладать общим знанием культурного фона онимов, который могут составить сведения о происхождении (национальное – иноязычное), физическом характере реалии (река, гора, озеро, овраг, село и т. д.), сфере употребления (официальное – неофициальное), времени возникновения (новое – старое) и т. п.» [Молчанова, 1998, 226]. Добавим к этому и опыт речевой деятельности, формирующийся при использовании топонима в определенных контекстах, сочетаниях слов и т. п. В этом смысле ассоциативные поля вокруг топонима могут рассматриваться как его коммуникативные фрагменты, понимаемые в духе лингвистики языкового существования [см.: Гаспаров, 1996]. Таким образом, возникает иное отношение к топонимическому значению, имя включается в контекст ценностной гаммы, которой человек живет, поскольку он не может видеть мир иначе, чем через систему своих ценностей. Все это неизбежно накладывает отпечаток на значение. В сущности, старое представление о значении, которое связывалось со структурой топонима, при новом подходе приобретает в существенной мере иной смысл.

Топоним, «реконструируемый» из ассоциативных полей И. С. Карабулатовой, не может быть интерпретирован как представитель топонимической системы. Не случайно в реакциях, зафиксированных в ее словаре, почти нет других топонимов, отражающих пространственные связи (*АВДОНСКОЕ – Дон, область около Дона* и им подобные единичные ассоциации не в счет). Действительно, одним из системообразующих факторов в топонимии может (и должно!) рассматриваться ассоциирование, поскольку географические названия потенциально ассоциативны, они активизируют сложную систему ассоциативных связей с другими словами, актуализируют определенные ассоциативные поля, которые формируют либо всю систему, либо ее фрагмент. Восприятие каждого названия сопровождается ассоциациями, но в отличие от апеллятивной лексики топонимы обрастают ассоциациями, осложненными привязкой топонима к местности – пространству, и изучение только таких ассоциаций дает результат для топонимических исследований. Говорить о чувстве ассоциации в отношении топонимической системы можно только тогда, когда мы имеем дело с ориентацией в топонимическом пространстве, т. е. именно о топонимической ситуации.

Первый успешный опыт отхода от структурности и выхода в ментальность в парадигме этнолингвистической проблематики осуществила Е. Л. Березович, указавшая на сложность перехода от собственно языкового (онтологического) уровня к мировоззренческому (ментальному) при анализе топонимических фактов, на неотработанность этой процедуры: «Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц “космического” мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта» [Березович, 1998, 23].

Когнитивный подход к топониму существенно углубляет и представления о его внутренней форме. В рамках этого подхода внутренняя форма в синхронии «как важнейший узел системных связей в языке» [Мигирова, 1977] создает несущий конструкт языкового сознания личности. Так, в онтологическом аспекте мы выявляем внутреннюю форму через связь с другими словами, в том числе (при диахроническом подходе) – через этимологические связи, когнитивный же аспект предполагает изучение того, как она реально существует и функционирует в сознании, отражая системные связи в языковой онтологии и формируя их одновременно (ср. приводимый выше пример с «имманентным возникновением» ойконима *Фридриха*).

Коммуникативный подход к внутренней форме говорит о том, что она неактуальна для функционирования топонима, поэтому она постепенно утрачивается. Для использующих название носителей языка начальная форма и начальная семантика не всегда адекватны реальной. Отсутствие обязательности онтологически выявляемой внутренней формы топонимов и одновременно потребность в ней находят определенное отражение в народной этимологии, являющейся продуктом ментальной деятельности рядовых носителей языка, ср. современные народные трактовки некоторых названий: село *Соловьиха* (Петропавловский р-н) – «Когда я девочкой была, старики рассказывали, что в старину сюда был выслан *Соловьев*, по его фамилии и село назвали»; «Там были кустарники, и в них много *соловьев*. Ведь раньше как называли? Что обнаружат, так и называли»; озеро *Маяк* (бывший колхоз «Маяк», Тогульский р-н) – «Озеро *Маяк* назвали так, потому что там *маячило* – разные русалки, животные плавали ночью по озеру... Мой отец говорил, что бегали по озеру кони. В озере много тонули, и это вызывало страх»; «В озере всегда *маячило*, и прозвали “*Маяк*”»; «*Маячило* будто что-то, выплывает из озера по ночам, ходит по воде».

Подобные примеры ясно говорят о том, что топонимическую личность характеризует совокупность знаний не только о соответствующем объекте, но и о различных происшествиях и событиях, послуживших импульсом номинации; анализ причин номинации порождает рассказы, вымыслы, предположения. В процессе функционирования топоним получает смысловые связи и наполняется ассоциациями, коннотациями, которые углубляют значение топонима, делают его «говоря-

щим»: город *Барнаул* – «краевой центр»; поселок *Гольбиштадт* – «немецкий поселок»; поселок *Затон* – «поселок, который постоянно затапливает весной», и т. д.

Когнитивная деятельность, связанная с восприятием и «переживанием» имени, во многом детерминирует номинативную деятельность как в ее первичном варианте – создании нового имени, так и во вторичном – повторном употреблении готовых имен. Прежде всего это связано с тем, что номинация осуществляется не произвольно, а в соответствии с определенными стереотипами, вырабатываемыми в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени на фоне рядов имен. Стереотипы – ментальные основания аналогии, следствием которой является структурная близость элементов топонимических систем и подсистем. Они являются ономаσιологическими категориями, своеобразными речемыслительными паттернами, сквозь призму которых именующий воспринимает именуемое содержание и в соответствии с которыми его членит, выделяя мотивировочный и структурный базис создаваемого имени.

Таким образом, значение имени инферируется в соответствии с уже существующими в когнитивной структуре стереотипами, ситуационными моделями, в пределах которых топонимическая личность как номинатор ищет подходящий стереотип, способный интегрировать новую информацию. В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, – а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Именно стереотипы связывают единицы всех классов имен и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуют топонимическую систему, являясь формой ментального бытия онтологических структур. Представляемое стереотипом знание является достоянием каждого члена определенной группы людей. В частности, выбор признака мотивации – «один из важнейших компонентов человеческой деятельности: социально значимые стороны объективного мира должны быть познаны, отражены в сознании и закреплены в языке. Набор признаков, по которым происходит номинация объектов, различается не только в отдельных языках, но и в одном и том же языке в разные периоды его развития, в зависимости от культурно-исторической и социально-экономической ситуаций, материального опыта народов, носителей сопоставляемых языков; он определяется естественно-географическими условиями жизни, уровнем культурно-исторического развития, спецификой мироощущения народов, особенностями этнической психологии» [Молчанова, 1998, 227].

Глубинный характер детерминации речемыслительной и языкотворческой деятельности со стороны стереотипов языкового сознания проявляется прежде всего в том, что восприятие и представление пространства (как определенного фрагмента мира) у разных народов (и в разных регионах) специфично в силу разности стереотипов восприятия. Стереотипное наложение перечисленных фрагментов приводит к синхронистичности бытийных точек, при этом точка синхронистичности импульсирует в сознании стереотипные блоки. В точке пересечения появляется тот устойчивый фрагмент представленности знаний, изменяющийся со временем комплекс стандартов восприятия окружающей действительности, который мы называем

ментально-топонимическим стереотипом. В организации топонимической системы могут быть представлены четыре основных стереотипа, действующих в топонимической ситуации, а именно: антропоцентрический стереотип, стереотип временного соположения, стереотип пространственного соположения, стереотип отражения внутренней структуры. Определение реального набора стандартов – стереотипных блоков, вычленимых языковым сознанием, позволяет моделировать компоненты современной топонимической картины мира и структурировать организующие механизмы топонимической системы.

Исторические сдвиги в топонимических системах во многом обуславливаются именно изменениями ментально-топонимических стереотипов. Как известно, например, на начальном этапе формирования русской топонимии Алтая в языковом сознании жителей доминировал номинативный стереотип принадлежности объекта определенному лицу (чаще всего владельцу переселенческого участка), однако со временем его место занял иной, имеющий в основе главенство бытийной ценности объекта. Такое изменение стало возможным при переходе от ситуации вторичного заселения региона на закрепленные за переселенцами участки к ситуации освоения окружающего пространства обживавшимися на новом месте людьми. А поскольку на новые земли переезжали ищущие лучшей доли обедневшие крестьяне, то им приходилось выживать здесь в тяжелых условиях, часто не имея средств для существования и создания хозяйства.

Историческая изменчивость имени может привести к расхождению в интерпретации имени носителями языка, приближенными к исконной номинативной ситуации, и более поздними его пользователями. Ниже приводятся интерпретации топонимов, которые зафиксированы в документах Государственного архива Алтайского края начала XX в. и в полевых материалах топонимической картотеки кафедры общего и исторического языкознания Алтайского госуниверситета. Такое сопоставление дает возможность выявить и сфокусировать исконный номинативный и современный ментально-топонимический стереотипы.

Поляна *Вшивка*. Архивная запись: «В проект земельного надела крестьян села Михайловского входит поляна Вшивка, находящаяся среди Мало-Гатского и Северного боров... на этой поляне находится озеро Вшивочное...»; «...с начала июня вода зацветает, а к середине июня изобилует массой насекомых и личинок, по местному отзыву, «вшивеет» и становится негодной в употреблении...». Современная запись: «Поляна Вшивка – что ли там какие-то вши были, может, овцы вшивые сгонялись на ту поляну».

Место *Остожье*. Архивная запись: «Каждое хозяйство раньше имело свое остожье, вокруг которого земли были исключительно в пользовании этого хозяйства». Современная запись: «На этом месте всегда стога ставят, а зимой увозят на саях».

Околок *Кукуй* (*Кокуй*), раньше – поселок *Кукуй* (*кокуй* – выселок). Архивная запись: «Поселок Кукуй образован на участке Кукуй, неподалеку от села Малошелковниково». Современная запись: «Место в околке, где было много кукушек»; «Дорога Кукушка ведет вокруг болота, пока выйдешь – накукуешься»¹.

¹ Системное представление такой дифференциации дано в «Ойконимическом словаре Алтая» Л. М. Дмитриевой [2001].

Внутренняя связь элементов системы обеспечивается не только парадигматическими и синтагматическими отношениями, определяемыми территориальным единством имен, но и единством личности. Для моделирования организации топонимических микросистем, например, необходимо обращение к сознанию человека, в котором объединяются как языковые, так и адаптационно-деятельностные модели и в котором осуществляется связь лингвистических и экстралингвистических факторов (таких, как геоморфологические условия жизни человека, профессия, образование, возраст, культурный уровень носителей топонимикона). А значит, изучение микросистем переходит от исследования совокупности названий небольшой территории к исследованию пересечения индивидуальных представлений людей об окружающей местности.

Индивидуальный топонимикон определяется сферой культурно-деятельностных интересов носителя. В ходе анализа материала были определены 5 основных факторов, в зависимости от которых могут различаться системы миропредставления (традиционно эти характеристики рассматриваются и как параметры языковой личности): 1) национальная принадлежность; 2) географическая и топонимическая (в бытовом измерении) компетентность, определяемая, в частности, профессиональной деятельностью, уровнем образования, полом; 3) принадлежность к исторической общности (возрастной группе), определяющая активность тех или иных ментально-топонимических стереотипов; 4) профессиональная принадлежность; 5) степень общеязыковой интуиции и компетенции топонимической личности.

Взаимодействие этих факторов обуславливает специфику каждого субансамбля, т. е. взаимодействующих в сознании отдельной личности топонимических единиц, при последовательном наложении этих субансамблей возможно выделение зон их пересечения, которые составляют ядро топонимической микросистемы, понимаемой как совокупность взаимодействующих субансамблей. Единицы, не имеющие пересечений с другими субъединицами, составляют периферию топонимической микросистемы. При этом компоненты ядра одной системы могут быть периферийными для другой: через периферию каждая микросистема пересекается с другими и постепенно переходит в их пределы, и так они образуют непрерывную и целостную топонимическую сеть. Эта модель поддерживается сходством отношений в языковой структуре и структуре нервных связей коры головного мозга. Именно в этих связях непосредственно объединены впечатления от предметов и явлений действительности с языковыми знаками. В каждой схеме поля, отражающей структуру конкретного субансамбля, важно выделять не только ядро, но и предцентральную часть (ближайшую к центру системы область пересекающихся точек), поскольку она, во-первых, указывает на частотность единицы в индивидуальных топонимиконах, а во-вторых, при наложении субансамблей возможен переход единицы из ближайшей к центру части предцентральной области в ядерную сферу.

Именно такая конструкция топонимической микросистемы определена ведущим в топонимической картине мира жителей данного региона, доминирующим ментальным топонимическим стереотипом организации категоризованного знания о пространственном аспекте мира вокруг объектов, представляющих бытийную

ценность (т. е. обеспечивающих оптимальное существование человека как биологического существа). Какие условия повлияли на преобладание именно этого стереотипа? На материале модели топонимической микросистемы возможно проследить влияние когнитивных и прагматических факторов на изменение ментальных стереотипов.

Таким образом, в контексте всего сказанного понятие топонимической системы меняется. Она представляется не «данностью», расположенной на карте, а существует, проецируясь в свое бытие через все многообразие ментальностей человеческого общества. В свете изложенных тезисов можно констатировать, что топонимическая система как часть общей языковой системы присутствует в сознании носителей языка в виде организованного фрагмента языковой картины мира, и этим фактом мотивируется необходимость рассмотрения ее ментального бытия, а значит, изучения когнитивных структур ее организации².

На современном этапе топонимическая наука ориентирована на полное и глубокое исследование географического пространства, реальная перспектива всех топонимических исследований в этом плане – интегративное описание как структурных, так и когнитивных аспектов топонимической ситуации.

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии: Сб. ст. Свердловск, 1987.

Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н. Д. Антропологическая и собственно лингвистическая доминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. Екатеринбург, 1995. С. 7–8.

Голев Н. Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Изв. Алтайск. гос. ун-та. № 2. Сер. филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. Барнаул, 1996. С. 7–11.

Голев Н. Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 3–12.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Дмитриева Л. М. Ойконимический словарь Алтая. Барнаул, 2001.

² Более подробно вопросы структуризации топонимической системы освещены в монографии Л. М. Дмитриевой «Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) [2002].

- Дмитриева Л. М.* Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.
- Карабулатова И. С.* Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. Тюмень, 2001.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
- Мигирин Н. Н.* Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. (На материале представлений статусов лица в номенклатурной сфере языка). Кишинев, 1977.
- Молчанова О. Т.* Роль этнопсихологии при выборе ономастических признаков мотивации в процессе наименования объектов среды обитания // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. Warszawa, 1998.
- Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1964.
- Рут М. Э.* Информант и микротопонимическая система (из полевых наблюдений за сбором микротопонимии) // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3. Екатеринбург, 1999а. С. 71–76.
- Рут М. Э.* Личность и микротопонимическая система // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. науч.-практ. конф. Барнаул, 1999б. С. 28–30.
- Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М., 1985.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
- Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

* * *

Николай Данилович Голев – доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета, действительный член МАН ВШ.

Дмитриева Лидия Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (Барнаул).

В. В. Алпатов

АПЕЛЛЯТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ЦЕРКОВЬ’ В АНГЛИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ

The author looks into semantic and onomasiological aspects of place-name coinage on the example of English place-names with the elements, united by the basic meaning ‘church’. The analysis covers interaction of different layers of place-name semantics and stages of word formation.

Топонимические элементы *church*, *kirk*, *chapel* со значением ‘церковь’ не раз становились предметом описания в трудах английских топонимистов, таких как К. Кэмерон, П. Рини, М. Джеллинг, А. Смит [Cameron, 1977, 127–128; Gelling, 1978, 139, 234, 238; Reaney, 1987; Smith, 1956], которые рассматривают их наряду с другими элементами, обозначающими церковные здания. В этих работах исследователи указывают на возможные позиции элементов *church* и *kirk* в топонимах (главная, определяющая, аффиксальная), приводят примеры характерной для *church* и *kirk* сочетаемости в этих позициях (имена основателей и святых, жилищные термины, обозначения цвета, материала и архитектурных особенностей постройки, географической ориентации). Много внимания в специальной литературе уделяется гипотезе частичной замены др.-англ. *cirice* на др.-сканд. *kirkja* в топонимии областей Англии, подвергшихся скандинавскому завоеванию, а также о проблеме иных источников *church* в современных топонимах (главный из которых кельт. *crŷc* ‘холм’). Элемент *chapel* в названных работах практически не рассматривается, если не считать перечисления нескольких примеров и описания возможных позиций данного элемента в топонимах. Общий подход к исследуемому материалу можно охарактеризовать как традиционно топонимический, складывающийся из историко-этимологического, географического и структурно-морфологического анализа.

Специальных исследований, посвященных закономерностям употребления элементов *church* и *kirk*, сравнительно немного. Нам известно несколько таких работ,

относящихся в основном ко второй половине XX в., например [Fellows-Jensens, 1987; Gelling, 1981; MacQueen, 1956], отметим также ряд исторических и церковно-исторических трудов, в которых широко привлекаются топонимические данные, например [Hoskins, 1982; Blair, 2005]. Между тем интерес исследователей к теме отражения в топонимах религиозной культуры в Великобритании не угасает, о чем свидетельствует проведение конференции «Церковь в топонимах» (*The Church in Place-Names*) в мае 2006 г. в Ноттингемском университете, где расположена штаб-квартира Английского топонимического общества (*English Place-Name Society*).

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать семантику топонимов, содержащих элементы *church* и *kirk*, с помощью методов ономазиологии и когнитивной лингвистики. Наше внимание направлено на взаимодействие разных уровней семантики в момент формирования названия, анализ которого проводится исходя из его структуры, соотношения значений производящих основ и типа называемого объекта. В то время как в большинстве упомянутых работ анализу подвергаются в основном ойконимы, мы обращаемся также к микротопонимическому материалу. Большинство примеров в работе – микротопонимы: названия отдельных географических объектов (домов, ферм, мостов и т. п.) и названия полей.

В качестве исследуемого материала выступают, в первую очередь, географические названия английского графства Камбрия (*Cumbria*) и частично графства Чешир (*Cheshire*). Примеры топонимов и их этимология взяты из региональных томов Английского топонимического общества. В списки топонимов в этих трудах включены современная и исторические формы названий (макро- и микротопонимов), а также названия, не зафиксированные на картах в настоящее время, но упоминающиеся в письменных источниках.

Апеллятивная семантика элементов. Основным значением англ. *church* является 'здание для общественного христианского богослужения' [OED, s. v. *church* I]; одновременно слово *church* в английском языке – главный термин, выражающий это значение, присущее ему с момента его появления в языке (др.-англ. *cirice*, ср.-англ. *chirche*). Апеллятивное употребление др.-англ. *cirice* в английском языке письменно зафиксировано в начале IX в., к этому же времени относятся первые примеры его употребления в географических названиях.

Слово *kirk* в современном литературном английском языке имеет значение 'Шотландская пресвитерианская церковь; церковь', однако в диалектах северных областей Англии, к которым относится Камбрия, оно используется наряду с *church* просто в значении 'церковь'. Форма *kirk*, происходящая от др.-сканд. *kirkja*¹, закрепились в качестве нарицательного существительного и топонимического элемента на территории, которая находилась под скандинавским влиянием.

О *church* и *kirk* в значении 'церковь' уместно говорить не как о разных словах, а как о диалектных вариантах одного слова. В последовательности исторических

¹ В отличие от форм, развившихся из др.-англ. *cirice*, где мягкое [k'] перешло к концу древнеанглийского периода в [tj], производные от др.-сканд. *kirkja* сохранили [k].

форм некоторых топонимов Камбрии формы от *kirkja* и *cirice* встречаются попеременно: например, топоним *Kirkbride* Cu² засвидетельствован как *Chirchebrid* 1163³, *Kirkebride* 1185, а микротопоним *the Church Stile* 1615 Above Derwent Cu встречается в форме *Kirksteyll* 1565.

Топонимы с *cirice* фиксируются в Камбрии с XI в. (*Santacherche* 1086, ныне *Kirksanton* Millom), с *kirkja* – с XII в. (*Karkoswald* 1167, ныне *Kirkoswald*). В Чешире в рассматриваемых областях сведения о названиях с *cirice* имеются с XIII в. (*le Chircheruding* 1265 Church Lawton), с *kirkja* – с XIV в. (*Chaddekirke* 1306). В Камбрии формы с *kirkja* более частотны, чем с *cirice*: в нашем материале порядка 20 названий имеют или имели форму с *church*, в то время как около 100 названий – форму с *kirk*. В Чешире, где скандинавское влияние было менее интенсивным, чем в Камбрии, наблюдается обратная закономерность: порядка 20 названий имеют формы с *kirk*, в то время как около 70 названий образованы с помощью *church*.

В части рассматриваемых топонимов *church* и *kirk* употребляются как существительные в значении ‘церковь (здание)’. Это естественно, если принять во внимание высокую частотность упоминания именно материальных объектов, обладающих пространственными измерениями, при номинации географических объектов. Со второй половины XIV в. за термином *church* закрепилось также дополнительное значение с конкретизацией вида церкви, а именно ‘приходская церковь’, ‘главная церковь округа’ [OED, s.v. *church* *Ib*]. В таком употреблении *church* противопоставлялось термину *chapel* (см. ниже). В топонимах элементы *church* и *kirk* могут относиться как к приходским церквям, так и к церквям статуса *chapel*, а также к иным видам церкви. А. Смит указывает на то, что *kirk* «использовалось применительно к любому религиозному зданию, такому как монастырь <...> или скит» [Smith, 1956, II, 4]. Примером такого употребления *kirk* является микротопоним *Kirkandrews Wood* *Kirkandrews-upon-Eden* Cu, первая часть которого происходит от словосочетания *kirk Andrews* «церковь св. Андрея» (с инвертированным порядком элементов⁴), однако исторические данные свидетельствуют о существовании на этом месте отшельничества, маленького монастыря (ср. формы этого названия *Hermitorium Sancti Andreae* c. 1140, *Hermitorium quod vocatur Kirkandreas* 1158, *Kyrkandres* 1344).

Позиция определяющего элемента в сложных топонимах способствует изменению частеречной принадлежности *church* и *kirk*, значение которых смещается

² Примеры топонимов цитируются по следующей схеме: 1) название (курсивом); 2) датировка документа, в котором зафиксирована данная форма названия; 3) название ближайшего населенного пункта (для микротопонима); 4) сокращенное название графства. После названий населенных пунктов (*township*) приводится аббревиатура графства.

³ Необходима оговорка, что сочетание букв *ch* могло в это время означать разные звуки: [tʃ] и [kʰ].

⁴ В кельтских языках порядок слов в словосочетании обратный: главное слово занимает первое место, определяющее слово – второе. Влияние кельтского языка на язык населения западных областей Англии проявляется, в частности, в обратном порядке слов в некоторых географических названиях. Так, в Камбрии существует пара топонимов: *Bridekirk* и *Kirkbride*, – оба происходят от словосочетания «церковь св. Бригиды», но во втором случае порядок слов обратный «*kirk Bride*», по сравнению с обычным английским «*Bride's kirk*».

в сторону значения прилагательного 'церковный' [ср.: OED, s. v. *church* VI]. 'Церковный' как в русском, так и в английском языках обладает более расплывчатой семантикой, поскольку может относиться к любому из значений слова 'церковь': 'церковь как общество христиан и его организация', 'церковь как местная христианская община', метонимически как 'богослужение' и др. [OED s. v. *church* II, III, IV]. Выражение прилагательным качественной характеристики может вести к слиянию этих значений, отрыву значения 'церковный' от привязки к определенной церкви и сближению с прилагательным *ecclesiastical*, ср. 'of the church, of a church, of churches, ecclesiastical' <Церкви, церкви, церквей, духовный, церковный> [OED, s. v. *church* VI]. Такое смешение ощутимо, например, в апеллятиве *churchland* 'церковная земля, поле', от которого образовано много топонимов, таких как *Kirkland* Cu, *chirchelond* 1220 Twemlow Ch. С другой стороны, размытость семантики при атрибутивном использовании *church* и *kirk* позволяет объединять под одним обозначением различные предикативные связи: «находится рядом с церковью», «принадлежит церкви», «похоже на церковь» и т. д.

Как было упомянуто выше, третьему элементу со значением 'церковь' (*chapel*) в топонимических исследованиях уделяется мало внимания, вероятно, из-за кажущейся прозрачности его семантики и его позднему появлению в топонимах, тогда как интерес исследователей сосредоточивался долгое время лишь на древних названиях [см.: Coates, 1999]. Ср.-англ. *chapel(e)* было заимствовано из средне-французского языка в начале XIII в.⁵ и с этого же времени встречается в топонимах [OED, s. v. *chapel*]. В ср.-англ. зафиксировано несколько значений этого слова, главные среди них: (1а) 'место христианского богослужения, наряду с приходской церковью, собором; молельня', ближайший синоним *chapel* в этом употреблении – слово *oratory*; (1б) 'церковь, подчиненная основной церкви'; (2) 'церковь для частного богослужения и молитвы, соединенная со дворцом, монастырскими кельями, колледжем, частной резиденцией и т. п.' [MED, s. v. *chapele*]. Точного эквивалента в русском языке слово *chapel* не имеет. Обычный перевод русским *часовня* – 'молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию)' [Даль, 4, 584] – относится лишь к одному из многих видов помещений, обозначаемых словом *chapel*. Наиболее верным эквивалентом *chapel*, с нашей точки зрения, было бы словосочетание *второстепенная церковь* или *церковь при* (чем-либо), поскольку оно охватывает большинство его известных значений, среди которых 'церковь при больнице, учебном заведении', 'походная церковь', 'церковь в частной резиденции' и даже 'церковь в другой церкви' (в значении рус. *придел*).

Особый статус церквей *chapel* проистекал из того, что их основателями и владельцами являлись частные лица разного положения в обществе. Со временем многие церкви в частных владениях приобретали статус приходских [CathE, s. v.

⁵ Первый раз это слово было заимствовано из ст.-сев.-франц. в форме *capel* в XI в. после норманского завоевания и сохранилось в некоторых топонимах, например *Capel St Andrew Sf King's Capel* He [Smith, 1956, II, 81].

chapel; ср. OED, s. v. *chapel, church*] или вспомогательных приходских (*chapels of ease*), что соответствует значению (16) 'церковь, подчиненная основной церкви'. В последнем случае слово *chapel* кореференциально *church* в его основном значении, но остается противопоставленным ему за счет указания на подчиненное, не-самостоятельное административное положение⁶. Примечательно, что семантика *cirice* следовала похожей линии развития: церкви, обозначаемые этим термином, могли быть разной формы собственности, но исторические данные свидетельствуют о том, что до норманнского завоевания их основателями и владельцами были преимущественно частные лица [см.: Reaney, 1987, 123].

После Реформации в английском языке возникает еще одно значение *chapel*, а именно 'молитвенный дом, церковь негосударственной протестантской деноминации' [OED, s. v. *chapel*]⁷.

В топонимах Камбрии элемент *chapel* встречается в латинской форме с XIV в. (*capella Sancte Elene* 1342, ныне *St Helens* Cockermouth), во франко-английской – с XV в. (*Brynteschapelle* 1425 Aikton); в Чешире – соответственно с XIV в. (*capella de Ponynton* 1312 Poynton) и XVI в. (*Chapelfelde* 1538, ныне *Chapel Wood* Aston by Sutton).

Исторические данные свидетельствуют о том, что при формировании топонимов в рассматриваемых областях *chapel* относилось к следующим типам церквей:

1) церковь в частном владении, основанная на помин души владельца (*chantry chapel*). Ср. *Woodhead Chapel* «Вудхедская часовня», *Chapel Field* «Часовенное поле» и *Chapel Wood* «Часовенный лес» Tintwistle Ch – от церкви, основанной сэром Робертом Шаа (Sir Robert Shaa) [см.: PN Ch, I, 322];

2) церковь, подчиненная основной приходской церкви. Ср. *Chapel Wood Over Peover Chapelry* Ch – церковь в этом округе была вспомогательной церковью прихода Ростэрн (*Rostherne parish*) [см.: PN Ch, II, 83]. В ряде случаев к одной и той же церкви в разное время применялись обозначения и *church (kirk)*, и *chapel*, о чем свидетельствуют исторические формы названий. Например, поле с названием *Kirkhough* 1686 Bollington Ch (от ср.-англ. *halh* 'угол, глухое, удаленное место') принадлежало церкви *Downes Chapel* Pott Shrigley Ch с 1493 г.; поля *Chapel Flatt* и *Kirk Meadows* «хранят память о древней церкви Аддингема (*church of Addingham*)» [PN Cu, II, 153];

3) молитвенный дом негосударственной протестантской деноминации. Ср. название улицы *Chapel Hill* Dukinfield Ch, расположенной поблизости от молитвенного дома неконформистов [PN Ch, I, 276]. Подобные топонимы появляются после XVII в.

Функции элементов. Рассмотрение апеллятивной семантики элементов в предыдущем разделе служит необходимым условием для того, чтобы попытаться смо-

⁶ Ср. характеристику *Chapels of Ease* (церквей, устроенных в отдаленных краях прихода для помощи и облегчения приходской церкви) как «churches in everything but name» (церкви по всему, кроме названия) [CathE, s. v. *chapel, Chapels of Ease*].

⁷ Подробное описание соотношения значений *church* и *chapel* см. [OED, s. v. *church* I].

делировать процесс образования ономаσιологической структуры названия, частью которого являются эти элементы, а также выяснить, какую роль при этом играют их семантические и концептуальные характеристики. Моделирование номинативного процесса призвано ответить на вопросы: каким образом концепт «церковь» встраивается в структуру географического названия, и какие ономаσιологические связи при этом используются. Возможные ономаσιологические решения запечатлены в структуре самого названия. Основными позициями, которые может занимать элемент в английском топониме, являются позиции 1) главного элемента, 2) определяющего элемента, 3) аффикса⁸ [см.: DEPN, xvi].

В качестве главного элемента *church*, *kirk*, *chapel* присутствуют в названиях населенных пунктов, полей, других участков местности, домов, других микрообъектов и собственно церквей. Лишь в последнем случае совпадают обозначение и тип объекта, т. е. церковь именуется словом *церковь*. Названия некоторых топографически важных церквей приводятся в списке микротопонимов в [PN Cu; PN Ch], например: *Jenkin Chapel* 1819 Rainow Ch, *St Georges Church* Carrington Ch, *St James's Church* Marton Ch, *St Mary and All Saints' Church* Ringway Ch.

В остальных случаях наблюдается перенос обозначения без изменения его категориальной части, что ведет к несовпадению обозначения *церковь* и типа объекта. Такой перенос приводит к подмене, сдвигу ономаσιологического базиса с концепта «церковь» на иной концепт (село, город, дом, поле и т. п.)⁹. В основе этого переноса лежат когнитивные механизмы метонимии и метафоры. В зависимости от объема понятия называемого объекта метонимический перенос обозначения может быть охарактеризован как распространение (для более крупных объектов, чем церковь, а также для нескольких объектов) или собственно перенос (для объектов, сопоставимых по размерам с церковью). При метафорической номинации концепт, лежащий в основе нового наименования, обнаруживает черты, свойственные концепту «церковь». В обоих случаях новый ономаσιологический базис, отражающий тип объекта или места, находит языковое выражение при употреблении названия в речи с помощью соответствующего родового термина в грамматической роли приложения, например: *Bridekirk*, a town (город *Брайджурк*); *Oldchurch*, a house (дом *Олдчерч*).

Большинство топонимов этой группы представляло собой обозначение здания христианской церкви, которое впоследствии метонимически распространилось на все селение. Например, название города *Bridekirk* Cu (*Brideschirche* 1260) состоит из двух

⁸ Термин *affix* (аффикс) в английской топонимике имеет другое значение, нежели в традиционном языкознании. Он обозначает второстепенную часть составного названия, которая представляет собой дополнительную характеристику объекта: определение или обстоятельственную группу, – присоединенную к уже существующему названию и не связанную с его внутренней формой ни в грамматическом, ни в смысловом отношении. Примерами аффиксов являются *steeple* 'шпиль', *on the Hill* 'на холме' в топонимах *Ainderby Steeple* NRY, *Easton on the Hill* Nth (ср. рус. *Постов-на-Дону*).

⁹ В. Хаслум характеризует как *denotations overgang* <переход денотации> приложение к участкам земной поверхности имен находящихся на них объектов [Haslum, 2002, 105].

элементов: имени святой *Bride*, которой посвящена церковь, и слова *kirk*. В ономасиологическом плане в названии церкви *Bridekirk* элемент *kirk* ‘церковь’ являлся выражением ономасиологического базиса названия, связанного с его категориальной семантикой, имя *Bride* ‘св. Бригида’ выражало ономасиологический признак, а предикативной связкой базиса и признака было посвящение церкви святой. С распространением названия на весь город элемент *kirk* перестал выражать собой категориальную семантику названия, место ономасиологического базиса занял концепт «город», а концепт «церковь» фактически перешел в позицию ономасиологического признака, поскольку город стал именоваться *Bridekirk* по близости к церкви. Примечательно, что слово со значением ‘город’ не вошло в структуру самого названия и *kirk* формально остается его главным элементом. Связь названия с концептом «церковь», можно предполагать, постепенно слабела, что в теоретической топонимике обычно называется «стиранием» семантики имени, но связи с ним восстанавливаются в особых случаях, при осмыслении этимологии названия (в научном исследовании, в стилистических целях и т. д.). Подобным образом развивались ойконимы *Kirkandrews Middle Cu*, *Kirkandrews upon Eden Cu*, *Kirkoswald Cu*, *Kirksanton Millom Cu* (с инвертированным порядком элементов, второй элемент везде – имя святого), микропоним *Oldchurch* «Старая церковь» *Watermillock Cu* (название места, где прежде стояла церковь, и дома на этом месте).

В некоторых случаях употребление элементов со значением ‘церковь’ в качестве главного элемента названия связано с особенностями их референции. Исследователями отмечено, что термином *kirk* может изначально именоваться не церковь, а другой объект. А. Смит указывает, что *kirk* в топонимах относится, помимо церковных зданий, к остаткам доисторических каменных построек, каменным кругам и подобным руинам, а также к естественным каменным объектам, например грудам камней [см.: PN WRY, III, 115–116; 270; VII, 73, 215; PN We, I, 36; www.ModAntiq]. Как предполагал А. Смит, подобные топонимы могли иметь своим источником предание или веру в то, что на этих местах действительно стояли христианские церкви или практиковалось поклонение нечистым силам, как, например, в холме *Green Chapel* «Зеленая часовня» из романа о Сэре Гавэйне и Зеленом Рыцаре [PN We, I, 36]. В части таких случаев может иметь место употребление *kirk* как обобщенного обозначения места религиозного поклонения, безотносительно к конкретно-исторической специфике слова. В словарях древне- и среднеанглийского языка зафиксировано употребление др.-англ. *cirice*, ср.-англ. *chirche* и *chapele* по отношению к нехристианским святилищам, храмам, а *chapele* также по отношению к заколдованным, посещаемым призраками местам [OED, s. v. *cirice*; ME, s. v. *chirche*, *chapele*]. В то же время существующие народно-этимологические толкования таких топонимов (см. ниже) обычно представляют источником подобных камней и руин разрушенную христианскую церковь.

Подробное рассмотрение структуры этих названий позволяет утверждать, что особенности референции элементов со значением ‘церковь’ основаны на обращении к различным граням концепта «церковь» в контексте легенды и образного мышления. В округе Millom Cu находится мегалитический памятник *Sunkenkirk* – круг из 55 камней. Название *Sunkenkirk*, от *sunken* ‘провалившаяся, утонувшая’ и

kirk, объясняется легендой, согласно которой на этом месте начали строить (или уже построили) церковь, но дьявол исполнился зависти и за ночь утащил ее в землю [см.: Rowling, 1976; www.StoneCircles]. Главное событие этого сюжета имеет параллель со сказанием о граде Китеже, где город со всеми святынями и церквями уходит под воду [см.: Комарович, 1936]. Мотив ушедшей под землю церкви, надо полагать, лежит в основе аналогичных названий в других графствах: *Sunken Church Field* 1716 C [PN Camb, 362], *Sunkenechyrche* Brixworth Nth [PN Nth, 274], *parva plac' voc' Sonkinkyрке* 1415 Windley Db [PN Db, 738], *Kirk Sink* Gargrave WRY¹⁰.

Если рассматривать название «изнутри» легенды, то применение термина *kirk* в данном случае фактически не отличается от его использования в ситуации, когда развалины реальной церкви называют словом *церковь*, поскольку признается, что церковь реально существовала на этом месте¹¹. Такое употребление термина *kirk* с традиционной точки зрения нельзя назвать полностью метафорическим, хотя легенда зиждется на сравнении каменного круга или других руин с церковью, т. е. в ее основе все-таки лежит метафора. Можно предположить, что существовала особая связь восприятия массивных каменных блоков с концептом «церковь».

К такому выводу приводит рассмотрение других топонимов с религиозными элементами (как в главной, так и в зависимой позиции). Элемент *kirk* присутствует в названиях каменных кругов *Kirkstones* Whitbeck Cu (от *kirk* и *stones* 'камни') и *The Kirk* Ulverston Cu. Первый из них – *Kirkstones* – мегалитический памятник, каменный круг друидического происхождения из тридцати камней [PN Cu, 449; см. также Mannix, Whellan, 1847], а *The Kirk* – место разрушенного мегалитического сооружения, от которого сохранился вал и несколько камней [см.: www.Megalithic 1]. Не только в Камбрии, но и в других графствах Англии и Шотландии существуют подобные названия, например: *Towtop Kirk* Bampton Cu (место древнего поселения), *Kirkstone* Patterdale We (мегалит), *Kirk Stones* Morton WRY (мегалиты), *Kirkstones* Ingleton WRY (мегалиты), *Gregory Chapel* Mallerstang We (тур, груда камней), *Kirksteeds* Warcop We (груда камней), *Delfekirk* Murton We (груда камней), *Kirk Yetholm* Nb (место древнего поселения), *Ponden Kirk* WRY (скала¹²), *Half Kirk* WRY, *Maiden Kirk* Hazlewood WRY, *Ogden Kirk* WRY (места древнего поселения). Такие названия имеют параллели в топонимии других стран

¹⁰ Ср.: «Около полумили по направлению вниз от города, на плодородной долине, находятся покрытые землей руины римской виллы, называемые *Kirk Sink*, так как по преданию какая-то большая церковная постройка была на этом месте поглощена землей» [www.Genuki]. А. Смит считает это выдумкой любителей древностей [PN WRY, VI, 54]. В работе [Stokes, 1949, 53] о существовании церкви на этом месте сообщается как об историческом факте.

¹¹ Ср. о граде Китеже в романе А. Мельникова-Печерского «В лесах»: «Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквями <...>. И досель тот град невидим стоит».

¹² Так характеризует *Ponden Kirk* Р. Торнхилл (Richard Thornhill), специально анимавшийся сбором информации об этом месте, в кратком изложении своей статьи на сайте: [www.Megalithic 2]. В труде А. Смита [Smith, 1961, III, 270] держится иное определение *Ponden Kirk* как «обрывистой впадины в верхней части *Ponden Clough*, которую венчает *Kirk Brink*» (*clough* 'низина', *brink* 'край'). По всей видимости, Р. Торнхилл отождествляет *Ponden Kirk* не с впадиной, а с самой скалой, которая у А. Смита фигурирует как *Kirk Brink*. Далее мы излагаем информацию о *Ponden Kirk* в соответствии с данными Р. Торнхилла.

североатлантического региона, ср. названия мегалитов в Исландии *Kyrkjesteinen* Hodne [Særheim, 2002, 167], *Kirkjusteinn* Selárdalur [Hafsteinsdóttir, 2002, 140], гор и вершин в Норвегии *Kirka/Kjerka/Kyrkja/Kjörka*, например *Ormakyrkja* [Haslum 2002, 105–106].

Систематическая связь элемента *kirk* с названиями естественных мегалитов и каменных сооружений свидетельствует о том, что последние воспринимались в христианский период сквозь призму постройки или места с религиозными функциями, хотя в результате преломления этой связи на конкретные ситуации могла возникнуть разная мотивация названия: 1) употребление терминов *church*, *kirk*, *chapel* в прямом значении ‘христианская церковь’ или в обобщенном значении ‘храм’, в контексте предания или легенды; 2) метафорическое употребление этих терминов непосредственно при онимической номинации. Не следует забывать, что жители английской провинции в XVII–XIX вв. были преимущественно знакомы именно с христианскими церквями, и это накладывало свой отпечаток на их словоупотребление и имятворчество.

В принципе, любое отнесение *kirk* к каменным объектам можно рассматривать как употребление метафорической связки для образования ономазиологической структуры топонима, вопрос лишь в том, на какой стадии номинации этот перенос происходит и каково его основание. Сравнение двух объектов – церкви и мегалитической постройки (естественного мегалита) при метафорическом переносе может осуществляться на различном основании. Самое первое объяснение, которое бросается в глаза – это их неопределенная «общая похожесть», производимое ими величественное впечатление, общность материала (камень). Другое объяснение кроется в их социальной и бытовой неутилитарности. Не говоря о том, что каменные круги (*henges*), по всей видимости, имели религиозное предназначение в языческие времена, сам факт отгороженности пространства от остальной территории, массивность, древность и загадочность функций памятника создавали дополнительные предпосылки для связи его названия с религиозно окрашенной лексикой. В целом рассмотренные примеры позволяют предположить, что восприятие мегалитических сооружений осуществлялось номинаторами через призму концепта «церковь» посредством таких его граней как 1) материал (камень); 2) крупные размеры (церковь больше обычных строений) и величественность внешней формы; 3) сакральность, отделенность от будничного.

Похожий список складывается при рассмотрении другой группы объектов, носящих названия с церковными элементами, а именно пещер. А. Бах отметил эту особенность употребления слова *Kirche* ‘церковь’ в немецких топонимах: «В Альпах пещеры часто называются *Kirchen* или *Küchen* (церквами или кухнями. – В. А.), например *Bettelmannskirche*, *-küche*» [Bach, 1954, 256], ср. также названия пещер *Entrische Kirche* в Австрии, *Wildkirchli* в Швейцарии, *Álfakirkja*, *Tröllakirkja* в Исландии. В английской топонимии также существуют примеры подобного употребления элементов *kirk*, *church*, а именно в названиях пещер, пещерок и впадин: *Lud's Church Peak District Db*, *Disley Kirk 1787 Pownall Fee Ch*, *Anchor Church 1648 Edingale Db*, *Cucklet Church Eyam Db*, *Church Hole Cresswell Nt*, *White Kirk*

Mallerstang We (глубокий известняковый каменистый канал с водопадом) [PN We, II, 19], *Kirk(e)slak* 1256 (*Grasslick*) Hutton Roof We (от *slakki* 'низина, впадина') [PN We, I, 33]¹³.

В ряде случаев мотивацией таких названий служит традиция, согласно которой пещера служила кельей отшельника. По преданию, в пещерках *Disley Kirk* и *Anchor Church* жили соответственно человек по имени *Disley* [PN Ch, I, 233] и отшельник (ср.-англ. *ancre* 'отшельник') [PN Db: 83], ср. название пещеры *Hermit's Cave* Harthill Db (от ср.-англ. *hermit* 'отшельник'), «вытесанной в монолитном камне, внутри которой до сих пор хранится фигура распятия» [Reaney, 1987, 195], а также рус. *Урочище Пустынника* Селигер [www.Seliger]. В этом случае просматривается параллель с микропонимом *St Constantine's Cells* Wetheral Cu от *cells* 'кельи': так называются три высеченные в скале кельи, по сути, небольшие пещерки.

В других случаях мотивацией, по-видимому, служит интерьер пещеры и общее мистическое ощущение, хотя обычно существуют вторичные толкования названий совершением в этих местах или рядом с ними богослужения. Например, название *Lud's Church* (от антропонима *Lud*), принадлежит глубокой расселине в скале – согласно преданию, она служила местом богослужebных собраний еретиков – последователей Джона Виклифа в начале XV в. [см.: www.WalkBrit]. В лощине возле пещеры *Cucklet Church* действительно совершались богослужения под открытым небом во время чумы [PN Db, 92]. В пещере *Church Hole* сохранились древние наскальные рисунки [см.: www.Megalithic 3].

Возможно, в каждом случае имеются индивидуальные объяснения того, почему пещера или впадина обозначается словом *церковь*, однако можно предположить, что общим фоном для сравнения служит «похожесть» пещеры на интерьер средневековой церкви с ее недостатком света, гулкостью, таинственностью или молельни с ее закрытостью и одиночеством. Подобно каменным кругам, пещеры представляют собой особенные пространства, не включенные в повседневную жизнь общества. Пещеры, кроме того, являются своего рода «подземными» помещениями, которые в разных культурах имеют особую связь с потусторонним миром. Как церковь, так и кельи отличает от других помещений их преимущественная связь с молитвой; возможно, удобство пещер именно для уединенной молитвы привело к включению в их названия слов *kirk* и *cell*, косвенным подтверждением тому служат сведения о *Lud's Church*. Интересно отметить, что если при сравнении мегалитических сооружений с церковью были важны преимущественно характеристики внешнего впечатления от церковного здания, то в сравнении пещер с церковью преобладают характеристики интерьера.

¹³ К этому списку следует добавить *Ponden Kirk*, если принять версию А. Смита о том, что этим именем называется обрывистая впадина (см. выше). Интересно, что нехристианская *Зеленая Часовня* (*Green Chapel*) в романе о Сэре Гавэйне и Зеленом Рыцаре представляла собой тоже нечто вроде пещеры, а именно холм с входом и выходом, пустой внутри [см.: Tolkien, Gordon, 1967, lines 2180–2196].

Подводя итог анализу топонимической структуры с главными элементами *church*, *kirk* и *chapel*, отметим, что эти термины, помимо прямого обозначения церковного здания, употребляются в обозначениях населенных пунктов, домов, участков земли, мегалитических структур и доисторических поселений, а также пещер и провалов.

При рассмотрении структуры топонимов, в которых обозначения церкви занимают позицию *определяющего элемента*, в центре внимания находится анализ семантики элементов, сочетающихся с *church*, *kirk* и *chapel*, что в свою очередь важно как проекция концептуальных связей «церкви» на восприятие человеком разных участков пространства. В целом, если термин *церковь* занимает позицию определяющего элемента, концепт «церковь» выступает в качестве ономаσιологического признака названия, выделяя место или топообъект среди прочих. В качестве определяющего элемента *cirice*, *kirkja* сочетается с обозначениями:

- земельных участков: поле – *croft(s)* (12), *feld*¹⁴ (*field*) (49), *ground*, *halh* (*hough*), *land(s)* (9); луг – *mæd* (*meadows*) (13), *eng* (2), *fit*, *holmr* (также остров, возвышенность); в сочетании со словом *церковь* следующие элементы относятся к церковному двору, кладбищу и прилегающим к нему объектам – *æcer* (*acre*), *close*, *flatt* (3), *garðr* (*garth*), *geard* (*yard*), *grēne* (*green*), *toft* (*toft*), *tūn* (*town*) (2); перелаз через ограду – *stigel* (*stile*) (9); ворота – *gates*;
- других форм рельефа: возвышенность – *banke* (5), *beorg* (2), *fell*, *haugr* (*how*), *hēafod* (*headland*) (3), *hyll* (*hill*) (8); болото – *fenn* (*fen*), *moss*, *mýrr* (*mire*) (2); долина – *dæl* (*dale*); пустошь – *hæð* (*heath*); лесной участок – *skogr* (2), *wudu* (*wood*) (6), *lēah* (*ley*) (3), *park*, *juveit* (*thwait*) (4);
- гидрообъектов и их частей: ручей – *bekkr* (*beck*), *brōc* (*brook*), *burna* (*burn*), *wælla* (*well*); брод – *wath*; берег – *staðr*;
- дорог, путей: *gata* (*gate*) (4), *weg* (*way*) (4); улицы – *strēte* (*street*) (6), *lane* (13); тропы – *stīg* (*sty*) (3), *trodds*, *walk(s)* (2);
- населенных пунктов, домов: *by* (3), *farm* (4), *hūs* (*house*) (20);
- места (бывшего) строения: *stēde* (*steads*) (2)¹⁵.

Некоторые сложные по форме топонимы с *cirice*, *kirk*, *chapel* на самом деле являются простыми с точки зрения формирования имен собственных, так как происходят от сложных апеллятивных слов, частью которых эти термины были еще до онимной ступени номинации. Речь идет о сложных словах и устойчивых словосочетаниях слов, зафиксированных в словарях, а именно: *ciric-stede* ‘место церкви’ в смысле ‘где стоит церковь’ и ‘где была церковь’, *chirche aker*, *chirche garth*, *chirche toun*, *chirche yard* ‘церковный двор, кладбище’, *chirche close* ‘ограда цер-

¹⁴ Согласно традиции, принятой в изданиях Английского Топонимического Общества, топонимические элементы приводятся в древнеанглийской или среднеанглийской форме. В скобках указана форма, в которой элемент часто встречается в названиях.

¹⁵ В отнесении *stead* к месту строения, которого уже не существует, ср. семантику суффикса рус. *-ище* в таких словах, как *городище*, *дворище* и др. Слова с этим суффиксом могут образовывать топонимические основы, например твер. *Церковище* [Воробьев, 2005].

кви и земля в ограде', *chirche flat* 'ровный участок земли, примыкающий к церкви', *church gate* 'ворота церковного двора; вход в церковь', *chirche hous* 'дом, принадлежащий или используемый церковью; богадельня', *chirche land* 'земля, принадлежащая церкви', *chirche stile* 'ступеньки через ограду кладбища', *churchlane*, *chirche wei*, *kirkgate*, *kirkstīg* 'дорога или тропа к церкви' [ME, OED, CSD]. Первой частью этих слов может выступать *kirk*, а в более поздних и употребительных словах также *chapel*. Тем не менее вторые части этих сложных слов были включены в вышеприведенный список, поскольку они встречаются и как самостоятельные топонимические элементы, а в данном случае дополняют семантическую картину элементов, сочетающихся со словом *церковь*.

В процессе функционирования названия его категориальная часть может перестать соответствовать той реалии, которая обозначается этим именем. Например, название луга *Chapel Yard* 1848 Newton Ch произошло от *chapel-yard* 'церковный двор, кладбище'.

Элементы со значением 'церковь' употребляются в составных топонимах в функции аффикса (см. определение выше), который занимает положение перед главным названием или после него. Аффиксы присоединяются к названиям как независимо от других названий, с целью «оживления» семантики имени, включения в него современной информации, так и в составе системы аффиксов, для различения данного объекта от одноименных. Например, элемент *kirk* в названии *Kirklington* Cu был привнесен в конце XIII в. для отличия этого селения от *Randalinton* и *Westlinton*, в которых к главному названию *Linton* также присоединены различительные аффиксы. Аффикс в *Church Lawton* Ch отличает это селение от *Buglawton*, название которого также содержит аффикс, от *bugge* 'домовой'.

Появление аффиксов *chirche*, *kirk*¹⁶ в топонимах рассматриваемых графств относится к концу XIII – первой половине XIV в. Следующие примеры развития форм топонимов позволяют наблюдать процесс присоединения аффиксов к старому названию селения: ***Kirkbampton*** Cu: *Banton(a)* 1185, 1230, 1291; *Kyrkebampton* 1292, *Kirkebant* 1314; ***Kirkcambeck*** Cu: *Camboc* 1177, *Cambock* 1278, *Kirkecambock* 1280, *Kirkekambok* 1284, *Kircambok* 1292, *Kambek* 1363, *Kirkamocke* 1589; ***Church Lawton*** Ch: *Lautune* 1086, *Lautona* 1119, *Chirchelahton* 1333, *Kirkelahton* 1356, *Churchelahton* 1489, *Chirchlauton* 1490, *Churchelaughton* c. 1540; ***Croglin*** Cu: *Crokebyn* 1140, *Crokeling* 1279, *Kirkecrokelin* 1292, *Kyrk'Crogelin* 1292, *Kirkrogelyne* 1330 (в современной форме аффикс *kirk* не сохранился); ***Marton*** Cu: среди форм есть *Marton Chapel* 1581 («аффикс *chapel* происходит от церкви св. Иакова» [PN Ch, I, 80]); ***Castle Sowerby*** Cu: *Sourebi* 1185, *Kyrkesaurebi* 1191, *Kirkesoresbi* 1202, *Kierkesorebi* 1203, *Soureby Kyrkeby* 1367. В современной форме *Castle Sowerby* аффикс *kirk* отсутствует, сохранился другой средневековый аффикс *castle* 'замок'. В последней форме *Soureby Kyrkeby* 1367, по всей видимости, в роли аффикса использу-

¹⁶ Элемент *chapel* может употребляться в качестве аффикса [см.: Smith, 1956, I, 92], но в нашем материале содержится только один пример (см. далее *Marton*).

ется слово *kirkby*, которое происходит от др.-сканд. *kirkiubyr* ‘церковное село, село с церковью’ [CODEPN, 279; PN WRY, III, 115–116] и обычно функционирует в роли самостоятельного географического названия (*Kirkby*, *Kirby* и т. д.). Аффиксальное использование *kirkby* свидетельствует о том, что в XIV в. это слово не до конца утратило свое апеллятивное употребление.

Анализ ономаσιологической структуры топонима включает реконструкцию системы ономаσιологических связей, или предикатов. Ономаσιологическая связка является частью структуры сложного слова, посредством которого происходит «приписывание ономаσιологического признака ономаσιологическому базису» [Кубрякова, 2004, 197]. Предикативные связки в структуре исследуемых топонимов могут быть сгруппированы относительно того, какой механизм связывания концептов используется: метонимия или метафора. Механизм метафорического переноса уже был рассмотрен, далее предлагается классификация метонимических способов образования названия.

Основными способами метонимической номинации в топонимах с элементом *церковь* является название: 1) по смежности в пространстве и 2) по владельческим отношениям.

1. Номинация по смежности в пространстве. Внутри этого подтипа существует несколько вариантов взаимной конфигурации объектов – номината и церкви.

1.1. Смежность: церковь находится на объекте. См. *Chapel Hill* Dukinfield Ch от *hill* ‘холм’ «по неконформистской церкви, построенной в 1707 г.»; название холма и деревни *Kirkhill* или *Church Hill Westward* Cu¹⁷.

1.2. Примыкание: территория примыкает к церкви. В топографических апеллятивах со значением *churchyard* ‘церковный двор’. Ключевые пункты этой территории также рассматриваются в связи с церковью. См. название поля *Kirkstile* 1777 Burgh by Sands Cu от *kirkstile* ‘лестница через ограду для входа на территорию церкви’.

1.3. Близость:

а) церковь и объект разнесены в пространстве, между церковью и объектом нет значительных преград, они визуально воспринимаются вместе. См. *Church Bank* Runcorn Ch (от *bank* ‘холмик, отмель, берег’) – «отмель в реке *Mersey* (в сужении *Runcorn Gap*) находится напротив церкви в населенном пункте *Runcorn*»¹⁸. Церковь в этом случае служила ориентиром (как бы отметкой на береговой «линейке»), по которому было присвоено название («значение») отмели. См. также *Chapel Bridge* Marton Ch – мост «пересекает ручей *Chapel Brook* возле церкви

¹⁷ М. Джеллинг дает др.-англ. словосочетанию *cirice + hyll*, частотному в топонимах, толкование «*hill ne a g a church*» <холм в о з л е церкви> [Gelling, 1978, 139], но далее по тексту приводит пример названия населенного пункта, в котором церковь находится на холме. Очевидно, что существует несколько вариантов взаиморасположения этих объектов.

¹⁸ Все цитаты здесь и ниже без указания источника взяты из соответствующих разделов административной принадлежности в [PN Cu; PN Ch].

St James's Church». Ср. неоднократно встречающийся в Норвегии топоним *Kyrkjehaugen* «Место, откуда видна церковь» [Haslum, 2002, 113], а также название горы *Поклон-Гора* Волог. обл. – «С этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил» [Березович, 2007];

б) для линейных объектов и объектов, занимающих некую площадь, вроде леса, достаточно, чтобы они в одной точке приближались к церкви. См. название ручья *Chapel Brook* – ручей течет возле селений *Marton* и *Finishaw*, в *Marton* протекает возле церкви *Marton Chapel*, она же *St James's Church*. Процесс распространения названия на линейный объект демонстрирует, возможно, название улицы *Church Street* 1860 Macclesfield Ch: ранее название *Churchwallgate* 1819 носил отрезок улицы *Wallgate* возле приходской церкви, «затем название *Church Street* было перенесено на всю улицу *Wallgate*». К этой группе относится ряд названий улиц: *Chapel Lane* Hale Ch – «от церкви унитариев в этом месте»; *Chapel Lane* Partington Ch – «от пресвитерианской церкви в этом месте»; *Chapel Lane* Lower Withington Ch – «от методистской церкви в этом месте»; *Chester Road* (*Chapel Lane* 1857) Poynton Ch – «от старой церкви»; *Church Street* 1758 Whitehaven Cu – «от церкви св. Николая».

1.4. Терминальность¹⁹ и функциональная зависимость: дорога ведет к церкви; главным образом, в апеллятивах *церковная дорога* и одноименных названиях дорог. См. название улицы *Churchgate* 1680 Stockport Ch, названия *Kirkgate* Dunham Massey Ch (от диал. *gata* 'дорога'); *Kirkway* Preston Brook Ch, *the Church Way* 1611 Gawsworth Ch (*le Churchgate* 1619), *the Churchway*, *the (little) Kirkwayefield* 1611 Bollington Ch (от *weg* 'путь, дорога'); *Chapel Walks* Cheadle Ch (от *walks* 'тропа') «тропа, ведущая к церкви»; *Church Trodds* 1722 Hesketh in the Forest Cu (от диал. *trod* 'тропа'); *Kirksti* 1215 Muncaster Cu (от диал. *stīg* 'тропа', используется в камбрийских топонимах); *Church Lane* Marthall cum Warford Ch «предположительно дорога к церкви в *Over Peover*» (от *lane* 'улица, дорога', название утрачено). Название дороги или апеллятив *церковная дорога* сохранились в перенесенных и сложных топонимах, например в названии поля *the (little) Kirkwayefield* 1611 Bollington Ch, названии дома *Churchgate Lodge* Marple Ch «рядом с тропинкой, ведущей к приходской церкви» (от *lodge* 'домик, гостиница'), названии поля *Churchway Butt* 1741 Runcorn Ch «надел рядом с дорогой к церкви» (от *butt* 'укороченный надел').

1.5. Преемственность во времени: церковь находилась на этом месте. *Kirksteads* Kirkandrews upon Eden Cu «традиционно считается местом старой церкви, которая была до нынешней разрушенной церкви св. Андрея»²⁰; такое же происхождение, надо полагать, имеет название поля *Kirksteads* Dalston Cu. См. также *St John's Church* Chelford Ch «место Челфордской церкви».

¹⁹ От лат. *terminus* 'цель, конец, предел'.

²⁰ «В месте, называемом *Kirksteads*, около мили на юг от деревни, в древности находилась церковь, которая, как говорят, служила приходам *Kirk Andrews*, *Beaumont*, *Grinsdale* и *Orton*. Неизвестно, как давно упомянутая церковь разрушилась или была разрушена» [Mannix, Whellan, 1847].

По иному принципу выделены еще два вида локальной метонимической номинации:

1.6. Центр – периферия (распространение названия): церковь представляет собой центр, а объект – периферию, на которую распространяется ее название; обычно в названиях населенных пунктов в сочетании с жилищными терминами. См. *Bridekirk* Cu, *Kirkoswald* Cu, *Cherchebi* 1125, *Kirkeby* 1404 Cu (от др.-сканд. *kirkjuby* ‘деревня, в которой есть церковь или которая находится рядом с церковью’).

1.7. Факт наличия (в сравнении с другими): в данном населенном пункте церковь существует, а в сравниваемых – нет (характерно для функции аффикса). *Church Hulme* Ch назывался *Hulm* XII в., (*le*) *Hulm(e)* 1288, *Church(e) Hulm* 1292. Аффикс *church* отличал данный населенный пункт от соседнего *Hallehulm* 1287, *Halhulm* 1289.

2. Номинация по владельческим отношениям. В нашем материале представлены названия, в структуре которых заложена ситуация «церковь обладает правами владельца некоего места». В основном такие названия встречаются среди микротопонимов, причем в семантике их главных элементов иногда заложена потенциальная владельческая структура названия в силу специфики самих объектов, часто выступающих в роли недвижимого имущества. Известно, что церквям принадлежали здания, земельные участки, лесные массивы и другие сельскохозяйственные угодья, урожай или рента с которых шла на нужды церковной общины. Примерами таких топонимов являются названия полей *Church Field Ainstable* Cu, *Kirk Meadows Glassonby* Cu, *Chapel Field Antrobus* Ch, мк *Kirkland* (*Chircheland* 1163, *Kirkelond* 1279) *Blennerhasset and Kirkland* Cu и др.

Формирование ряда топонимов с элементами *church*, *kirk*, *chapel* не связано напрямую с семантикой этих слов, такие названия следует рассматривать как и с к л ю ч е н и я.

Дело в том, что с точки зрения ономаσιологической последовательности формирования топонимов можно выделить несколько ступеней ономаσιологической структуры, начиная отсчет от апеллятива со значением ‘церковь’. На первой ступени номинации апеллятив *церковь*, выражающий ономаσιологический признак названия, непосредственно присоединяется к другому апеллятиву, который выражает ономаσιологический базис наименования. Примером такого названия является *Church Bank Runcorn* Ch – название банки в реке *Mersey*, расположенной напротив церкви селения *Runcorn*. Референция к церкви и семантика слова *church* в этом случае актуальны при формировании названия.

При номинации второй ступени используется уже существующее название, содержащее элемент *церковь*. Примером такого топонима является название замка *Kirkoswald Castle* (от *castle* ‘замок’) в городе *Kirkoswald* Cu. Топоним *Kirkoswald*, в свою очередь, был образован соединением апеллятива *kirk* и имени *Oswald*, но актуальность семантики *kirk* при формировании названия замка представляется незначительной. Считается, что семантика эпонимов в имени собственном при его бытовом употреблении с течением времени стирается, по крайней мере частично, а само имя воспринимается целостно, будучи прежде всего связанным с имеваемой реалией. Последнее может быть косвенно продемонстрировано на примере названия церкви *Chadkirk Chapel* Romiley Ch, расположенной в маленькой дерев-

не *Chadkirk*. Здание настоящей церкви датируется XVI в., в то время как название деревни упоминается в документах с начала XIV в. и изначально само по себе имеет значение «церковь св. Чада», сохраняя, по-видимому, память о несохранившейся древней церкви. С XVI в. новая церковь неоднократно именуется *cantaria de Chadkirke* 1535, *the Chapel of Chadkirk* 1544, *chapel of Chadkirk* 1724, *canteria de Chadkyrk* 1550; *Chadkirk Chappell* 1642, что соответствует словосочетанию *Чадкиркская церковь* и показывает, с нашей точки зрения, некую «нечувствительность» фиксаторов названия к семантике элемента *kirk*, поскольку *chapel* фактически дублирует *kirk*²¹.

В то же время нельзя утверждать, что в названиях второй ступени полностью отсутствует связь с семантикой элементов эпонима. Среди исторических форм вышеупомянутого названия *Chadkirk Chapel* встречаются формы *Chad Chapel* 1621, 1724, *Chadchappell* 1621, в которых имя святого напрямую определяет термин *chapel*. Связь с семантикой слова *церковь* может быть более ощутимой в перенесенных названиях. Так, тип объекта не всегда отражен в самом названии, как в *Kirkoswald Castle*, а может проявляться лишь на уровне приложения, как, например, в названии дома *Chapel Field Ashton on Mersey Ch* от словосочетания *chapel field* 'церковное поле', где отсутствует элемент со значением 'дом'.

Необходимо упомянуть еще о двух исключениях, в которых элемент *kirk* не имел концептуальных связей с церковью в момент создания названия. Одним из них является фамилия *Kirk*: по предположению Дж. Доджсона [PN Ch, II, 287], название улицы *Kirk Lane* 1831 (ныне *Fence Lane*) *Newbold Astbury Ch* происходит от фамилии *Kirk*. Другим исключением следует признать микротопоним *Dunkirk*, перенесенное название с севера Франции. В Чешире это название в разное время прилагалось к таким объектам, как дом (1831 *Wildboarclough*), ферма (*Brereton cum Smethwick*), деревня (1842 *Witton cum Twambrook*) по названию солеварни (*Dunkirk Works* 1733) и каменноугольные копи (1831 *Newton*), от которых название переняли улица *Dunkirk Lane* и лес *Dunkirk Wood*. В Камбрии так называется поле в начале XVIII в. (*Alston*). Согласно предположению А. Армстронг, название *Dunkirk* присваивалось объектам, находящимся в отдалении от (основных) населенных пунктов. В случае с *Dunkirk Wildboarclough Ch*, это название, по всей видимости, образовывало часть семантической микросистемы названий домов по отдаленным городам, в которую входили названия *Dublin*, *Edinburgh*, *Glasgow* [PN Ch, I, 161]. Таким образом, микротопоним *Dunkirk* служит маркером отдаленного места, подобно тому как французский город отстоит от областей центра и севера Англии.

²¹ Экспериментируя с русскоязычным материалом, можно составить похожее словосочетание *Бело-церковская часовня*.

- Березович Е. Л.* Народная топонимия // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 (в печати).
- Воробьев В. М.* Тверской топонимический словарь. М., 2005.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882. (репр. изд. М., 2003).
- Комарович В. Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Bach A.* Deutsche Namenkunde. Bd. II. Ortsnamen (Teilbde 1–2). Heidelberg, 1952–1954.
- Blair J.* The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford, 2005.
- Cameron K.* English Place-Names. 3-d ed. L., 1977.
- CathE – Catholic Encyclopedia. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.newadvent.org/cathen/index.html>.
- Coates R.* The Survey of English Place-names // British Academy Review. L., 1999. P. 22–27.
- CODEPN – *Ekwall E.* The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. 4-th ed. Oxford, 1974.
- CSD – Chambers's Scots Dictionary / Ed. A. Warrack. Edinburgh, 1911.
- DEPN – *Mills A. D.* Dictionary of English Place-names. – Oxford, 1991.
- Fellows-Jensen G.* The Vikings' relationship with Christianity in the British Isles: the evidence of place-names containing the element *kirkja* / Proc. 10-th Viking Congress (Larkollen, Norway 1985). Oslo, 1987. P. 295–309.
- Gelling M.* Signposts to the Past. L., 1978.
- Gelling M.* The Word *church* in English Place-names // Bulletin of the Council for British Archaeology Churches committee. Dee, 1981. Vol. 15. P. 4–9.
- Hafsteinsdóttir J.* Ordleddet *kirkja* i stednavne i Vestfjordene // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning: rapport fra NORNA's 28 symposium i Skálholt. Uppsala, 2002. S. 127–144.
- Haslum V.* Kirke og prest i norske stedsnavn // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning: rapport fra NORNA's 28 symposium i Skálholt. Uppsala, 2002. S. 103–126.
- MacQueen J.* *Kirk-* and *Kil-* in Galloway Place-Names // Archivum Linguisticum. Glasgow, 1956. Vol. 8 (2). P. 135–149.
- Mannix, Whellan W.* History, Gazetteer And Directory of Cumberland. Beverley, 1847. (репр. изд. 1974). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.stevebulman.f9.co.uk/cumbria/frames_home.html
- MED – Middle English Dictionary. Vol. 1–13. University of Michigan Press, 1950–2001.
- OED – Oxford English Dictionary / J. Simpson & E. Weiner (eds.). Vol. 1–20. Clarendon Press, 1989.
- PN Camb – *Reaney R. H.* The Place-Names of Cambridgeshire and the Isle of Ely. CUP, 1943.
- PN Ch – *Dodgson J. McN.* The Place-Names of Cheshire. Vol. 1–2. CUP, 1970.
- PN Cu – *Armstrong A. M.* et al. The Place-Names of Cumberland. Vol. 1–3. CUP, 1950.
- PN Db – *Cameron K.* The Place-Names of Derbyshire. Vol. 1–3. CUP, 1959.
- PN Nth – *Gover J. E. B.* et al. The Place-Names of Northamptonshire. CUP, 1933.
- PN We – *Smith A. H.* The Place-Names of Westmorland. Vol. 1–2. CUP, 1967.
- PN WRY – *Smith A. H.* The Place-Names of the West Riding of Yorkshire. Vol. 1–8. CUP, 1961–1986.
- Reaney P. H.* The Origin of English Place-names. 9-th ed. L.; N. Y., 1987.
- Rowling M.* The Folklore of the Lake District. B. T. Batsford, 1976.
- Særheim I.* Klokkene, Krossen og Kristennamnet // Kristendommens indflydelse på nordisk navngivning: rapport fra NORNA's 28 symposium i Skálholt. Uppsala, 2002. S. 163–176.
- Smith A. H.* (ed.). English place-name elements. Vol. 1–2. CUP, 1956.
- Stokes H. G.* English Place-Names. L.-NY, 1949.
- Tolkien J. R. R., Gordon E. V.* (eds.). Sir Gawain and the Green Knight. 2-nd ed. Oxford, 1967. Lines 2180–2196. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/62.html>.

- www.Genuki – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.genuki.org.uk/big/eng/YKS/WRY/Gargrave/index.html>.
- www.Megalithic 1 – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.megalithic.co.uk/article.php?sid=1293>.
- www.Megalithic 2 – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.megalithic.co.uk/article.php?sid=12873>.
- www.Megalithic 3 – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.megalithic.co.uk/article.php?sid=15021>.
- www.ModAntiq – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.themodernantiquarian.com/site/5501>.
- www.Seliger – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ostashkov.codis.ru/ivadict.htm#loc14>.
- www.StoneCircles – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.stone-circles.org.uk/stone/sunkenkirk.htm>.
- www.WalkBrit – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.walkingbritain.co.uk/walks/walks/walk_b/1178/.

Сокращения в названиях графств

C – Cambridgeshire
 Ch – Cheshire
 Cu – Cumberland
 Db – Derbyshire
 He – Herefordshire
 Nb – Northumberland
 NRY – North Riding of Yorkshire
 Nt – Nottinghamshire
 Nth – Northamptonshire
 Sf – Suffolk
 We – Westmorland
 WRY – West Riding of Yorkshire

* * *

Владислав Викторович Алпатов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и современных технологий обучения Московского городского педагогического университета.

Г. Дьёни

ВЕНГЕРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИИ БАШКИРИИ

The Russian literature in contrast with the majority of Hungarian researchers regards it as a fact that there are place-names of Hungarian origin in Bashkiria. An overview of the literature and sources provides confirmation of this opinion. Magas, Mart, Ar, Bisz (Visz), Izes are almost certainly place-names of Hungarian origin in Bashkiria; and the same could perhaps apply to other place-names. The argument presented here not only takes into account etymological considerations but also places special emphasis on finding toponymic parallels in early Hungarian place-names and on confirmation in other sources and disciplines of the presence of Hungarians in the given geographical region. The presence of place-names of Hungarian origin in Bashkiria together with other considerations indicates that one of the ancient Hungarian homelands was in the territory of today's Bashkiria (probably up to the 9th century). As regards the «Bashkir-Hungarian problem», it can be said that Hungarians did not participate on a mass scale in the ethnogenesis of the Bashkirs who appeared in the Volga-Ural region in the 9th century, but we have sound reason to suppose that small groups of Hungarians remained behind after the 9th century and were eventually assimilated as Bashkirs.

Уже на первом этапе исследования венгерской древней истории возникла «башкиро-мадьярская проблема» – вопрос о родстве башкир и венгров. Одним из направлений поиска в решении таких вопросов традиционно является анализ субстратной топонимии зоны предполагаемого контакта. Поэтому не удивительно, что венгерские ученые уже давно занимаются топонимией Башкирии и ищут там следы венгров. Но пока эти попытки дали негативный результат – большинство венгерских ученых считает, что венгерского топонимического пласта в Башкирии нет.

Впервые идею о том, что венгерские географические названия имеют место на территории Башкирии, высказал Я. Янко [см.: Jankó, 1900, 624]. Вслед за ним

Д. Паулер сформулировал гипотезу о родстве башкир и венгров, привлекая для ее обоснования и географические названия. Кроме того, именно он первым обратил внимание на общие родоплеменные названия у башкир и венгров – *Дьярмат* и *Енэ* [см.: Pauler, 1900].

Скептически отнесся к предположению о наличии на территории Башкирии венгерских географических элементов Б. Мункачи [см.: Munkácsi, 1902]. Проанализировав опубликованный Д. Игнатьевым перечень географических названий Уфимской губернии, которые автор считал «памятниками Югров» [см.: Игнатьев, 1881], Б. Мункачи предложил для многих топонимов отнюдь не венгерские этимологии. Так, название р. *Парей* он возводит к персидскому ‘дух’, *Куваш* объясняет из башк. *куу-баш* ‘трут’, *Юрма-килер* трактует как башк. «приближается гроза», *Юрмен* – «не ходит», *Зигитчелга* – «парень-река», *Кудаш* сопоставляет с мусульманским мужским именем и т. п. Вывод Мункачи: «Доказать существование венгерских следов в Башкирии невозможно» [Munkácsi, 1902, 269–270].

Д. Месарош также отверг гипотезу Паулера о родстве башкир и венгров. Согласно его данным, в башкирском языке нет венгерских элементов и искать венгерские топонимы в Башкирии, по его мнению, просто «фантазмагория» [Mészáros, 1910, 35–36, 141].

Противоположную позицию занял Г. Надь. Он сопоставил башкирские гидронимы с элементом *tau* с венг. *tó* ‘озеро’; для гидронима *Парей* обнаружил в качестве параллели название венгерского села *Parajd* в Трансильвании (сейчас – часть Румынии); в названии *Тюлгаз* вычленил венг. *tölgy* ‘дуб’; название реки *Азур* отождествил с венг. *Egres*; *Наринна* истолковал как венг. *nyáras* ‘лето’ или ‘тополь’ + суффикс прилагательного [см.: Nagy, 1911, 16–17]. Отметим, что эти этимологии весьма сомнительны: так, венг. *paréj* ‘вид лука (овощ)’, к которому Г. Надь возводит башкирский гидроним *Парей*, пришло из неолатинского (французского) языка XIII в. (ср. лат. *porrum* ‘лук’), а предполагаемый этимон башкирского гидронима *Тюлгаз* – венг. *tölgy* ‘дуб’ восходит к аланскому (ср. осет. *толдза* ‘дуб’) [см.: TESZ, III, 100; Bárczi, 2001, 54].

Л. Рашони предполагал, что можно говорить о пяти названиях венгерского происхождения в Башкирии: *Кондорош*, *Бекаш*, *Изеш*, *Магаш*, *Укруруш* [см.: Rásonyi, 1970]. Иштван Вашари опроверг предположения Рашони, поддерживая мнение Месароша об отсутствии в Башкирии топонимов венгерского происхождения, венгерских лексем в башкирском языке и связи башкирской фонетики с венгерской. Надо, однако, отметить, что Вашари анализировал только этимологии Рашони, не исследуя вопрос в целом [см.: Vásáry, 1985].

Антал Барта тоже скептически отнесся к данной теме, хотя отмечал, что «подозрительные» топонимы действительно существуют в Башкирии: *Магаш*, *Вереш*, *Изеш*. Но *Вереш* – название чувашского происхождения, означающее ‘долина реки’; для *Изеш* нет соответствий в венгерской топонимии; топоним *Магаш*, возможно, происходит от личного имени [см.: Bartha, 1988, 129–130].

Андраш Рона-Таш полностью отвергает наличие венгерских топонимов в Башкирии. Он считает, что *Магаш* происходит из иранского языка и значит ‘комар’;

Бикеш – из тюркского *бег*, *биг* ‘господин’, а *Кондорош* – болгарское слово плюс башкирский суффикс *-ш*. Его вывод: «В Волго-Камском регионе до сих пор не удалось доказать наличие венгерских топонимов» [Róna-Tas, 1996, 333].

Д. Немет считал, что венгры перед великим переселением жили именно в Башкирии и основная масса венгров только около 840 г. покинула эти земли. Он искал в Башкирии родоплеменные названия, для которых можно предполагать венгерское происхождение [см.: Немет, 1971].

В самой Башкирии топонимические исследования начались лишь в 50-е гг. XX в. (конечно, не без прецедента, см., например, словарь П. И. Рычкова). Первым здесь следует назвать Д. Г. Киекбаева. Он, в частности, предполагал, что топоним *Бишаул-Унгар* означает «пять деревень венгров» (**биш аулы унгар*), но сложность в том, что *унгар* – это немецкая форма названия венгров [см.: Киекбаев, 1956, 235; СТБ, 35].

Самый известный российский исследователь топонимии Башкирии – А. А. Камалов. По его мнению, в Башкирии есть географические названия, которые можно объяснить только из венгерского языка [см.: Камалов, 1969а, 1969б, 1980б, 1997, 2002]. К сожалению, работы А. А. Камалова в Венгрии неизвестны, хотя Иштван Эрдели еще 30 лет назад предлагал венгерским коллегам обратить внимание на его позицию [см.: Erdélyi, 1972, 247].

Большую роль сыграл выход в 1980 г. «Словаря топонимов Башкирии» (далее – СТБ), который содержит известные топонимы республики Башкортостан с краткими этимологическими справками. В Словаре приведено и несколько венгерских этимологий. Кроме СТБ в России появились и другие работы, которые допускают существование венгерской субстратной топонимии на территории Башкортостана или шире – на Урале и в Волго-Уральском регионе [см., например: Миржанова, 1971; Хисамитдинова, 1988; Матвеев, 1990, 239–240; Арсланов, Казаков, Корепанов, 1993].

Итак, к настоящему времени сложилась следующая ситуация: венгерские ученые отрицают наличие венгерских топонимов вне Карпатского бассейна (кроме *Леведия* и *Этэлкэз*), российские, наоборот, считают их наличие несомненным фактом. Поддержкой той или иной точки зрения может стать сравнение топонимии Башкирии с ранневенгерской.

Большинство топонимов Башкирии можно объяснить из языков проживающих сейчас на этой территории народов: из башкирского, русского, татарского, чувашского, марийского. Например: *Арка* (башк. ‘хребет’), *Ташлы* (башк. ‘каменный’), *Ивановка* (от русского личного имени), *Наратлы* (тат. ‘сосновый’), *Унур* (мар. ‘новое поле’). Из 3 000 наиболее известных гидронимов 2 000 без всякой сложности можно объяснить из башкирского [см.: Миржанова, 1971, 282]. На втором месте – русский пласт (русские поселились в Башкирии с XVI в.), затем татарский и чувашский (татары и чуваша появились в Башкирии в XVII–XVIII вв., их потомки составляют в Башкирии этнографическую группу *тептяр*).

В субстратной топонимии выделяются прежде всего иранские и финно-угорские элементы.

По мнению А. А. Камалова, к иранскому субстрату следует отнести географические названия с элементами *дарья*, *дон*, *зирган* (*йерган*), *манн* (*мән*), *ма-лыш*, *рез* [см.: Камалов, 1980а, 4; 2002, 58]. Иранского происхождения также название села *Авдон* недалеко от Уфы (*аб* 'вода' + *дон* 'река'), ороним *Зэнгэргэ* (*зангар* 'скала') [СТБ, 18, 49], топонимы *Чишма*, *Чишмы*, *Чишма-Бураева* (*чишме* 'источник, ключ'), *Бостан*, *Бостанаево* (*бустан*, *баштан* 'сад') и т. д. [см.: Гарипова, Гарипов, 1964]. Эти названия возникли, очевидно, в «иранскую эпоху» степи, и давал их неизвестный иранский народ.

К финно-угорскому субстрату относят топонимы с *без* (*биз*), *беу*, *бигеш*, *варяш*, *ва*, *вэрэш*, *ваш*, *вашаш*, *эгэн*, *изеш*, *кэтуеш*, *кондорош*, *куваш*, *магаш*, *мар*, *майгаш*, *нарыш*, *тор*, *тоу*, *шакша*, *ыйык*, *ыр*, *ары*, *эр*, *ейек*. Среди них есть и пермские (коми), и угорские по происхождению [см.: Камалов, 1980а, 4; 2002, 59]. Например, гидроним *Йок* (правый приток Быстрого Таныпа, Северная Башкирия) – пермское название [СТБ, 67]. Угорскими признаются *Нэре* 'гора', а также гидронимы, в состав которых входят форманты *йеген* (например, *Егэн*, вариант *Егенйылга* и *Зиган*, правые притоки Белой) или *тоу* (ср. манси *тур*, венг. *tó*) [см.: Ишбулатов, 1971, 56–57]. Угры некогда жили не только в Западной Сибири, но и на Западном Урале. Целый ряд угорских топонимов концентрируется между реками Сылва, Чусовая (на этой реке Антал Регули встретился с манси), Тагил. В преданиях местного русского населения здесь еще сохранилась память о прежнем пребывании угров [см.: Майданова, 1962, 27]. По мнению башкирских лингвистов, среди угорских по происхождению субстратных топонимов есть даже такие, которые невозможно объяснить ни из одного языка, кроме венгерского [см.: Хисамитдинова, 1988, 110; Rásonyi, 1970, 49].

В исследовании субстратной топонимии гидронимы – наиболее надежный материал. А. А. Камалов рано обратил внимание на угорский пласт гидронимов Башкирии. К этому пласту относят:

1. Гидронимы с *-эр*, например, речка *Эри*, которая впадает в реку Буй (Северная Башкирия), или речка *Эрийылга* (на Белебейской возвышенности, Западная Башкирия) [СТБ, 178]. Слово *эр*, означающее 'сухое русло реки', известно в северных башкирских диалектах и неизвестно в других, поэтому логично предположить, что оно восходит к венгерскому языку [см.: Камалов, 1969б, 16; 1971, 288]. Гидронимы с элементом *-ар* широко известны на Южном Урале, например, *Кунара*, *Синара*, *Самара*, *Сакмара*, *Санарка*. А. К. Матвеев считает, что это древнеугорские топонимы [см.: Матвеев, 1961, 139].

Кроме этимологических сходжений очень важно, чтобы эти названия имели соответствия в самой ранней венгерской топонимии. У гидронима *ар* такие параллели есть. В венгерских грамотах XI в. обнаружены следующие данные: *eri iturea*, *locus Martis* – грамота основания Тихоньского монастыря, 1055 г. [DHA, I, 150; Bárczi, 1951, 35–36; Knieszsa, 2000, 464]; *Hyzyer*, *Voyaser* («масляная речка») – грамота основания монастыря в Сексарде, 1061 г. [DHA, I, 168]; *Hamuser* «пепельная речка» (в области Саболч, Восточная Венгрия) – грамота основания монастыря в Сазде, 1067 г. [DHA, I, 184]; *Meler* «глубокая речка» (около Солнока на Тиссе,

Средняя Венгрия), *fluvius Huger, Hoisoer, piscina Woioer* «масляное озеро» (в области Чонграде, Южная Венгрия) – грамота основания монастыря в Гарамсентбенедек (бывшая Северная Венгрия, сейчас Словакия), 1075 г. [ДНА, I, 217, 215]. В венгерской хронике (XIV в., но ее источники из XI в.) под 1091 г. упоминается *Vmsoer* [SRH, I, 412]. Из легенды Святого Геллерта времен короля Святого Стефана (тоже XIV в., но ее источники тоже из XI в.) известно *Kwkyner* (Южная Венгрия, область Чанад) [SRH, II, 491].

Но не все гидронимы с *-ap* угорского происхождения. Например, река *Ap* (Северная Башкирия, левый приток Быстрого Таныпа) и *Арская тауы* (Арская гора) связываются с этнонимом *ap* (татарское и башкирское название удмуртов) [СТБ, 24, 25].

2. **Без (Бизь)** речка в Северной Башкирии, правый приток Буя. Это же название носит расположенная на реке деревня. В Салаватском районе (северо-восточная Башкирия) есть речка *Биез*. В долине реки Сылта тоже есть две речки *Бизь*. Возможно, в основе гидронимов венгерское слово *víz* ‘вода’ [СТБ, 33]. Ср. также *Бисерть*, один из правых притоков реки Уфа в Северной Башкирии. Татарское население называет реку *Бисер*. Похожие названия есть еще в Башкирии (например, *Бизяр*). А. К. Матвеев высказывает мнение, что эти топонимы по происхождению «позднепротовенгерские» [см.: Матвеев, 1961, 140; 1980, 40–43]. Однако в ранневенгерской топонимии не встречаются названия с элементом *биз*, *виз* (хотя в латиноязычных грамотах ранней Венгрии часто упоминается латинское *aqua*). Современные топонимы с компонентом *víz* возникли в Венгрии только в новое время (например, *Víziváros*) [FNESZ, II, 772–773]. Сложность также и в том, что гидроним *Бисер* встречается в Пермской области, в верховьях Вятки, где нет сведений о пребывании венгров.

3. **Ваиаш** (правый приток Белой) и **Ваиязи** (деревня) возводятся к венг. *vas* ‘железо’ + башк. *язи* ‘поле’ [СТБ, 41; Камалов, 1969а, 133; 1969б, 17]. Слово *vas* в венгерском языке уральского происхождения, его первое значение было ‘медь’ [TESZ, III, 1095]. В ранневенгерской топонимии тоже есть это слово, но оно приведено необычно, по-латински. «Большая легенда» короля Святого Стефана передает старое название самой высокой горы Мечека (Южная Венгрия, область Бараня) как *montis Ferrei* «Железная гора». В истории венгерского Анонима (XII–XIII вв.) западная область тоже называется по-латински *Castrum Ferreum* «Область Железная» [ÁMTF, I, 362; SRH, I, 95].

Возможно, *Ваиаш* восходит к личному имени: в 1138 г. в Трансильвании жил *Vosas*, в деревне *Bata* (область Кэрэш), в области Чонград и за Дунаем тоже жили люди с именем *Vasas* [F, II, 98, 104; W, I, 62–63].

4. Как венгерский в СТБ трактуется неоднократно встречающийся гидроним **Изэш** – это имя носят притоки Большого Кизила, Касмарки (Южная Башкирия) и Чермасана (Средняя Башкирия). Этимологически тождествен широко распространенный в Бирском (Северная Башкирия) и Зианчуринском (Южная Башкирия) районах топоним *Идяш*. Ср. также *Изешбаш* (деревня в Бурзянском районе, Южная Башкирия), *Изэш-Кэштәу* (деревня), *Изеш-Куашари* (деревня в Абзелиловском районе, Южная Башкирия) [СТБ, 54–65]. Эти топонимы, в отличие от предыдущих,

в большинстве находятся в Южной Башкирии. А. А. Камалов, опираясь на Л. Рашони, считает, что они восходят к венг. *édes* 'сладкий' [см.: Камалов, 1969б, 17; 1971, 289]. В венгерском языке слова *ízes* и *édes* этимологически совпадают (слово *íz* раньше имело значение 'душа') [TESZ, I, 708]. В ранневенгерской топонимии под 1061 г. встречаем *Edesfenyér* [ДНА, I, 168], под 1290 г. гидроним *rivulum Ydesvyz*, и в средневековой области Бекеш отмечена речка *Ides er* [Rásonyi, 1970, 51–52].

5. В Башкирии известны 12 названий с элементом *Магаши*. Из них 7 оронимов: *Магаши* (Гафурийский р-н, Средняя Башкирия), *Магаши бейеге* (около Баймака, Южная Башкирия), *Магаши тауы* (около Бирска, Северная Башкирия и в Аургазинском р-не, Южная Башкирия), *Магашилы* (Балтачевский р-н, Северная Башкирия), *Магашиты* (около Ишимбая, Южная Башкирия), *Магаши* (Алшаевский р-н, Средняя Башкирия); два гидронима: *Кыуак-Магаши*¹ (правый приток Ика, Северная Башкирия), *Магаши йылкаһы* (приток Сакмары, Южная Башкирия); остальные — ойконимы: *Магаши* (бывшая деревня в Южной Башкирии около Баймака), *Магашиты*, *Магашилы* (поселения в Северной Башкирии, Балтачевский р-н) [Хисамитдинова, 1988, 106–107]. Большинство исследователей считают эти названия венгерскими [СТБ, 102; Камалов, 1969б, 17; Rásonyi, 1970, 52–53; Хисамитдинова, 1988, 102, 106; Шакуров, 1986]; ср.: венг. *magas* 'высокий'. Интересно, что в толковании некоторых оронимов компонент *Магаши* не переводится: *Магаши бейеге* и *Магаши тауы*. *Бейек* по-башкирски 'высокий', *тау* 'гора'. Значит, эти топонимы не башкирского происхождения.

В венгерском языке слово *magas* не имеет ясной этимологии. Возможно, оно образовано от слова *tag* 'семя' с помощью суффикса *-s* [TESZ, II, 813]. Однако несомненно, что это лексема, возникшая уже в собственно венгерском языке, а не унаследованная из угорского или финно-угорского.

В исторических венгерских источниках зафиксировано название *Mogos* в Западной Венгрии в 1086 г., в 1093–1095 гг. — топоним *Vgmogos* [АКО, 114; ДНА, I, 301]. Есть фиксация созвучного личного имени: в области Шомодь в 1138 г. жил некий *Mogus* [F, II, 95].

6. В одном башкирском документе под 1578 г. упоминается озеро *Укуруш-тау*. Это, согласно Л. Рашони, *Ökrös-tó*, т. е. «Озеро коровы». Интересно, что здесь озеро обозначено термином *тау* (слово *ökör* — болгарское в венгерском языке). Как мы видели, в списке Б. Мункачи формант *тау* есть в названиях озер: *Зурма-тау* (хотя это, по Мункачи, метонимия), озеро *Тауызылы* (может быть сопоставлено с башк. диал. *тауыз* 'кора тополя' [СТБ, 136]).

7. В башкирском топониме *Кундурмарт* формант *март*, по мнению А. А. Камалова, также венгерского происхождения [см.: Камалов, 1969б, 18]. Интересно, что *Кундурмарт* есть и в Венгрии (1290, *Kundurmart*). Ср. также *mart* в названии села *Martfű* в венгерской топонимии [FNESZ, II, 104]. Происхождение форманта в венгерском языке не ясно: так же, как *magas*, оно возникло в самостоятельной жизни венгерского языка [TESZ, II, 850].

¹ Кыуак по-башкирски 'куст'.

8. Загадочно название реки *Дёма*, которое повторяется в Карпатском бассейне. Этимология его неизвестна [FNESZ, I, 544]. Башкиры называют эту реку *Күгизтел* «Синяя река». Есть гипотеза, что в основе гидронима башк. диал. *лим* (*зтим*, *сом*) 'глубокое место реки' [СТБ, 47], однако возможно, что это тоже венгерский субстрат, хотя версия о венгерском происхождении гидронима до сих пор не возникала. На берегу этой реки, недалеко от Уфы, есть поселение *Караякупово*, которое дало название археологической культуре, возможно, принадлежащей венграм.

9. Название *Кондорош*, по мнению Л. Рашони, тоже происходит из венгерского языка и образовано от *kondor* (которое имеет тюркский источник в венгерском) с суффиксом *-s* (фонетически *-ш*). Л. Рашони считает, что топоним именно венгерский, поскольку имеет этот суффикс, кроме того, такой топоним отмечен в средневековой Венгрии (1075, область Чонград – *aqua Cundura*) [см.: Rásonyi, 1970, 49–50]. Возможно, что *Кондорош* – болгарское слово в значении 'бобр' [СТБ, 92; FNESZ, I, 775]. Сходные именованья можно найти в зонах проживания тюркских народов (река *Күндиз* в Узбекистане, *Күндурча* приток Волги) [см.: Rásonyi, 1970, 49–50; ДНА, I, 217].

10. Речка *Бекаш*, к югу от Уфы. Слово *béka* 'лягушка' – тюркизм в венгерском языке, но суффикс *-ш* и параллели в Карпатском бассейне (речка *Бекаш* в Трансильвании) поддерживают венгерскую этимологию [Rásonyi, 1970, 50].

11. В Волго-Уральском регионе, в том числе и в Башкирии, можно встретить лексему *шар* – в самостоятельном топонимическом употреблении и в виде форманта в составе топонимов. Например, речка *Шар* (правый приток р. Ияш), деревня *Шарбаш* (Бурзянский р-н, Южная Башкирия, здесь *баш* в значении 'источник'), речка *Шарбар* (Дуванский р-н, Северная Башкирия), *Шарзатка* (правый приток Уя), *Шаркырауы* (Бурзянский р-н), деревня *Шарлык* (Благовещенский р-н, недалеко от Уфы) [СТБ, 169]. Это настоящее «урало-алтайское» слово (хотя сегодня уже не стоит говорить об урало-алтайской языковой семье), ср.: хакас. *sac*, гагауз. *сааз*, казах., каракалп., туркм., ногайск., тат., уйгур., тур. *саз*, чув. *шур* 'болото', фин. *суо*, коми *шор*, удм. *шур*, венг. *sár*, хант. *сэр*, башк. *һаз*, диал. *шар* 'болотистое место', (Кугурзинский р-н) *шаре* 'грязная вода', демский говор южного диалекта *шарлака* 'весенний поток'. В Караидельском районе значение слова *шар* – 'глина', в других говорах оно значит 'болото' [Шакуров, 1986, 126; Камалов, 1997, 82–85]. Этот компонент есть и в топонимах республики Коми (*Идзет-шар*, *Шидёр-Шар*, *Шар-Воль*) [см.: Кривошекова-Гантман, 1963]. В Башкирии у топонимов на *шар* есть несколько необычных форм, например *Бабайһаз*, *Игәләшһаз*, *Йәнәйһаз* и т. д. Они находятся прежде всего в Северной Башкирии [см.: Камалов, 1997, 83]. Существует предположение, что башкирское *шаре* происходит непосредственно из венгерского языка [см.: Азнагулов, 1971, 240]. Однако широкое распространение топонимов с элементом *шар* не позволяет считать их собственно венгерскими. Наличие значительного числа фиксаций в ранневенгерской топонимии заставляет предположить, что венгры привезли их с собой. Примеры из XI в.: *Gunusara*, *Sar feu* (1055 г., грамота основания Тихоньского монастыря); *Nogsar*, *Sartue* (1061 г., грамота основания монастыря в Сексарде); *Saar* (грамота

1067 г., Сазд); деревня *Sari Saroufalu* (грамота 1075 г., Гарамсентбенедек); в 1086 г. (среди владений монастыря в Баконьбеле) – *predium Sar* и деревня *Sariul falu*; в 1044 г. встречается название *Sarus* [ДНА, I, 150, 151, 168, 183, 214; АКО, 116; SRH, I, 332].

12. Похожая ситуация с гидронимом **Лапышты** (правый приток Большого Инзера, Средняя Башкирия). Название, на первый взгляд, очень похоже на венгерское *láros* или *láros* (т. е. болотистое место или низкое место). Само слово уральского происхождения и, кроме венгерского, встречается в удмуртском (*ланег* ‘низкий’) и марийском языках, а также в татарском, чувашском. В восточных диалектах башкирского языка зафиксировано слово *лапак*, *лЩпЩк*, в южном диалекте *лапак*, *лапаш* в значении ‘низкое место’. Очевидно, в башкирский оно попало из пермских языков [Vásáry, 1985, 375–376].

13. Согласно СТБ, ряд топонимов восходит к венг. *város* ‘город’ или *veres*, *vörös* ‘красный’, или *varjú* ‘ворона’: **Варэш**, деревня возле Янаула (Северная Башкирия), там же река; гидроним **Варэш**, левый приток Теляка, также притоки Уфы и Буя (Северная и Средняя Башкирия) [СТБ, 43]. Сюда же относятся реки *Варэшле* (правый приток Инзеры), *Шушмэ-Варэш* (Нуриманов, к северо-востоку от Уфы), *Кул Варэш* (Салават, северо-восточная Башкирия), *Варэшле* (Белорецк, восточная Башкирия), *Варяж* (Кигинск, северо-восточная Башкирия), *Варяшбаиш* (Дуванский р-н, северо-Восточная Башкирия). Камалов считает, что топонимы с *Буараиш* тоже из венг. *város* [см.: Камалов, 1969б, 17]. Согласно СТБ, *Буараиш* или *Уваряиш* (правый приток Большого Ика), а также название холма *Уары* (у источника реки *Куваиш*!) восходит к венг. *vár* ‘замок, крепость’ [СТБ, 174]. Есть гипотеза, что в основе этих топонимов венг. *arjú* ‘ворона’ или *veres* ‘красный’. Однако уже у Ибн-Фадлана (922 г.) упоминается гидроним *Варыиш* где-то между Мугоджарами и Яиком (река Урал) [см.: Ковалевский, 1956, 30]. Это сильный аргумент против венгерского происхождения топонима, поскольку около Мугоджар венгры никогда не жили.

14. Возможно, что ойконим **Бикеш** тоже из венгерского (Баймак, Кучаргинский р-н, южная Башкирия), хотя более вероятно, что он восходит к тюркскому личному имени [СТБ, 35]. Есть также гидроним *Бигеш* – тоже около Баймака, приток *Магаша* (!) [СТБ, 34].

Подчеркнем, что топоним *Мазар*, с которым часто можно встретиться в Башкирии, происходит не из этнонима *мадьяр*, а из арабского слова в значении ‘кладбище’ [СТБ, 102].

Ряд топонимов остался в СТБ без этимологии: р. *Алдашлы* (правый приток Уя, Гафурс, Средняя Башкирия); д. *Алмаш* (можно объяснить из башк. *алма* ‘яблоко’, но венгерское тоже *alma* + суффикс *-ш*); поселение *Белэш*; р. *Кеугешлэ* (правый приток Сакмары); р. *Кекен* (Миякинский р-н); р. *Кеуеш*, *Куваиш* (притоки Белой и Ика); д. *Можары* (Краснокамский р-н); р. *Нарош* (Белорецкий р-н, Средняя Башкирия).

Как видим, в составе многих приведенных топонимов есть суффикс *-аш/-ош/-эш/-иш*. На это обратил внимание Иштван Вашари, который указывал на наличие

такого же суффикса в башкирском языке (независимо от венгерского). Ф. Г. Хисамитдинова посвятила этой проблеме специальную статью. По ее данным, в современной Башкирии 148 топонимов оканчиваются на *-аш/-ош/-эш/-ш*. Многие из них можно объяснить из башкирского, где этот суффикс – архаичный и редко употребляемый вариант суффикса *-лы/-ле*. Например, *Бэрзэш* и *Бэрзеле* (по роду рыбы), или *Йыланьш* и *Йыланлы* ('место, где много змей'). Но не всякий топоним с *-аш/-ош/-эш/-ш* можно объяснить из башкирского, например: *Ваныш*, *Вашаш*, *Вэрэш*, *Кишэгэш*, *Кэтеуеш*, *Кидаш*, *Каяш*, *Лаяш*, *Марьш*, *Мишэш*, *Мэлэш*, *Нургош*, *Магаш*, *Норош*, *Билэгаш*, *Буадараш*, *Миеш*, *Юлдаш*, *Юрмаш* [см.: Хисамитдинова, 1988, 104–106, 108]. В зоне между Екатеринбург и Челябинском можно наблюдать компактный ареал топонимов с суффиксом *-ш*: *Мейэш*, *Кишэгэш*, *Мишэш*, *Изэш*, *Көйэш* и др. [Там же, 109]. Ср. также названия реки *Куваш*, озера *Могиты*, горы *Уары*, которые есть и в Башкирии, и в Челябинской области (на территории, где не живут башкиры) [Шувалов, 1999, I, 247; II, 40, 176]. Анализ этих топонимов позволил бы получить ответ на вопрос, где формировался венгерский народ: в Зауралье или Приуралье. В конечном итоге можно сказать, что топонимы *Вашаш*, *Изэш*, *Магаш*, и, наверное, *Ар*, *Биз*, *Март* венгерского происхождения, поскольку 1) их невозможно объяснить из других языков, 2) они повторяются в Венгрии в раннем топонимическом пласте, 3) другие источники подтверждают, что в Башкирии жили венгры, 4) есть достаточно много топонимов, которые можно связывать с венграми, и они концентрируются прежде всего в Северной Башкирии.

Особого разговора заслуживают топонимы, которые можно возвести к венгерским микроэтнонимам. Здесь прежде всего встает вопрос о самом составе этих имен. Д. Паулер первым заметил, что венгерские племенные названия (*Дьярмат* и *Йенэ*) повторяются у башкир. По теории Д. Немета, формирование венгерской племенной системы произошло в Башкирии, «*Nyék, Megyer, Kürtgyarmat, Tarján, Jenő, Kér, Keszi* и название народа *Gyula* точно повторяются в Башкирии как *Нэгмэн*, *Мишер*, *Юрмати*, *Йэнэй*, *Кеше*, *Юламан*, и нет сомнений, что одна из прародин венгров была в Башкирии» [Németh, 1991, 174]. Позже выводы Д. Немета подверглись серьезной критике.

По мнению Р. Г. Кузеева, племя *Юрмати* до прихода башкир уже жило на территории Башкирии (на Бугулминской возвышенности) и юрматинцы заключали в себе болгаро-мадьярский компонент. Башкиры («истяки», по Р. Г. Кузееву) тоже приехали на Бугулминскую возвышенность, где начиналась ассимиляция болгаро-мадьярского компонента с башкирами [см.: Кузеев, 1968, 244]. В Башкирии много топонимов, связанных с названием этого племени: гора *Юрматау* (Бурзянский р-н); д. *Юрматы* (Федоровский р-н); р. *Юрмаш* (притоки Зилины, Уфы, Белой, Усулки, Нугуши), гора *Юрмаш* (Бурзянский р-н); р. *Юрмийаз* (правый приток Гарелки); р. *Юрмит* (приток Метевы); р. *Юрмиг* (приток Черемшана) [СТБ, 181]. Ф. Г. Хисамитдинова считает эти названия венгерскими [см.: Хисамитдинова, 1988, 107].

Лайош Лигети поддерживал теорию о сходстве венгерских племенных имен *Gyarmat* и *Jenő* с башкирскими *Юрмати* и *Еней* [см.: Ligeti, 1964, 238].

По мнению А. Рона-Таша, венг. *Jenő* (**ineg*) и башк. *Еней* восходят к одному слову – тюрк. **ing*, в волжском болгарском **jeneg* 'племенной аристократ'. Связь

Gyarmat и *Юрматы*, по его мнению, проблематична. В труде византийского императора Константина VII (*De administrando imperio*), который считается самым важным письменным источником венгерской праистории, слово сохранилось в форме без *-i* (*kurtugermatosz*). Греческий вариант отражает форму *Jermat*, т. е. *Dzsermat* (Джермат) или *Gyermat* (Дьермат). *Джермат* в башкирском дало бы **Сармат*. Следовательно, заключает А. Рона-Таш, башкирские топонимы, восходящие к *Юрматы*, не связаны с венгерским этнонимом [см.: Róna-Tas, 1996, 33].

По мнению И. Мандоки, венгерское *Gyarmat* и башкирское *Юрматы* восходят не к венгерскому, а к одному из иранских языков и эти названия давали иранские племена, которые соединились с венграми [см.: Mándoky, 1976, 42].

Толкование происхождения остальных племенных названий тоже неоднозначно. В Северной Башкирии топоним *Нэгэш* связывают с венграми. По мнению С. Ф. Миржановой, его невозможно объяснить из башкирского и оно восходит к венгерскому племенному названию *Nyék* [см.: Миржанова, 1981, 41]. Это, например, р. *Нэгэш* (правый приток Белой в Мелеузовском р-не), р. *Акнэгэш* (приток Белой в Бурзянском р-не), р. *Нугуш* (Туймазинский р-н), р. *Нугуш* (приток Ика), деревни *Нугуш*, *Ногушты* (Мелоузовский и Белокатайский р-ны). Ойконимы вторичны по отношению к гидронимам. По мнению Ф. Г. Хисамитдиновой, они восходят к старовенгерскому *nyék* 'граница, забор' [Хисамитдинова, 1988, 107–108]. И. Мандоки предпочитает возводить данные топонимы к арабскому личному имени *Нуман*, известному у других тюркских народов: см., например, тат. *Нэгмән*, крымскотат. *Новман*, узб. *Нәкмән*, каракалп. *Накман*, казах. *Нагман*, азерб. *Ногман*. Первое упоминание об этом имени относится к XVII в. [см.: Mándoky, 1976, 43].

Башкирское племенное название *Кесе-Табын* пытались сравнивать с венгерским *Keszi*. Но И. Мандоки указывает, что старая форма *Кеси* была *Keszegh* 'часть', в башкирском это дало бы *кисек*, в то время как башк. *Кесе* означает 'маленький'. Параллель *Gyula* – *Юламан* роли не играет, потому что это личные имена [см.: Mándoky, 1976, 43–44].

Изучением башкирского племенного названия *Еней* занимался И. Мандоки Конгур. По его мнению, данное название восходит не к венгерскому *Jenő*, а к иранскому *yān* 'душа, сердце, милый' и башкирский вариант этому полностью соответствует. Топонимы такого типа часто встречаются в Средней Азии (*fanay*) [см.: Mándoky Kongur, 1986, 71–73].

Нельзя не отметить, что само название племени – не этнический признак. Из семи племен венгров в эпоху завоевания родины пять носят тюркские имена, и только у двух венгерские названия (*Nyék* и *Megyer*). Поэтому общие названия племен можно объяснить не столько этническим родством, сколько общим «культурным ареалом».

У племенных названий в Башкирии прежде всего надо искать башкирские корни. Самые важные источники сведений о происхождении башкирских племен – так называемые шежере, которые содержат истории данных племен или родов. Их обычно писали муллахи арабскими буквами по преданиям родов, племен. Самые ранние шежере остались от XVI в. (и они во многом противоречат друг другу) [см.: Кузеев, 1968, 229, 218–248; текст: БШ, 31]. Из текста шежере племени

Юрмати известно, что это племя раньше жило в долинах рек Шешма и Зай, т. е. намного западнее, чем сейчас (Южная Башкирия) [Кузеев, 1968, 240–241]. Но, к сожалению, в этом шежере нет сведений о венгерском происхождении башкир, что отражено и в его самом новом издании [см.: БР, 43–104].

Как уже говорилось, предполагают, что венгры или, точнее, отдельные венгерские племена дожили до появления башкир. Если бы венгры жили в большом количестве на башкирской территории и участвовали бы в башкирском этногенезе, несомненно, остались бы какие-либо следы их языкового влияния. Но попытки доказать венгерские элементы в башкирском языке дают очень слабые результаты. Уже Д. Мессарош был вынужден признать, что в башкирском языке нет венгерских элементов [см.: Mészáros, 1910, 35–36]. Аналогичный вывод Б. А. Серебренникова до сих пор остается действительным: хотя изучение башкирских диалектов не закончилось, но венгерской лексики в башкирском нет [см.: Серебренников, 1963, 10]. Ср. также заключение Иштвана Вашари: «Даже самые упорные сторонники теории башкиро-мадьярского родства смогли доказать не больше чем несколько венгерских слов в башкирском». Башкирский лингвист С. Ф. Миржанова пыталась обнаружить венгерские слова в башкирском и наоборот [см.: Миржанова, 1981, 45–47]. Но среди выявленных ею слов много звукоподражаний (например, *hörpög* ‘чавкать’), поэтому выводы С. Ф. Миржановой И. Вашари практически полностью отвергает: «Существуют только два случая (*лапак* ‘низкий’ – по-венгерски *lapos*- и *шәп* ‘красивый’ – по-венгерски *szép*), когда о венгерском заимствовании мог бы возникнуть научный вопрос» [Vásáry, 1985, 374–377]. Есть версия, что фонетические особенности башкирского языка (которые прежде всего отличают башкирский язык от татарского), т. е. начальный *h* и интердентальные звуки (*ç* и *ʒ*) можно объяснить влиянием венгерского языка, но сейчас уже абсолютно уверенно можно сказать, что эти особенности появились в результате внутреннего развития башкирского языка [Там же, 1985, 373]. Поэтому массовое участие венгров в башкирском этногенезе следует исключить.

Некоторые отголоски сведений о венграх обнаруживаются в башкирском фольклоре. В преданиях башкирского рода балабашняков упоминается этноним *мажар*. По историческим сведениям, балабашняки жили около Азова и Калки (в шежере тоже говорится о башкирах, которые кочевали до Кубани, это было во времена Ногайской Орды [см.: БШ, 108, 206]), но из-за возникших трудностей они решили вернуться на родину своих предков, на Урал. По рассказам старых людей, Урал состоит из четырех хребтов, на Урале густые леса, которые хорошо защищают от нападения врагов. «И, говорят, обитают там мажары. Но разве они дадут нам жить рядом с собой? – Эй-й-й! Ведь вода и суша там общие, хватит их и мажарам, и нам тоже, только душу надо иметь широкую!» [БНТ, 3, 240]. Отметим, что в Башкирии и сейчас есть фамилии *Маджаров*, *Мадьяров*, в которых также можно видеть отражение самоназвания венгров (*magyar*).

Таким образом, можно заключить: ко времени появления башкир венгры в основном уже покинули территорию Башкирии, оставались небольшие группы, сохранявшие и передававшие географические названия, но их судьбой стала этническая ассимиляция. Эти выводы практически совпадают с выводами Б. А. Серебренни-

кова по башкиро-мадьярской проблеме [см.: Серебренников, 1963, 22–23]. Наличие венгерской топонимии в Башкирии поддерживает гипотезу о том, что до IX в. венгерская прародина была именно в Башкирии, точнее, в регионе Волга-Урал, включающем в себя и историческую, и современную Башкирию [см.: Makk, 1998, 26]. Таким образом, мы вновь возвращаемся к концепции Д. Немета [см.: Németh, 1991, 73].

-
- Азнагулов Р. Г.* Топонимы финно-угорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим // Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971.
- Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И.* Финны, угры и самодейцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.). Елабуга, 1993.
- БНТ – Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987.
- БР – Башкирские родословные. Уфа, 2002.
- БШ – Башкирские шежере / Под ред. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.
- Гарипова Н. Д., Гарипов Т. М.* Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964.
- Игнатьев Д.* Названия вод, урочищ и проч., как памятники Югров в Уфимской губернии // Зап. Оренбург. отдела Имп. Рус. географ. о-ва. Вып. 4. Оренбург, 1881.
- Иибзулатов Н. Х.* Данные диалектов башкирского языка к вопросу об этногенезе башкир // Археология и этнография Башкирии. IV. Уфа, 1971. С. 55–59.
- Камалов А. А.* Башкортостан гидронимияһы. Өфө, 1969а.
- Камалов А. А.* Гидронимия Башкирии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 1969б.
- Камалов А. А.* Данные гидронимии и проблема этногенеза башкир // Археология и этнография Башкирии. IV. Уфа, 1971. С. 287–290.
- Камалов А. А.* Состав и структура топонимов Башкирии // Словарь топонимов Башкирии. Уфа, 1980а. С. 3–15.
- Камалов А. А.* Топонимия Башкирии // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 39–46.
- Камалов А. А.* Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997.
- Камалов А. А.* Топонимика Республики Башкортостан. Уфа, 2002.
- Киекбаев Д. Г.* Вопросы башкирской топонимии // Уч. зап. Башкир. гос. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева. Вып. 7. Уфа, 1956. С. 230–247.
- Ковалевский А. Н.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922. Харьков, 1956.
- Кривошекова-Гантман А. С.* Гидронимика Коми-Пермяцкого национального округа // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. по вопросам финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963. С. 34–36.
- Кузеев Р. Г.* К этнической истории башкир в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. III. Уфа, 1968.
- Майданова Л. М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопр. топонимии. Вып. 1. Свердловск, 1962. С. 22–32.
- Матвеев А. К.* Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопр. археологии Урала. Вып. 1. Свердловск, 1961.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980.
- Матвеев А. К.* Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990.
- Миржанова С. Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. IV. Уфа, 1971. С. 282–286.

- Миржанова С. Ф.* О древних этноязыковых связях башкир и венгров // Советская тюркология. 1981. № 1. С. 37–48.
- Немет Д.* Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. IV. Уфа, 1971. С. 249–262.
- Рычков П. И.* Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии 1777 (рукопись).
- Серебренников Б. А.* К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963.
- СТБ – Словарь топонимов Башкирской АССР / Под ред. Т. М. Гариповой, А. А. Камалова, З. Г. Ураксина. Уфа, 1980.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Угорская субстратная топонимия на -и/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 102–111.
- Шакуров Р. З.* По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы. Уфа, 1986.
- Шувалов Н. И.* Топонимический словарь от Парижа до Берлина по карте Челябинской области. I–II. Челябинск, 1999.
- ÁKO – Árpád-kori oklevelek 1001–1196 / Szerk. G. Györffy. Budapest, 1997.
- ÁMTF – Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I. Budapest, 1987.
- Bartha A.* A magyar nép őstörténete. Budapest 1988.
- Bárczi G.* A magyar szókincs eredete. Budapest, 2001.
- DHA – Diplomata Hungariae Antiquissima. I / Ád. G. Györffy. Budapest, 1992.
- Erdélyi I.* Régészeti kutatások Baskíriában és a magyar őstörténet // Archeológiai Értesítő. 99. 1972. S. 244–248.
- F – Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera G. Fejér. I–XI. Buda, 1829–1844.
- FNESZ – Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I–II. Budapest, 1997.
- Jankó J.* A magyar halászat eredete. Budapest, 1900.
- Knieszsa I.* Magyarország népei a XI században. Budapest, 2000.
- Ligeti L.* Gyarmat és Jenő // Nyelvtudományi Értekezések. 40. Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből. Budapest, 1964. S. 230–239.
- Makk F.* A turulmadártól a kettőskeresztig. Szeged, 1998.
- Mándoky Kangur I.* Magyar eredetű törzsnevek a baskíroknál // Tiszatáj. 1976. 10. S. 41–44.
- Mándoky Kongur I.* Jenő és Yänäy // Keletkutatás. 1986. Tavasz 70–74.
- Mészáros G.* Magna Ungaria (A baskír-magyar kérdés). Budapest, 1910.
- Munkácsi Bernát:* Baskír helynevek // Eth. XIII. (1902) S. 156–170.
- Nagy G.* Nagy Magyarország // Eth. XXII. (1911) I. S. 10–23; II. S. 80–88; III. S. 148–157.
- Németh G.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1991.
- Pauler G.* A baskír-magyar rokonságról // Budapesti Szemle. 1900. (283). S. 337–356.
- Rásonyi L.* Azonos földrajzi nevek a baskír és magyar földön // Magyar Nyelv. LXXII. 1970. № 1. S. 48–53.
- Róna-Tas A.* A magyarság korai története. Szeged, 1996.
- SRH – Scriptores Rerum Hungaricum. Budapest, 1999.
- TESZ – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Budapest, 1967–1976.
- Vásáry I.* A baskír-magyar kérdés nyelvi vetületben // Nyelvtudományi Közlemények. 87 (1985). S. 369–388.
- W – Árpád-kori új okmánytár. I–XII. Közzéteszi Wenzel Gusztáv. Budapest, 1860–1874.

* * *

Габор Дьёни – научный сотрудник Центра Русистики Университета им. Лоранда Этвэша (Будапешт, Венгрия).

А. Л. Шилов

О СААМСКОЙ ТОПОНИМИИ СЕВЕРА КАРЕЛИИ

In the paper substrate Lappish toponymy of Russian Karelia is analyzed, and the obtained results are compared with those for the Russian North (Vologda and Arkhangelsk regions of Russia). It is concluded that Karelian toponymy contains nearly the same set (with some exceptions) of “differentiating Lappish toponymic indicators” (selected by A.K. Matveev) as the toponymy of the Russian North. In addition, a number of other typical Lappish toponyms (or groups of toponyms) are adduced for the North of Karelia. The paper also contains a demonstration of some special features of Russian phonetic adaptation of Lappish toponyms in Karelia.

1. Постановка вопроса

Данная работа была инспирирована исследованиями А. К. Матвеева. Выделив 15 достаточно частотных для территории Русского Севера (РС – Архангельская и Вологодская обл.) дифференцирующих саамских топооснов, засвидетельствованных в названиях рек и озер, он поставил задачу установить наличие или отсутствие топонимов с этими основами в Присвирье и Карелии. Картографирование соответствующих гидронимов (А. К. Матвеев использовал именно гидронимические справочники) показало, что карельские саамизмы являются естественным продолжением саамских названий РС к западу от Онеги, распространяясь затем на большую территорию Карелии. Но при этом в Карелии вовсе не были обнаружены типичные для РС саамские топоосновы *чукч-* (с вариантами) ‘глухарь’, *шиид-* ‘зимняя деревня’ и *шуб-* ‘осина’. Еще более удивительно то, что рассматриваемые топоосновы вообще выклиниваются к северу от р. Кемь. Данный факт А. К. Матвеев комментирует следующим образом: «В связи с этим возникает несколько трудных для решения вопросов: не были ли эти территории заселены в древности

каким-либо другим этносом?¹ Не могли ли отступавшие на север саамы «проскочить» территорию между р. Кемь и Кандалакшской губой? Не могли ли кольские саамы заселить Кольский п-в, напрямую преодолевая горло Белого моря, и не являются ли они хотя бы частично потомками двинских саамов, которые ассимилировали на Кольском п-ве какое-то древнее (досаамское = протосаамское) население?²» [Матвеев, 2003а, 129].

В более поздней работе, однако, к этому было справедливо добавлено следующее: «Все это особенно проблематично в свете имеющихся данных (исторических, антропомимических, этнотопонимических, фольклорных) о проживании лопарей в XVI–XVII вв. севернее р. Кемь вплоть до района смежных больших озер Пяозеро, Топозеро на северо-западе и Кандалакши на Севере³. Определенную ясность в решение этих вопросов способно внести только возможно полное выявление саамской топонимии на территории между р. Кемь и Кандалакшской губой и ее последующая этимологизация» [Матвеев, 2004, 259]. Посильному выяснению этих вопросов и посвящена данная работа, опирающаяся на картотеку автора. При этом мы, естественно, не ограничились гидронимами, а учли весь доступный нам массив топонимии Карелии, что позволило снять некоторые вопросы из тех, что были поставлены А. К. Матвеевым. Вместе с тем, как это будет видно из дальнейшего, топонимический ландшафт севера Карелии (между реками Кемь и Ковда) имеет свою специфику – в чем-то общую со всей Карелией (в сравнении с РС), но в чем-то – отличную и от нее.

2. Этнонимические, археологические и письменные свидетельства присутствия саамов на севере Карелии

Повсеместно в Карелии распространены древности ананьинского типа, уверенно связываемые с ранними (середина I тыс. до н. э. – VI–VII вв. н. э.) саамами [см.: Археология Карелии, 1996, 216–270, 379]. Культовые памятники саамов – сейды (подчас в комплексе с каменными кучами) и лабиринты – найдены именно на севере Карелии: на Соловках, островах Кузова, полуострове Красная Луда и в устье Поньгомы на Белом море, мыс Аконниemi (меж Охтанъярви и Пистаярви), на горах Кивакка, Нуорунен и Поссосора⁴ близ границы с Финляндией [см.: Там же, 343–361;

¹ Представляется более чем вероятным, что до саамов на территории Карелии проживали некие палеоевропейцы, имевшие отношение к саамскому этногенезу [см.: АК], правда, явных топонимических свидетельств этому пока не имеется. Зато таковые свидетельства (в том числе – и на севере Карелии, см. ниже) имеются, на наш взгляд, в отношении летописной (и легендарной) финно-угорской Чуди [см.: Шилов, 1999б].

² Действительно, для терских и кильдинских саамов характерны те же фонетические особенности, что и для двинских; о заселении Терского берега с низовьев Двины см. наши наблюдения в статье: [Шилов, 2001в].

³ Со ссылкой на кандидатскую диссертацию Д. В. Кузьмина «Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии» (Петрозаводск, 2003).

⁴ Правильнее, наверное, *Пассосиро* (ср. рядом оз. *Пассосиронъярви* бас. Тавайоки – прит. Пяозера). В силу наличия там саамского культового комплекса название может быть истолковано из саам. *passse* 'святой' и *siera* 'сила'.

ПФНР, 129]. В статье [Шилов, 2005, 52] мы вкратце говорим о сейде на о-в Хенной (Белое море, к северо-востоку от устья Воньги). Там есть также каменные кучи, что указывает на наличие саамского культового комплекса, не описанного в литературе.

Об относительно позднем пребывании саамов на севере Карелии вроде бы свидетельствуют и этнотопонимы. Таковых нами обнаружено четыре: *Лопское* – озеро на протоке Тюлле, ведущей от Нотозера в Ковдозеро; *Лопарский* – остров на Энгозере; *Лапинишари* – остров на Пяозере; *Лопарихен-Шуарет* – острова на Топозере (рядом с ними расположены острова *Ручча-Шуарет* «Шведские острова»). Как видно, присутствие лопарей в данном регионе отмечено как русскими, так и карельскими топонимами. Остается лишь вопрос – имелись ли здесь в виду именно лопари-саамы? Хорошо известны случаи перенесения этнонимов на другой народ (для той же Карелии см. об этом в ряде работ Д. В. Бубриха). Но то, что данные этнотопонимы относились именно к саамам, подтверждают исторические источники:

– «да Корельскую землю всю... и с Лопью с Лешею и с дикою Лопью» (1504); «Лопь Шуи реки, да у Кеми реки» (1530) [СГГД, № 144, 158];

– «да на Кемской же земле жили лопари крещенные и некрещенные лукозерские по лешим озерам... да тех же лопарских дворцов...» (1552); «а от речки Кистенги от конца Керекские межи пошла межа у Кемские волости с лешими лопари подле Топозеро берегом на Сагоену речку на устье» (1591) [АСМ, 114, 319];

– «в ухोजаех на диком лесу над Нюткозером (ныне оз. Нюкки в истоке р. Кереть. – А. III.) живет дворишком лопин крещен Иванко Великая Голова з детми» (волость Кереть, 1563 г.); «Тому же лопину Иванку ловити рыбу на Тикше озере, лопляне Поздеика да Тимоха ловят рыбу на Топ озере» (1575) [СГКЭ, № 137, 138];

– «непашенные лопари Дикие Лопи с немецкого рубежа... Пяозерской волости. Некрещенные лопари Колозерской волости Юганчи Гаренцов, Аемской волости Пяви Икандуексов, Шомбеской волости Пямвесарка Мельлыно, Рашневой волости Икимка Оглуев, Кишкозерской волости староста Агика Игалов, Маселской волости староста Шарденка Игаексов» (1620) [СМИК, 49];

– «погостишка Лешие Лопи: Пя озеро, Пяилакша, да того ж погоста лопари живут на реке на Думце в вежах» (1608–1610) [Харузин, 1890].

Более того, детали описания быта *лоплян* Кемского уезда Г. Р. Державиным (август 1785 г.) снимают всякие вопросы об их этнической принадлежности: «Лопляне не строятся, подобно россиянам, под один верх, но избирают водное положение и инде двор отстоит версты с полторы от другого <...>. По причине глубоких снегов лопляне на лошадях не ездят, но употребляют для перехода дальних расстояний деревянные шукши (лыжи)... Повествуют, что великий Петр называл сей народ птицами, летающими на деревянных крыльях и питающихся древесной корой (высказывание, совершенно сходное с тем, что имеются у античных авторов о саамах. – А. III.). Для перевозу тяжестей употребляют оленей, запрягая их в так называемые кережки... Здесь носят

востроносые с загнутыми концами сапоги, кеньгами по-лопарски называющиеся» [Державин, 1987, 113, 116–117]⁵.

Но вопрос, оставили ли эти *лопляне* след в топонимии региона, тем не менее, не снимается (даже с учетом того, что языковед Шёгрэн говорил о Кемской Лапландии).

3. Саамская топонимия севера Карелии

«Вся Финляндия и вся Карелия, до южного их предела, содержит ясную саамскую топонимику», – писал Д. В. Бубрих [1949, 51], не анализируя, впрочем, конкретных названий. Саамская топонимия Карелии исследовалась в работах [Керт, 1960; Лескинен, 1967]. При этом Г. М. Кертотм этимологизировано 10 типов названий из интересующего нас района, В. Лескиненом – 6. Нами отдельные саамские топонимы были рассмотрены в работах [Шилов, 1996б, 69, 72, 73; 1999б, 107–109; 2001а, 52–54; 2003а]. Ряд этимологий (точнее – объяснений) саамских названий рассеян также по описаниям туристских маршрутов [см.: Шилов, 2005].

3.1. Таблица А. К. Матвеева применительно к северу Карелии

О фонетическом облике топооснов на севере Карелии (равно как и об обоснованности привлечения тех или иных топонимов) см. комментарии к таблице и ниже – в обсуждении. В таблице и далее в качестве этимонов приведены данные Кильдинского диалекта кольских саамов, если иное особо не оговорено. Для территории Карелии к югу от Кеми указано число фиксаций по данным А. К. Матвеева, в скобках – по данным картотеки автора. Все фиксации к северу от Кеми – авторские.

№	Топооснова	Семантика	Саамский этимон	Число фиксаций		
				РС	Карелия	
					к югу от Кеми	к северу от Кеми
1	<i>Корос-</i>	‘пустой’	<i>kuras</i>	3	1	–
2	<i>Кочкам-</i>	‘орел’	<i>kuecckem</i>	2	2 (4)	1
3	<i>Куч-</i>	‘кислый гнилой’	<i>kuddz</i>	8	1 (4)	1
4	<i>Мотк-</i>	‘волок, путь’	<i>mūtk</i>	6	1	1

⁵ Многие комментаторы полагают, что под именем *лоплян* Державин описывал исключительно северных карел, ибо Северная Карелия административно входила в состав так называемых *Лопских погостов*. На это можно возразить, что в 1802 г. оседлые крестьяне-лопари Лопских погостов Повенецкого уезда вошли в состав Кемского уезда под именем *карел* [Бернштам, 1978, 62, со ссылкой на Р. М. Камповского]. Так что скорее не под *лоплянами* можно было подозревать карел, а под карелами – лопарей. Действительно, у Державина в описании *лоплян* сплетаются карельские и саамские этнографические особенности, что можно отнести за счет относительно тесного контактирования этих этнических групп. Отметим, что описание 1716 г. Лопских Орьезерского (к западу от Ковдозера) и Пяозерского погостов (в них жило 27 лопарей мужского пола в 11 вежах) [см.: Харузин, 1890, 76] подразумевает лопарей и только лопарей.

№	Топооснова	Семантика	Саамский этимон	Число фиксаций		
				РС	Карелия	
					к югу от Кеми	к северу от Кеми
5	<i>Нельм-</i>	‘устье’	<i>nālm</i>	3	2 (4)	2
6	<i>Нюхч-, Нюкш-, Нюхч-</i>	‘лебедь’	<i>n'uxxč</i>	9	1 (3)	1
7	<i>Нюн-</i>	‘нос, мыс’	<i>n'unp</i>	4	– (1)	–
8	<i>Толбас-</i>	‘ровный, плоский’	<i>tūlbās</i>	3	1	–
9	<i>Торос-</i>	‘поперечный’	<i>tueres</i>	8	8 (9)	2
10	<i>Чач-</i>	‘вода’	<i>cāddz</i>	3	– (3)	1
11	<i>Чекч-, Чеки-, Чекч-</i>	‘осенняя стоянка’	<i>čexxč</i>	6	1 (2)	2
12	<i>Чёлм-</i>	‘пролив’	<i>čuelm</i>	9	3 (4)	3
13	<i>Чукч-, Чуки-, Чухч-</i>	‘глухарь’	<i>čuxxč</i>	11	– (5)	–
14	<i>Шид-</i>	‘зимняя деревня’	<i>sijjd</i>	10	– (6)	1
15	<i>Шуб-</i>	‘осина’	<i>subb</i>	24	– (4)	–

1. Саамская основа со значением ‘пустой’ на севере Карелии не обнаружена, но и южнее, как и на РС, она не является частотной. В Карелии есть русские названия: оз. *Пустое*, *Пустынные пороги* (в XVII в. – *пустые пороожские места*) на Беломорской Шуе.

2. Южнее р. Кемь расположены: *Кочкомозеро* на р. *Кочкома* – прит. р. Выг; *Кочкомозеро* на руч. *Кочкомозерский* – прит. р. Выг; бол. *Кочкоммох* близ *Кочкомозера* бас. Лексы, прит. р. Выг; *Кочкомозеро* на р. *Кочкома* (имеющей притоком р. *Сухая Кочкома*) – прит. Пажи, прит. Немины бас. Онежского оз. К северу же от Кеми находится мыс *Орлов*, в 1591 г. – *Кочькам наволо* [Шилов, 2001а, 52].

3. К югу от Кеми известны: *Кучь-губа* в районе Путкозера на п-ве Заонежье (1496 г.) [ПКОП, 2]; *Кучозеро* на р. Быстрица – прит. Онды; *Кучой* ~ *Kutšoin mägi* близ р. Видлица [Сп. 1928]; *Кученгора* к юго-западу от Нюхчезера. К северу же от Кеми есть оз. *Кучеламбина* (с топкими берегами) на р. Верхняя Куземка.

4. Основа *мотк-/мутк-* в топонимии севера Карелии представлена лишь названием р. *Муткайоки* – прит. Оланги. Но здесь активны другие водно-волоковые термины, отразившиеся в топонимах на *тайвал-*, *охт-/ухт-* и др.

5. К югу от Кеми имеем: *Нельмозеро* бас. р. Нижняя Охтома, прит. Чикши, прит. Охтомы, прит. Илексы; *Нялма* – прит. Шуи; *Нялма* – прит. Ведлозера (известна с 1659 г. [Карелия в XVII веке, 1948, 138]; *Нильмагуба* – зал. оз. Каменное бас. Чирка-Кеми. К северу от Кеми находим д., залив *Нильма губа* на Топозере; *Верхнее* и *Нижнее Нильмозеро*, имеющие сток в *Нильмогубу* Белого моря (*усть Нилмо реки* в 1563 г. [СГКЭ, № 137]). Это название сравнивалось с саам. *n'al'm*

‘пасть, глотка’ в [Керт, 1960]. Причислять топонимы на *Нильм*- к таковым на *Нялм*-, *Нельм*- нам, помимо прочего, позволяет название р. *Пильга* (прит. Рокши, прит. - Онды), вытекающей из оз. *Пяльгозеро*.

6. В Восточной Карелии известны р. *Нюхча* бас. Белого моря и бол. *Нюхчин Мох* близ ручья *Нюхтин* – прит. Илексы; в Южной Карелии – «в Кижском погосте... Осиповщиною да озерком лешим *Нюхчею*» [Карелия в XVII веке, 1948, 138]. На севере Карелии к саамским «лебяжьим» названиям мы можем причислить исконное название острова Муксалма Соловецкого архипелага⁶: *Нуксы* (1468 г.), *Нуксари остров* (1479 г.) [подробнее см.: Шилов, 1997; Шилов, 1999б, 103].

7. На юге Карелии есть *Нюнас гора* (*Нюназ*) близ р. *Нюняз* бас. Олонки [Сп. 1905; Сп. 1928]. С саам. *nip'n* ‘нос, выступ, горный отрог’ это название сравнивал Г. М. Керт [1960,] (более точным видится сопоставление с саам. *njuones* ‘то же’ [Шилов, 1999а, 70]). К северу от Кеми подобных названий не обнаружено.

8. Помимо примера, указанного А. К. Матвеевым, других в Карелии нами не найдено (есть русское название острова *Плоский Киврей* на Белом море).

9. К югу от Кеми известны оз. *Тарайсярви* на р. *Тарасйоки* (в атласе А. Стрельбицкого 1890 г. – *Торасйоки*) – прит. Шуи; о-в *Торайссари* на оз. Нюк; озера *Торос* на реках Суккозерка, Куландеги и в бас. Западной Лексы; озера *Торосозеро* на Суме, Охте, Олонке (*Тораи озеро* в 1563 г. [ПКОП, 66], *Тарасозеро* на карте А. Клешина 1728 г.), Семче (в *Тарасех...* на *Тарасове озере* (1587 г.), *волостка Тораиозеро в Торажозере* (1597 г.) [История Карелии, 1987, 183, 223].

К северу от Кеми к «поперечным» саамским названиям мы причисляем *Торайсярви* на р. Пистайоки и, предположительно, *Торджозеро*, лежащее поперек (и вбок) течения р. Нижняя Кумозерка, впадающей в Нижнее Кумозеро (есть еще название *Поперечная Ламбина* в бас. р. Кювиканда). Не исключено, что обсуждаемое понятие в этом регионе могло реализовываться в топонимии и по иной модели – через саамское *kovDi* ‘широкий’ (см. ниже *Ковда*). Во всяком случае, *Ковдозеро* на р. Няла бас. оз. Кереть именно «поперечное». Похожие случаи мы наблюдаем и на более южных территориях.

10. Рефлексы соответствующего саамского слова нам видятся в таких названиях, как п-в *Чаж* с окончательностью *Чажнаволоок* между заливами Большое Онего и Кондопожской губой, т. е. на распахе большой водной глади; *Чащеручей* – прит. Свири; д. *Чачаны* на р. Тукса. К северу от Кеми отметим оз. *Чашское* бас. Вехкозера бас. Лоуксы, прит. Керети. На Кольском п-ве известно 6 названий на *чач*-, *чатц*-, *чадз*- [KKLS, 1025].

11. К подобным названиям мы относим: к югу от Кеми *Чикшозеро* на р. *Чикша* – прит. Охтомы, прит. Илексы и *Тикшезеро* бас. Чирка-Кеми (есть и *Тикша* – прит. Ояти [СГЮВП, 67]); к северу от Кеми оз. и р. *Чикша*, впадающая с севера в оз. Среднее Куйто (*Чикшамуж озеро*, *Чикша* [Сп. 1908]) и крупное *Тикшезеро*

⁶ В настоящее время Соловки административно входят в состав Архангельской области, но исторически они всегда были связаны именно с Карелией.

бас. Ковды⁷. Относительно колебания *ч/ш(с)/т* в заимствованиях (как апеллятивов, так и топонимов) см. *тутель*, *шутём*, *сутьма* ‘поле под паром’ [Фасмер, 4, 127, 492], *чигаши*, *цигачи* ‘мошкара’ на севере Карелии и *тигачи* южнее [Мызников, 2004, 348], *Космоозеро/Котмоозеро/Кочмоозеро* в пределах одного документа [ПКОП, 125, 134], названия на *чюзм-*, *сюз(ь)м-*, *шужм-*, *тюзьм-*, произошедшие явно из одного или родственных источников (см. в обсуждении). Если топонимы на *тикиш-* и *чикиш-* действительно имеют общее происхождение (кстати, в противном случае *тикиш*-топонимы не получают никакой разумной интерпретации), то это дает основание объединить и топонимы на *чукиш-/чукс-* и *тукиш-/тукс-* (см. п. 13).

12. К югу от Кеми: *Челмозеро* бас. р. Няуга, прит. Чирка-Кеми; пос. *Чёлму-жи* и зал. *Чёлмогуба* на Онежском оз.; *Челма* – прит. Важинки; *Челмозеро* на р. Туна, прит. Жилой Тамбицы, прит. Пяльмы бас. Онежского оз. К северу от Кеми: *Челозеро* (**Челмозеро*) на Верхней Куземке (состоит из двух плесов, соединенных коротким проливом); *Челозеро* – озерный пролив между реками Кукса и Винча; залив *Челмогуба* и мыс, о-в *Чёлма* ~ *Чуолманиеми* на Топозере (большой остров отделен от материка узким проливом).

13. Достаточно уверенно к этому типу названий мы причисляем *Чуксолампи* близ Сундозера бас. Суны. Сюда же мы относим и топонимы с анлаутным *т-*, не имеющие альтернативной этимологии (см. п. 11): *Тукса* – прит. Олонки (1563 г.) [ПКОП, 57]; *Тукишеярви* на р. Тунуда, прит. Илексы; *Тукиша* – прит. Важинки; *Туоксалахти* на р. Китенйоки (1590 г.) [История Карелии, 1987, 278]; г. *Туоксавара* у р. Тарасйоки. В бассейне Ояти есть р. *Тукиша* (*Тукса* в 1496 г.) [ПКОП, 44], а в бассейне архангельской Ундоши – *Токиша*. К северу от Кеми подобных саамских названий не найдено. Нет здесь и явных русских (от *глухарь*, *мошник*) и карельских (от *metšo*) «глухариных» названий. Впрочем, русифицированные названия на *Метч-* трудно разделять на те, что произошли от карел. *metšo* ‘глухарь’ и *metšä* ‘лес’.

14. Непросто различать топонимы на территории Карелии, произошедшие от саам. *sijjdt*⁽⁴⁾ ‘зимняя деревня’ и *sijjdt*^E, *siejjdt* ‘дух-покровитель (и объект, в который он вселился)’ [подробнее см.: KKLS, 495–496]. К югу от Кеми встречаются названия: оз. *Шитлампи* на р. Пяля, прит. Суны; мыс *Шитый* на п-ве Заонежье; *Шитной остров* на р. Выг (1556 г.) [Материалы, 1941, 182–185]; *Шута* – диоритовая гора около 20 м близ *С в я т н а в о л о к а* на оз. Палье (в этих примерах *ш-* могло возникнуть под карельским влиянием, а не отражать саам. *š-); *Siid niemi* ~ *Сиг-наволоок* на *С в я т о з е р е* бас. Шуи [Сп. 1928]; *Сидозеро* на р. Челма – прит. Важинки, прит. Свири. На севере Карелии можно отметить *Седостров* на Белом море.

⁷ Для названия р. *Чикиша* на Онежском п-ве Т. И. Киришева с сомнением предложила саам. *čikša* ‘орел-рыболов’, заметив, что трудно объяснить рус. *ш* на месте саам. *č* (такой фонетический облик вполне возможен лишь на территории Белозерья) [см.: Киришева, 2003, 119]. Со своей стороны отметим, что названия крупных *Тикишезер* (да и *Чикиш*-гидронимов – на фоне отсутствия *Чекш-*) Карелии (о начальном *т-* мы говорим особо) вряд ли могут восходить к именованию непромысловой (и неавторитетной в саамской мифологии) птицы.

15. Назовем Верхнее и Нижнее *Шуабъярви* на Лузингийоки бассейна оз. Большое Ровкульское; *Шубозеро*: не идентифицировано; названо в документе 1558 г. при описании пути с Сумы на Выг [Материалы, 1941, № 84] (о начальном *ш*- см. п. 14); оз. *Супеярви* бассейна р. Мотко, прит. Суны; *Siipontäki* – часть с. Кумола Кирьяжского погоста (1618 г.) [История Карелии, 1987, 295]. К северу от реки Кемь подобных названий не обнаружено, но есть много названий на *хаапа*-, *хаб*-, *габ*- прибалтийско-финского происхождения (фин. *haapa*, карел. *hoabu* ‘осина’).

3.2. Иная саамская топонимия севера Карелии

Здесь мы приводим характерные топонимы саамского происхождения, этимология которых подтверждается либо наличием калек (прямых или метонимических), либо выразительными свойствами именуемых объектов, либо, наконец, созвучием сложных фонетически названий с саамскими лексемами, не оставляющим сомнения в корректности (и единственности) сопоставления.

Бояривошари, о-в на Пяозере: саам. *vuarrev* ‘белка’ [подробнее см.: Шилов, 2003б, 159].

Васкозеро Верхнее и *Нижнее* бас. Елети; *Васкозеро* на р. Кулат (кстати, рядом протекает р. *Калайоки*, ср. саам. *kull* и приб.-фин. *kala* ‘рыба’) – исток р. Кереть; *Васькиярви* бас. Нотозера, бас. Ковдозера; *Вуашкалошари* на Пяозере (в южной Карелии есть р. *Васка* бас. Койтайоки): саам. *vuaska*, *vweska* ‘окунь’. Название *Вуашкалошари* свою форму приобрело, видимо, через прибалтийско-финское (карельское) посредство, ср. соответствующие названия Финляндии с основной *vuosk*- [KKLS, 1036].

Винча – р. бас. Ковды: саам. *winNse* ‘озерный лосось’. О ловле лососевых в Винче свидетельствуют туристические отчеты.

Воленварака ~ *Алавуара* [Список, 1908] на оз. Лулло на р. Шомба – прит. Кемь. Здесь мы, похоже, имеем дело с саамско-карельской калькой (ср. саам. *vuolle*- и карел. *ala*- ‘нижний’; кстати, рус. *варака* – скорее саамское заимствование, нежели карельское). К саам. *vuolle*- восходит, видимо и название *Волина-ламбина* – нижнего по течению, обособленного плеса оз. Вокшезеро на р. Поньгома.

Калга – река, впадающая в Белое море (с 1694 г. известно название поселения в ее устье – *Калгалакша*): саам. *keälgan* ‘вересняк; гладкий ягельник; место с редкими деревьями’, что соответствует реалиям местности на многих участках реки и в ее устье. На севере Карелии есть и иные подобные названия: г. *Калгувара*, о-ва *Калганцы* на Белом море, мыс *Калгуев* на о-ве Анзер, *Кяльгозеро* близ ст. Боярская (1552 г. – *Кяльгозеро*) и др.

Качнаволоок – мыс на Белом море близ устья Воньги. А. К. Матвеев название *Качозера* близ Ундозера на западе Архангельской области связывает с саам. **kāsse* ‘скупой’ [Матвеев, 2004, 135]. Оконечность мыса и близлежащие острова отличаются скудной растительностью или вовсе ее лишены. Есть еще *Качезеро* на юго-западе Онежского озера.

Ковда – наиболее полноводная река Карелии; впадает в Белое море. *Ковдская волость* известна из документа 1507–1514 гг., *Ковда река* – с 1532 г. [СМИК, 27; АСМ, 44]. Собственно, это название прилагалось лишь к нижней части озерно-

речной системы (Софьянга–Кума–Иова–Ковда). Определение «широкая» (паатс. *kovvDi*, attr. *kovvDa*, Няутямо *kowDai*, нот. *koBdtai* при кильд. *komdtag*, *komde* [KKLS, 153, 1062]) относилось, возможно, изначально не к реке (большей частью – до постройки многочисленных ГЭС – текшей в теснинах), а к Ковдозеру, ширина которого заметно превышала длину (по отношению к направлению течения реки). В Карелии известно еще 5 подобных названий.

Кузокоцкий мыс на Белом море (тоня *Кузокотка* известна с 1544 г. [АСМ, 66]): саам. *kuzz-kuotska* ‘еловый перешеек’, что четко отвечает реалиям местности: мощный мыс (до 4 км ширины в своей оконечности), покрытый сосной, соединяется с материком узким (~ 400 м) перешейком, поросшим елью.

Кукаат – о-в на Топозере, *Кукас* – оз. бассейна Ковды. Форма объектов не оставляет сомнений в происхождении их названий от саам. *kuk'k'e*, attr. *kugk'es* ‘длинный’. Название оз. *Кукас* (*Кукасярви*) с саам. *kukkas* ‘длинный’ сопоставлял Г. М. Керт [Керт, 1960]. Ср. с названием оз. *Кукас* бассейна Олонки, рядом с которым расположено оз. *Долгое*.

Купчинный – мыс и приливный порог (*Купчининский порог* в 1607 г. [СГКЭ, № 142]) близ него на Белом море, к северу от острова Великий. Это название, равно как и названия оз. *Куопсярви* на Вуоснайоки бас. Ковды, оз. *Купецкое* (в 1563 г. – *Купецкое* [ПКОП, 171], но оно же и *Медведево* [Шилов, 2001а, 52]) в восточной Карелии, *Купецкий наволок* на полуострове Заонежье логично связывать не с купцами, а с медведями – паатс. *kuovdža*, сонг. *kuobdža* ‘медведь’ [KKLS, 180] (у К. Никкуля – *kuobds*, *kuobdsh* [Керт, 2002, 152]).

Кухто Большое и *Малое* – оз. бассейна Тикшезера: саам. *kūxxt* ‘два’ (размером озера практически одинаковы).

Кяткевара – гора близ *Кяткейоки* – прит. Понселийоки бас. Пяозера; *Кятка* – р., впадающая в Гридину губу Белого моря; *Кешкозеро* на р. Росомаха, впадающей в Нольозеро бас. Ковды. Интересно, что названия на *кятк-* (как и финские на *kätkä-* [KKLS, 978] логично возводить к *keätka* ‘росомаха’ нотозерского и сонгельского говоров колтского диалекта саамского языка, а *Кешкозеро* – к *kiethke* говора Паатсйоки того же диалекта. К. Никкуль относит «росомашьи» названия (из колтского *ket'ke*) к частотным в саамской топонимии [см.: Керт, 2002, 150].

Ляхкомина – о-ва на Ковдозере. До превращения озера в водохранилище они являлись частью полуострова, где стояла одноименная деревня. Название логично трактовать как «полуостров», ср. саам. *lahke* ‘половина’ и *jemne* ‘земля’.

Майя – о-в на Пяозере, *Маяоя* – прит. Ялноша, прит. Шомбы, *Майозеро* – оз. на Верхней Куземке, прит. Воньги: саам. *maiiji*, *maiag* ‘бобр’. Много подобных названий и в южной Карелии.

Нижма – река, впадающая в оз. Лисье – часть замкнутой акватории Белого моря, образованной материком и большим островом Олений. Этот тип названий (*Нижма*, *Нижмозеро* на Онежском п-ве) относят к загадочным [см.: Киришева, 2003, 120]. Нам же представляется, что он вполне объясним на саамской почве. Дело в том, что из оз. *Лисье* (а следовательно, и из самой *Нижмы*) в море ведут два пути – к северу и к югу от о-ва Олений. Название озера (как и многие другие

с элементом *лис*) мы соотносим не с *лисами*, а с приб.-фин. *lisä* ‘добавка, приток, протока’ [см.: Шилов, 1996б, 71; Шилов, 1999б, 108], потому и название *Нижма* мы связываем с саам. *n’essem* ‘пах’, в топонимии ‘раздвоение’ [о названиях этого типа см.: Шилов, 1999а, 65–66, 75].

Нупаярви и *Пиени-Нупаярви* – оз. на Муткайоки, прит. Оланги (в [Список, 1928] там названа д. *Нууппа*): нот. *nubpr^E*, кильд. *numbpr^E* ‘второй’ [KKLS, 287].

Нялла – оз. бас. оз. Кереть: саам. *n’all* ‘песец’ [KKLS, 293].

Овечье – оз. на р. Пулома, прит. Энгозера. Поселений здесь нет, и никогда не было. Поэтому название логичнее не сравнивать с домашними животными – овцами, а видеть в нем переосмысление саамской основы: Луле *autso*, норв. диал. *avššo* ‘сырое, заросшее кустами место в долине; прибрежные заросли смешанного леса в сырой местности’ [SKES, 28], что отвечает характеру северного и восточного берегов озера.

Овриево озеро (1591 г.: *Верхнее Овриево*), ныне *Большое Северное* (при том что *Малого Северного* нет) – оз. бассейна р. Кулат бассейна оз. Кереть: саам. *dvir* ‘обширный’ [SKES, 31].

Пежостров у устья Керети, *Пежостров* к востоку от устья Поньгомы: саам. *pedz* ‘сосна’ (острова действительно поросли сосной). Отметим рефлексацию аффрикаты саамского этимона на фоне более южных названий Карелии: оз. *Печче*, гора *Петсевара*, руч. *Печий*, д. *Печеймака* Толвуйского погоста [ПКОП, 137].

Суоло – оз. (с островами) бассейна Кепы: саам. *suol* ‘остров’. Сюда же относятся и название Соловков [см.: Шилов, 2001б].

Тюле – протока из Нотозера в Ковдозеро, сбоку к ней примыкает оз. *Нерпозеро*: ср. саам. *t’ulle* ‘тюлень’ и рус. *нерпа* ‘вид тюленя’ [Шилов, 2001а, 53].

Ундукса – река, впадающая в Белое море к северу от р. Воньга. По поводу названий с данной топоосновой (в Карелии еще *Ундужа* – прит. Выгозера) А. К. Матвеев писал: «Что касается топонимов *Ундозеро* и *Ундоша* (левый приток Онеги. – А. Ш.), то они, как и многие другие однокоренные названия крупных озер и вытекающих из них рек, пока не поддаются этимологизации. Возможно, они относятся к тому же севернофинско-саамскому слою, что и *Икса*, *Иксозеро*, тем более что основа *унд-* засвидетельствована и в микротопонимии: в том же ундозерском регионе есть еще зал. *Ундуша* в Кармозере. Так или иначе, основа *унд-* явно означает нечто гидронимически существенное и, видимо, является финно-угорской по происхождению. На это указывает распространенность основы, но только в названиях водных объектов, и набор сочетающихся с ней формантов, среди которых есть финно-угорские, ср.: на РС – *Ундозеро* (Выт), *Ундозеро* и *Ундручей* (Плес), р. *Ундуга* (Хар), р. *Ундыш* (Вин), в бас. р. Свирь – *Ундручей*, в Карелии – реки *Ундужа* и *Ундукса*» [Матвеев, 2004, 140].

О реке Ундукса мы можем сказать следующее. В отличие от соседних рек – Воньги, Куземы и Поньгомы к югу, Хлебной, Сига и Калги к северу – Ундукса (и ее озера) характеризуется песчаным дном и берегами (на них песок залегает под слоем торфа). Столь же «песчаной» является архангельская Ундоша (о других объектах у нас данных нет). Поэтому соответствующие названия мы считаем

возможным возвести к саам. **undus* ‘песок’, ср. ин. *vuodas*, колтта *vuoddas*, *voddas*, кильд. *vūndas*, Имандра *vundas*, *vondas*, **vuondas*, терск. *vīnds* [KKLS, 776]. На Кольском п-ве отмечены топонимы с основами *vuoddas*-, *vuoddes*-, *uoddes*-, *vundas*-, *vuondas*- [Там же, 1036]. Согласно материалам К. Никкуля, в области саамов Колта есть один топоним с основой *vuoddas*- и 5 с основой *vuoddes*- [Керт, 2002, 167].

Форма *Ундукса* явно возникла через карельское посредство: саам. **Undus(jogk)* – карел. **Unduksenjoki* – рус. *Ундукса* [см. по этому поводу: Шилов, 1999б], как и *Нёнокса* на Онежском п-ве – из саам. *njunnes* ‘нос, мыс’ [KKLS, 307]. Заметим, что при прибалтийско-финском и русском освоении саамских названий анлаутное *v*- обычно сохраняется. Так, в Финляндии саамские «песчаные» топонимы известны в форме *Vuonisolahti*, *Vuontisjärvi*, *Vuontiskero*, *Vuontisrova* [KKLS, 1036]. Поэтому топонимы на *унд*- отражают, видимо, черту местных саамских диалектов (т. е. *v*-кольских говоров инновационно). Кстати, само саамское слово считается субстратным [см.: Керт, 1971]. Оно, заметим, неизвестно в диалектах норвежских и шведских саамов⁸.

Чанин – мыс Белого моря, напротив которого находятся о-ва *Черные*: саам. *t’šahpad*, attr. *t’šahpes* ‘черный’ [KKLS, 646].

Шавруха – прибрежная гора в губе Кив Белого моря: саам. *tšuerve* ‘рог’ [об этимологии см.: Шилов, 2003а, 109].

Шайвозеро бассейна р. Корпийоки бассейна Пяозера: у кольских саамов понятие *saiva* употребляется для обозначения священных вод (проточных озер с чистой водой и особо вкусной рыбой). *Сайво* – это и дух-хранитель семьи, рода или территории [ПФНР, 121, 134; см. также: KKLS, 478].

Эртен – о-в на оз. Кереть: саам. *jierrte* ‘ребро, бок’. Остров ориентирован с севера на юг, в отличие от других островов озера, ориентированных с запада на восток. На Кольском п-ве есть оз. *Jiert-piell-jawr*.

4. Обсуждение

4.1. Итак, о достаточно длительном проживании саамов на севере Карелии от ее западных границ до Белого моря и их активном контактировании с русскими вплоть до XVIII в. говорят не только исторические, но и топонимические свидетельства, в первую очередь – кальки (при всей несопоставимости площади территории Карелии к северу и к югу от р. Кемь на севере Карелии довольно много саамско-русских калек). Поэтому абсолютно неверным представляется вывод: «Ко времени

⁸ В связи с этим интересно указание А. К. Матвеева на то, что подобные основы встречаются и в Волго-Окском междуречье: *Ундишка*, *Ундолка*, *Ундорога*, *Ундюгерь*. Можно ставить вопрос и о соотношении с этими названиями гидронимов на *Онд*-/Вонд-: *Ондозеро* (1587 г.: *Юндозеро*, 1597 г.: *Ондозеро*) в Средней Карелии (р. Верхняя Онда и само Ондозеро характеризуются песчаными грунтами) [см.: Шилов, 2005, 119], *Онтусболото* близ оз. Кемское [см.: Матвеев, 2004, 166], *Вонда* басс. Печоры, *Вондонга* басс. оз. Воже, *Вондожь* басс. Сити, *Вондога* – прит. Молокчи, *Вондюга* басс. Торгоши – прит. Вори Клязьминской, *Вонд* басс. Белого Луха, *Вондух* басс. Колпи Окской [см.: Поспелов, 2000, 59]. Конечно, ряд южных примеров может быть сопоставлен с мар. *вондо* ‘куст’, но не много ли получается «кустовых» рек?

расселения русских на побережьях Белого моря прибрежная «лопь» была вытеснена почти повсеместно появившимися здесь ранее карелами» [Бернштам, 1978, 62]. О специфике саамской топонимии региона будет сказано далее.

4.2. Сейчас же мы хотим отметить, что как для Карелии в целом, так и для ее севера актуально заключение А. К. Матвеева, высказанное по отношению к этнической истории РС: «Древняя чужь предшествовала более позднему саамскому и прибалтийско-финскому населению или сосуществовала с ним, представляя собой особую этническую общность» [Матвеев, 2003б, 7]⁹. Примеры предполагаемой чуждской топонимии и лексики (во многих своих чертах близкой к состоянию, реконструируемому для прибалтийско-финского языка-основы) приведены в [Шилов, 1999а, 36–37; Шилов, 1999б]. Для севера Карелии добавим название реки *Чюзма*, указанной в «Книге Большому Чертежу» между Керетью и Кемью (похоже, она соответствует Куземе). Аналогичные названия есть и южнее: оз. *Чужмозеро* и речка *Чужмукса* (*Чюзмукса* в 1663 г. [Карелия в XVII в., 1948, 156]) и оз. *Чюзмесь* (1500 г. [ПКВП]), в бас. Койтайоки к востоку от Иломанси, ныне – *Сюсмьярви* в Финляндии. Топооснова *чюзм-/чюзжм-* видится нам «чуждским» вариантом прибалтийско-финской топоосновы *сюсм-/сюзжм-/иужжм-*, восходящей к фин. *sysmä*, ливв. **sūzmī* (откуда выводят рус. диал. *сузём, сюзем*), собств.-карел. **šūžmā* ‘лесная глушь’¹⁰. Эта основа явно представлена в таких названиях, как *Сюсмья* – д. на оз. Пяйянне в Финляндии, *Сужмозеро* к северу от Выгозера (1558 г. [Материалы, 1941, №84]), *Шужмуй* (ныне *Жужмуй*) – о-в на Белом море, *Сюзьма* – р. близ устья Онеги (*Сюзма* в 1-й пол. XV в. [ГВНП, 197]), *Сюзьма* – д. на р. Ежуга, прит. Пинеги, и во множестве других, распространенных от Белого моря на севере до Прибалтики и Подмосковья на юге, от Финляндии на западе до Приуралья на востоке (примеры и соответствующие примечания см.: [Шилов, 1996а, 72–74]; хотя эта работа и грешит ненадежными сопоставлениями, ее топонимические данные надежно верифицированы). Ареал топоосновы, ранняя документация соответствующих топонимов (начиная с XV в.) и варианты, в которых она представлена в русском освоении (вплоть до *Чизма, Сезма ~ Сизьма ~ Шишма* и *Тюдьма ~ Тюзьма*)¹¹ свидетельствуют о том, что она имеет не узко прибалтийско-финское происхождение [см. об этом: Теуш, 2003]. Соответствующие карельские топонимы на *ч-* могут принадлежать более древнему, нежели прибалтийско-финский, финс-

⁹ Полагаем, что этой чужди могут быть приписаны охотничье-рыболовецкие поселения X–XI вв. с грубой лепной глиняной посудой (имеет соответствия на Верхней Волге), найденные на Водлозере, р. Водла, в Чёлмужах, в устье Суны, на р. Черанге (басс. Суны), Шелтозере, Сямозере, близ Золотца в низовьях Выга. Отчасти синхронные с ними (X–XIV вв.) саамские бескерамические поселения найдены на Водлозере, востоке (Бесов Нос) и западе Онеги, Сямозере, Сумозере, в устье Выга [АК, 272, 274, 376]. Таким образом, некоторые саамские названия могли подвергнуться и чуждской переработке (фонетической адаптации, возможно – и калькированию), а затем быть восприняты прибалтийскими финнами, к которым чуждь по языку была, очевидно, ближе, нежели к саамам.

¹⁰ Чисто формально топонимы на *ч-* могли бы быть объяснены потенциальной людиковской или вепсской формой **tšūzm*, соответствующей финскому *sysmä*, но такое объяснение неприменимо к беломорской *Чюзме* и финскому (когда-то – новгородскому) *Чюзмес*.

¹¹ О рефлексии прибалт.-фин. *ij* в русских заимствованиях см.: [Мызников, 2004, 366].

кому этносу – чуди. Эта чужь проживала здесь явно одновременно (как минимум – в какой-то промежуток времени, см. выше об археологических данных) с саамами. Но в рамках данной работы ее присутствие в этом регионе несущественно, ибо достоверных признаков языкового контактирования чуди и лопи мы пока не имеем [о немногочисленных потенциальных примерах см.: Шилов, 2001a], что не удивительно в силу исконной враждебности саамов и чуди, о чем писалось во множестве работ.

4.3. Саамский компонент севера (и не только) Карелии своеобразен: а) относительно малая плотность саамских названий по сравнению с более южными территориями; б) малочисленность (или полное отсутствие) некоторых саамских топонимических индикаторов, указанных А. К. Матвеевым; в) особенности некоторых саамизмов в фонетическом отношении, при этом мы не можем определенно отнести данные особенности за счет собственно саамской специфики или специфики русского освоения соответствующих топонимов (здесь мы априорно полагаем, что вышеприведенная атрибуция ряда обсуждаемых топонимов верна).

А. Это может быть объяснено характером освоения территории разными группами, точнее – характером межэтнических контактов. Об активности последних, как нам кажется, говорят исторические данные и многочисленные саамско-карельские и саамско-русские кальки. Следовательно, многие исходно саамские названия могли быть калькированы карелами и русскими. Ср. с тем, что писал Э. Лённрот в путевых заметках 1842 г., направляясь из Кандалакши в Кемь: «Русские относятся к названиям мест как к эпитетам – как только узнают их значение, так сразу же переводят их на свой язык» [Лённрот, 269]. О непосредственном саамско-русском контактировании говорят приведенные ранее примеры: мыс *Чатин* – о-ва *Черные*, р. *Росомаха* – *Кешкозеро*, *Кочкам-наволок* – мыс *Орлов*, оз. *Овриево* – *Большое Северное* и др.

Б. Здесь также могло сыграть свою роль калькирование (ср. отсутствие саамских «осиновых» основ на *шуб-*, *суб-* при обилии карельских на *хаб-*, *хаапа-*; почти полное отсутствие саамских «лебяжьих» названий при наличии карельских на *евж-*, *евч-* (карел. *eutšen* ‘лебедь’) и русских *Лебяжьих* и *Лебединых*). Определенную роль могло сыграть и местное развитие «топонимического видения», при котором то или иное понятие, активное топонимически, устойчиво передавалось через иную, чем на более южных территориях, лексику (см. выше об основах *торос-* и *ковд-*, *мотк-* и *охт-*, *тайвал-*). Это явление не чуждо как субстратной [см.: Шилов, 2003a], так и русской топонимии севера России (безрыбные озера могут называться как *Пустыми*, так и *Бедными*). Нельзя сбрасывать со счетов и возможное влияние специфики местного ландшафта, равно как и типа хозяйственной деятельности древнего населения (о чем для данной территории мы знаем очень мало).

Отметим еще повсеместное отсутствие в Карелии (как и на РС) топонимов с субстратными (для самого саамского) элементами *кетък-* ‘камень’ и *нярк-* ‘мыс’ при наличии топонимов на *унд(ус)-* как в Карелии, так и к юго-востоку от нее (см. выше). Это, как кажется, свидетельствует о неоднородности субстрата саамской лексики.

В. Бросаются в глаза четыре особенности фонетики саамизмов Карелии (или особенности их русского восприятия):

– спорадическая трактовка начального *č*- как *t*-: *тукиш*- (*тукс*-) вместо *чукиш*- (*чукс*-) ‘глухарь’, *тикиш*- вместо *чекиш*- (*чикиш*-) ‘осенняя стоянка’;

– рефлексация интервокального прасаамского **-kc-* как *-ks-*, *-kš-*: *Тукиша*, *Тукса*, *Чукса*, *Нуксы*, *Тикиша*, *Чикиша* (лишь в Восточной и Южной (п-в Заонежье) Карелии мы имеем *нюхч*-). В этом отношении карельские саамы (*-ks-*, *-kš-*) отличаются от колтских и кильдинских (*-hč-*), но более близки к терским и иным саамским группам, у которых наблюдается *-kč-*. Этим они сходны с белозерскими саамами [см.: Матвеев, 2004, 222];

– трактовка (рефлексация) интервокального или конечного *-cc-*, *-dz-* как *-š-*, *-ž-*: *чаж*-, *чаиш*- наряду с *чач*- на юге (саам. *časse* ‘вода’), *неж*-, наряду с *печ*-, *печче*- на юге (саам. *pedz* ‘сосна’). Но при этом регулярно встречается *куч*- (саам. *kuddz* ‘кислый’). Примеры на *куиш*-, *куж*- здесь непоказательны, ибо могут быть соотнесены с карел. *kuuši*, *kuuži* ‘ель’.

– достаточно регулярное *-i-* вместо *-e-* первого слога в топонимах на *тикиш*-, *чикиш*- (вместо *чекиш*-), *нильм*- (вместо *нельм*- или *няльм*-, ср. саам. *njalm* ‘устье’), *Пильга* наряду с *Пяльгозеро* (см. выше). Это явление нарастает с юга на север. Вместе с тем *челм*- (ср. саам. *tšoalme* ‘пролив’) не переходит в *чилм*-.

В качестве специфичной черты местного саамского диалекта (диалектов) отметим и сохранение раннего состояния интервокальной группы **-mb-* (на фоне современной *-bb-* диалектов кольских саамов): топонимы на *ломб*- (из **lōmbal* при современном саам. *luobbal*, но фин. диал. *lompola* [этимологию названия *Соломбала* см. в: Шилов, 1996a]), *ромб*- (о-ва *Ромбаки* Белого моря; из **rōmb-* при современном саам. *ruobre* ‘каменная куча, насыпь, гора’) и др.

В целом, указанные в п. 4.3 особенности, характерны для всей Карелии и отчасти для Присвирья, а не только для севера Карелии. Истолкование этих наблюдений – дело будущих разысканий.

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи // Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1. С. 47–56.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. VIII. СПб., 1862.

Державин – Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Е. М. Эпштейн. Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 89–133.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.

- Карелия в XVII веке / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.
- Керт Г. М.* Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // *Вопр. языкознания*. 1960. № 2. С. 86–92.
- Керт Г. М.* Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971.
- Керт Г. М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002.
- Киришева Т. И.* К изучению субстратной гидронимии Онежского полуострова // *Этимологические исследования*. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 110–121.
- Лённрот – Путешествия Элиаса Лённрота. Петрозаводск, 1985.
- Лескинён В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // *Прибалтийско-финское языкознание*. Л., 1967. С. 79–88.
- Материалы – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.
- Матвеев А. К.* К ареальной специфике некоторых субстратных топооснов саамского происхождения // *Этимологические исследования*. Вып. 8. Екатеринбург, 2003а. С. 121–129.
- Матвеев А. К.* Топонимические этимологии. XIV // *Ономастика и диалектная лексика*. IV. Екатеринбург, 2003б. С. 3–9.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург, 2004.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Поспелов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
- ПФНР – Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- СГТД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.
- СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономики. Т. 2. Л., 1929.
- СГЮВП – *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- СМИК – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. // *Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Вып. 28. Сер. северная. Л., 1930.
- Список 1905 – Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / Сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907.
- Список 1908 – Список населенных мест в Архангельской Карелии // *Архангельская Карелия*. Изд. Арханг. губерн. стат. комитета. 1908. Приложение 2.
- Список 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.
- Теуш О. А.* К этимологии рус. диал. *сузём* // *Ономастика и диалектная лексика*. IV. Екатеринбург, 2003. С. 9–14.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Харузин Н. Н.* Русские лопари // *Изв. ОЛЕАЭ при Московском ун-те*. Т. 66. Тр. этнограф. отд. Кн. 10. М., 1890.
- Шилов А. Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996а.
- Шилов А. Л.* Топонимический заповедник // *Русская речь*. 1996б. № 3. С. 66–74.
- Шилов А. Л.* Исторические свидетельства и этимология топонимов Карелии // *Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 3–5 февраля 1997 г.)*. М., 1997. С. 264–266.
- Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999а.
- Шилов А. Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // *Вопр. языкознания* 1999б. № 6. С. 100–114.
- Шилов А. Л.* Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // *Вопр. языкознания*. 2001а. № 1. С. 43–59.

Шилов А. Л. Соловки // Русская речь. 2001б. № 3. С. 87–90.

Шилов А. Л. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 2001в. № 6. С. 13–27.

Шилов А. Л. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // Вопр. языкознания. 2003а. № 1. С. 109–118.

Шилов А. Л. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003б. С. 148–162.

Шилов А. Л. На байдарках по Карелии. 2-е изд., испр. и расширенное. М., 2005.

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuollanlapin sanakirja. Helsinki, 1948.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1978.

* * *

Алексей Львович Шилов – доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского географического общества (Москва).

О. М. Младенова

ЭТНОНИМИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ*

The author explores in this article the relationship between speakers' type of ethnic identity and their use of ethnic terms in speech. The article consists of four parts. It starts by proposing a hierarchical model of identities in a multicultural society that accounts for the variation of identities actually existing in Russia. The model introduces two basic types of identity: simple and nesting. It is shown that ethnic-term use may vary in samples produced by holders of different type of identity in terms of quantity and quality. In order to set the foundation for a more substantive qualitative analysis, in section two the author briefly describes the semantic, functional and structural characteristics of the domain of ethnic terms. Section three is devoted to the interpretation of ethnic terms in speech from the vantage point of communicative grammar and the theory of reference and nomination. Here the author co-relates specific paradigmatic and syntagmatic characteristics of ethnic terms with the different types of ethnic identity. Section four tests the proposals made on theoretical grounds by a statistic analysis of texts written by two holders of a simple and a nesting identity, respectively.

Целью настоящей работы является установление взаимосвязи между типом национального самосознания говорящего и употреблением им этнонимов в речи, а также анализ характера этой взаимосвязи. Мы начнем с описания предлагаемой модели национального самосознания (1), кратко обсудим особенности семантического поля этнонимии (2), затем рассмотрим, как с точки зрения коммуникативной грамматики и общей теории референции и номинации единицы семантического

* Работа выполнена при поддержке гранта Канадского фонда для исследований в области общественных и гуманитарных наук (SSHRC) и является частью темы «Shared Mental Representations and Language Patterns: Research Strategies and Empirical Studies».

поля этнонимии (ЕСПЭ) используются в речи и какие парадигматические и синтагматические характеристики ЕСПЭ должны согласовываться с разными типами национального самосознания (3). Наконец, мы проверим состоятельность теоретически обусловленных предположений статистическим анализом текстов, созданных носителями противоположных типов самосознания (4).

1. В советское время существовало два основных типа национального самосознания, унаследованных от имперского периода: простое и сложное, последнее по другой терминологии *nesting ethnic identity* – самосознание, устроенное по принципу матрешки [см.: Федотов, 1967, 281–295; Стреляный, 1992, 187–193; Cohen, 1978]. Для русских сложное национальное самосознание могло состоять из четырех слоев: человек был одновременно гражданином СССР и – скажем – РСФСР, славянином и, наконец, собственно русским. В каждом слое круг «своих» у него был особый: любые советские граждане или россияне¹, славяне внутри СССР и за его пределами², другие русские люди, живущие в СССР или эмигрировавшие за границу³. Напротив, однослойное простое самосознание считает русского русским, а армянина – армянином⁴. Иными словами, сложное национальное самосознание является проводником объединения, так как делает личность локусом сосуществования различных самоощущений (человек одновременно является и советским гражданином, и славянином, и рус-

¹ Ср.: «Распад нашей Империи стал главным событием прошедшего тысячелетия. Беловежская пуца нарушила не только границы пространства, но и временные категории. В провалы Карабаха проникло время варварства, времена феодализма вылезают из иных щелей. Мы живем, если живем, в смешавшемся времени. Чтобы поехать к другу в Киев, нужна виза. Но поэты живут не в пространстве – в общей стране страдания. Светлана Аллилуева писала, что я мечтаю о кочевой столице поэтов. Это не совсем точно. Но пока никто не может вырвать меня из пространства или времени Мариса Чаклайса, Ивана Драча, Ладо Гудиашвили. Это не имперское мышление, а сущное» [Вознесенский, 1998, 257].

² Ср.: «Чуткий Иван Тургенев обозначит героя того времени – болгарин Дмитрий Инсаров (роман «Накануне»). «Люблю ли я Родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?» В уста русского Базарова патриотизм такой заправки вложить трудно – слишком силен пафос. Тогда, как, впрочем, и сегодня, это немодно. Мы стыдились любить Россию публично – весь пламенный патриотизм выплеснулся на Болгарию. Общественное мнение это допускало» [Федотова 1998].

³ Ср.: «Владимир Владимирович – потомок русских эмигрантов. Не хотелось бы называть его по имени-отчеству. Владимир Владимирович – это величественно, как собор. Он был явный Володя с округлыми движениями и словами. Он строил свою речь из пространственных предложений, что в наше время выглядело старомодно и искусственно. Он говорил не на нашем русском языке, он говорил на эмигрантском языке. Свой, но не наш, как выражалась одна моя хорошая знакомая» [Сапгир, 1999, 114–115].

⁴ Ср.: «Тот же Владимир Аронович выставил мне итоговую тройку (в седьмом или в восьмом классе, не помню) лишь после того, как к нему пришли депутацией наши отличники – Портер, Рабинович и Френкель – и сказали: как вам, аиду, не стыдно губить другого аида. «Топоров не аид, – гневно востепенел Владимир Аронович. – Я смотрел запись в журнале. Он русский!» – «А вы не в журнал, вы на него самого посмотрите», – вразумили отличники, и искомая тройка была выставлена» [Топоров, 1999, 49–50].

ским), а простое национальное самосознание разделительно, поскольку проводит границы между людьми (человек или является русским, или им не является). Различия между этими двумя типами возникают за счет различной иерархии составляющих: при сложном самосознании национальность занимает подчиненное положение по отношению к гражданству и языку, а при простом она является такой же характеристикой человека, как гражданство, пол, профессия, возраст и т. д., причем в идеальном случае самоидентификация по национальности не отличается от самоидентификации по языку. Если в советское время государство поощряло сложное самосознание, то независимые постсоветские государства (за исключением многонациональной России) в основном поддерживают простое самосознание титулярного народа. При этом сложное самосознание не является чертой одних только русских⁵ и не эквивалентно так называемому имперскому сознанию, с которым оно имеет некоторые общие черты.

Рассмотрим примеры простого и сложного самосознания. Критерием в обоих случаях служит граница между «своими» и «чужими». В конце 1980-х гг. во время одного из модных тогда телемостов московская ведущая разговаривала с десятилетней грузинской девочкой, от которой ей никак не удалось получить «правильный» с точки зрения сложного самосознания ответ на вопрос о том, кто же она такая. Девочка сначала сказала, что она из Тбилиси, на повторный вопрос, хорошо подумав, ответила, что она грузинка, а когда ей задали тот же вопрос в третий раз, она так и не нашла, что ответить, так что ведущей пришлось с кривой улыбкой сообщить ей, что она ведь советская девочка, она гражданка Советского Союза. Другой пример – москвичка, носитель сложного еврейского самосознания, рассказывает о своих впечатлениях от встречи в 1958 г., когда она была подростком, с литовскими носителями простого еврейского самосознания:

Она (мама. – *О. М.*) узнала, что существует некий частный пансион, где кормят обедами, и в назначенный час мы вошли в просторную комнату, где пахло так, что голова кружилась. Кругом звучал идиш. Две пожилые женщины разносили еду: румяные блинчики, компот, рыбу. Наконец одна из подавальщиц подошла к нашему столику и обратилась к нам на идише. «Простите, мы не знаем идиша. Мы из Москвы», – объяснила мама. «Из Москвы? Какие же вы евреи? Вы – гоим. Я вам ничего не дам. Это еврейский пансион». «Но принесите хотя бы дочке. Она голодная», – взмолилась мама. Подошла вторая подавальщица и, тихонько посоветовавшись с первой, принесла нам еду. Больше мы туда не ходили [Миллер, 1998, 49].

Согласно интересной классификации Т. Ю. Позняковой [1997], билингвы могут иметь статическую или динамическую модель языковой идентификации. Это означает, что в первом случае они четко противопоставляют «своих» и «чужих», а во втором – предполагают существование промежуточной зоны, в которой принадлежность к «своим» или «чужим» решается в зависимости от нужд момента. Языко-

⁵ Такое оно, например, у Н. В. Гоголя, Вахтанга Кикабидзе [см.: Мелик-Карамов, 1997], Григория Померанца [см.: Померанц, 1990; Померанц, 1998, 190–192], народного поэта Башкирии Мустая Карима, ср. строчку его стихотворения «Не русский я, но – россиянин!» [БКСО]. Список легко можно продолжить.

вая идентификация билингвов, по Т. Ю. Позняковой, параллельна рассматриваемой нами типологии самосознания, которая, однако, шире, потому что охватывает и монолингвов. В свете этой гипотезы подавальщица в еврейском пансионе является носителем не только простого самосознания, но и совпадающей с ним статической языковой идентификации, что предопределяет оценку ее русскоязычных московских собеседников как «чужаков».

Следующий пример ясно показывает подчинение критерия национальности критерию гражданства для тех, у кого самосознание сложное, при этом существование самостоятельного государства даже в прошлом может сыграть роль для признания права быть другим, отдельным от своего «я»:

Всех выходцев из России, проживавших в Китае, я долгое время считал русскими. Даже поляков.

– Польша теперь независимое государство, – разясняла мама мое заблуждение.

– В городе есть польская школа, костел. Интересы поляков защищает польское консульство.

Поляки не русские. <...>

– А у литовцев консульство есть? – спрашивал я у матери, вспоминая соученика по фамилии Матулис. <...>

– Есть и у литовцев, – отвечала мама.

– У латышей и эстонцев – тоже. Раньше они были поданными Российской империи, а теперь самостоятельные.

Я недоумевал, когда слышал, как армяне называли себя армянами, а грузины – грузинами, и спрашивал маму:

– А у армян и грузин есть консульства?

– Нет. Армения и Грузия входят в состав Советского Союза.

Моя голова шла кругом. Почему же они не русские, если входят в состав Советского Союза? Впрочем, с тем, что армяне – это армяне, а грузины – это грузины, я примирился, когда узнал, что у них была своя история, отличная от нашей, свои цари и полководцы. Но вот с тем, что некоторые малороссы называли себя украинцами, а не русскими, примириться не мог. Общая история, общая вера, даже язык почти общий, а народы разные. Чепуха какая-то, думал я. Выходит, и Тарас Бульба не русский? И сын его Остап? И Колька-маленький? И Приходько – тот самый, которого называли «важной птицей», а потом арестовали и выслали в Советскую Россию? [Абросимов, 1990, 326–327].

Детское приравнение «своих» к русским в этом случае опровергается взрослыми. Имперское сознание также считает «своих» в многонациональном государстве русскими и таким образом навязывает меньшинствам самосознание русских.

Более сложные случаи, когда речь идет о группах, занимающих заведомо неравноправное положение в обществе. Так, антисемитизм, по-видимому, может сопутствовать и простому, и сложному самосознанию. Толкование следующего диалога еврея с русским, для которого российские евреи не являются россиянами⁶, зависит от того, как в данном случае употреблено слово *россиянин*: как синоним слова *русский* или же словосочетания *гражданин России*. Диалог происходит после совместного прослушивания антисемитской песни:

Ефим Михайлович Долин, засмущавшись, покашливает и, чтобы разрядить неловкость, первым аплодирует за столик.

⁶ «Русскоязычный нееврей – есть и такая формула русскости» [Топоров, 1999, 368].

– Все же, господа, – говорит он, – я, иудей, признаю справедливость в дележе нашего племени на евреев и жидов. Всякие Троцкие и Керенские – чем не жидоморды?! А кто посмеет сказать о господине Абрамовиче что-либо кроме как: еврей?

– Я, – смеется Ванюшин. – Дерьмо ваш Абрамович! Сам кашу заваривал, а теперь всем за границей в жилетку плачет. Дрэк! И ты, Фима, сволочь. Пусть бы при мне кто посмел про россиянина хоть словечко обидное сказать! Я б немедля глотку перегрыз. А ты изгиляешься перед нами, своих соплеменников продаешь, хуже любого черносотенца. Так себя ведут потаскухи [Семенов, 1973, 70].

Высказывание Ефима Долина подчиняется практике, распространенной в группах, принадлежность к которым считается в обществе предосудительной. Согласно наблюдениям Э. Гофманна, член такой группы может попытаться классифицировать других членов своей группы в зависимости от присутствия у них тех черт, которые, на взгляд общества, и являются причиной гонений на данную группу. После этого он может перенести отношение «нормальных» членов общества к себе на наиболее заметных носителей этих черт [см.: Goffmann, 1963, 107]⁷. Со стороны же «нормальных» членов общества возможен ряд реакций на заклеянную группу, заметное место среди которых занимает фигура умолчания:

В нашем обширном, сообща живущем семействе был ряд узаконенных формул восхищения теткой, не знаю только вот, в виде какого коэффициента вводились в них анкетные данные – возраст, пол, семейное положение и национальность. Конечно, наше семейство было слишком интеллигентно, чтобы опускаться до уровня отдела кадров. О таких вещах никогда не говорилось, но стопроцентное молчание всегда говорит за себя: молчание говорило, что об этих вещах не говорилось, а – *зналось*. Она была на пятнадцать лет старше дядьки, у них не было детей, и она была еврейкой. Для меня, ребенка, подростка, юноши, у нее не было ни пола, ни возраста, ни национальности; в то время как у всех других родственников эти вещи были [Битов, 1998, 322].

Неравноправные отношения между национальностями, особенно в многонациональном обществе, часто становились объектом изучения, в том числе и с языковой точки зрения⁸. Для целей же этого исследования важно учитывать, что определяющим для типа самосознания является не отношение говорящего к отдельным группам, каким бы оно ни было, а иерархия национальности, языка и гражданства в его картине мира. С другой стороны, членство в заклеянной группе может заставлять проверять на прочность собственную приверженность к сложному национальному самосознанию:

А вот что касается национальности, то отношение к ней, мне кажется, было больным его [Пастернака. – О. М.] местом. Не то, чтобы он ее стеснялся – этого не было. Но, являясь по духу глубоко русским поэтом, он терялся и не знал, что делать и что говорить, когда оказывалось, что его еврейское происхождение никогда не забывают и никогда не прощают [Ивинская, 1978, 151].

⁷ Яркие примеры описанного поведения приведены у Померанца [1998, 100] и В. Топорова [1999, 325–331]. Ср.: «Я за евреев, но против жидов», – такое можно порой услышать и от самих евреев. А что такое жид? Еврей в те минуты, когда он забывает о своей еврейской особости, когда ведет себя так, словно она отсутствует напрочь» [Топоров, 1999, 338].

⁸ См.: [Lukens, 1978; van Dijk, 1984; 1985; Greenberg, Kirkland, Pyszczynski, 1988; Quasthoff, 1989; Dougherty, 1991; Winkler, 1994]; есть и специализированный журнал, уделяющий много места этой проблематике, – «Maledicta, The International Journal of Verbal Aggression» (издается с 1977 г.).

Хотя имперское сознание, русофильство, русофобия и аналогичные отношения к другим народам представляют собой явления иного порядка, они часто проявляются одновременно с типологией национального самосознания. Поэтому с их присутствием, мешающим «чистоте эксперимента», приходится мириться.

Рассматривая взаимосвязь между типами национального самосознания и употреблением ЕСПЭ носителями противоположных типов, прежде всего отметим, что эта взаимосвязь имеет количественное и качественное измерения.

В количественном плане теоретически можно предположить, что ЕСПЭ чаще встречаются в речи носителей простого самосознания, так как национальность для них – характеристика более высокого ранга, чем у носителей сложного самосознания и, следовательно, в интерпретации происходящих событий должна обладать большей объясняющей силой. Кроме того, границы группы сами по себе представляют ценность для носителей простого самосознания, поэтому должны чаще обсуждаться. Мои попытки интервьюировать россиян – носителей сложного самосознания по национальным проблемам косвенно подтверждают это предположение. Осмысленного разговора у нас не получалось, поскольку моим собеседникам тема была совершенно неинтересна и они все время уклонялись в сторону вопросов, которые казались им более важными. В правдоподобности высказанного предположения убеждают и результаты исследования А. Д. Дуличенко, позволяющие видеть статистику употребления этнонимов *русский* и *россиянин*, а также родственных с ними слов в российской прессе 1992 г. См. график на рис. 1 построенный на материалах исследования А. Д. Дуличенко [1994, 210–220].

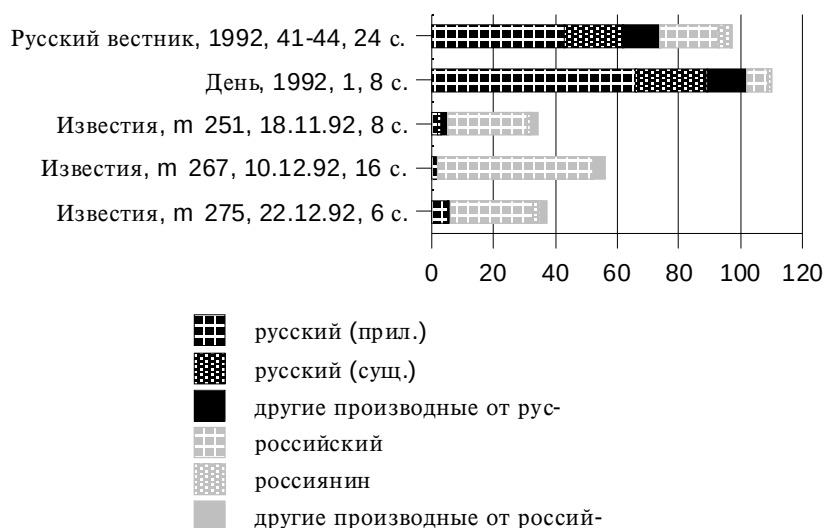

Рис. 1.

Так как в отличие от большинства других этнонимов, которые могут использоваться двояко, *русский* и *россиянин* специализировались для обозначения национальности, а также языка и, соответственно, национальности, подчиненной

гражданству (т. е. примерно так же, как *English* 'английский' и *British* 'британский'), предпочтение одного из этих терминов может служить статистическим знаком простого или сложного национального самосознания. Само существование слова *россиянин*, функционирующего так же, как аналогичные *Canadian* 'канадец (-ка)', *American* 'американец (-ка)', *Österreicher* 'австриец', доказывает существование общности, принадлежность к которой не определяется по этническим признакам, ср. удивившее меня своим заголовком *Die neue Österreicherin* «Новая австрийка» сообщение в австрийских газетах о болгарской оперной певице, только что принявшей австрийское гражданство, при полной невозможности словосочетания **новата българка* (но ср. *новые россияне* ~ *новые русские*).

Как и следовало ожидать на основании описанной типологии, проправительственная российская пресса, поддерживающая сложное национальное самосознание, не только предпочитает образования от основы *россий-* (они составляют около 90 % общего числа слов с основами *рус-* и *россий-*), но и вообще в примерно одинаковом объеме текста (30 газетных страниц) использует лишь чуть меньше двух третьих (61,35 %) того количества слов от основ *рус-* и *россий-*, которые употребляются в оппозиционной прессе. Имея в виду националистическую направленность последней, что предполагает приверженность к простому национальному самосознанию, не следует удивляться тому, что оппозиционная пресса отдает предпочтение словам с основой *рус-* (их более 85 %).

Гораздо больший интерес для освещения связи между картиной мира и языком представляют качественные отличия в употреблении ЕСПЭ носителями двух типов самосознания. Перед тем как их определить, необходимо ответить на следующие вопросы: Что такое семантическое поле этнонимии и какими грамматическими категориями оно представлено в словаре? Для чего вообще люди используют ЕСПЭ? Какие функции ЕСПЭ выполняют в речи?

2. В характеристике семантического поля этнонимии оттолкнемся от прототипических этнонимов – имен существительных, представляющих собой «названия лиц по национальной или государственной принадлежности» [Ковалев 1991, 5]: *татарин*, *эстонка*, *казахенок* и т. п. К ним примыкают названия по регионам большего или меньшего по сравнению с государством размера: *азиат*, *кавказец*, *сибиряк*, – а также оценочные этнонимы: *азер*, *русак*, *совок*, *ходя*, *хохол*, *чурка*, *чухонец*, *чучмек* и др.

В пределах поля этнонимы этого типа связаны отношениями деривации со следующими классами слов:

- 1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (*Русь* > *русский*);
- 2) отвлеченными существительными, обозначающими признаки и свойства (*еврей* > *еврейство*, *русский* > *русскость*, *цыган* > *цыганицина*);
- 3) прилагательными (*американец* ~ *американский*, *калмык* > *калмыковатый*);
- 4) наречиями способа действия (*француз* > *по-французски*);
- 5) глаголами (*русский* ~ *обрусеть*).

Как этнонимы, так и их дериваты участвуют в устойчивых словосочетаниях, например *английская булавка, новые русские, дважды еврей Советского Союза* 'реэмигрант: человек, уехавший на постоянное жительство в Израиль, а потом вернувшийся в Россию или другую республику бывшего СССР' [Юганов, Юганова, 1997, 66]⁹. У таких слов могут появляться новые значения, связанные с запомнившимся участием этнической группы в каких-либо событиях, ср. *варяг* 'руководитель, который назначен вышестоящим органом и который не был до момента назначения членом возглавляемого им коллектива' [Там же, 41]. Наконец, для обозначения лиц по национальному признаку могут использоваться и разного рода описательные выражения (например *пан* по отношению к поляку, *белокурая бестия* к немцу, *чернозадый*¹⁰ или *носатый кепочник*¹¹ к южанину неславянского происхождения, *носатый брюнет*¹² к еврею, *косоглазый* к азиату и т. д.). Все эти слова и выражения вместе взятые образуют семантическое поле этнонимии, у которого есть свой центр (стилистически нейтральные прототипические этнонимы) и все более удаляющаяся от него периферия.

Семантическое поле этнонимии организовано вокруг таких классификаторов, как *национальность, происхождение, кровь, род, племя, народ; земляк, соотечественник, иностранец, инородец / нацмен, полукровка*, которые относятся к членам поля примерно так же, как местоимения к полнозначным частям речи¹³ и позволяют не только заменять отдельные ЕСПЭ более общими категориями (*англичанка, немка, француженка ~ иностранка*), но и образуют фразеологизмы (например, *без роду и племени*) и служат стержнем таких аналитических выражений, как *мексиканка смешанной крови, немолодой циркач смутной крови, молодые люди чистой кастильской крови* или пресловутые *лицо кавказской (еврейской) национальности* и по той же модели шутовское *лицо славянской национальности*¹⁴. К семантическому полю примыкают также такие специализированные и общие семантические операторы [Lakoff, 1973; Арутюно-

⁹ Этнонимы в устойчивых сравнениях и их роль для создания этноцентрической картины мира рассматриваются Ю. Лихтенберг [1994].

¹⁰ «Я уже не говорю о том, что нельзя называть людей – «нацмен», «черножопый», «лицо кавказской национальности». <...> Тем более нельзя забывать, что, когда началась Отечественная война, эти люди, с акцентом, без акцента, чернозадые или какие еще, все они головы сложили ради этой огромной страны. Мой отец погиб под Керчью в 42-м» [Мелик-Карамов, 1997, 36].

¹¹ «Ну нравится всяким носатым кепочникам трепаться, так уматывали бы в Тифлис и трепались» [forums.ng.ru/cis/].

¹² «Его затуманенный взор остановился на Жене, и он коснулся табуированной темы ее научного руководителя: – Вот опять носатые брюнеты русскую девку одурачили! Он будет процветать в своем Иерусалиме, а про любимую ученицу и не вспомнит. До чего же мы все-таки доверчивый народ... – В тебе я особой доверчивости что-то не замечал! – сердито оборвал его Саша» [Новикова, 2000, 184].

¹³ Ср.: *он ~ человек, такой ~ красный, который ~ второй, столько ~ пять, как ~ быстро*, сюда же относятся болгарские непереводимые глаголы *таковам < така* 'так, этим способом' и *онаковам < онака* 'тем способом', буквально 'делать тем или иным способом', заменяющие в речи любой глагол, который говорящий не может вспомнить в данный момент или не хочет упомянуть по эвфемистическим причинам.

¹⁴ Об аналитических структурах с десемантизируемыми элементами см.: [Гак, 1965].

ва, 1999, 830-846], как *коренной, чистокровный, чистопородный, дальше некуда, пробу ставить некуда* и, соответственно, *настоящий, липовый*, при помощи которых говорящие характеризуют степень принадлежности субъекта к классу.

В силу подчеркнутого интереса носителей простого самосознания к проблемам национальности можно ожидать, что семантическое поле этнонимии будет у них представлено бóльшим количеством членов – как в центре, так и на периферии поля, тогда как у носителей сложного самосознания центр будет заметнее периферии.

3. Предварительным условием для использования ЕСПЭ в речи является их существование в языке, т. е. если слово используется носителями языка, значит, в какой-то момент оно было создано актом языковой номинации из элементов, которыми его создатели располагали. Процесс языковой номинации можно изучать, анализируя этимологию, морфологическую структуру и семантику соответствующего термина¹⁵. Говоря о процессах, состояниях, событиях и свойствах, об их субъектах или объектах, носители языка используют имеющийся у них запас слов. Этот аспект коммуникативного процесса называется речевой номинацией или дескрипцией [см.: Серебренников, Уфимцева, 1977, 3; Арутюнова, 1999, 95]. Говорящий не обязан выбрать именно ЕСПЭ, потому что он всегда располагает альтернативными языковыми средствами. Если он это все-таки делает, то у него должны быть на это причины. Употребление ЕСПЭ может быть вызвано исключительно содержанием сообщения (как в примере 1, где информативная ценность ЕСПЭ не выходит за рамки самого сообщения), но может учитывать и особенности участников коммуникативного акта, и эта вторая группа употреблений, как мы увидим в дальнейшем, имеет бóльшее значение для нас.

(1) Георгий, *грузин-полукровка* из Абхазии, приехал в Москву к *русской бабушке*, днем пек лаваш на Бутырском базаре с *дядей по грузинской линии*, вечером ездил в университет слушать лекции с вечерниками, хотя со всеми этими военными делами на его родине у него даже аттестата не было [Щербакова, 1999, 420].

То, что Георгий – грузин-полукровка, ставит в перспективу русскую бабушку, наличие которой в свою очередь объясняет читателю, почему он приехал именно в Москву, а возможность зарабатывать выпечкой лаваша на Бутырском базаре объясняется как его предполагаемой компетентностью в этом (он ведь грузин-полукровка), так и помощью одинаково компетентного грузинского родственника, устроившегося там ранее. Без этих трех ЕСПЭ пример 1 был бы менее информативен относительно мотиваций и действий всех участников. Их присутствие, однако, не дает понять, какой человек говорит об этом и какое у него отношение к референтам и их поведению.

В зависимости от своего категориального значения ЕСПЭ подразделяются на *соотнесенные* и *не соотнесенные с лицами*, ср., например, личное категориальное значение прилагательного в словосочетании *ев-*

¹⁵ Примером исследования языковой номинации этнонимов является работа Г. Ф. Ковалева [1991], где можно найти дальнейшую библиографию.

рейские беды и обиды ‘беды и обиды евреев’ и неличное в *чешское пиво* ‘пиво, произведенное в Чехии’. Эту классификацию можно в принципе проводить на уровне словосочетания. Тем не менее употребление в контексте – как у личного ЕСПЭ *мексиканец* в примере 2 – может противоречить ожиданиям, возникшим на основе словарной дефиниции.

(2) Ананас был *мексиканцем*, и в его запахе не было ничего советского [Евтушенко, 1998, 110].

ЕСПЭ участвуют в высказываниях в именных и глагольных синтагмах самой разнообразной структуры: *президентский повар-китаец*, *муж-оркестрант из армян*, *русский по паспорту*, *настоящий грузинский мужчина*, *многодетный отец явно еврейской наружности*, *иудейская выдержка*, *армянский Аверинцев*, *развод по-итальянски*, *считать себя украинкой*, *податься в евреи* и т. д.¹⁶

ЕСПЭ может выполнять в синтагмах различные функции. В именных синтагмах, например, ЕСПЭ может быть определяемым – именем существительным, являющимся стержнем словосочетания (ср. *грузин-полукровка из Абхазии* в примере 1) или определением – атрибутивным приложением (как *хозяин-немец* в примере 3), рестриктивным прилагательным, суживающим объем определяемого имени, в результате чего синтагма в целом играет роль составной номинации (ср. *русские люди* в примере 4) или атрибутивным прилагательным, придающим определяемому дополнительную этническую характеристику (ср. *татарская дворничиха* в примере 5).

(3) Дядя Жора был во время войны в плену в Германии, а потом ездил с его *хозяином-немцем* во Францию [Лимонов, 1998, 173].

(4) Они разговаривали уже давно, несколько битых часов, как разговаривают одни только *русские люди* в России, как в особенности разговаривали те утраченные и тосковавшие и те бешеные и иступленные, какими были в ней тогда все люди [Пастернак, 1986, 532].

(5) Так вот, в одной квартире с сыном Раи Зыбиной окажется живущей *татарская дворничиха* с мужем и ребенком [Лимонов, 1998, 32].

Можно предположить, что атрибутивное использование ЕСПЭ будет в большей степени свойственно речи носителей простого национального самосознания, потому что, привнося в речь этническую характеристику как дополнительную, атрибутивный ЕСПЭ будет восприниматься как информативно более ценный и, следовательно, оправданный именно с точки зрения носителей простого национального самосознания.

Совокупность синтагм, содержащих ЕСПЭ, можно классифицировать в зависимости от того, предметное у них значение или признаковое. Глагольные синтагмы специализируются на признаковом значении, но большинство именных могут использоваться в речи в обоих значениях, ср., например, признаковое *подлинный российский интеллигент* и предметное *российский интеллигент* в примерах 6 и 7:

¹⁶ В анализируемых текстах синтагмы отмечаются курсивом, а ЕСПЭ в их составе – если они поддаются идентификации – жирным шрифтом.

(6) И в этом он (Булат Окуджава. – О. М.) был *подлинным российским интеллигентом*, камертоном чести, нравственности в наше безнравственное время, но главное, я повторяю, это было то «чуть-чуть», та нота поэзии, которая, как известно, выше нравственности [Вознесенский, 1998, 147].

(7) Еще в самом начале века замечательно заметил кто-то, что *российский интеллигент*, если повезет ему пробыть неделю в полицейском участке, то при первой же возможности он пишет большую книгу о перенесенных им страданиях [Губерман].

Референтами синтагм предметного значения могут быть лица или предметы (OR), ср. личную синтагму *плод цыганско-еврейской любви* и неличную *нос по-русски картошкой*. Следует разграничивать референта синтагмы предметного значения от категориального значения ЕСПЭ. Личный референт может сочетаться с неличным категориальным значением ЕСПЭ (*российский интеллигент*) и наоборот (*ножик швейцарского офицера*). Референтом личной именной синтагмы могут быть индивиды (IR) или целые группы (GR), при этом на шкале между двумя полюсами от наименьшей к наибольшей конкретности будут расположены в порядке нарастающей конкретности следующие типы именных синтагм, индексируемые цифрами от 1 до 4:

- типизирующие синтагмы, отсылающие к эталонному представителю класса (пример 8);
- генерические синтагмы, обозначающие класс; бывают двух видов – единственного и множественного числа (примеры 9 и 10);
- неопределенные синтагмы, относящиеся к любому члену данного класса, отвечающему требованиям контекста (пример 11);
- конкретные синтагмы, т. е. имеющие конкретный референт (пример 12).

(8) Впрочем, Рафинад не очень был похож на *еврея*, гены бывшей солистки Ленконцерта оказались сильнее наследственности папаши стоматолога [Штемлер, 1994, 10].

(9) И даже ведомый ложной, с точки зрения современности (на 1987 год), идеей национал-социализма, *немец*, дрался как зверь [Лимонов, 1998, 35];

(10) Во время войны, как множество других советских детей, я, конечно же, ненавидел *немцев*, однако моя не совсем благозвучная фамилия *Гангнус* порождала не только шутки, но и немало недобрых подозрений – не немец ли я сам [Евтушенко, 1998, 39].

(11) Ограничили прием *евреев* в высшие учебные заведения, преградили пути в государственный, партийный и военный аппараты [Рыбаков, 1997, 229].

(12) *Эта англичанка* уничтожала пирожки с таким русским удовольствием, и сквозь дыру одной из штанин ее продранных джинсов выглядывал красный от холода кусочек ее молодой, веснушчатой, обсыпанной золотыми волосками ноги, не побоявшейся ступить на русскую, полную опасных ям землю, где так легко оступиться [Евтушенко, 1998, 111].

Особый интерес для нас представляют и попытки овеществить класс и представить его как конкретный референт (ср. примеры 13 и 14), обозначая его существительным собирательным, так как можно предположить, что они будут характеризовать в большей степени речь носителей простого самосознания из-за их большего интереса к этническим группам по сравнению с носителями сложного самосознания.

(13) Но вы-то лучше меня знаете, что *Россия*₁ ходила не в лаптях. *Россия*₄ ходила в сапогах, прочных, смазанных дегтем, а то и хромовых [Солоухин, 1995, 230].

(14) Что точно так же, как взрыв Храма Спасителя явился апогеем и символом разрушения и насилия, высшей степенью унижения *русского народа*₁, точно так же его возрождение на старом месте явится возрождением, воскресением России [Там же, 131].

За синтагмами признакового значения сохраняется термин «типизирующие синтагмы», потому что они приписывают субъекту признаки, характерные для класса как типа, ср. в примере 15 *выцыганил*, т. е. выпросил, как это сделал бы эталонный представитель *цыган*₁:

(15) На следующий день я пошел к моему лондонскому издателю, *выцыганил*₁ у него аванс за книгу фотографий и купил моей жене норковое манто [Евтушенко, 1998, 121].

Те же четыре значения – типизирующее N₁ (*русская кровь* = *кровь русского человека*₁ в примере 16 и *русское удовольствие* = *удовольствие русского человека*₁ в 12), генерическое N₂ (*по старому русскому обычаю* = *по старому обычаю русских*₂ в 17 и *русская земля* = *земля русских*₂ в 12), неопределенное N₃ (*русская кровушка* = *кровь русских*₃ в 18) и конкретное N₄ (*фрицевский портфель* = *портфель фрицев*₄ в 19) – могут характеризовать ЕСПЭ личного категориального значения, принадлежащие не к именам существительным, а к другим частям речи¹⁷.

(16) У тебя бьется пульс. В тебе струится *русская*, *кровь* [Солоухин, 1995, 350].

(17) Тогда давайте выпьем за это <...>. Но чтобы это исполнилось, *по старому русскому*₂ *обычаю* бокалы до дна, а потом об пол... [Евтушенко, 1998, 322].

(18) В первые годы советской власти он (Металлов. – О. М.) возглавлял ЧК в Воронеже. Эх, и попил же *русской*₃ *кровушки*! [Солоухин, 1995, 178].

(19) В 1944-м, выйдя со своим взводом разведчиков прогуляться в тыл врага, уже на территории Польши, лейтенант Кузякин перерезал горла паре фрицев-офицеров, путешествующих небрежно без охраны. И, прихватив *фрицевский*₄ *портфель*, свалил обратно к своим через линию фронта [Лимонов, 1998, 73].

¹⁷ При этом самым широким спектром, равным спектру имен существительных – прототипических этнонимов, обладают имена прилагательные, хотя конкретное значение N₄ встречается заметно реже, чем другие. У притяжательных прилагательных, образованных от личных имен и родственных названий, значение N₄ имеет свое формальное выражение, ср. *отцов* в отличие от *отцовский* [см.: Nørgård-Sørensen, 2002, со ссылками на более раннюю литературу]. Следы значения N₄ можно, хотя и чрезвычайно редко, обнаружить и у относительных прилагательных. Вот один пример, который вне контекста воспринимался бы как имеющий значение N₃, а в контексте не исключает интерпретацию как N₄: *американское предложение* = *предложение, сделанное американцем/американцами*₃ – «Горы немытой посуды и кучи раскрытых книг окончательно убедили американца, что он имеет дело с гением, и он незамедлительно сделал ему (Алику. – О. М.) предложение – перейти к нему на работу. Boston, MIT. <...> *Американское*_{3/4} *предложение* значило для него (Алика. – О. М.), что эффективность его работы возрастет» [Улицкая, 1999, 207]. Среди отвлеченных существительных и наречий в материалах, проанализированных мною, попадаются только более абстрактные N₂ и N₁, а среди глаголов, которых в семантическом поле меньше всего, – лишь наиболее абстрактное N₁. Эта любопытная грамматико-семантическая закономерность заслуживает дальнейшего рассмотрения на лексически неограниченном материале.

Позволяя плавно переходить с более конкретного на менее конкретное (как в примере 20) и наоборот, полисемия ЕСПЭ является краеугольным камнем для строительства и в то же время выражения самосознания в речи.

(20) В-четвертых, победа произошла еще и потому, что тоже ведь, кроме большей части командиров и почти всех комиссаров, солдатики-то, то бишь бойцы, были *русские*₃. Воевать *русские*₂ умеют, это известно всем издавна [Солоухин, 1995, 147].

Можно даже привести и неслучайные с этой точки зрения двусмысленные примеры (см. 21), показывающие речевой механизм, при помощи которого незаметно для самих говорящих делается переход от частного к общему. Так придается конкретность абстракции класса, что должно больше соответствовать нуждам простого самосознания.

(21) Витька Косой <...> рассказал, что <...> он и еще двое ребят грабанули *азербайджанцев*₄, сев с ними в поезд, идущий в Баку. Чемодан денег взяли. Косой смеялся и говорил, что дело было не очень опасное, потому что в милицию заявлять *азербайджанцы*₄ все равно не пошли бы: мандарины, которые они продают как колхозные, на самом деле частные, и такие деньги, как есть у *азербайджанцев*_{3/2}, у нас в Союзе иметь не разрешается [Лимонов, 1998, 173].

Посмотрим теперь, в каких условиях функционируют в речи синтагмы, содержащие референтные и нереферентные ЕСПЭ. С точки зрения актуального членения предложения, введенного в научный оборот Пражской лингвистической школой, высказывания делятся на тему (данное) и рему (новая информация), между которыми иногда есть переходная зона. Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, могут присутствовать во всех трех зонах высказывания, и их местоположение значимо. Высказывания являются частью монологов или диалогов, которые построены из блоков, принадлежащих одному из пяти основных коммуникативных регистров речи. Стержнем каждого отдельного блока является предикат. Три регистра (репродуктивный, информативный и генеритивный) участвуют как в монологических, так и в диалогических текстах, а два другие (волюнтивный и реактивный) – лишь в диалогических [см.: Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, 29–35, 393–400].

В репродуктивном регистре говорящие представляют факты, которые они воспринимают своими пятью органами чувств, ср. примеры 12 и 22. Репродуктивный регистр не мог бы существовать без ссылки на конкретных референтов, хотя и другие типы референтов не исключаются.

(22) Ведущий, милейший парень Витторио Кавал, артист и поэт, плеснул на свое лицо *цыгана*₁, минеральной водой прямо из бутылки, освежился, сконцентрировался и яростно прочитал *по-итальянски*₂ отрывок из поэмы Исаева «Суд памяти» [Евтушенко, 1998, 354].

В информативном регистре можно говорить о фактах привычных, повторяющихся, которые известны из опыта (ср. примеры 7, 11 и 23), или о фактах, смысл которых был постигнут размышлением (примеры 8, 14 и 24). Самым необходимым для этого регистра типом референта является неопределенный референт.

(23) Я рос в семье, где никогда не слышал *еврейских*₃ анекдотов, за исключением тех случаев, когда их рассказывали мамыны приятели-*евреи*₄, любившие подшучивать сами над собой [Евтушенко, 1998, 432].

(24) Только странный запах все время ощущался в комнате, тревожный и раздражающий. «*Евреями* пахнет», – решила Колыванова, которая знала, что они каким-то нехорошим образом отличаются от других людей. Это был запах камфары, который пропитал квартиру со времен болезни Лилиного деда [Улицкая, 1999, 421].

Г е н е р и т и в н ы й регистр служит для выражения обобщений, действительных для целых классов природных или общественных явлений, ср. пример 25. Чаще всего здесь встречаются генерические и типизирующие синтагмы.

(25) *Во всех нас, советских*, есть какая-то скованность. Даже когда мы бываем развязны и хамоваты, – это от нашей скованности. Если нас одеть во все от Сен-Лорана или Кристиана Диора, мы все равно узнаваемы... [Евтушенко, 1998, 119].

Обобщения генеритивного регистра вырастают на основе умозрительных заключений информативного регистра, которые, в свою очередь, построены на многократном чувственном восприятии фактов. Это видно из следующего фрагмента, объединяющего наблюдения говорящего, приписавшего национальную принадлежность физиономии и фамилии референта, со стереотипной характеристикой всей группы, аргументированной свойствами одного ее представителя.

(26) *Евреи*, хорошо пишут про любовь. У нас в классе был такой... Смотри-ка, даже фамилию забыла! Я там полгода училась всего, потому что учительницу из цветочной вазы облила – за дело, между прочим, она меня оскорбила лично. Сапаловский, что ли? Или Солоповский... Причем, *на морду*, вроде, *русский*, а *фамилия еврейская*. У них бывает. Он в меня сразу влюбился, урод, в меня уроды с первого взгляда влюбляются, – и стихи записками присылал [Слаповский, 1997, 196–197].

Умение приписывать национальность на глаз и на слух с последующим высказыванием выводов в репродуктивном регистре, хотя они по праву должны были принадлежать информативному регистру, обусловлено картиной мира, разной у разных групп. У болгар, например, есть устоявшиеся представления о том, что такое цыганская внешность, которые не соответствуют, насколько я могу судить, аналогичным представлениям в русской картине мира. Читателю-нероссиянину трудно представить, что именно увидел узколицый в лице своего собеседника в примере 27, хотя и понятно, что он мгновенно определил его национальность как татарскую:

(27) – Незваные гости... – участливо начал узколицый молодой, но, взглянув на лицо мужчины в сером, осекся, и стало понятно, что осекся на словах: хуже *татарина*, [Иг-Смирнов-Охтин, 1994, 55].

Российская способность определять национальность евреев по внешности часто вызывает недоумение и недоверие у людей другой культуры. Ограничимся одним примером из канадской действительности. В 1995 г. на слушании своего дела пожилая беженка еврейского происхождения из России сказала, что она боялась выходить из дома. Канадец, председатель комиссии по делам беженцев, задал стандартный вопрос: как люди узнают, что она еврейка, чтобы подвергнуть ее дискриминации. На ее картинный вопрос «А что, я не похожа?!», сопровождавшийся смехом, он ответил, пожав плечами, что она как две капли воды похожа на его собственную бабушку, хотя он сам и не из еврейской семьи. Более того, картина мира – величина, переменная во времени [см.: Варбот, 2003] и зависит от социальной принадлежности носителя. Судя по мемуарам, Анна Ахматова могла бы среагировать в описанной выше ситуации так же, как тот канадец:

С такой же широтой она (Ахматова. – О. М.) относилась и к национальным вопросам. Она была истинной интернационалисткой и говорила мне, что никогда в жизни не умела отличить еврея от русского. «В мое время среди интеллигенции и не было другого воспитания, – рассказывала она. – Вот Ирочка Пунина вышла замуж за Романа Альбертовича и только потом узнала, что он еврей». – «То есть как?» – изумилась я. – «Ведь его фамилия – Рубинштейн». – «А она не знала, что это еврейская фамилия. Думала, у одного русского фамилия Иванов, у другого – Рубинштейн. Да в мое время только так и было» [Роскина, 1980, 36–37].

Для наших целей важно иметь в виду, что простое самосознание говорящего может вести к более высокой частотности ЕСПЭ в репродуктивном регистре его речи.

В о л ю н т и в н ы й диалогический регистр используется говорящими для того, чтобы побудить своих собеседников произвести какое-то действие (выпить до дна и разбить бокалы в примере 17, найти нужную породу леса в 28 и найти другого человека, который бы подписал опасный документ, и подписать документ на любом языке в примере 29), а р е а к т и в н ы й – для того, чтобы выразить свое отношение к происходящему (как в примере 30, где герой объясняет своей чужеродностью то, что его чуть не пропустили при переключке в очереди). В этих двух регистрах могут функционировать все виды синтагм, описанные выше.

(28) – Ашот, что делать, Ашот, – проговорил Балашов. – Лес нужен.

Ашот задержал корявый палец в отверстии телефонного диска.

– Есть лес, хозяин, – вежливо ответил Ашот. – Только береза и тополь. Для шахты нужны хвойные породы, северные. На той неделе у меня был...

– А еще *армянин*₁, называется, – пошутил Балашов. – Ваш брат из-под земли достанет, если надо [Штемлер, 1994, 50–51].

(29) «Ангел обвел комнату крупными печальными глазами и остановился на Ашоте.

– И ваша подпись, уважаемый, будет залогом нашего общего дела.

– Почему я?! – заволновался Ашот. – Я посторонний.

– Посторонних тут не бывает. <...>

Крупное лицо Ашота сморщилось, подобно каучуковой маске.

– Я *по-русски*₂ не знаю, – захрипел Ашот. – Я *по-русски*₂ не могу. Я *армянин*₁.

– Подпишите *по-армянски*₂, – вежливо предложил Ангел. – Мы все – дети дружной семьи народов» [Там же, 54].

(30) Из глубины Апраксина двора периодически доносились вскрики: «Пятнадцать-сорок шесть?!» И в ответ: «Никитин Алексей!» «Пятнадцать-сорок семь!» Пауза... «Есть пятнадцать-сорок семь?» – «Вычеркивай! Нету!» – «Как нету? Вот, я. Ору, не слышите». – «Фамилия?» – «Абульфас Гамидов! А то сразу, вычеркивай! Что, *другой веры*₁, да? Вычеркивай?!» – «Пятнадцать-сорок восемь?!»... [Штемлер, 1994, 61].

Какие именно ф у н к ц и и выполняют этнонимы в качестве речевых номинаций, принадлежащих теме или реме высказывания, сделанного в репродуктивном, информативном, генеритивном, волонтитивном или реактивном регистрах? Рассмотрим только именные и глагольные синтагмы, соотносимые с семантическим полем этнонимии, референтом и соответственно субъектом или объектом которых являются лицо или группа лиц. Согласно Н. Д. Арутюновой, у таких синтагм несколько функций.

Когда говорящий впервые упоминает лицо или предмет, еще неизвестные его собеседнику, они занимают интродуктивную позицию в реме бытийных и иных

предложений [см.: Арутюнова, 1999, 98–100]. Интродуктивная позиция может быть частью репродуктивного или информативного регистров. Говорящий далее ссылается на референта, введенного в текст *интродуктивной номинацией*, используя *идентифицирующую номинацию*, которая обычно является частью темы высказывания [см.: Арутюнова 1999, 100–109]. Основной функцией идентифицирующей номинации является однозначная идентификация референта – иными словами, не имело бы смысла обозначать человека этнонимом в позиции идентифицирующей номинации, если все участники события принадлежат к одной национальности. Эта позиция также бывает частью блока репродуктивного или информативного регистра. В примере 31 за этнонимом в позиции интродуктивной номинации следует этноним в идентифицирующей позиции:

(31) Пробовал сержант охотиться на Садовой улице, напротив кинотеатра «Молодежный». Тоже ничего хорошего. Помнится, взял *одного цыгана*₄, да и не рад был, – откуда ни возьмись, налетел целый табор. Фуражку с головы сбили и унесли, *вместе с тем цыганом* [Штемлер, 1994, 7].

Характерно присутствие неопределенного местоимения *один* в интродуктивной позиции, которому в идентифицирующей позиции соответствует определенное местоимение *тот* в анафорическом употреблении [см.: Арутюнова 1999, 100–101].

Синтагмы в интродуктивной (Ин) и идентифицирующей (Ид) позициях чаще всего обозначают конкретных референтов, но не исключаются и неопредетельные синтагмы, если они тоже обозначают индивидов (IR), как в примере 32:

(32) Вторым по популярности сюжетом были «мертвые *фрицы*₃ в развалинах» [Ин]. Легенда о мертвых *фрицах*₃ в развалинах [Ид] имела множество вариантов, и в некоторых из них фигурировали *вполне живые фрицы*₃ [Ин], скрывающиеся в развалинах, варящие в котелках супы и набрасывающиеся, обнажив желтые зубы, на одиноко прогуливающегося в развалинах мальчонку. Возможно предположить, что истории о злых *фрицах*₃ в развалинах [Ид] были сочинены родителями в пропагандных целях, дабы запугать малышни развалинами» [Лимонов, 1998, 67].

В наших материалах не встречаются синтагмы, имеющие группового референта, в позициях [Ин] и [Ид]. Вероятно, это не случайно, так как этнические группы, занимающие место в пространстве говорящего, априори воспринимаются как существующие, т. е. ссылки на них в [Ин] противоречили бы картине мира говорящего. Обозначения этнических групп в этих позициях характеризуют энциклопедические словари или путевые записки, ср.:

(33) *ЦЕЗСКИЕ НАРОДЫ*₄ [Ин], группа этносов в Рос. Федерации в составе *андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана*₄ [Ид]: *цезы*₂ (*дидойцы*₂) [Ин], *гинухцы*₂ [Ин], *гунзибцы*₂ [Ин], *бежтинцы*₂ [Ин], *хваршины*₂ [Ин]. Общая числ. *Ц. Н.*₄ [Ид] (вместе с *индийскими народами*₄ [Ид]) – 55–60 тыс. чел. (1992, оценка) [НРЭ, 1994, 389].

В образцах же письменной и разговорной речи, которые анализируются в данной работе, все обозначения групповых референтов в каком-то смысле выполняют идентифицирующую функцию, если вообще можно говорить об этой функции, когда речь идет о таком общеизвестном в коммуникативной ситуации говорящего предмете, как этнические группы.

Синтагмы, обозначающие группу (GR), наиболее характерны для информативного и генеритивного регистров. В этой работе к синтагмам, имеющим груп-

пового референта и находящимся в реме высказывания (как, скажем, в примере 34), будет применяться термин «р е м а т и ч е с к а я н о м и н а ц и я» [Re], тогда как термин «т е м а т и ч е с к а я н о м и н а ц и я» [Te] сохраняется за теми синтагмами, которые находятся в теме высказывания (ср. пример 35).

(34) Вон со Святой Руси *иноверцев₂* и *евреев₂* [Re]! [Штемлер, 1994, 10].

(35) *Русский человек₂* [Te] задним умом крепок [Кузьмин, 1989, 212–213].

Очерчивая сферу, относительно которой обобщение действительно, тематическая номинация является компонентом формулировок этнических стереотипов, поскольку служит для обсуждения норм поведения и свойств целых этнических групп, ср. примеры 25, 26, 35 и 36:

(36) В общем-то у них советская власть несколько маскарадная, что ли. Для *литовцев₂* [Te] все же колбаска копченая, угорь, пиво всегда важнее партсобрания, это уж точно [Улицкая, 1999, 44].

Рематическая номинация делает этническую группу фокусом высказывания, и таким образом оба употребления синтагм с групповым референтом способствуют более четкому речевому выделению этнических групп и осознанию их как объединений, единиц с какими-то характерными признаками. Можно ожидать, что носители простого самосознания будут чаще, чем носители сложного самосознания, ссылаться на групповых референтов в тематической и рематической позициях.

Следующий тип – это п р е д и к а т н а я н о м и н а ц и я, при которой грамматическому субъекту приписывается национальность и иногда он одновременно оценивается положительно или отрицательно [см.: Арутюнова, 1999, 109–115]. Национальность может быть представлена как событие (*выцыганить* в примере 15 и *стать обрусевшим поляком* в 40), процесс (*русить* в 37 и *косить под русского* в 38) или – чаще всего – как состояние (*быть подлинным российским интеллигентом* в 6, *быть похожим на еврея* в 8, *быть на морду русским* в 26, *быть армянином* в 29, *окитаиться* в 39, *оставаться евреем* в 40, *быть наполовину евреем* в 41) [см.: Зализняк, Шмелев, 1997, 40–41]:

(37) Регина Дубовицкая уже устала ругать актера: «Больше русских слов, или я не буду ставить вас в программу!» Вот и приходится хохлушке Вере «*русить*», на сцене. Хотя в итоге Данилко все равно съезжает на свой знаменитый сленг [russia.org.ua].

(38) Да, и насчет «косить под россиянина». *Косить* можно *под русского*, а не под россиянина, поскольку последнее есть гражданство, т. е. вещь объективная. А под русского или там еврея косить легче – спросите у любого из тех десятков тысяч русских, выехавших в разное время по израильской визе [forum.msk.ru].

(39) Бронька опустила подбородок в ладони, оттянув вверх щеки. Лицо ее *окитаилось*, но не стало некрасивым [Улицкая, 1999, 274].

(40) Через год их пути разошлись еще более кардинально. Младший брат решил укоротить свою фамилию, теперь он подписывался – Данч. Но при этом *оставался евреем*. Старший поступил иначе. Он тоже укоротил свою фамилию, выбросив единственную букву «И». Теперь он подписывался – Данчковский. Зато из еврея *стал обрусевшим поляком*, [Довлатов, 1986, 75].

(41) Кстати, Борина жена, в девичестве – Файнциммер, любила повторять: «Боря выпил столько моей крови, что теперь и он *наполовину еврей*!» [Довлатов, 1986, 94].

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, употребляются в предикатной номинации во всех регистрах – репродуктивном (39), информативном (6, 40 и 41), генеритивном (27), волюнтивном (29) и реактивном (30), при этом предикатная номинация всегда является ремой высказывания.

И, наконец, последний тип, который мы рассмотрим, – это *а п е л л я т и в - н а я н о м и н а ц и я*, при которой синтагма, содержащая ЕСПЭ, используется в качестве обращения к собеседнику, часто выражая и отношение говорящего к нему. Чем яснее выражено это отношение, тем больше шансов, что аппеллятивная номинация переместится из темы высказывания в рему [см.: Арутюнова, 1999, 115–120]. Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, довольно редко используются как обращения. Следующий отрывок из дела беженца уйгурско-башкирского происхождения, которое рассматривалось в Канаде в 1992 г., содержит пример такой аппеллятивной номинации в волюнтивном регистре:

(42) Потому что русскоязычное население со всех республик... бывших республик Советского Союза гонят в Россию. Русские в ответ гонят всех нерусских... в свои... ну... говорят: «*нерусские*», убирайтесь».

Иногда номинация более информативна, чем требуется для выполнения ее прямой функции в тексте. Относительно такого употребления идентифицирующей номинации отмечено, что в отличие от обыкновенной идентифицирующей номинации она находится в переходной между темой и ремой зоне и имеет особое отношение к предикату высказывания [см.: Арутюнова 1999, 108] (пример 43).

(43) – Ну что у вас общего, – раздраженно спрашивал он, – не поверю я, что *вы, русская женищина*₄ [Ид], могли любить по-настоящему *этого старого еврея*₄ [Ид]; вероятно, какой-то расчет тут был! [Ивинская, 1978, 115].

ЕСПЭ, несущие дополнительную нагрузку, встречаются во всех регистрах. Назовем такое употребление *д в у ф у н к ц и о н а л ь н о й н о м и н а ц и е й*. Двухфункциональная номинация может быть разноплановой: она может, например, состоять в отношении причинности (пример 43) или уступительности к предикату (пример 44).

(44) Екатерина Вторая в своих дневниках писала, что гордость народа, по ея мнению, находится в прямой зависимости от плодородия земли, на которой он проживает. Выходит, *Екатерина Вторая, немка*₄ [Ид], была первой российской почвенницей [Пряхин, 1995, 63].

Обзор двухфункциональных ЕСПЭ в достаточном корпусе текстов может обрисовать круг существующих представлений о роли национальности – таких, например, как выраженные прямым текстом в следующей цитате:

Во Владикавказе у тети Зины был другой муж, осетин, дядя Юра Цагалов, с устрашающей бородой. <...> Цагалов убил свою первую жену – вместе с любовником – в своем служебном кабинете, но его не посадили, а лишили партбилета и должности, принимая во внимание национальный темперамент и то, что жена использовала служебное помещение и письменный стол не по назначению [Гусаров, 1978, 13–14].

Носители двух типов национального самосознания по-разному используют двухфункциональную номинацию, позволяющую связать национальность референ-

та с его поступками и свойствами или с событиями, участником которых он является. Люди со сложным национальным самосознанием, как правило, реже чем те, у кого оно простое, прибегают к объяснениям событий на основании национальности их участников.

Итак, синтагмы, компонентом которых являются ЕСПЭ, выполняют в высказывании разные функции. В тематической и рематической номинациях они обозначают класс (GR) и сообщают информацию о характерном внешнем виде и поведении, о взглядах и представлениях этнической группы или же изображают ее как участника каких-то событий. В интродуктивной и идентифицирующей номинациях синтагмы относятся к индивидам (IR). В предикатной и апеллятивной номинациях могут находиться синтагмы, содержащие ЕСПЭ и обозначающие как класс, так и индивидов. Тематическая, рематическая, двуфункциональная и предикатная номинации – это связующие звенья картины мира и речи, тогда как остальные типы сильнее зависят от коммуникативной ситуации, что не исключает влияния типа самосознания говорящего на выбор синтагм, содержащих ЕСПЭ. Во всех позициях синтагмы – одновременно с предметным или признаковым значением – могут выражать и оценку. Обозначение предметов (OR) синтагмами, содержащими ЕСПЭ, здесь не учитывается. Однако те из них, которые включают в свой состав ЕСПЭ личного категориального значения, поддаются, как было показано выше, такой же семантической классификации, что и референты индивидуальные и групповые, и будут в дальнейшем при подсчетах причисляться к нереферентным употреблениям ЕСПЭ соответствующей категории (N_1 – N_4).

4. Для проверки гипотезы, согласно которой носители разных типов национального самосознания по-разному употребляют ЕСПЭ в речи, были проанализированы тексты, написанные двумя авторами, носителями соответственно простого и сложного самосознания: «У нас была великая эпоха» и частично «Подросток Савенко» Э. Лимонова [1998, 15–231, около 65 тыс. слов] и «Медея и ее дети» Л. Улицкой [1999, 9–246, около 62 тыс. слов]. Тексты описывают события, происходящие в многонациональном обществе, что даже при желании сделало бы невозможным полностью избежать употребления ЕСПЭ. Более того, оба автора много размышляли о национальных проблемах и публично выражали свои взгляды. Приведем по одной цитате, подтверждающей приверженность авторов к простому и, соответственно, сложному национальному сознанию:

Вокруг все время говорят: «русские», «мы – русские», «я – русский», «для русских». А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они – русские, то я тогда не русский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой нации. Пусть она будет называться как-то иначе, пусть не русские, но скажем «евразийцы» или «скифы». Не суть важно, но новую нацию надо создавать на других принципах, не по цвету волос или глаз, а по храбрости, верности принадлежности к нашей общине [Лимонов].

Если бы я выбирала себе родину в географическом смысле, я бы выбрала Крым. К тому времени, как я туда начала ездить, 50-е годы, с того времени, видимо, сохранился оттенок некоего этнического рая. Русские, татары, украинцы, греки, болгары, татары, крымчаки, евреи, эстонцы, армяне и многие-многие другие народы. И они очень хорошо уживались, это было хорошее семейное устройство. Это

была та точка, где идеи советского интернационализма легли на хорошую почву. <...> А что касается темы национальности на российской почве сегодня, это просто страшно касаться, потому что это пороховая бочка, впрочем, она во всем мире пороховая бочка. Есть великая римская идея гражданства, идея, которая создала великую Римскую империю, да и все прочие империи. Все многонациональные государства были империями, но это время империй закончилось, и мир сегодня стихийно возвращается к государствам религиозных ценностей, религиозных идей. <...> Спасение может быть только одно – изменение сознания, при котором общечеловеческие ценности будут стоять выше национальных [Улицкая].

Общее количество ЕСПЭ у Лимонова 523, а у Улицкой 284, что, учитывая объем анализируемых текстов каждого автора, означает, что у носителя простого самосознания Лимонова ЕСПЭ встречаются в 1,86 раза чаще, чем у носителя сложного самосознания Улицкой. С выводами А. Д. Дуличенко [1994] совпадает и употребление синтагм с ЕСПЭ от основы *рус-* по отношению к лицам: у Лимонова их 93, а у Улицкой 19. Иными словами, носитель простого самосознания употребляет их в 4,69 раза чаще¹⁸. При этом у Лимонова проявляется тенденция использовать прилагательное *русский* расширительно – как, например, в словосочетаниях *русская мода* ‘послевоенная советская мода’, *русские барахолки* ‘советские барахолки’ в связи с *харьковскими барахолками*, *русский фронт* ‘восточный фронт во Второй мировой войне и в частности его советская сторона’, *русские тряпки* ‘тряпки, произведенные в СССР’, в отличие от *венгерских тряпок* и т. д.¹⁹. Впечатляет разница в частотности оценки, сопровождающей ЕСПЭ в речи: у Лимонова таких случаев 67, а у Улицкой 2, т. е. их в 32 раза больше у носителя простого самосознания.

Разница между двумя авторами на парадигматическом уровне невелика, хотя и соответствует ожиданиям. У Лимонова встречается 110 разных ЕСПЭ из 61 семьи, каждая из которых включает от 1 до 8 членов, а у Улицкой 94 ЕСПЭ из 51 семьи, в каждой из которых от 1 до 7 членов, при этом 49 % семей, представленных у Лимонова, и 35 % у Улицкой состоят из более чем одного члена. Эти цифры свидетельствуют о более широком – не намного – присутствии периферии семантического поля этнонимии у Лимонова, что подтверждается и тем, что 59 % ЕСПЭ у Лимонова и 63 % у Улицкой принадлежат к центру семантического поля.

Более серьезные различия, обнаруженные на синтагматическом уровне, представлены в таблице. Во второй и третьей колонках указано, сколько раз категория синтагм, обозначенная в первой колонке, встречается в тексте каждого автора, в четвертой – во сколько раз чаще эта категория употребляется носителем простого самосознания Лимоновым по сравнению с носителем сложного самосознания Улицкой на единицу

¹⁸ Синтагмы, содержащие ЕСПЭ от основы *россий-*, не употребляются Лимоновым и Улицкой по отношению к лицам.

¹⁹ Такое расширительное употребление соответствует практике, принятой в послевоенном Харькове, где вырос родившийся в 1943 г. Лимонов: там «все» – и украинцы, и евреи, и русские – считали себя русскими и говорили только по-русски [см.: Лимонов, 1998, 175]. Обратную ситуацию примерно для этого же времени (1953–1956 гг.) описывает Померанц на основании своего учительского опыта в казачьей станице Шкуринской на Кубани, в которой даже коренные русские не говорили по-русски, потому что общественное мнение сопротивлялось этому [см.: Померанц, 1998, 277–278].

анализируемого текста (коэффициент частоты употребления – КЧУ)²⁰. Для обозначения категорий в первой колонке применяются ранее введенные условные знаки и сокращения. Проценты во второй и третьей колонках показывают, какую часть общего количества ЕСПЭ у каждого автора представляют синтагмы данной категории.

Наиболее резко отличают носителей двух типов самосознания те категории, для которых коэффициент частоты у носителя простого самосознания выше среднего (1,86). Наименьшие расхождения наблюдаются в нереферентных употреблениях синтагм, содержащих ЕСПЭ. Даже при выделении предикатной номинации в отдельный подтип N_1 коэффициент частоты ее употребления носителями простого самосознания (1,72) остается ниже среднего по корпусу. Похожий коэффициент (1,75) и у двуфункциональной номинации в речи носителей простого самосознания. В анализируемом тексте встретился единственный пример апеллятивной номинации у Лимонова, принадлежащий, кстати говоря, не авторскому тексту, а цитате. Две категории у Лимонова – неопределенные синтагмы, обозначающие индивидов, и

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ	Лимонов		Улицкая		КЧУ
А. Референтное употребление					
1. Неличный референт OR^{21}	79	15,11 %	48	16,9 %	1,55
2. Личный референт					
2.1. Индивиды					
2.1.1. IR_3					
а) интродуктивная номинация	18	3,44 %	0	0 %	–
б) идентифицирующая номинация	9	1,72 %	0	0 %	–
2.1.2. IR_4					
а) интродуктивная номинация	50	9,56 %	36	12,68 %	1,32
б) идентифицирующая номинация	56	10,71 %	16	5,65 %	3,34
2.2. Группа					
2.2.1. GR_2					
а) рематическая номинация	16	3,06 %	8	2,82 %	1,91
б) тематическая номинация	62	11,85 %	13	4,58 %	4,55
2.2.2. GR_3					
а) рематическая номинация	20	3,82 %	8	2,82 %	2,38
б) тематическая номинация	39	7,46 %	10	3,52 %	3,72
2.2.3. GR_4					
а) рематическая номинация	2	0,38 %	0	0 %	–
б) тематическая номинация	16	3,06 %	0	0 %	–

²⁰ КЧУ носителями сложного самосознания принимается за единицу во всех случаях кроме тех, когда какая-то категория вообще не встречается у Улицкой и, соответственно, КЧУ у нее равен нулю, что, в свою очередь, делает невозможным вычислить КЧУ носителем простого самосознания.

²¹ Учитываются только синтагмы, содержащие ЕСПЭ неличного категориального значения.

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ	Лимонов		Улицкая		КЧУ
Б. Нереперентное употребление					
1. Типизирующее значение N_1	94	17,97 %	70	24,65 %	1,28
2. Генерическое значение N_2	32	6,12 %	46	16,20 %	0,66
3. Неопределенное значение N_3	28	5,35 %	28	9,86 %	0,95
4. Конкретное значение N_4	1	0,19 %	1	0,35 %	0,95

конкретные синтагмы, обозначающие группы в референтном употреблении (8,8 % общего количества употребленных им ЕСПЭ) не находят параллелей у Улицкой, а остальные встречаются у обоих авторов в похожих пропорциях (разница ни в одном случае не превышает 10,1 %). Здесь, как и на парадигматическом уровне, можно наблюдать некоторое «семейное сходство» между двумя авторами, которое можно объяснить тем, что оба используют заложенные в русском языке возможности сходным образом, как и положено носителям одного и того же языка²². Наибольшие различия проявляются в референтном употреблении личных синтагм. Графики наглядно показывают соотношение между употреблением референтных синтагм в теме (рис. 2) и, соответственно, в реме высказывания (рис. 3).

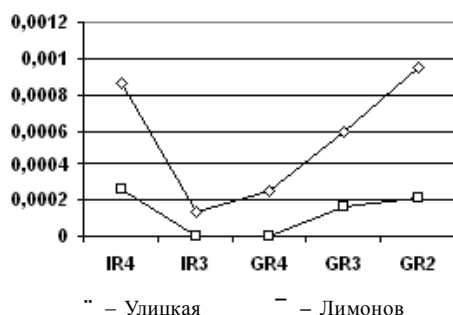

Рис. 2.

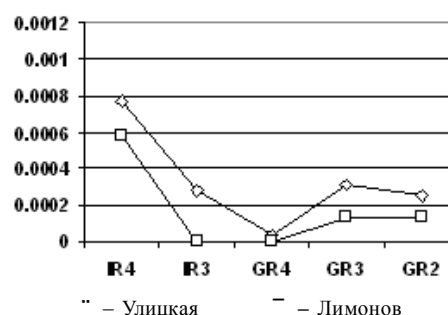

Рис. 3.

Бросается в глаза более значительное расхождение в синтагмах, расположенных в реме высказывания, а также в синтагмах, имеющих групповой референт. В свете предварительно высказанных соображений эти количественные данные следует понимать так: у носителей простого самосознания, считающих этническую принадлежность человека характеристикой более высокого ранга, сильнее выражена тенденция использовать ЕСПЭ в идентифицирующей позиции, т. е. напоминать о национальности референта и после того, как он уже был представлен собеседнику. Кроме того, носители простого самосознания чаще озабочены поступками и свойствами этнических групп как таковых, что предопределено их готов-

²² Пока отсутствуют количественные сведения об употреблении ЕСПЭ в других языках, вопрос о том, не является ли такое употребление культурно-языковой универсалией, ставить преждевременно.

ностью искать и находить закономерности, подтверждающие объективность существования групп, и в то же время способствует еще более четкому разграничению этнических групп в их сознании. Так как для этого лучше, чем формы множественного числа (Pl), приспособлены существительные собирательные (C) и формы единственного числа (Sg), носитель простого самосознания Лимонов прибегает к ним гораздо чаще для обозначения группового референта, чем носитель сложного самосознания Улицкая (см. рис. 4).

ЕСПЭ в роли атрибутивного определения также ведут себя вполне предсказуемо: у Лимонова их насчитывается 23, а у Улицкой 11, т. е. у носителя простого самосознания на единицу текста их в 1,99 раз больше.

Что касается коммуникативных регистров, наименее показательное употребление в информативном регистре; оно же наиболее частое у обоих авторов. Вопреки ожиданиям, авторы используют примерно одинаково и репродуктивный регистр (коэффициенты частоты составляют 0,92 у Лимонова и 1 у Улицкой). Повышенный интерес

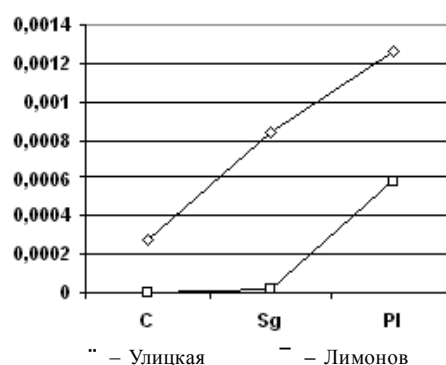

Рис. 4.

к проблемам национальности у носителя простого самосознания Лимонова выражается более широким спектром представленных коммуникативных регистров²³ и многократно большей частотой ЕСПЭ в генеритивном регистре (коэффициент 19,1).

Итак, статистический анализ текстов авторов разного типа самосознания показал, во-первых, что на парадигматическом уровне различия менее значительны, чем на синтагматическом и, во-вторых, что семантическая оппозиция общего и конкретного имеет большее значение, чем актуальное членение предложения, которое, в свою очередь, важнее, чем принадлежность ЕСПЭ к определенным коммуникативным регистрам. При помощи частого использования целого набора разноплановых лингвистических средств, которыми располагают все носители языка (оценочность, ЕСПЭ в роли атрибутивных определений, синтагмы, содержащие ЕСПЭ в идентифицирующей позиции, ссылки на этнические группы как носителей каких-то свойств или участников каких-то событий, обозначение групп не только существительными множественного числа, но и генерического единственного, а также собирательными существительными и, наконец, генеритивный регистр), носители простого самосознания создают в своей речи картину мира, в которой национальная принадлежность показана как характеристика более высокого ранга, чем у носителей сложного самосознания.

²³ У Лимонова представлены все регистры, включая диалогические (волеизъявительный четыре раза и реактивный один раз), тогда как у Улицкой представлены только репродуктивный и информативный регистры и лишь один раз, в порядке исключения, генеритивный.

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 343–347.
- Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // В. М. Жирмунский, О. П. Суник (ред.) Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 129–142.
- Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. Мюнхен, 1994.
- Зализняк Анна А., Шмелев Алексей Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 1997.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж, 1991.
- Кузьмин С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М., 1989.
- Лихтенберг Ю. Устойчивые сравнения в диалоге культур (на материале русского, болгарского, немецкого и итальянского языков) // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 85–90.
- Познякова Т. Ю. Национальная и языковая идентификация в языковом сознании билингва // Русский язык как государственный: Материалы междунар. конф. (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). М., 1997. С. 70–74.
- Серебрянников Б. А., Уфимцева А. А. Предисловие // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 3–4.
- Стреляный А. Притязания перебежчика // Континент. 1992. 72/2. С. 187–208.
- Федотов Г. П. Лицо России. Paris, 1967.
- Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.
- Cohen Ronald. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1978. 7. P. 379–403.
- Dougherty William H. Ethnic Slurs and the Avoidance Thereof // Verbatim. 1991. 17/4. P. 5–7.
- Goffman Erving. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, N. J., 1963.
- Greenberg Jeff, Kirkland S. L., Pyszczynski Tom. Some Theoretical Notions and Preliminary Research Concerning Derogatory Ethnic Labels // Geneva Smitherman-Donaldson and Teun A. van Dijk (eds.). Discourse and Discrimination. Detroit, 1988. P. 74–92.
- Lakoff George. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. 2. P. 458–508.
- Lukens Janet G. Ethnocentric Speech: Its Nature and Implications // Ethnic Groups. 1978. 2. P. 35–53.
- Nørgård-Sørensen Jens. What Are Possessive Adjectives For? Notes on the Classification and Function of Russian Adjectives // Per Ambrosiani, E. Löfstrand, L. Nordquist and Ewa Teodorowicz-Hellman (eds.). Explorare Necesse Est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 199–206.
- Quasthoff Uta M. Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes // Ruth Wodak (ed.). Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989. P. 181–196.
- van Dijk Teun A. Prejudice in Discourse. An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam, 1984.
- van Dijk Teun A. Cognitive Situation Models in Discursive Production: The Expression of Ethnic Situations in Prejudiced Discourse // Joseph P. Forgas (ed.). Language and Social Situations. N. Y., 1985. P. 61–79.
- Winkler Andreas. Ethnische Schimpfwörter und übertragener Gebrauch von Ethnika // Muttersprache. 1994. 104/4. P. 320–337.

Источники

- Абросимов И.* Под чужим небом. М., 1990.
- Битов А. Г.* Обоснованная ревность. М., 1998.
- БКСО – Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
- Верка Сердючка города берет. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: russia.org.ua.
- Вознесенский А.* На виртуальном ветру. М., 1998.
- Губерман И.* Прогулки вокруг барака. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: guberman.narod.ru/pvb/01.htm.
- Гусаров В.* Мой папа убил Михоэlsa. Frankfurt am Main, 1978.
- Довлатов С.* Чемодан. Tenaflly, N. Y., 1986.
- Евтушенко Е.* Волчий паспорт. М., 1998.
- Ивинская О.* В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Paris, 1978.
- Иг-Смирнов-Охтин И.* Кружится ветер // Нева. 1994. № 11. С. 6–166.
- Лимонов Э.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1998.
- Лимонов Э.* Другая Россия. Очертания будущего. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: www.patriotica.ru/authors/limonov.html.
- Мелик-Карамов В.* Не горюй, Буба! // Огонек. 1997. № 26. С. 34–38.
- Миллер Л.* Сплошные праздники. М., 1998.
- Новикова О.* Мужской роман. Женский роман. М., 2000.
- НРЭ – *Тишков В. А.* (гл. ред.). Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Пастернак Б.* Доктор Живаго. М., 1986.
- Померанц Г.* Чувство вечности // Юность. 1990. № 12. С. 66–67.
- Померанц Г.* Записки Гадкого утенка. М., 1998.
- Пряхин Г.* Мираж. М., 1995.
- Роскина Н.* Четыре главы. Paris, 1980.
- Рыбаков А.* Роман-воспоминание. М., 1997.
- Сапгир Г.* Армагедон. М., 1999.
- Семенов Ю.* Пароль не нужен // Библиотека героики и приключений. 1973. № 3.
- Слаповский А.* Анкета. Из цикла «Общедоступный песенник». СПб., 1997.
- Солоухин В.* Последняя ступень. М., 1995.
- Топоров В.* Двойное дно. Признания скандалиста. М., 1999.
- Улицкая Л.* Лялин дом. М., 1999.
- Улицкая Л.* Субботнее интервью на радио Свобода (3 марта 2003 г.). [Электрон. ресурс.] Режим доступа: www.svoboda.org.
- Федотова И.* Старая славянская сказка // Рос. газ. 1998. 6 авг.
- Штемлер И.* Коммерсанты // Нева. 1994. № 2. С. 7–90.
- Щербакова Г.* Love-стория. М., 1999.

* * *

Ольга (Максимовна) Младенова – доктор филологии, доцент Университета Калгари (Канада).

Э. Хоффманн

ИМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ИХ ОНИМИЗАЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

In this paper names of political events are to be depicted as “names in information” and “names in context,” since their onymic status is very strongly linked to usage in the mass media. Names of political events are defined through delimitation from other name classes and subclasses and through coherence of their own characteristics. Names of political events are access indicators to information packets on singular objects of political events. They are on the periphery of onymy and possess characteristics of both common nouns and proper names. Their onymic status depends on particular pragmatics of their usage in predominantly mass media communication.

В данной статье рассматриваются имена политических событий как «имена в становлении» и «имена в контексте». Онимический статус данных имен во многом зависит от их употребления в СМИ. Согласно взглядам Е. Ханзака [см.: Hansack, 2004] на сущность имен собственных, в системе не может существовать переходных форм между апеллятивами и именами собственными. Однако имена политических событий, такие как, например, «солнечная» политика или война в Ираке, образуются, как правило, на базе апеллятивов, при этом часто в их состав входят ономастические элементы. Структурно имена политических событий не отличаются или почти не отличаются от апеллятивных словосочетаний, в связи с чем встает вопрос об их переходном характере. Данная проблема формируется поэтапно – при рассмотрении статуса данных имен, их прагматики, структуры и семантики. Кроме того, имена политических событий до сих пор находились вне интересов славистики, поэтому возникает необходимость заполнить соответствующий пробел.

База данных составляет 320 русских номинаций, собранных в 2000–2005 гг. При необходимости они рассматриваются в контекстах, объем которых составляет не менее трех предложений (как минимум одно предложение до и одно предложение после употребления рассматриваемого имени). Материал извлечен из электронных версий русских печатных изданий «Коммерсантъ», «Российская газета», «Профиль» и «Эксперт», а также из online-инфослужб «Вести.ru» и «Фактива» компании Dow Jones Reuters Business Interactive LLC (global.factiva.com). Выборка имен, с одной стороны, случайна, с другой – ограничена определенными рамками, так как источником квотированной выборки послужили электронные средства информации. Особая организация гипертекстового пространства используемых инфослужб позволила проследить исследуемые имена в динамике.

Материал позволяет определить статус имен, их прагматику и структуру, а также зависимость использования имени от политических интересов, особенно тогда, когда одно и то же политическое событие упоминается относительно внутренней и внешней политики, обладая при этом в каждой отдельной стране разной весомостью и разной степенью онимизации.

1. Типология

Имена политических событий могут быть классифицированы как отдельно от других ономастических классов, так и в соотношении с ними. По мнению ряда исследователей, данные имена наряду с эргонимами (или институционами [см.: Vasil'eva, 2004, 605], прагматонимами и некоторыми другими разрядами являются частью хрематонимии [см.: Majtán, 1989, 11–12, Knappová, 1996, 1567]. Хрематонимия объединяет классы имен, которые обозначают сформировавшиеся объекты социальной, политической, исторической, культурной и/или экономической структуры общества. Хрематонимия представляет собой один из продуктивнейших ономастических классов и характеризуется большой открытостью относительно привлечения языковых средств для образования новых имен и их дальнейшего употребления [ср.: Šrámek, 1996, 1562–1563].

В некоторых работах имена политических событий (как и имена исторических событий) рассматриваются в целом как самостоятельный класс имен наряду с антропонимами, топонимами, хрематонимами и фенонами [см.: Bauer, 1998, 58] или как дополнение в виде особой группы институционимов (эргонимов) и имен товаров (прагматонимов) или прочих имен (зоонимов, космонимов) [см.: Walther, 2004, 17–19].

В рамках настоящей статьи мы придерживаемся точки зрения о включении имен политических событий в класс хрематонимии, так как интеграция всех хрематонимов, включая имена политических событий, в общественную жизнь максимальна и всеобъемлюща, и они охватывают «сеть» общественного в соответствующей времени и обстоятельствам полноте [см.: Šrámek, 1996, 1563].

Рассматриваемые имена «обозначают большой объем информации об отдельном объекте» [Hansack, 1990, 80] – актуальном политическом событии. Данные номинации охватывают «все имена, которые используются для обозначения событий и происшествий (в политической сфере. – Э. Х.), в качестве которых могут

служить организаторы, представители, участники и другие относящиеся к этому люди» [Bauer, 1998, 58].

Имена политических событий относятся к периферии онимии. Они обладают как особенностями имен собственных, так и признаками апеллятивов и отличаются – вместе с другими подклассами хремотонимов – от большинства ономастических разрядов тем, что их употребление обусловлено особой прагматикой (подробнее см. п. 5). Отнесение имен политических событий к классу хремотонимов тесно связано с определением их денотата. Здесь необходимо уточнить, что понимается под политическим событием. Событие как духовная, историческая и научная категория подразумевает не только политическое происшествие, протекающее в настоящий момент и являющееся результатом всеобъемлющего процесса планирования и подготовки, но и зачастую «случайный конструкт коммуникативных, дискурсивных и ритуальных действий в политике» [Rathmann, 2003, 12]. При этом плавные переходы одного в другое заставляют обратиться к определению статуса имен политических событий, обладающих признаками как имен собственных, так и апеллятивов.

Имена политических событий делятся на две группы (два субкласса) исходя из особенностей объекта, который они обозначают. Вслед за М. Кнапповой [см.: Кнаппова, 1996], мы рассматриваем их как «событийные имена в узком смысле» (акционимы), т. е. номинации внешних событий (войн, протестов, забастовок, встреч, переговоров, выборов), и как «событийные имена в широком смысле» (актонимы), обозначающие политическое планирование или результаты политических процессов (программы, проекты, планы). Последние могут осуществляться, реализовываться и становиться событиями в узком смысле либо выступать как их результат.

Имена современных политических событий нередко находятся в тесной связи с именами исторических событий, которые в свою очередь также делятся на две группы (два подкласса) – акционимы и актонимы. Ономастический характер имен исторических событий не подвергается сомнению (*Великая Отечественная война, вторая мировая война; доктрина* (со строчной и прописной буквы) *Эйзенхауера*). Их употребление подчиняется узкой специфике профессиональной коммуникации в области исторических наук. В данной статье имена исторических событий рассматриваться не будут, несмотря на то, что их отграничение от имен политических событий не является однозначным.

Имена политических событий следует отделять и от политонимов, которые объединяют имена государственных эмблем и символов, а также от политических эргонимов, которые обозначают политические институты.

2. Терминология

Между периферийным положением и терминологической неоднородностью существует очевидная связь. Насколько бы многочисленны ни были классификации онимов, они не могут предусмотреть всех обстоятельств, дабы охватить класс имен политических событий согласно конкретным характерным признакам. Это можно сделать по разным классифицирующим параметрам. Принимая во внимание сложности классификации онимов, а также различные исследовательские ин-

тересы, разные авторы включают имена политических событий в разные классификации; в результате появляются многочисленные термины, которые не всегда отображают один и тот же класс, а также не всегда в своей основе имеют один и тот же признак и не обязательно взаимоисключают друг друга.

Для обозначения событийных имен П. Н. Донец вводит термин *эвентоним* (от лат. *eventus* 'событие', 'случай' и греч. *όνυα*, *όνοα* 'имя'), считая его дискуссионным и направленным на феноменологию событий [см.: Donec, 2002, 36–38]. По мнению П. Н. Донца, эвентонимы охватывают более широкую сферу, чем именование политических событий; в частности, к ним он относит имена «событий транскультурного масштаба» [Там же, 36], например *Pest* (период чумы в Средние века).

Для обозначения «имен исторических, общественных, политических, экономических, культурных, спортивных и военных событий» [Bauer, 1998, 58] используются различные термины. Наряду с приведенными П. Н. Донцом *эвентонимами* (с подразделением на *микро-* и *макроэвентонимы*), а также представленными в настоящей статье терминами *акционимы* и *актонимы* [Knappová, 1996, 1567; Zgusta, 1996, 1880] по отношению к событийным именам используются такие термины, как *геортонимы* (с немецким переводом *Geortonum* нельзя согласиться [ср.: Nübling, 2004a, 837]), *идеонимы* и *документонимы* [Kamianets, 2000, 50–51, 52] и *событийные имена* [Walther, 2004, 18]. Г. Вальтер наряду с *политическими событийными именами* как разновидности событийных имен приводит *имена торжеств и праздников, эпох* (соответствуют *макроэвентонимам* у П. Н. Донца), *имена природных явлений*, или *фенонимы* (последние, по Г. Бауеру, образуют отдельный класс имен – *праксонимы*). Далее Г. Вальтер приводит классификацию возможных подклассов политических событийных имен, выделяя среди них *имена народных движений, революций, документов, собраний, войн и военных событий, конфликтов*, в другом месте [см.: Walther, 2004, 52] – *имена договоров и соглашений, конференций и заседаний* и под. В английском они обозначаются А. Румом как *хрононимы, документонимы, махонимы, политонимы* [см.: Room, 1996], в русском – *хрононимы, геортонимы и политонимы* [см.: Подольская, 1988], в словацком (чешском) – *акционимы, документонимы, идеонимы* [см.: Majtán, 1989, 11–12], наконец, в польском – *геортонимы, акционимы, актонимы и документонимы* [см.: Breza, 1998, 348–349].

Учитывая тот факт, что общая ономастическая терминология базируется на латинском и греческом языках, мы в дальнейшем для сохранения четкости терминологии будем исходить из этимологически гибридного термина *эвентонимы* – имена событий в вышеописанном смысле, разделяя их, вслед за М. Кнапповой, на *акционимы* (лат. *actio* 'действие', 'деятельность') и *актонимы* (лат. *acta* 'поступки', 'дела', 'акты'). В данной статье эти три термина используются исключительно по отношению к именам, обозначающим объекты из сферы политики.

3. Исследовательская база

Утверждение о том, что имена политических событий находятся на периферии онимии, может быть перенесено и на внимание к исследованию этих имен.

Исследование эвентонимов является периферией ономастики, и это относится не только к русским эвентонимам, но и классу как таковому. Имена политических событий даже в основной ономастической литературе упоминаются очень редко и обычно в контексте других классов имен. Отсутствуют отдельные работы, посвященные этим именам. Не является исключением и международный компендиум ономастических исследований [см.: *Namenforschung*, 1995–1996]. Лишь в справочнике по ономастике под редакцией А. Брендлера и С. Брендлера [см.: *Namenarten und ihre Erforschung*, 2004] имена политических событий рассматриваются как самостоятельный класс [см. также: Hoffmann, 2004]. Кроме того, в немногочисленной литературе по именам политических событий нет сведений об использованных источниках. Эти положения особенно касаются русских и российских ономастических исследований.

Актуальность исследования имен политических событий определяется их упоминанием в рамках хрематонимии [*Chrématonyma z hlediska teorie a praxe*, 1989]. В то время как изучение имен политических событий носит эпизодический характер, другие классы хрематонимов (например, прагматонимы и эргонимы) проанализированы намного подробнее, см. выполненные на материале русских названий работы Т. А. Соболевой и А. В. Суперанской [1986], Э. Хоффманна [Hoffmann, 1998], И. В. Крюковой [2004], Р. Ратмайера и Э. Шимфёссля [Rathmayr, Schimpfössl, 2005] и обзоры Г. Косса [Коф, 1996] и Ч. Платена [Platen, 1997, 1–9]. Характерным является также тот факт, что эти имена не представлены в классификации хрематонимии Ч. Козиля [Kosyl, 2001, 449–450] или упоминаются лишь вскользь [Коф, 2002]. Удивительно, что эвентонимам посвящено так мало работ, ведь благодаря исключительно высокой степени освещения политических событий и, соответственно, использования их имен в СМИ очевидна актуальность подобных исследований.

Результатом такого положения являются многочисленные трудности, на трех из которых следует остановиться особо, тем более что имена политических событий современности, как правило, не требуют всеобъемлющего изучения первоисточников как, например, топонимические исследования. Обозначенные проблемы не будут решены в рамках данной статьи, мы лишь наметим пути их решения.

Первая сложность в исследовании имен политических событий обуславливается их тесной связью с языком средств массовой информации. Значение СМИ, необходимость мгновенной (административной, политической, географической или персональной) дифференциации отдельных объектов политических событий предоставляет многочисленные возможности для творческого подхода при создании и употреблении имен. Общая постановка вопроса могла бы звучать следующим образом: какое влияние оказывает созданная СМИ действительность на прагматику имен, а также на их структуру? С точки зрения коммуникативистики вопрос ставился бы по-другому: как выглядит распределение ролей между СМИ и политическими субъектами при создании имен для политических событий? Следуя этой логике рассуждений относительно имен политических событий, можно отдельно исследовать язык СМИ.

Имена политических событий являются не только именами «в становлении», но и именами «в контексте». С этой характеристикой связана вторая трудность

в исследовании данного класса имен. С позиций дискурс-анализа использование имен особенно интересно при рассмотрении ситуативного и культурного контекстов институционального, в особенности политического дискурса с его мировоззренческими импликациями. Далее может быть рассмотрена также зависимость между языком и культурой.

Со сменой языка и культуры связана третья сложность. Имена политических событий являются отражением не только всеобщих политических процессов, но и развития языка и культуры в целом. Кроме того, они подвержены глобальному влиянию технологизации и маркетинга дискурса. Взаимовлияние этих процессов на онимическую сферу – за исключением части эргонимов и прагматонимов – до сих пор не рассматривалось.

4. Онимический статус

Вопрос об онимическом статусе имен политических событий тесно связан с проблемой множества объектов, формирующих данное понятие, а также множества признаков, которые могут служить классообразующими [ср.: Hansack, 1990, 46–47]. У имен политических событий, как и у всех имен, количество объектов, формирующих разряд, исчисляемо, в то время как список классифицирующих критериев открыт. Г. Бауер также причисляет событийные имена к именам собственным, которые «как бы дают этикетку всему по отдельности, причем семантика и понятийная структура как бы не играют существенной роли» [Bauer, 1996, 1617]. Если принять данную точку зрения, то вопрос об онимическом статусе имен политических событий решается однозначно.

Однако в повседневном употреблении в текстах СМИ имена политических событий часто не отличаются от апеллятивов, в связи с чем их онимический статус подвергается сомнению. Очевидно также, что семантика и понятийная структура имени играют в этом определенную роль. Прежде всего, речь идет о столь важной для обладания статуса имени индивидуализации (дифференциации единичного объекта) и идентификации именем типа *война в Ираке*, *пражский саммит НАТО* (акционимы) и *«солнечная» политика*, программа *«Нефть за продукты питания»* (актонимы). На данных примерах можно уточнить некоторые особенности имен политических событий в сравнении с апеллятивами и другими классами и группами онимов. При этом встает главный вопрос: при каких условиях название политического события становится именем собственным?

Отправной точкой здесь должно быть мнение Д. Нюблинг, согласно которому апеллятивное словосочетание отсылает к лексическому значению, тогда как имя собственное указывает на отнесение этого выражения к данному конкретному денотату [Nübling, 2004b, 228]. Апеллятивное словосочетание предполагает характеристику, имя собственное – идентификацию, которая может содержать не только явную семантическую мотивировку, но и характеристику. Для большинства собранных примеров сложно определить разницу между референциальными и характеризующими критериями.

Следующим традиционным формальным критерием для признания той или иной номинативной единицы именем собственным является критерий индивиду-

лизации (дифференциации единичного объекта). Зачастую говорящей является первая часть имени, например варьирование прописной и строчной буквы, однако этот критерий не обязательно указывает на онимический статус исследуемых примеров. Так, устоявшиеся и терминологизированные имена исторических событий не имеют единообразного написания, о чем свидетельствуют приведенные в п. 1 примеры: *доктрина Эйзенхауера*, *Доктрина Эйзенхауера*. Отметим, что этот критерий не является устойчивым и по отношению к эргонимам.

Для имен политических событий особую роль играет их прагматическое отграничение от апеллятивов. Например, словосочетание *война в Ираке* прежде всего является апеллятивным, несмотря на то, что один из ее компонентов – имя собственное. Оно содержит указание на локализацию какого-либо военного столкновения в Ираке. Как и у апеллятивов, на первый план выходит потенциальный блок информации о многих объектах (формирующих понятие) и только один классифицирующий признак. Это же относится и к «солнечной» политике. Чтобы индивидуализировать эти апеллятивно названные объекты, их вводят в конкретные политические тексты без морфологических и орфографических изменений. Они приобретают свою указующую силу в качестве имен политических событий только благодаря контексту (например, при включении их в международное политическое общение) или в речевой ситуации (например, в выпуске новостей). Так, четыре года назад словосочетание *война в Ираке*, употребляемое в СМИ, означало просто любое военное столкновение в Ираке или войну Ирака против внешнего врага, а в 2003 г. – войну США и их союзников против режима Саддама. Несмотря на закон экономии языковых средств, выражение *война в Ираке* сегодня точно указывает на конкретный объект и однозначно идентифицируется в любом современном тексте.

С другой стороны, имя политического события не является постоянным и прямым знаком, указывающим на объект, скорее многое зависит от того, кто, где, когда и при каких обстоятельствах этот знак использует. Так, в России *война в Ираке*, *война с Ираком*, употребляемые в СМИ, указывают на одно и то же событие. Соотношение значения слов, с одной стороны, и значимой контекстуальной ситуации – с другой, заслуживает особого внимания. Здесь повод для размышлений дает утверждение Р. Харвега о том, что «денотирование, обозначение индивидуального как такового – достижение, которое для некоторых имен исполнимо только благодаря контексту или ситуации» [Harweg, 1997, 150].

В данной связи следует обратить внимание на следующее обстоятельство: эвентонимы обозначают единичные объекты, и этим они отличаются от других разрядов хремотонимов [Šrámek, 1996, 1563–1564] – названий разнообразных и однородных. Это отнесение к единичному объекту осуществляется в коммуникации. Данный факт важен не только при разграничении онимов и апеллятивов, но и одинаково звучащих имен, которые относятся к схожим объектам. При этом имеются в виду не собирательные имена, а омонимия имен. И если у топонимов в ходе исторического развития омонимия устраняется путем различных добавочных компонентов (*Верхний*, *Нижний* и др.), то дифференциация повторяющихся похожих событий не осуществляется с помощью имени, а реализуется в контексте, напри-

мер, через локализирующие дополнение (*Пражский саммит НАТО, открывающийся сегодня, предоставлял, на взгляд немцев, возможность растопить лед в американо-германских отношениях*), или классифицирующие средства (*Саммит СНГ по нефти и газу-2004: Россия, Каспий, Кавказ и Центральная Азия*). Омонимия создает трудности при использовании имени, и избежать их можно только путем обстоятельной экспликации, особенно если данное имя политического события в исторической науке не обладает системным терминологическим статусом. Пока это будет продолжаться, точная онимическая референция будет возможна только благодаря описательной референции [см.: Leys, 1989, 149].

Аналогично обстоит дело в том случае, когда онимическая референция неизвестна реципиенту. Например, немецкое сокращенное имя *Rürup-Kommission* (по имени организатора) широко известного названия *Kommission für die Nachhaltigkeit in der Finanzierung der Sozialen Sicherungssysteme* в русском языке передается как *комиссия независимых экспертов, созданная правительством ФРГ*. Также нидерландское *polder model* индивидуализируется описательно как *голландская модель успеха на рынке труда*. Таким образом, не представляется возможным без контекста разграничить имя и определенное единичное обозначение [см.: Harweg, 1998, 386]. Однозначное решение возможно только при референции к текущим, а не к статичным событиям, поэтому акционимы прочнее связаны с категорией имени собственного, чем актонимы [см.: Там же, 389]. Так, есть имя *война в Ираке*, но нет имени **мир в Ираке*, возможны только такие выражения, как *в надежде на мир в Ираке* и *манифестация за мир в Ираке*, которые, конечно же, не являются именами собственными. Имена, такие как *Вестфальский мир*, соотносятся с текущими, а не со статичными событиями [ср.: Там же, 390]. Исходя из того, что существуют явления с промежуточным статусом между апеллятивами и именами собственными, можно сделать вывод о том, что установление онимического характера имен политических событий вне учета контекста невозможно.

5. Прагматика

Из изложенного в п. 4 относительно онимического статуса имен политических событий вытекает вывод о том, что формально данные имена не отличаются от апеллятивов. Статус имен политических событий определяется в меньшей мере по структуре, а по большей части – прагматически. Таким образом, особое значение приобретает проблема создания и употребления имени.

Имена политических событий современности являются именами «в становлении». Они не прошли длительной эволюции, обязательная независимость имени от ситуации, прочная связь с референтом не всегда имеют место. Это происходит потому, что имя дается не только политическими субъектами, но и субъектами СМИ и часто сосуществуют параллельные формы. Не вдаваясь в подробности этих процессов, остановимся на одном обстоятельстве – давая имя политическому событию, создатели часто преследуют цель, заключающуюся не только в необходимой индивидуализации и дифференциации единичного объекта, но и в диктуемой обстоятельствами экономии языковых средств (что характерно для языка СМИ в целом). Типичный пример для подобного рода сокращенных имен – «Совет

мудрецов» как обозначение *совета экономических экспертов Германии*. Характерными примерами являются следующие варианты имен, которые употреблялись на разных ступенях реализации закона о компенсации социальных выплат в России (июль–сентябрь 2004 г.): *закон о льготах, закон о льготных выплатах, закон о замене льгот, (Федеральный) закон о замене льгот денежными компенсациями*. Эти формы существовали до принятия закона с полным названием *Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признание утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»”*». После принятия закона в СМИ по-прежнему параллельно используются различные сокращенные формы.

В настоящее время очевидна особая роль СМИ в процессах образования и употребления эвентонимов. А. Гревенинг указывает на «медиатизацию» политики и на появление новых форм реализации и презентации политических событий [см.: Grewenig, 1993, 231–232]. Эти контекстуальные факторы СМИ оказывают неизбежное влияние на имена политических событий. О. Леис подчеркивает важную роль коммуникативных обстоятельств экономии, которые влияют на выбор различных средств воздействия [см.: Leys, 1989, 149]. Таким образом, выбор референции – проприальной или непроприальной, контекстно или ситуативно обусловленной – зависит от знаний участников общения. Так, имя «солнечная» политика дополнительно к проприальной референции уникального события часто сопровождается описанием: *«Солнечная» политика «вовлечения» Северной Кореи, выдвинутая президентом Ким Дэ Чжуном, начала давать первые плоды. Или: Решение о встрече, которое называют триумфом «солнечной» политики Ким Дэ Чжуна, горячо приветствовалось в США*. Форма *Солнечная политика СМИ не выбирается. Как указывалось в п. 4, в подобных случаях довольно сложно провести границу между апеллятивным и онимическим словосочетанием, с одной стороны, и между именем и дополнительными описательными элементами – с другой.

СМИ не только помогают в освоении и познании окружающей действительности, они также ее конструируют. На основании этого рассматриваются процессы возникновения и использования имен политических событий. Конструкции *война в Чечне, Первая (1994–96 гг.) и Вторая (с 1999 г.) война в Чечне, Первая чеченская война, Российско-Чеченская война, война «Чечни против России», Чеченский конфликт, «агрессия» Чечни против (в) России, агрессия России в Чечне, российская агрессия в Чечню, Российское вторжение в Чечню* разными способами указывают на одно и то же вооруженное столкновение, осуждаемое нормами международного права. К устоявшейся референции имена политических событий часто привносят дополнительные коннотации, которые активизируются выбором имени, нередко политически и идеологически мотивированным.

Возникновение имени политического события предполагает как *ad hoc* (скорее у акционимов), так и спланированный акт именования (у актонимов). Результатом является появление в СМИ многочисленных аллонимов, т. е. независимых друг от друга именных образований, существующих параллельно. Победа одного имени, вытеснение аллонимов – довольно длительный процесс, который также (но не только) находится в ведении механизма языковых изменений как «некой невидимой руки» [ср.: Keller, 2003]. Эта победа зависит от многих факторов, но сохранение одного (и только одного) варианта кроется в имени исторического события, по поводу которого в научном мире пришли к консенсусу. Когда-то, в 2003 г., речь шла о *войне в Ираке*, на сегодняшний день неизвестно, сохранится ли данное название по отношению к данному актуальному политическому событию или войдет в летописи истории как **Третья война в Ираке*.

В этом смысле имена политических событий представляются первым шагом на пути появления собственных имен исторических событий, которые являются предметом специальной ономастики. Инвентарь исторической науки существенно отличается от научной номенклатуры, которая используется, например, в химии. Она применяет номенклатурные значки как имяподобные обозначения (онимоиды [ср.: Gläser, 1996, 27]). В отличие от подобных номенклатурных названий имена исторических событий обладают безусловным онимическим статусом. В этом смысле имена политических событий и имена исторических событий отличает содержание диахронического компонента. С другой стороны, имена как исторических, так и политических событий могут зависеть в определенной мере от региональных и политических взглядов, а техническая, медицинская и другая номенклатура может встречаться также в прагматонимии как коммерческая номенклатура и использоваться единообразно во всем мире. Между тем переносом имен политических событий в контекст исторической науки вопрос об аллонимах не решается.

Акционимы и актонимы с точки зрения прагматики при создании и использовании подчиняются различным условиям. Если акционимы в большинстве своем возникают в силу срочной необходимости указать на не всегда предсказуемое событие как единичный объект и дифференцировать его от других и все это сопровождается появлением многочисленных вариантов, то для образования и употребления актонимов можно выделить ряд особенностей. Актонимы в настоящее время очень зависимы от маркетинга общественно-политического дискурса [ср.: Fairclough, 1993]. Сложные слова и словосочетания типа «солнечная» политика или митинг «Россия против террора», митинг «Осетия против террора» призваны подчеркнуть особую значимость происходящих событий и получить одобрение реципиентов. Данное обстоятельство должно обеспечивать стабильность связи имени с обозначаемым объектом в процессе коммуникации [см.: Šrámek, 1996, 1564] и при этом – хотя и не всегда – иметь онимический характер. Происходит ли в таком случае дифференциация подобных объектов? Скорее всего, да. Но в некоторых случаях это становится понятно только благодаря тщательному анализу дискурсивного контекста.

Следующий аспект создания эвентонимов касается очень коротких временных рамок, предоставляемых регулярными СМИ для того, чтобы определенное обозначение события стало именем, которое бы отвечало процессу маркетизации дискурса. При этом в текстах все чаще используются языки-посредники. Зачастую таковым является английский, реже (особенно в случаях, когда речь идет о странах с различными языковыми меньшинствами) это язык большинства, в редких случаях (особенно в контексте международных организаций) это случайный другой язык.

Употребление актонимов характеризуется отсутствием аллонимов. При этом вопрос о том, кто является создателем имени – политик, его советники или субъекты СМИ, не играет решающей роли. Он никак не меняет факта «колонизации» при создании имен политических событий в дискурсе в том смысле, что экономический дискурс воздействует на другие дискурсивные сферы, например на политику (ср. уже упоминавшееся «солнечная» политика). В то время как в экономике конкурируют фирмы, предоставляющие различные товары и услуги, в политической сфере соревнуются между собой партии, конкретные политики и их программы. Г. Маутнер видит тесную связь между «колонизацией» в семиотике, процессом создания имени и видами текстов институциональных коммуникаций [см.: Mautner, 2002, 215–216]. Применительно к онимии, это означает, что эргонимы и прагматонимы (особенно их экономическая составляющая) влияют на имена политических событий.

6. Структура и семантика

На данном этапе не предполагалось рассмотрение вопроса о значении имени собственного (нулевом, максимальном, редуцированном [ср.: Hansack, 1990, 2004]), но оно необходимо как отправная точка для рассмотрения структуры и семантики имен политических событий (поскольку они имеют переходный статус между апеллятивами и именами собственными). В то время как оним становится апеллятивом, когда его имплицитно используют для выражения каких-то качеств, которыми обладал называемый им объект, апеллятив становится онимом, когда его использования достаточно для референции [см.: Leys, 1989, 153, III; Blanár, 1996, 24–32]. Это означает, что имя приобретает свою онимическую значимость только благодаря свойству быть частью (элементом) определенного ряда. Для имен политических событий это значит, что имя воспринимается как таковое при условии вхождения в ряд подобных ему, включая и структуру, см., например, список войн, проводимых США: *корейская война* (1950–1953 гг.), *война во Вьетнаме* (1961–1975 гг.), *война с Ираком* (1990–1991 гг.), *вторжение на Гренаду* (1983–1985 гг.), *вторжения на Панаму* (1989–1990 гг.), *вторжение на Гаити* (1993–1995 гг.).

Не соответствуя этому критерию в целом, имена политических событий являются лексически и синтаксически мотивированными. Они отражают признаки называемых объектов [см.: Knappová, 1996, 1567–1568]. Как и все хрематонимы, имена политических событий содержат внеязыковую информацию, «которая указывает на мотивировочные причины создания конкретного хрематонима» [Там же, 1569]. Языковая информация имен политических событий ограничивается в ос-

новном указании на онимический характер, морфологическую и лексико-семантическую характеристику.

Вследствие тесной связи с апеллятивами и онимического характера (преимущественно за счет влияния прагматических факторов) имена политических событий не обладают специфическими морфологическими особенностями, отличающими их от апеллятивов (например, апеллятивное сочетание *дни подготовки к прославлению святителя Иоанна* vs. имя «*Дни иммунологии в Санкт-Петербурге*» (научная конференция). В качестве указания на единичный объект имена выступают, как правило, только в форме единственного числа, формы множественного числа у приведенных примеров не имеют оппозиции единственного числа. Употребление множественного числа возможно только при совпадении имен (*саммит НАТО, война в Персидском заливе*) и то лишь теоретически, на практике во избежание совпадений используются дополнительные средства, например: *54-й саммит НАТО* и *первая война в Персидском заливе 1990–1991 годов*.

Вопрос о степени онимизации имен политических событий не может быть разрешен сравнением апеллятивных и онимических словосочетаний, если учитывать только грамматические критерии [ср.: Nübling, 2004b на примере словосочетания *новые федеральные земли* (в Германии)].

Имена политических событий как высоко продуктивный класс имен не знает ограничений в плане привлечения разнообразных языковых средств. Несмотря на доступность средств для создания имен политических событий, есть одна существенная особенность, которая связана с семантической прозрачностью, необходимой для функционирования в коммуникации (сильно опосредованной СМИ). Это прежде всего касается акционимов, которые, как правило, имеют в своем составе как минимум один онимический компонент (топоним, антропоним или хрематоним), например, имена политиков (*третий саммит Буша и Блэра*), группы («*интифада Аль-Акса*») или мест события (*Бишкекская декларация, ближневосточный конфликт*). Созданные таким образом имена не отличаются от апеллятивных словосочетаний, даже несмотря на написание с прописной буквы. При этом речь идет не о трансонимизации, как в названии «*Норд-Вест*» (образованного от названия теракта в Москве, именуемого «*Норд-Ост*» и употребленного по отношению к борьбе с терроризмом в Европе), а скорее о новообразованиях на основе апеллятивных словообразовательных моделей. Неапеллятивное образование типично только для имен политических событий в широком смысле (актонимов), таких как «*солнечная*» политика, «*ось зла*».

Образование сложных имен-предложений – скорее исключение, чем правило: *Музейная неделя «Картинная галерея Андрея Андреевича Мыльникова – городу»*. Использование сложных имен оставляет за собой дипломатия. В СМИ преобладает использование кратких форм (*Киото, Киотский протокол, Протокол Киото* вместо *Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата*) или даже уклонение от употребления (*Россия поддерживает Киото, чтобы получить доступ в ВТО*). Подобные формы продуктивны и вне приемов дипломатии, например, *Беслан* вместо *теракт*

в *Беслане*. Здесь имеют место сокращенные формы, а не синонимы. В этой связи следует упомянуть замечание Д. Нюблинг о том, что свобода выбора при характеристике, например, с помощью синонима уместна при апеллятивном словосочетании, но разрушила бы собственное имя [см.: Nübling, 2004b, 228].

Имеет значение и то, что имена политических событий часто сопровождаются апеллятивными дополнениями для усиления степени распознавания и представляют собой в этом случае составную часть сложной номинативной фразы: *программа «Нефть за продукты питания»*. В таком случае невозможно определить, является ли это дополнение частью имени, и если да, то с какого момента.

Имена политических событий создаются по определенным традиционным моделям, основанным на возможностях словообразования в сфере апеллятивов. Р. Шрабек разработал классификацию типов хремотонимов [см.: Šrámek, 1996, 1566]. Ее можно перенести и на типологию имен политических событий, даже если бы она могла быть расширена многочисленными подтипами. Конкретная грамматическая интеграция онимической составляющей зависит от словообразовательных возможностей конкретного языка, а не от количества онимических и апеллятивных компонентов. Онимические компоненты могут стоять как на первом, так и на других местах, например: *«Зеленая неделя»*, *Неделя тверской книги 2001*, *неделя Пушкина*, *война в Ираке*. В сложных номинативных словосочетаниях имена политических событий могут находиться в разных синтаксических позициях.

Заключение

Статус имен политических событий как «имен в становлении» и «имен в контексте» зависит от их употребления в политическом дискурсе СМИ. С другими ономастическими разрядами их сближает тот факт, что количество объектов, формирующих разряд, исчисляемо, в то время как список классифицирующих критериев открыт. Однако необходимая индивидуализация и идентификация политического события осуществляется благодаря наличию прагматических факторов, что отличает рассматриваемые имена от других ономастических разрядов (например, антропонимов и топонимов). Остальные критерии для определения онимического статуса подходят не для каждого имени.

В данном случае апеллятивное словосочетание становится именем собственным только тогда, когда прагматические факторы, особенно влияние ситуативного и культурного контекстов, обеспечивают онимическую референцию. Необходимая независимость имени от ситуации, надежная узуализация не всегда имеют место. Определение статуса имени осложняется тем, что имена политических событий не имеют специфичных структурных особенностей, которые отличали бы их от других описательных обозначений – от простых словосочетаний до целых предложений. Без исчерпывающих знаний и детального анализа ситуативного и культурного контекстов часто невозможно точно определить, является ли та или иная номинация именем собственным. Иначе говоря, именам политических событий для указания на денотат, для обозначения конкретного события как такового необходим контекст.

Имена политических событий могут обозначаться как «еще не онимы» только до тех пор, пока они не войдут в класс имен исторических событий и не приобретут неоспоримых свойств имени собственного.

Анализ имен политических событий, которые находятся на периферии онимии, до сих пор несправедливо является и периферией ономастических исследований. Дальнейшее изучение данных имен дает импульсы не только для дискуссии о соотношении апеллятивов и онимов, но и способствует рассмотрению имяупотребления как составляющей части динамики языковых и культурных перемен, происходящих в настоящее время в России.

-
- Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988.
- Соболева Т. А., Суперанская А. В. Товарные знаки. М., 1986.
- Хоффманн Э. Ономастические процессы в экономике России (посткоммунистический период) // *Najnowsze przemiany nazewnicze* / E. Jakus-Borkowa, K. Nowik (red.). Warszawa, 1998. S. 203–213.
- Bauer G. Übergangsformen zwischen Eigennamen und Gattungsnamen // *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Berlin; N. Y., 1995–1996. Vol. 2. P. 1616–1621.
- Bauer G. Deutsche Namenkunde. Berlin, 1998.
- Blanár V. Teória vlastného mena (Status, organizácia a fungovanie v spoločskej komunikácii). Bratislava, 1996.
- Breza E. Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy) // *Polskie nazwy własne: Encyklopedia* / E. Rzetelska-Feleszko (red.). Warszawa; Kraków, 1998. S. 343–361.
- Chrématonyma z hlediska teorie a praxe / R. Šrámek, L. Kuba (red.). Brno, 1989.
- Donc P. N. Zum Begriff des Eventonyms // *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS* 2002. P. 35–41.
- Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // *Discourse & Society*. Vol. 4 (2). 1993. P. 133–168.
- Gläser R. Gegenstand, Ziel und Methoden der Fachsprachenonomastik // *Eigennamen in der Fachkommunikation* / R. Gläser (red.). Frankfurt a.M. u.a., 1996. P. 7–33.
- Grewenig A. Geschichte als Medienrealität – Der Jahrestag des Golfkrieges zwischen Infotainment und Erinnerungsarbeit // *Inszenierte Information: Politik und strategische Kommunikation in den Medien.* / A. Grewenig (red.). Wiesbaden, 1993. P. 231–268.
- Hansack E. Bedeutung, Begriff, Name. Regensburg, 1990.
- Hansack E. Das Wesen des Namens // *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* / A. Brendler, S. Brendler (red.). Hamburg, 2004. P. 51–65.
- Harweg R. Namen und Wörter. Aufsätze. Vol. 1–2. Bochum, 1997–1998.
- Hoffmann E. Namen politischer Ereignisse // *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* / A. Brendler, S. Brendler (red.). Hamburg, 2004. P. 655–670.
- Kamianets W. Zur Einteilung der deutschen Eigennamen // *Grazer linguistische Studien*. 54. 2000. P. 41–58.
- Keller R. Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. 3 ed. Tübingen; Basel, 2003.
- Knapková M. Namen von Sachen (Chrematonymie). II // *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Vol. 2. Berlin; N. Y., 1996. P. 1567–1572.

- Koß G.* Warennamen // *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Vol. 2. Berlin; N. Y., 1996. P. 1642–1648.
- Koß G.* *Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik.* 3 ed. Tübingen, 2002.
- Kosyl Cz.* Chrematonimy // *Współczesny język polski* / J. Bartmiński (red.). Lublin, 2001. S. 447–452.
- Leys O.* Was ist ein Eigenname? Ein pragmatisch orientierter Standpunkt // *Reader zur Namenkunde* / F. Debus, W. Seibicke (red.). Vol. 1. Namentheorie. Hildesheim; Zürich; N. Y., 1989. P. 143–165.
- Majtán M.* Klasifikácia chrématonymie // *Chrématonyma z hlediska teorie a praxe* / R. Šrámek, L. Kuba (red.). Brno, 1989. S. 7–13.
- Mautner G.* Universitäten online – Die Kommerzialisierung des Diskurses in der tertiären Bildung am Beispiel von «Business schools» // *Unternehmenskommunikation offline/online. Wandelprozesse interner und externer Kommunikation durch neue Medien.* / C. Thimm (Hrsg.). Frankfurt a.M. u.a., 2002. P. 209–229.
- Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* / A. Brendler, S. Brendler (red.). Hamburg, 2004.
- Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Vol. 1–2. Berlin; N. Y., 1995–1996.
- Nübling D.* Zeitnamen // *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* / A. Brendler, S. Brendler (red.). Hamburg, 2004f. P. 835–856.
- Nübling D.* Zum Proprialisierungsgrad von *die neuen Bundesländer* // *Völkernamen – Ländernamen – Landschaftsnamen* / E. Eichler, H. Tiefenbach, J. Udolph (red.). Leipzig, 2004b. P. 225–242.
- Platen Ch.* «Ökonymie». Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt. Tübingen, 1997.
- Rathmann Th.* Ereignisse, Konstrukte, Geschichten // *Ereignis. Konzeption eines Begriffs in Geschichte, Kunst und Literatur* / Th. Rathmann (red.). Köln; Weimar; Wien, 2003. P. 1–19.
- Rathmayr R., Schimpfössl E.* Lebensmittelnamen als Spiegel oder Zerrspiegel der Kultur: Parallelen und Unterschiede bei motivierten und nicht motivierten Lebensmittelnamen am Beispiel des Russischen und Deutschen // *Slavistische Linguistik. 2003: Referate des XXIX Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens* / S. Kempgen (red.). München, 2005. P. 223–244.
- Room A.* *An Alphabetical Guide to the Language of Name Studies.* Lanham, MD, 1996.
- Šrámek R.* Namen von Sachen (Chrematonymie). I // *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Berlin; N. Y., 1996. Vol. 2. P. 1562–1567.
- Vasil'eva N. V.* Institutionsnamen // *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* / A. Brendler, S. Brendler (red.). Hamburg, 2004. P. 605–621.
- Walther H.* *Namenkunde und geschichtliche Landeskunde* / E. Eichler, K. Hengst und J. Udolph (Hrsg.). Leipzig, 2004.
- Zgusta L.* *Names and Their Study* // *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / E. Eichler et al. (red.). Berlin; N. Y., 1996. Vol. 2. P. 1877–1890.

* * *

Эдгар Хоффманн – доктор филологии, ассистент департамента бизнес-коммуникации Венского экономического университета (Австрия).

СООБЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 5

Н. В. Кабинина

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОФОРМАНТА -ЖМА/-ЗЬМА В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Гидроформант *-жма/-зьма* привлек наше внимание в связи с задачами этноязыковой интерпретации субстратных топонимов Архангельского Поморья – крупного севернорусского субрегиона, прилегающего к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области. Сейчас на этой территории известно 6 гидронимов с рассматриваемым формантом: *Колозьма*, *Маложма* (единичная фиксация *Моложма*), *Пележма* (*Пережма*), *Пудежма* (**Пудожма*), *Торожма*, *Унежма*¹. Подобные топонимы известны и далеко за пределами Архангельского Поморья: в Шенкурском районе Архангельской области они образуют достаточно плотный ареал, ряд гидронимов на *-жма/-зьма* фиксируется в Карелии и южных районах Русского Севера вплоть до Костромской области.

В предшествующих исследованиях значение и этноязыковой источник гидроформанта не были установлены: высказывалось лишь мнение, согласно которому в отдельных случаях этот формант является «пустым» элементом, «фантомом», порожденным механизмами редеривации при русском усвоении субстратных топонимов [см.: Матвеев, 2001, 158]. Русская морфологическая почва для появления подобного редеривативного элемента действительно есть, однако очевидно и то, что в большинстве случаев гидроформант *-жма/-зьма* связан с совершенно реальными субстратными источниками.

Если исходить из того, что у топонимических аффиксов всегда имеются языковые прототипы, то, на наш взгляд, некоторые возможности интерпретации субстратного *-жма/-зьма* дает лексика саамского языка. В частности, в известном

¹ В двусложных названиях типа *Пыжма*, *Режма*, *Вежма* и т. п. возможность выделения данного форманта более проблематична, хотя и не исключена.

словаре Т. Итконена засвидетельствовано 14 лексем, имеющих финали $-\dot{s}m/-\dot{s}m$ (10) и $-\dot{s}N$ (4). Все эти слова без исключения обозначают конкретные предметы, объединенные признаком «малый, маленький», ср.: сонг. $\dot{g}re\dot{s}m$ 'прыщик'; кильд. $\dot{g}re\dot{s}m$ 'гравий, галька' [KKLS, 16]; сонг. $jiede\dot{s}m$ 'лебеденок' [Там же, 827]; сонг. $j\dot{a}l\dot{y}a\dot{s}m$ 'веревочный шнурок для обуви' [Там же, 48]; сонг. $n\dot{a}re\dot{s}m$ 'прыщик, небольшой нарыв' [KKLS, 275]; патс. $t\dot{s}i\dot{y} \dot{y} \dot{s}e \dot{s}N$ 'мизинец или маленький палец ноги' [Там же, 666] и др. Подобные слова встречаются во всех восточно-саамских диалектах, однако они не только крайне малочисленны, но и, как правило, в каждом случае лексически и географически изолированы, что, видимо, указывает на их реликтовый характер. Генезис объединяющей их финали неясен², однако наличие общей семы ведет к предположению о том, что $-\dot{s}m/-\dot{s}m/-\dot{s}N$ – архаический суффикс с диминутивным значением.

В связи с этим предположением весьма значимым оказывается то обстоятельство, что в собственно саамской топонимии диминутивные суффиксы распространены настолько широко, что образуют ведущий по продуктивности топонимический тип. При этом в исследованиях и словарях, посвященных собственно саамской топонимии, различается два морфологических подтипа уменьшительных форм. Первый подтип характеризуется употреблением диминутивной формы детерминанта, например *Jogor 'jauraš* «Егорово озерко», *Kallivaarash* «Скалистая горка», *Lepnjarkentš* «Ольховый мысок» и т. п. [KKLS, 972, 974, 988]. При таком образовании топонимов их традиционная структура сохраняется – в отличие от диминутивных названий второго подтипа, в которых, согласно сведениям Г. М. Керта, традиционный детерминант опускается, заменяясь уменьшительным суффиксом. Диминутивная форма в этом случае образуется непосредственно от основы, см., например: *Algshash* вместо *Algashjokk*, *Kiejesh* вместо *Kiekkjokk*, *Kobbash* вместо *Kobbjokk*, *Soakash* вместо *Soigjokk* и т. п.; важно и то, что подобные суффиксальные формы топонимов характерны для живой речи восточных саамов, тогда как полные формы употребляются лишь в официальных ситуациях, например при сообщении местных названий «гостям» [см.: Керт, 2002, 49].

Принимая во внимание эту традицию, закономерно предполагать, что реликт $-\dot{s}m/-\dot{s}m/-\dot{s}N$, как и другие саамские диминутивные аффиксы, мог в свое время участвовать в образовании топонимов – в том числе и на Русском Севере. И если это верно, то основы соответствующих гидронимов (по крайней мере какая-то их часть) должны поддаваться интерпретации из саамского языка. По отношению к топонимам Архангельского Поморья это оказывается именно так, в подтверждение чему приведем некоторые этимологические материалы.

Кóлозьма, речка (Приморский р-н) ~ прасаам. **kōlē* [Lehtiranta, 60], саам. патс. *kuāll̥̥^e*, нотоз. *kuāll̥̥^e*, кильд. *kūll̥̥^e*, тер. *kīlle* 'рыба' [KKLS, 172]. Вероятно, структурно-семантическими «двойниками» названия *Колозьма* являются известные в Карелии речной гидроним *Колежма* [АРК, 68] и озерные гидронимы *Ку-*

² Неясно, в частности, связана ли эта финаль с прасаамским диминутивным суффиксом **-n̥e*.

лежма и *Килизьма* [Там же, 19, 52], отражающие в основах различные диалектные вариации саамского слова (ср. также вариантный гидроним *Колошма/Колешма* в Бабаевском р-не Вологодской обл.). Для предлагаемой этимологии важно и то, что в собственно саамской гидронимии данная основа проявляет весьма высокую продуктивность [KKLS, 984].

Тóроэжма, речка (Приморский р-н) ~ прасаам. **tōrēs*, ин. *toaris*, колт. *tuä'res*, кильд. *tue'res*, тер. *toaras* 'поперечный' [Lehtiranta, 138–139]. Основа известна в саамской топонимии Кольского полуострова и Карелии [KKLS, 1021–1022; АРК, 53, 87]. В Архангельском Поморье абсолютно точным структурно-семантическим русским аналогом для субстратного *Торозьма* являются многочисленные речные микрогидронимы типа *Перечка*, указывающие на расположение реки (протоки) в системе других объектов.

Ўнеэжма, речка (Онежский р-н) ~ прасаам. **vōne* [Lehtiranta, 154], саам. патс. *viopn^a*, нотоз. *viopn^a*, кильд. *vīpn^(A)* 'узкий и длинный залив (моря, озера)'; саам. > фин. *viopo* 'то же' [KKLS, 788; SSA, 3, 474]. Этой этимологии точно соответствуют природные характеристики речки *Унеэжма*, которая составляет в длину всего около 20 км и образует при впадении в Белое море очень узкий залив *Унеэжемская Губа*.

В настоящей заметке мы не приводим интерпретацию других поморских гидронимов данного типа, поскольку они фонетически вариативны и требуют более подробного анализа – отметим лишь то, что для оставшихся названий (*Малозьма/Молозьма*, *Пелеэжма/Перезьма*, *Пудеэжма*/**Пудозьма*) наиболее убедительные лексические параллели также обнаруживаются в саамских диалектах.

В конечном итоге, согласно нашей гипотезе, гидронимический формант *-эжма/-эьма* генетически связан с архаичным саамским диминутивным суффиксом *-šm/-šN* и, соответственно, маркирует – по крайней мере в части случаев – топонимию саамского происхождения. Приведенные лексические материалы позволяют относить этот реликт к прасаамской эпохе, однако некоторые топонимические примеры (см. статью *Колоэьма*, где для этого названия приводятся вероятные «двойники» *Колеэжма*, *Кулеэжма* и *Килизьма*) позволяют предполагать, что формант некоторое время сохранял свою активность и тогда, когда уже сложились основные различия между саамскими диалектами. Поскольку собственно языковой генезис суффикса неясен, нельзя исключить и то, что на некоторых территориях создатели гидронимов на *-эжма/-эьма* были еще более древним населением, чем прасаамы.

АРК – Республика Карелия. Общегеографический региональный атлас. М., 2002.

Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 1. Екатеринбург, 2001.

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958.

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

* * *

Надежда Владимировна Кабинина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Т. В. Топорова

О СПЕЦИФИКЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ВОСХОДЯЩИХ К ОБОЗНАЧЕНИЯМ ФЛОРЫ, В СТАРШЕЙ ЭДДЕ

Исследование природы эпического слова на примере обозначений флоры в древнеисландском поэтическом памятнике, отражающем мифопоэтическую модель мира, – Старшей Эдде, сохранившейся до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. и включающей песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции, обнаруживает любопытное явление: зафиксировано несколько производных имен собственных. Естественно, их наличие, способы деривации и семантические мотивировки нуждаются в интерпретации.

Как известно, подвижность границ между именем нарицательным и именем собственным типична для мифопоэтической модели мира. Она предопределена ее фундаментальным свойством – «номинализмом», сущность которого состоит в том, что «творение было завершено, когда все, что было сотворено, получило свое и м я с л о в о, и именно этот ономатетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое с л о в о первоначально было и м е н е м; оно было сакральным» [Топоров, 1998, 35]. Блестящий образец номинализма демонстрируют эддические «Речи Альвиса», диалог на космологические темы между мудрым карликом Альвисом и богом Тором, когда каждый элемент вселенной (в том числе и растения) обозначается на языке богов, людей, карликов и великанов, т. е. апеллатив низводится до своих истоков и функционирует как первое имя. Нельзя не упомянуть важнейшей особенности германского аллитерационного стиха, в котором номинализм получил формальное выражение: главные ударные позиции стихе – первую и третью заполняли, как правило, аллитерирующие имена существительные, а безударную четвертую – глаголы.

Приведем соответствующие контексты из растительной сферы (модель «единичный апеллатив = имя собственное»¹):

Segðu mér þat, Alviss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir, – // hvé sá viðr heitir, er vex fyr alda sonom // heimi hveriom í. // Viðr heitir með mönnonom, enn vallar fax með goðom, // kalla hliðþang halir, // eldi iotnar, álfar fagrlima, // kalla vönd vanir [Alv. 28] (Тор сказал:) <Альвис, скажи мне, – про все, что есть в мире, // наверно, ты знаешь, // – как лес называется, который растет для людей // в каждом из миров? // Лес зовется у людей, а у богов – грива равнины, // называют склона водорослью люди, // дрова у великанов, у альвов – с прекрасными ветками, // называют прутom ванны>*²;

Segðu mér þat, Alviss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir, – // hvé þat sáð heitir, er sá alda synir // heimi hveriom í [Alv. 31] <как посев называется, который сеют люди // в каждом из миров>*;

Bygg heitir með monnom, enn barr með goðom, // kalla vaxt vanir, // æti iotnar, álfar lagastaf // kalla i helio hnipinn [Alv. 32] <Ячень зовется у людей, а хвоя – у богов, // называют растением ваны, // съедобным – великаны, альвы – порядка шестом, // называют в хель сгибающимся>*.

Есть все основания трактовать как *hapax legomena*, т. е. окказиональные обозначения дерева *vallar fax* ‘грива равнины’, *hliðþang* ‘склона водоросль’, *eldi* ‘дрова’, *fagrlima* ‘с прекрасными ветками’, *vönd* ‘прут’ и посева *barr* ‘хвоя’, *vaxt* ‘растение’, *æti* ‘съедобное’, *lagastaf* ‘порядка шест’, *hnipinn* ‘сгибающийся’ в качестве имен собственных. При таком подходе решающим фактором становится единичность употребления апеллатива.

Следующий этап образования имени собственного от имени нарицательного, обозначения флоры, воплощается в персонификации апеллатива (модель «а п е л л я т и в → и м я с о б с т в е н н о е»). Ср. др.-исл. *ascr* ‘ясень’ *vice versa* др.-исл. *Ascr* (имя первого мужчины, созданного богами,) и др.-исл. *Embla* (имя первой женщины) < др.-исл. *almr* ‘вяз’: *Unz þrír qvómo ór því liði, // öflgir oc ástgir, æsir, at húsi; // fundo á landi, litt megandi, // Asc oc Emblo, ørlöglausa* [Vsp. 17] <Пока не пришли трое из того войска // могучих и благих асов к дому; // нашли на суше мало могущих³ // Ясень [первого мужчину] и Лозу [первую женщину], судьбы лишенных>⁴.

¹ Параллелью такой модели можно считать восприятие первых объектов, созданных огами, в мифе творения, например *первого дерева, первой горы, первого облака*, функционирующих в качестве прецедента, образца для всех последующих представителей соответствующего класса.

² Знак * («звездочка») используется при дословном переводе автора статьи эддических песен.

³ Т. е. не имеющих жизненно важных признаков; в следующей строфе «Прорицания вельвы» сообщается, что боги наделили первых людей духом, дыханием, румянцем и теплом и этими действиями превратили «бездушные» куски дерева – ясеня и вяза – в людей, прародителей человеческого рода.

⁴ Ср. аналогию к эддическому мотиву изготовления первого человека (др.-исл. *Ascr*) из куса ясеня (др.-исл. *ascr*) – др.-англ. *Æsc*, эпонимический предок рода *Æscing*’ов [Vries, 1970, II, 371].

Обратное явление – метафора «человек → дерево» также распространено в Старшей Эдде⁵. Ср. многочисленные примеры уподоблений на основе растительной символики: Сигурд во «Второй песне о Гудрун» сравнивается с луком, а его противники – сыновья Гьюки – с *травой* (*gras*); Хельги сравнивается во «Второй песне о Хельги, убийце Хундинга» с благородным *ясенем* (*ascr*), а войско – с *шиповником* (*þyrnir*), над которым он возвышается.

Другой образ, широко распространенный в сравнениях, – *дерево без веток* или *без корней* как символ одиночества, изолированности от социума: сыновья Атли, убитые их матерью, сравниваются во «Второй песне о Гудрун» с *побегами* (*teinn*), лишенными корней (*rót*); Атли, разлученный с сыновьями, сравнивается в «Гренландских речах Атли» с *деревом* (*tré*) с подрубленным *корнем* (*tág*), со *стволом* (*hnefi*) без *веток* (*qvistr*); Гудрун, оставшаяся без дочери, сравнивается в «Речах Хамдира» с *деревом* (*viðr*) без *листвы* (*lauf*), с *сосной* (*fura*) без *веток* (*qvistr*), с *осиной* (*ösp*), затесавшейся в *роще* (*holt*).

Несколько иной, более сложный случай репрезентирован парой «а п е л л я т и в – п р о и з в о д н о е и м я с о б с т в е н н о е», а именно др.-исл. *barr* ‘хвоя’ – *Barri* «Хвойная», название сакральной рощи, где должно состояться свидание бога Фрейра и великанши Герд. Оба словоупотребления засвидетельствованы в Старшей Эдде. Ср.: *Hrørnar þöll, sú er stendr þorpi á, // hlýra henni borcr né barr* [Háv. 50] <Умирает сосна, которая стоит у дома, // не защищают ее ни кора, ни хвоя>*; *Barri heitir, er við bæði vitom, // lundr lognfara* [Skm. 39; 41] <Хвоей зовется, которую мы оба знаем, // роща тихая>.*

Другой пример той же модели отражает пара др.-исл. *bygg* ‘ячмень’ – *Byggvir*, «Имеющий отношение к ячменю», теоним. Природа этого персонажа, принадлежащего к низовому аграрному слою древнеисландской мифологии, может быть прояснена, если принять во внимание упреки, брошенные в пылу перебранки злокозненным богом Локи Бюггвиру, в частности, в укрывании в соломе или в пребывании за жерновом Фрейра, характеризующие размолотое зерно. Если принять такую интерпретацию (злак → персонификация злака), то напрашивается сопоставление Бюггвира с персонажем английской баллады – Джоном Ячменным зерном [см.: Vries, 1970, II, 205].

Различие между др.-исл. *barr* ‘хвоя’ – *Barri* «Хвойная» и др.-исл. *bygg* ‘ячмень’ – *Byggvir* «Имеющий отношение к ячменю», теонимом, заключается в том, что в первом случае результат деривации реализует топоним, а во втором – *poten agentis*. Иными словами, мы имеем дело с феноменами дифференциации, сопровождающейся идеализацией (*хвоя* → *лучшая, уникальная хвоя*), и персонификации (*ячмень* → *Ячмень*).

Эддический материал наглядно демонстрирует механизм преобразования апеллатива – обозначения флоры – в имя (топоним или *poten propria*), осуществляе-

⁵ В русских былинах наблюдается противоположное семантическое развитие «человек → дерево» (ср. превращение *Василия* и *Софьи* в *кипарисное дерево* и *вербу*).

мого при помощи различных языковых средств (словообразовательных, например, суффиксации, а также семантических, например, персонификации), и убедительно свидетельствует о ключевой роли мифа в данном процессе (ср. первые объекты космогонического мифа, по сути дела эквивалентные именам).

Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1–2. Dritte, unveränderte Aufl. Berlin, 1970.

Сокращения в названиях глав Эдды

Alv. – Alvíssmál «Речи Альвиса»

Skm. – For Skírnis «Поездка Скирнира»

Háv. – Hávamál «Речи Высокого»

Vsp. – Völuspá «Прорицание вёльвы»

* * *

Татьяна Владимировна Топорова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва).

МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 5

Т. В. Махрачева

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ХРОНОНИМОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

I. (А–К)

Данная публикация является фрагментом исследования, посвященного народному календарю Тамбовщины, и представляет собой материалы к словарю тамбовских хрононимов. Интерес к хрононимии определяется той семантической нагруженностью, которую имеет хрононим в структуре календаря, а также тем, что именно «терминология народного календаря носит диалектный характер и сочетает в себе церковные по происхождению хрононимы, адаптированные и модифицированные, часто в духе народной этимологии (ср. серб. *Вратолом*, букв. «ломающий шею», из *Вартоломей*), и собственно народные названия, во многих случаях отражающие мифоритуальное содержание праздника или периода...» [Толстая, 2005, 10].

Сбор материала осуществлялся по авторской программе-вопроснику «Праздничная традиционная культура (Народный календарь. Календарные обряды и обычаи)», которая представляет собой адаптированный вариант для южнорусского региона. При ее составлении мы опирались на аналогичные программы [см.: Программы, 1988, 15–26; Программа, 1994, 106–110]. Зафиксированный в полевых условиях в течение последних пятнадцати лет материал подтверждается видео- и аудиозаписями и охватывает всю территорию Тамбовской области.

Для настоящей статьи выбраны преимущественно те хрононимы и контексты, которые позволяют составить общее представление о календарной системе региона, однако этот материал нельзя признать исчерпывающим, поскольку работа над его систематизацией еще ведется. Полевой материал¹, на основе которого был

¹Автор выражает благодарность канд. филол. наук А. А. Чемерчевой и аспирантке Института русской филологии Тамбовского госуниверситета Д. Н. Лоскутовой за любезно предоставленные материалы.

сформирован словник хрононимов, дополнен сведениями, почерпнутыми из дореволюционного источника – Тамбовских губернских ведомостей. Наряду с диалектными единицами и выборкой из опубликованных материалов в словник включены общеупотребительные хрононимы, которые являются частотными в локальной традиции. Хрононимы расположены в алфавитном порядке, с краткими дефинициями и иллюстрациями, однако без грамматических комментариев. Тексты приводятся в общепринятой графике и литературной орфографии, что связано со стремлением облегчить восприятие диалектного текста, сделав его доступным для широкого круга читателей. Автор не претендует на точное воспроизведение особенностей диалектной фонетики.

В тексте используются следующие условные обозначения: речь информанта и цитаты из письменных источников заключаются в кавычки; пояснения и/или вопросы собирателя материала (а также ссылки на первоисточник) подаются в квадратных скобках.

А

АВДО́ТЯ ПЛЮЩИ́ХА. То же, что ЕВДОКЕ́И. «Мученицы Евдокии. Авдотья плющиха, а у других – свистунья. Плющихою называется потому, что от тёплой погоды снег начинает оседать и как будто сплющиваться; а свистунью потому, что с этого дня начинают дуть и свистать ветры весенние [ТГВ, 98].

АВДО́ТЯ СВИСТУ́НЯ. То же, что ЕВДОКЕ́И. [ТГВ, 98].

АКСИ́НЬИН ДЕНЬ. То же, что КСЕНИЯ. «Если Акси́ньин день будет красный, то и весна будет красная» [ТГВ, 98].

(А)КСИ́НЬЯ ПОЛУЗЫ́МНИЦА. То же, что КСЕНИЯ.

(А)КСИ́НЬЯ ПОЛУХЛЭ́БНИЦА. То же, что КСЕНИЯ.

АЛЕКСЕ́И – С ГОР ТЕКУ́Т РЕКЕ́И. То же, что АЛЕ́КСЕЙ БО́ЖИЙ ЧЕЛОВЕ́К. «Вот, вот Алексеи – с гор, с гор текут реки, вода» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

АЛЕКСЕ́Й (АЛЕ́КСИЙ) БО́ЖИЙ ЧЕЛОВЕ́К. День св. Алексия, 17.ІІІ/30.ІІІ. «День такой есть – Алексей Божий человек. Вот был такой Алексей Божий человек. Вот богач был, и у него сын Алексей, он потом Божиим человеком стал» (д. Шилов, Бондарский р-н). «Алексей Божий человек, и праздник. И вот он ушёл, не жаловался, восемнадцать лет ему было, во время помолвки его взяли, помните? Красивый такой был. Начали цаплять, начали в милиции, и его захали, и он семнадцать лет там сидел. А там был старик, и вот он уже умирал. И вот он перед отцом предстал, а он не узнал его. Он посидел весь, ну его не узнал. Ну он это написал письмо, ну я пою его, стих хороший» (пгт Жердевка, Жердевский р-н). «Алексей Божий человек прям текут ручьи, такие ручьи текут, да, сейчас нет таких ручьёв, таких ни ручьев, ни... и речки все пересохли» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Это праздник тридцатого марта, Алексей Божий человек, да, эт праздник. Ну стих мы про него не читаем. Не знаем, да» (с. Пушино, Ржаксинс-

кий р-н). «Эт бывает, он тридцатого марта, *Алексей Божий человек*, эт он нестрогий праздник, а просто вот, эт, эт уж тут начинает идти, говорит, Алексей Божий человек – с гор потоки начинаются, полая вода» (с. Берёзовка, Сосновский р-н).

АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК – С ГОР ПОТÓКИ. То же, что АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК. «*Алексей Божий человек – с гор потоки* праздник...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «*Алексей Божий человек – это с гор потоки* называются у нас, с гор потоки. Вот Алексей, если когда *Алексей Божий человек*, это такой, это с *гор потоки*, вот, значит, полая вода, вот и все. А печь к нему не пекём, обряда такого нет. Вот *Алексей Божий человек – с гор потоки*, это считается, всё уже, полая вода, вот разлив воды, разлив воды, вот это к этому, уже всё, зима – конец. Уже полный разлив, вот» (с. Пушино, Ржаксинский р-н).

АЛЕКСЕЙ – С ГОР ВОДА, ИЗ ГЛАЗ СЛЕЗА. То же, что АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК. «С гор вода, с гор вода, говорит, из глаз слеза. Да, он... да, с гор вода, говорит, или из глаз слеза. Это он бывает в марте тоже, двадцать восьмого марта, а-а эт если тепло, то с гор вода. А бывает двадцать седьм... марта-т мороз, говорит, с го... вот ныне-т, говорит, с гор вода, из глаз слеза идёт, холод. Да, этн бывает, праздник есть такой-та» (с. Серповские Выселки, Моршанский район).

АЛЕКСИЙ – С ГОР ПОТÓК. То же, что АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК. «Вот, эт *Алексий* – это, наверно, называется с *гор поток*, вот тут половодье, а потом тут пойдёт и пойдёт вода...» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

АРЖАНЬЕ МИРОНОСИЦЫ. То же, что ЖЕН МИРОНОСИЦ. «*Ржаные Мироносицы* – это вот уборочная пора, называется *Аржанные Мироносицы*, да» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

АСПОС. День Рождества Богородицы, 8.IX/21.IX. «А *Аспос* – это двадцать первого сентября. Это престол, престольный, вот *Аспос*, в Чугреевке была цёрква, вот у них Мать Аспосская, Пресвятая Богородица. Вот день рождения её называется, это день пресвятой Богородицы, *Аспос*. Это у них престол...» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

Б

БЛАГОВЕЩАНИЕ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНИЕ. «Вот *Благовещение* – то, что неделю не доедешь или переедешь-то? <...>. Высохнет трава-то – то переедешь, а то не доедешь. У нас не доехали. Если Благовещения на снегу, то значит, переедешь» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНА(Я). То же, что БЛАГОВЕЩЕНИЕ. «Вот на *Благовещену* бабы волосы не чешат. Вот. Нельзя чесать» (с. Николино, Инжавинский р-н). «Даже называется: девица косы не плетёт, а птица гнезда не вьёт. Да. Это на *Благовещена*. Ничё нельзя делать» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Обратный обычай: вот такое, если зажжёшь на... это говорили, если на *Благовещену* жаркий день, значит, пожарный год. А вот так обычая, свет не зажигать, у кого пчёлы есть. Если пчёлы у меня есть, значит, я не буду свет зажигать, а то пчёлы не будут водиться. Да. Это на *Благовещену*. А на *Благовещену* если жаркий день, значит, пожарный, вот так. А сбывалось это, не сбывалось...» (с. Стеньшино, Петровский р-н). «Вот, а тогда если на *Благовещена* свет зажжёшь, значит, конопь у тебя сго-

рят. Каждый на своём огороде сеяли конопь, йих мяли, толкли, пряли, и штаны шили, и рубахи, и матрасы, и всё из ней делали, да» (с. Рудовка, Пичаевский р-н). «Тут *Благовещена*... Например... на *Благовещену* вроде пост, скоромного не ядят... я не пашусь, здоровья нет, какой пашусь» (с. Вирятино, Сосновский р-н). «*Благовещена*. Вот эта птица гнезда не въёт, такие как... даже строже, чем Паска, да, это *Благовещена*, вот, да. Выходит, вот когда солнышко встаёт и она, она играет (ой, мне мурашки)» (с. Верхнее Чуево, Уваровский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНИЕ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «А это седьмого, это всё время праздник, он в числах, это он когда Паска бывает, что на одной неделе и Вербная, и этот, седьмого апреля, да, Благовещение, *Благовещание*» (с. Текино, Сампурский р-н).

БЛАГОВЕЩЕННАЯ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «Это только было на *Благовещенную*, рыбу ели и на Вербную, два раза и всё. А так вот вообще и рыбу не едят постом-то, ее не едят» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Ну вот это кто знает, кто не знает. Это, видишь, я в тот раз на *Благовещенной*, мне сказали, я взяла её, свечу, и там жгла, я из церкви, что я, говорит, будет вот так вот дождь, гроза и буря, ураган – и прямо этою свечу зажигаю и выходи. Она у мине лежит на угольнике...» (с. Стёжки, Сосновский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «Да, да, тоже плохо, *Благовещенский день* – это очень строгий. Не работают, ничего. Свечи-то жгут, как же в церкви-то? А в домах-то и не жгём, в домах не жгём» (с. Старославино, Первомайский р-н).

БЛАГОВЕЩЕННЫЙ ДЕНЬ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «Да там написано в этих, журналах, а я нет, я... вот на... на *Благовещенный день*, Благовещенный, он среда была, там в среду, на неё не сажают, не сеют ничего, на этот день ничего не сеют, вот» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНЬ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «Ну это она перед Паской, перед Паской эта, эта *Благовещень*, это строгий праздник. Он называется, ну всё равно же такой же постный, но на него, говорят, как обычай: дева косы не плетёт, птица гнезда не въёт» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ (-Ё, -Я). Дванадцатый Богородичный праздник православной церкви, Благовещение Пресвятой Богородицы, 25.III/7.IV. П о в с е м е - с т н о. «*Благовещенье* – большой праздник. Архангел Гавриил благовещал Матерь Божию, так что даже ещё больше праздник...» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

БЛАГОВЕЩЕНЬИ. То же, что БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. «Есть. А я тебе сейчас скажу, какой это *Благовещеньи*» (с. Алексеевка, Рассказовский р-н).

БЛИННАЯ НЕДЕЛЯ. То же, что МАСЛЕНИЦА. «У, еще бы, это уж Масленица. Это она *Блинная неделя*, тогда, бывал, к Маслене идут на мельницу, пашанó мелют, у нас вот, как я знаю. Это намелют, а кто толкёт пашано, и блины всю Маслену, блины пекут» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

БОЛЬШОЙ ПОСТ. То же, что ПАСХАЛЬНЫЙ ПОСТ. «Вот у меня соседка, она все посты соблюдает. Вот *Большой пост*-то – семь недель, и она не ест. Мяса не ела всю жизнь» (с. Песковатка, Петровский р-н).

БРЫКУШКИ. Канун Преполовения, 24-й день после Пасхи. «Ну вот наверно *Брыкушки* когда эти идут... *Брыкушки* когда, они на это... на Прополовенье. [*Брыкушки* бывают в тот же день, что и Преполовенье?] Одно и то же, да... да... это середина между Пасхой и Троицей. [Принято ли было на Преполовенье святить воду?] Воду, ее светят каждый раз. [Принято ли было начинать купальный сезон с Преполовения?] Ну как тепло становится, и с *Брыкушков* купаются, а иной раз – и до *Брыкушков*. Ну как сама погода подскажет» (с. Абакумовка, Токаревский р-н). «Есть. Есть, да, водой... Ну *Брыкушки*, *Брыкушки* – это вот когда Жён-Миронóсья была... *Брыкушки*-то эти. Сейчас нет. Сейчас нет, тогда вон чего, все собираются и идут с ведрами, водой зацепляют, приходят к тебе: «Так, даёшь вот на *Брыкушки*?», – яйца, чегой-т, не даст тебе – водой льют туда. Прямо водой льют. Да, и уйдут. И самого оболуют. У нас тогда... А то и в речку заташат. ...Ветврач был, а бабы торгуются, с работы пришли в обед: «Ну-ка, пойдёмте, сейчас в поле дам поесть», – и ей прямо в белой рубашке на выходе, останавливаются: «Давай нам... – у него деньги, – давай». – «Нет». «Нет?», – ну кто ж чем в речке воды берут, и его всего улили, грязь, всё. А он: «Чего ж вы делаете?» – «А ты чего нам не дал, давай». А всё равно, дарят, а того и зальют. Яйца берут, да. И вот собираешься, да, на *Брыкушки* собираются они, яичницу жарят и кулэш молочный варят. Вот покушают. [Где устраивали гуляние?] Да где, собираются-то дома, где собираются, а это они ходят где, это после *Брыкушков*, это *Брыкушки* называем, а это мы ещё, праздник-то бывает... [На какой день устраивали *Брыкушки*?] Да это я не знаю, забыла я. На воду ходят, на Прополовенье-то, а в среду оно бывает, а во вторник» (д. Цыганок, Токаревский р-н).

В

ВАРВА́РА МУ́ЧЕНИЦА. Праздник св. Варвары, 4.XII/17.XII. «...семнадцатого – *Варвара мученица*, девятнадцатого Никола и всё» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

ВВЕДÉНИЕ (-ИЯ). То же, что ВВЕДÉНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «*Введение*, четвёртого? <...>. Нет, четвёртого октября, декабря вот это...» (с. Чикарёвка, Жердевский р-н). «*Введение* <...>. А *Введение* – это вводили вот эту вот Матерь Божью. Они, когда её родили, у них не было детей. Они в старости эту дочку родили, Господь им послал. И они обрелись её отдать Богу на служение. И вот это вот пятого декабря, этот праздник, он празднуется» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «Да, эт, эт когда эт подойдёт *Введение*, эт когда подойдёт праздник *Введение*, *Введение* во храм Пресвятой Богородицы, это мы сейчас дойдём, и я либ с Вами не дойду до се... дойдёшь тока ж до Паски» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Это что за праздник? Мать Мария, она была девочкой, маленькой, вот. Родилась в большой семье, жили, вот. Ну и она была мёленькая, а уже в храм на второй этаж всходила. Это вот когда мы были, да прошлый год... прошлый год я не была, тот год я была на *Введение*, и батюшка рассказывал...» (с. Кужное, Мордовский р-н). «Ну, *Введения*, Божью Матрю вводили в церкву, ей три годочка было, и вот её ввели, а ступеньки каменные большие, и она без ро-

дителей зашла, сама, на этот праздничек, на *Введёнию*» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Это в *Введение*, это праздник какой-то там, *Введение*, это вводят там в эту... ну как же её там, по-божественному её там...» (с. Текино, Сампурский р-н). «Ну, есть *Введение*, эта мы вроде *Введение*, *Введение*, а это Божью Матрью во храм ввели, вот поэтому она и называется *Введёния*, Божию Матрью во храм ввели» (с. Беломестная Криуша, Тамбовский р-н).

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ. То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «[Как справляли этот праздник в селе?] Ну, отмечен *Введение во храм*, только что не работать, а я больше, я не знаю, нет чего?» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ (ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ). Праздник Введения Богородицы во храм, 21.XI/4.XII. «Ну а вот уж в православной календаре, это уж *Введение во храм Божьей Матери*, потому что её трёхлетнюю мать с отцом ввели во храм. Она там воспитывалась, вот, была» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Мать Мария, она была девочкой, маленькой, вот. ...И вот она – эти все стояли – она на второй этаж, ей было три годика, на второй этаж заходила в храм, вот. И она в этом, в алтаре ходила, тама, вот. Ну а потом, поэтому она и называется *Введение во храм Пресвятой Богородицы*, вот» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ВВЕДЕНИЕ В ХРАМ ГОСПОДЕН. То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «На Покров и так, у нас вот Казанская, рядом вот деревня, через речку, там Введение, Введеньё, *Введение в храм Господен*, там четвёртого декабря праздник. А гдей-то Покров...» (с. Казанское, Староюрьевский р-н).

ВВЕДЕНИЕ – ЛОМАЕ(Т) (РАЗЛОМАЕТ, СЛОМАЕТ) ЛЕДЕНИЕ (ЛЕДЕНИЕ). То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «И... это сейчас, подожди: *Введение ломает ледение*, Кузьма закуёт. А Введение четвёртого декабря, ломает ледение, ломает, да» (с. Гаритово, Мичуринский р-н). «Ну, эт *Введение – ломает ледение*, буває. Говорят, Введение – лёд встал, и всё растаяло и перломалось» (с. Отшивка, Мордовский р-н). «Введение есть, ломает ледения» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «*Введение-то* это бывает, *ломает лёдение*, я не знаю, которого он, в декабре, четвёртого, что ли, Введение бывает... Вот. Иной раз сделается тепло, даже лёд-то вот подтаивает. Лёд подтаивает. Ну, скажут, ну *Введение – ломает ледение*. Да. Этот праздник называется Введение» (с. Текино, Сампурский р-н). «Ну *Введение – ломает ледение*, это пословица-то. И нападёт снег да растает, *Введение – ломает ледение*. Есть такая пословица у нас» (с. Казанское, Староюрьевский р-н).

ВВЕДЕНИЕ – ЛОМАЕТ ЛЕДЕНИЯ. То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «Введение есть, ломает ледения» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ВВЕДЕНИЕ – ЛОМАЮТ ЛЕДЕНИЯ. То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «Это Введение назы... мы обычно называем *Введение – ломают ледения*, ну бывает оттепель» (с. Голынщина, Кирсановский р-н).

ВВЕДЕНИЕ (-ЬЁ). То же, что ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. «Закуёт – значит морозы пошли. Ну, например, так, пятого декабря, пятого декаб-

ря, пятого декабря иль шестого декабря, точно не знаю, бывает праздник *Введение*, *Введение*, по-моему, да, это не... это иль Михаил Архангел? И вот этого самого пятого числа обычно всегда бывает тепло, в декабре, хотя перед этим бывают морозы сильные. В ноябре вот, в конце ноября бывают очень сильные морозы, бывают, вот. А вот в начале декабря, тут с пятого числа, я вот так следила, ослабление морозов будет обязательно» (с. Новое Тарбеево, Мичуринский р-н). «*Введение* это тоже есть, эт четвёртого декабря» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «Все числа, даже вот там какой праздник там, *Введение* или Казанская, всё вот. Сколько уж, это сколько этой, Вань, книжкё» (с. Казанское, Староюрьевский р-н).

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА. Пятый день Страстной недели. «И вечером, и утром эт купаются, потом пятница называется, *Великая пятница*, ну, Великая суббота, а в воскресенье как раз Паска» (с. Гаритово, Мичуринский р-н). «*Великая пятница* перед Пасхой, и стоят 12 апостолов, священники, а потом смотрят: у кого свечка погаснет вперёд при выходе из церкви, тот вперёд и умрёт, так говорят» (с. Покрово-Васильево, Пичаевский р-н).

ВЕЛИКАЯ СРЕДА. Третий день Страстной недели. «Страстная неделя она называется-то, да, Страстная она неделя. Великий понедельник, Великий вторник, *Великая среда*, Чистый четверг, Чистый четверг бывает» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

ВЕЛИКАЯ СУББОТА. Шестой день Страстной недели. «Ну я этого, конечно, мало захватила-то, ну ат... Слышать-слышала от старых людей, такая есть икона, она у минё, у нас вот была лично, она уж была старенькая, но потом возобили. Там Божья Мать ну с мальчиком, и вот там тарелочка стоит, на ней рыбка лежит и курица, ну иль пятах там. Ну, курица-ряба и ещё почему-то там чтой-т, я не знаю, и вот когда Иисуса Христа распинали, и вот в *Великую* эт, су... под *субботу*, в двенадцать часов, такой облак нашёл, Его это, распяли и за... за туда, в могилку, положили. И такой бурый это голыш положили на Него, что Он всё» (с. Яроч, Мичуринский р-н). «Каждый год я сдавала с дочерью, а нынешний год и она ко мне не попала, там и пасху пекла и... они там в районе живёт-то. Вот. И до солнца испечь, на Чистый четверг сварить, а эти мы в субботу вóрим, и чтобы и посвятить пойти на *Великую субботу*. Посвятит и положит их на икону. И для всякого случая» (с. Отшивка, Мордовский р-н). «[Как называется суббота перед Пасхой?] Ну тут эта, *Великая суббота* её называют. [Это родительская суббота?] А родительская, она тут эта, под Пасху она не бывает, это после, после бывает родительская» (с. Верхнеспаское, Рассказовский р-н).

ВЕЛИК ДЕНЬ. То же, что ПАСХА. «У нас одна пряха, тогда пряхи были, она говорит: «У, *Велик день!* – Пасха-то, *Велик день*, – полезу в погреб, сейчас схоронюся, меня никто не будет даже видеть, а я скáлочку напряду». Ну и напярла – ослепла, приходят её там дети: «Да где мать наша?», – матери-то нигде нету. Как они в погреб кинулись, мать слепая сидит. «Мам, ты зачем тут сидишь?» – «Да я хотела скáлочку напярсть, мол, день, *Великай день*, можно пять скалочек напярсть – и напярла!». И вытянули её, она слепая. Вот не положено, Боже спаси! Что это – три дня Пасха, три дня, но мы в её не верим, в эту Пасху <...>. Воскре-

сенье, понеде... а вот мы её всю неделю празднуем. До понедельника» (пгт Мордово, Мордовский р-н).

ВЕЛІ́КИЙ ВТО́РНИК. Второй день Страстной недели. «Страстная неделя она называется-то, да, Страстная она неделя. Великий понедельник, *Великий вторник*, Великая среда, Чистый четверг, Чистый четверг бывает» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

ВЕЛІ́КИЙ ПОНЕДЕ́ЛЬНИК. Первый день Великого поста; без определения обычно – первый день Страстной недели. «Не хватало нам Ма́слены, пост настанет, и в Чистый понедельник, то есть в *Великий понедельник*, идём догуливать. А нынче не гуляют, ничего, только одни именины, а ещё ничё не знают, сидят и сидят, в ящик глядят и глядят, в телевизор» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н).

ВЕЛІ́КИЙ (-ОЙ) ПОСТ. То же, что ПАСХА́ЛЬНЫЙ ПОСТ. «Ну постов, считается четыре поста. Самый это *Великий пост*, потом Успенский пост» (с. Ярославка, Никифоровский р-н). «Ну, последние – уж *Великий пост*, семь недель до Пасхи, да так, прожили кое-как» (с. Заречье, Пичаевский р-н). «А пост, *пост* этот *Великий* под Паску и вот Спожинки две недели, а это уж такие посты не самые главные: Петровка и Филипповка. Их четыре поста» (с. Челнаво-Покровское, Соновский р-н).

ВЕЛІ́КИЙ ЧЕТВÉРГ (ЧЕТВЕРТАЖО́К, ЧЕТВЕРТО́К). Четвертый день Страстной недели. «Вся неделя до Пасхи – это Страшная неделя, а *четверг* – *Великий*» (пос. Советский, Бондарский р-н). «А это вот недавно передавали по телевизору, я слышала: *Великий четверг* перед Пасхой – это три года будет держаться в тебе церковная причастия. Да. *Великий четверг* перед Пасхой! Очень действительно» (с. Покрово-Васильево, Пичаевский р-н). «Ой, завтра *Великой четверг*, я говорю, и я ничего. И всё, зóлу тоже самое брали, если какие червачки в капусте заведутся, это золой потру́хать, через марлю потрусят в коча́ник, говорят, пропадает всё это. Раз он *Великий четверг* называется, чистота чтоб везде была. Да. [Золу собирают в четверг или на Благовещение?] Нет, на *Великий четверг*. Да, утром, ещё солнышко не встанет, а я уже... Пока солнышко встаёт, я там, у меня порядок. Огонь зажигаю и спускаюсь» (с. Нижний Шибряй, Уваровский р-н). «А Четверг эт... *Великий четверток*, чет... *четвертажо́к*, как там в чіслиннике написано вон, как в народе...» (с. Керша, Рассказовский р-н).

ВÉРБА. То же, что ВÉРБНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ. «А вот сын у меня служил, ой... в Чехословакии. Он тоже там, говорит, этот, у нас *Верба* бывает, говорит, *Верба*, а у них, говорит, на вербушки, ну, веточки-то возьмут, и завязывают, говорит, разные ленточки, вот это, тоже приходит, говорит, ко двору-то» (с. Павловка, Сампурский р-н).

ВÉРБЕН. То же, что ВÉРБНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ. «На *Вербен* ходят в церковь и берегут вербу, когда первый раз скот выгоняют, то его бьют ими» (с. Заречье, Пичаевский р-н).

ВÉРБЕНЬ ПРА́ЗДНИК. То же, что ВÉРБНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ. «А ещё праздник вот – Вёрбня, *Вербень праздник*. Это когда вербами выгоняют, вербочки наломают, кто светит, кто как, и всех утром... Все спят, этих своих всех, кто в дому,

похлыстаете этой веточкой, и выгоняют коровок, овечек – всех веточкой хлыщут. Это вербушкой» (с. Кишкино, Инжавинский р-н).

ВЕРБНА(Я). То же, что ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «Эт вот на *Вербну* рвут и вербушки, и вот эт хозяин выгоняет, и этой вербушкой выгоняет, хлыщет он её, эту скотину-то, коров ли, овец ли» (с. Ольшанка, Гавриловский р-н). «Но я большинство вот ходила под *Вербну*. Вот, и на *Вербну*. Вот. А уж сейчас стала, когда как смогу» (с. Покрово-Васильево, Пичаевский р-н). «*Вербна?* Это вербушками хлыстают. Это за неделю Паски – *Вербна*, за неделю Паски, вот вербушками, у нас вот тут растут, вот где вот тут кусты, вот они там растут, вот эти вербушки» (с. Плетни, Рассказовский р-н). «В году шесть Родительских суббот: под *Вербную*, под Троицу, под Казанскую (осеннюю), под Масленицу... Под *Вербную* Родительскую субботу на кладбище ходят с утра до обеда» (с. Куровщина, Бондарский р-н). «Это, это на *Вербную*, под *Вербную* весной ломают вербушку. Это специально вербушки вот, их наламывают, потом идём в церковь, батюшка их освятит» (с. Никольское, Знаменский р-н). «Ну а как же? На *Вербную* вербушку откуда приносят, и бьёт вербушкой: Вербохлёт, бей до слёз, / Третий – на здоровье» (с. Николино, Инжавинский р-н). «Эт, наверно, воскресенье, эт *Вербная*, за неделю до Паски. Паска, например, вот когда Паска, она не в числах, Паска в разных числах бывает, а за неделю до Паски бывает *Вербная*. Эт вербушку срезают, вербушку, и тоже на *Вербушку* утром рано ходила эта, вот такая бабушка и всегда это: Вербохлёт, бей до слёз, / Вставай ране, беги дале. / Вербохлёт, бей до слёз, / Вставай ране, беги дале» (с. Старое Тарбеево, Мичуринский р-н). «Рыбу – Благовещенье да на *Вербную* поедим, а пост не кушали рыбу» (с. Кужное, Мордовский р-н). «[Принято ли было в Вашем селе срезать вербу?] Ну как ходили, у кого где есть – сорвут на *Вербную*, и на кладбище» (с. Ярославка, Никифоровский р-н). «Храним, храним. Вербочку храним, но её вот сейчас просто нету. Вербушку тоже хранят до следующей *Вербной*. Но кто как. До *Вербной*» (с. Старосеславино, Первомайский р-н). «Мы и сейчас ходим. И сейчас. Вот у менё сын ходит, перед *Вербной* он принесёт вербушку, тут у нас ещё есть» (с. Стеньшино, Петровский р-н). «Ну Вербное, эт как же, под Паску праздник *Вербная*, вербушки рвут. На могилку носят, в домик вот втыкают, где иконка» (с. Алексеевка, Рассказовский р-н). «Справляли, Благовещенья была и *Вербная* была, и видишь какие праздника-то, ну» (с. Гавриловка, Ржаксинский р-н). «Перед Паской-то? Да, ну вот это самое, *Вербная*, она и называется» (с. Нижний Шибряй, Уваровский р-н). «Да. Эт на *Вербную*. Раньше-то ведь, бывало, идут в церковь, святят их, эти вербушки и вон, под образа их кладут. И они целый год лежат, эти вербушки» (с. Берёзовка, Умётский р-н).

ВЕРБНОЕ. То же, что ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «*Вербное*. А как же. Ну, как вот, вербушки нарвём, вербушки. И несём опять эт на кладбищу, вот становим своим упокойникам этим всем. Ну, а как это, ну, не сказать, что мы готовимся там, девчонки, это нет» (с. Покрово-Марфино, Знаменский р-н). «Ой, ну как же, *Вербное* не праздновать, *Вербное* ты тоже идёшь, вербушки берёшь, убираешь тоже дом и иконки убираешь, и всё. Как же?» (с. Оголиновка, Инжавинский р-н). «Вербушки – эт на *Вербное*. Вниз пойдём, вот это, из родника святой водой побрызга-

ем и похлыстаем друг друга на здоровье» (с. Ковылка, Кирсановский р-н). «Берёзовые веточки – я читала, но не помню от чего. Вот у меня эта, как её, верба, вот *Вербное* бывает, вербочки, этими, когда стадо выгоняют первый день, стадо на луга, этими вербочками корову со двора постукивают, и она пошла. [С какой целью совершалось обрядовое действие?] Ну, чтобы не болела, чтоб она... всё хорошо было» (д. Трофимовка, Кирсановский р-н). «На *Вербное*, оно так и называется *Вербное*, праздник, Вербная. И на *Вербное*, значит, эт ломают веточки <...>. В церкви, эт значит, их, значит, как их освящают, и батюшка раздаёт» (с. Гаритово, Мичуринский р-н). «*Вербное* – эт праздник такой, называется потому, когда Мать Божья ехала на ослике с Иисус Христом в Иерусалим, вот богатые постилали ковры, а бедные постилали вербушки» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Вот на *Вербное* берут вербочки и берегут вербочки, и берегут её. А как в полно выгонять корову, она вербочкой – и пастуха провожае. А пастуха провожают: по этот бок иконы и по этот бок иконы и идут с молебеном» (с. Кужное, Мордовский р-н). «Кто знает, надо на *Вербное* три почки съесть, и там слова надо говорить, чтобы здоровье было. [Какие слова?] Это у меня записано. Я не помню их так, я по бумажке читаю. Почки вербные и, запив святой водой, скажите: Вербой святой Павел махал, / От меня чужие болезни отгонял, / Правда, что Святое воскресенье чтут, / Правда, что и чужие болезни не пристаю́т ко мне» (с. Ярославка, Никифоровский р-н). «Обязательно. Обязательно говорят. Я даже слышала, я сама не знаю, а вот это вербушка даже вот на Крещению, в двенадцать часов ночи она вроде распускается. Я слышала. Говорят, в двенадцать ночи выйдешь, и вербушка распускается. Не под *Вербное*, а на это, на Крещение... А под *Вербное* обязательно. Как же, обязательно вербушку ломали и в церковь...» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н). «Да, да, на *Вербное* служба была. И батюшка вербушки давал. Освятит святой водой, это под Святую, и вербушки давал» (с. Фоновка, Петровский р-н). «А вот а раньше, когда я была маленькая, молодая, вернее, её, вербушки, наряжали. Обязательно её наря́дют всякие, у нас мать была портниха, вот все берут: «Ксения Михайловна, давай скорее вербушку буду обряжать». Вот она так, надо обрезочки-то, а там обрезочки надо так-то, такие маленькие, маленькие тоненькие. И вот её обря́дят, обря́дят, она красивая, всякие, всякие. [На какой праздник принято было украшать вербу?] Только на *Вербное*, ага, ну» (с. Гавриловка, Ржаксинский р-н).

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. Последнее (шестое) воскресенье перед Пасхой. «За неделю до Пасхи, в канун седьмой недели, вербу продают. Это *Вербное воскресенье*. Вербу на поли́чку кладут. Служат вечернюю, которая называется сеню́шна» (с. Новотомниково, Моршанский р-н). «Ну, нет, они когда уже проснулись, вот приходят из церкви и приходят с вербушками, и на *Вербное воскресенье* их вот этими бы́ют, и вот бы́ют их с такой с радостью, чтобы принести вот им силу, здоровье, счастье, чтобы принести им, им» (с. Старосеславино, Первомайский р-н). «Да, *воскресенье Вербное*. Это знаешь как, это было раньше, а сейчас я не знаю, сейчас никто так-то не делает. А раньше было. Бывал, вот эти вербы освящённые, берут их из церкви, приносят их домой и кладут их на иконы» (с. Керша, Рассказовский р-н). «В *Вербное воскресенье* запекали в хлебцы шишечки вербы и

скармливали скотине, чтобы не болела. На *Вербное воскресенье* устраивали базары, ярмарки» (пгт Ржакса, Ржаксинский р-н). «*Вербное воскресенье*, берут вербушки, освящают, и идут скотину выгонять этой вербушкой. Это не в числе» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

ВЁРБНЯ. То же, что ВЁРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «А ещё праздник вот – *Вербня*. Вёрбень праздник. Это когда вербами выгоняют, вербочки наломают, кто светит, кто как, и всех утром... Все спят, этих своих всех, кто в дому, похлыстае этой веточкой, и выгоняют коровок, овечек, всех веточкой хлыщут. Это вербушкой» (с. Кишкино, Инжавинский р-н).

ВЕРБОХЛЁСТ. То же, что ВЁРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «На *Вербохлёт* ходили вербушки святить» (с. Граждановка, Бондарский р-н).

ВЁРБЫНЯ. То же, что ВЁРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «Ну это берут веточки, это на *Вёрбыня*, да, берут в церкви, их тоже святой водой светят, и их берут, и вот и скотину выгоняют в стадо вот этими вот веточками. Это у нас вот делали» (с. Николино, Инжавинский р-н).

ВЁРЬБНЫЯ. То же, что ВЁРБНОЕ ВОСКРЕСЁНЬЕ. «Ой, это уж я не помню. Паска, до Паски *Верьбныя*, а потом-то Казанская, да. Ну правильно... Нет. *Верьбныя*, *Верьбныя*, вот как раз. Ну *Верьбныя* – ходили каждый год на речку, и молодёжь спускались в воду» (с. Моисеево, Уваровский р-н).

ВЛАСИЙ. То же, что БРЫКÚШКИ. «Эт Коровий праздник. <...> Коровий праздник, так, *Власий*, Власий... Власий, Власий, ага, Власий, Власий, ага. Власий. <...> Коровий, Коровий. На Власий пекут товоршки» (с. Никольское, Знаменский р-н). «Преполовение, ага, Преполовение, а перед этим какой? Власий, ага, Преполовений. *Власий* – оно не праздник, просто ходили женщины и... и наряжались, гуляли, а потом... вечером почему-то молочный кулеш варили на *Власия*» (с. Вязовое, Жердевский р-н).

ВОДОСВЁТЫ. То же, что СВЁЧКИ. «Это Свечки 18 января и рисуют везде кресты, и воду светят – *Водосветы*, а потом, за следом, Крещение, Крещение. И на Крещение тоже светят воду» (с. Керша, Рассказовский р-н).

ВОЗДВІЖЕНИЕ. Праздник в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 14.IX/27.IX. «*Воздвижение* правильно, а мы зовём Сдвижение. 27 сентября. 27 сентября, *Воздвижение*. Это с полей всё убирается. И в огороде, и в поле всё должно убираться» (д. Трофимовка, Кирсановский р-н).

ВОЗДВІЖЕНИЕ (-ЬЕ) КРЕСТА́. То же, что ВОЗДВІЖЕНИЕ. «Эт *Воздвижение Креста*. Это он к этому не относится, чтоб с поля убрать. А это тот крест найден был в этот момент, на котором был распят Иисус Христос. Поэтому... к этому кресту все не могли поклониться, поэтому его воздвигнули. Просто подымали его над головой и всё, называется *Воздвижение креста*» (с. Абакумовка, Токарёвский р-н).

ВОЗДВІЖЕНИЕ КРЕСТА́ ГОСПО́ДНЯ (ХРИСТО́ВА). То же, что ВОЗДВІЖЕНИЕ. «А 27 будет *Воздвижение Креста Господня*. Большой праздник, потому что ляжало три креста: один для одного и вот на третий крест встали и из него потекла кровь. Эта кровь была Иисуса Христа» (с. Рамза, Кирсановский р-н).

«...В сущности, это *Воздвижение Креста Господня*. Когда Иисуса Христа распинали, с ним ещё были два разбойника – тоже распинали их, и вот там, значит, получилось три креста, ну и потом Иисус Христос воскрес, и этих похоронили, их кресты забросили, и они лежали тысячелетие, эти кресты, и вот, по-моему, в Акафисте это есть, я читала. Царица Елена решила найти крест, на котором был распят Иисус Христос. Ну нашли их – три креста, а какой из них? И вот несли упокойника. Один приложили – никаких чудес, второй – тоже ничего, третий – упокойник воскрес. И вот этот крест-то, его и поставили и стали на него молиться. Вот так и называется – *Воздвижение*» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «А, это праздник *Воздвижение креста Христова*, вот теперь-то я знаю, а у нас тогда его называли Сдвѣженье. 27 сентября, вот чтоб к этому дню всё с поля убрать» (с. Стеньшино, Петровский р-н).

ВОЗДВѢЖЕНЬЕ. То же, что ВОЗДВѢЖЕНИЕ. «До *Воздвиженья* нужно было с полей все перевезти на гумно. На огородах оставались корнеплоды: редька, морковь, свекла и капуста» (пгт Ржакса, Ржаксинский р-н).

ВОЗДВѢЖЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. То же, что ВОЗДВѢЖЕНИЕ. «Белые мухи? Снег, снег, ну *Воздвижение* да, потом Рождество Богородицы, вот, это уж в сентябре праздники. А двадцать седьмого сентября – это уж *Воздвижение Господне*, Господь нёс крест, на нём его распяли, на этом кресту. Вот, ну после *Воздвиженья*, там Покров Пресвятой Богородицы...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

ВОЗНЕСѢНИЕ (-ИЯ). Сороковой день от Пасхи. «Эт лесенки эт, когда вот Пасха, проходит Пасха, потом после Пасхи – *Вознесение*. *Вознесение* – Господь поднимается на небо. Тут он на земле, а то он поднимается на небо. Вот это вот делается лесенка» (с. Заречье, Пичаевский р-н). «А тут-та Отданье Паски, то *Вознесения*, то Троица, то Иван Богуслов и Микола, вот эта весной, это ещё весной. Я в Свищёвке [село Бондарского р-на] Иван Богуслов, тут-то Михайлов день, а у нас Иван Богуслов...» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

ВОЗНЕСѢНИЕ ГОСПОДНЕ. То же, что ВОЗНЕСѢНИЕ. «Ну, конечно, Вознесение-то обязательный праздник, как же *Вознесение Господне*. Господь после своего, как Господь, он воскрес из мёртвых, то он сорок дней ходит обычно по земле. Даже вот Пасха, прошла Пасха да, Пасха, а в старину люди, вот моя мама, она говорила, дочка, а, говорит, в старину даже в поле не ходили вот, да, не ходили в поле. Говорит, а зачем идти в поле, сам Господь Бог ходит в по..., сейчас по земле, и он оберегает хлеба. Да, вот сорок дней после Пасхи. Они даже в поле не ходили. И после Вознесения, говорит, ну, а теперь можно идти в поле и посмотреть какой урожай там. Вот так, да, да вот так, например, моя мама говорила, что они даже сорок дней не ходили после Вознесения, после Пасхи» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

ВОЗНЕСѢНЬЕ. То же, что ВОЗНЕСѢНИЕ. «С Пасхи и до *Вознесенья*, Господь прибывает на земли, на земли, а вот на *Вознесение*, вот Господне, оно так и называется *Вознесение Господне*, вот Господь, Он, возносилси уже на небеси. Поэтому как бы ему помогали, вот это в дар яго, в Господу пекли вот эти лесенки, а больше ничё. Съедали дети за чаем и всей семьёй. Как бы вот это Господу помогая вознестись на небеси» (с. Пушино, Ржаксинский р-н).

ВСЕЕДНАЯ НЕДЕЛЯ. Третья от конца неделя мясоеда перед Великим постом. «Да ещё Масленица будет, после Сретенья Господня там будет неделя, *Всеедная неделя*, эт едят в среду и пятницу мясо. Эт потом Пёстрая неделя, эт среду и пятницу... [Когда бывает Всеядная неделя?] Эт что неделя, эт перед Масленой, эт *неделя Всеедная*: едят мясу и молоко, всё едят, вся она, всю, всю неделю едят всё. А Пёстрая неделя – эт теперь не едят ни в среду, ни в пятницу» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Пёстрая ды *Всеедная*. *Всеедная*. Вот, вперёд, наверно, Пёстрая, потом *Всеедная* <...>. Да, и по ней узнают: если какая Пёстрая неделя, такая будет и Масленицкая. Если есть пого... сне... снежная, то и Масленица, вся неделя такая <...> как ныне была... как нынешний год... так вот оно и ничего и нет, ни растёт ничего...» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

ВСТРЁТЕНА. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «Вот бывает праздник, зима с летом встречается, *Встретена*, ну и вот, примечали тоже, с какой стороны ветер пойдёт: если ветер пойдёт с юга, то значит, зима быстро, значит, весна быстро придёт, с этого дня холода совсем не будет. А если вот бывает на этот день с севера ветер, то, говорят, это холодно будет, и ветер будет, говорят, через дорогу эту перекатит эту, ну, значит, кормочка нам приготовить надо корове больше. Да. Ветер если будет на Встретенье, то... ну это сильный бывает» (с. Павловка, Сампурский р-н).

ВСТРЁТЕНИЕ. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «Это на *Встретению*, если на *Встретение* хорошая, солнечно и курочка водички напьётся, значит, лето будет раннее и это... раннее. А если курочка водички не напьётся, то зима будет продолжительная и снежная» (с. Верхнее Чуево, Уваровский р-н).

ВСТРЁТЕНЬЕ (-ЬЯ). То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «*Встретенье* – эт Мать Божия молебен взяла, молитву брали Иисусу Христу. [Какие приметы и поверья, связанные с этим праздником, Вам известны?] Ну кто её знает, *Встретенье*, какая поверья. Праздник, праздник большой, Мать Божия ходила во храм, Иисус Христос младенец был» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «А *Встретенье* – солнце на лето, зима на мороз. Если солнечный день, значит, ранняя весна будет, если ветер... и с какой стороны ветер вот говорили: если с южной стороны, то будет ранняя весна. Потому что это уже предвестник весны» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «*Встретенье?* Это вот когда зима с весной встречаются. Половина зимы пройдёт, и вот это Встреченье, вроде вя... весну будем ждать, это Встреченье называется, мг» (с. Верхнеспаское, Рассказовский р-н). «А *Встретенье*, я забыла в каком месяце, *Встретенье*-то, тоже тринадцатого, что ли, то ли в феврале, то ли в марте она есть. [Почему день так называется?] Ну вот если, как её, будет мороз, позёмка, весна, что ли, говорят, какая там бывает, я тоже ничего не знаю. Если вот зима переборет, тепло делается, то тепло будет зи... это весна. А если мороз, то будет холодная весна, так, что ль, и вот, я не помню как следует...» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «Да. *Встретенья*, это зима с летом встретятся, это знаешь, какого, пятнадцатого февраля это *Встретенье*. И вот если день хороший будет, солнышко, и будет оттепель, и она напьётся, то это хорошо, теперь весна. А если заюлит погода, такой мороз, говорят, ой... [Поясните выражение «заюлит погода».] Ну мороз, мороз будет, вьюга, вьюга-то. Она кружится, и гово-

рят, плохая будет весна, холодная. Да» (с. Текино, Сампурский р-н). «Крещение – это девятнадцатого, тут идут уже с этого, Крещение, там будет это, как его, *Встретенье*, *Встретенье* будет пятнадцатого февраля...» (с. Вириатино, Сосновский р-н).

ВСТРЁТНИЯ. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «На Встрётню... На Встрёчинью... *Встретния*, такой праздник. <...> А эт, эт ток зима с летом, говорит, а эт, говорит, Божия Мать встречается... Да, да, да, да. Идёт своему этому, Спасителю, молитву брать. Да» (с. Прибытки; Бондарский р-н).

ВСТРЁЧЕНИЕ (-ИЯ). То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «Новый год. Тогда в этих, в праздниках. А тогда пойдут-то *Встречение*, так в редкую-то стёжку, тогда до Масленой. [Опишите, как справляли этот праздник.] *Встречение* – зима с летом, это весна с летом... с зимой сравниваются. Зима на холод, а весна откроется на тепло» (с. Фоновка, Петровский р-н). «*Встречения?* В числе. В числе. Двоих-то на Встрётенью, ну. *Встречения-то*, она в феврале? В числе, в числе» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

ВСТРЁЧЕНЬЕ. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «Это на *Встреченье* нет, а знаешь, пекут когда, на Встретенье – это называется весна с зимой встрети-лась. Если птички напьются воды, на весна будет... на Егория корова в травке сидеть. А на Егория, она бывает шестого мая по-новому. Это такая примета была. <...> Да примет много было. Нет, это, наверно, сейчас ничего не будет. Вот я тебе говорила про Встрётенье, если будет водичка, то на Егория коровка травки съест. Это бывает. Это когда она капает, капель, на это... Встретенье. Может и на Благовещенье, всякие приметы бывают» (с. Кулевча, Инжавинский р-н). «Это если *Встреченье* – это не, *Встреченье* – это как встречается лето с зимою, вот это, если тепло, то лето перборóло зиму. Если холодно, то эт зима ещё постоит» (с. Гари-тово, Мичуринский р-н).

ВСТРЁЧНАЯ. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «Ну тут за Крещением, тут Мясоедом *Встречная*, пятнадцатого февраля. Ну она один день, конечно, везде быва́я, она в кругу» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Это *Встречная*. Есть, да. Кто перебо́ря: зима или лето. Тепло – это лето, а мороз – это зима. Так» (с. Поповка, Староюрьевский р-н).

ВСТРЁЧНАЯ. То же, что СРЁТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ. «*Встрёчния* [Какие приметы и поверья связаны с этим днем?] ...Встречаются, вот и кто перебо́ря, солнышко ли, мороз ли, кто перебо́ря её» (с. Вишневое, Староюрьевский р-н).

Г

ГЕО́РГИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «*Георгий Храбрый*. Ну тоже святой какой-то, вот на него обедню служат. [Когда отмечают этот праздник?] Это вот не очень давно он вот был, Гео́ргий-то, тоже грозный он. На него, говорят, не работают, на этот праздник. Как вот на Благовещенью, так и на неё» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

ГЕО́РГИЙ ХРА́БРЫЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «*Георгий Храбрый*. Ну тоже святой какой-то, вот на него обедню служат. [Когда отмечают этот праздник?]

Это вот не очень давно он вот был, Георгий-то, тоже грозный он. На него, говорят, не работают, на этот праздник. Как вот на Благовещенью, так и на неё» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

ГЕРАСИМ-ГРАЧЁВНИК. День св. Герасима, 4.III/17.III. «Грачи прилетают. *Грач*, говорят, на нос садится, т. е. хотя прилёт грачей возвещает наступление весны, однако ж ещё не совсем, потому что в марте бывают морозы» [ТГВ, 98].

ГODOVOЙ ПРАЗДНИК. Каждый крупный двенадесятый праздник. «Вот есть люди такие, в праздник вот что-нибудь прегрешат, работать в *праздник годовой* нельзя. Вот *годовой праздник* работать грех. И вот заметь, праздник отработашь, завтра день пройдёт – ничего не будешь делать. Пройдёт, и какие-то тебе вроде... не допустит тебе Господь. [Поясните, пожалуйста, словосочетание «годовой праздник».] А годовой, ну вот Благовещение годовой, Крещение, Рождество, Никола. Вот теперь Святой Отчий Митрофаней, Святой Отчий Тихон, их вот праздники, великие угодники у Господа Бога. Вот на них работать не надо. А на завтра ты втройне сделаешь, больше сделаешь, а это ты почтёшь, это *праздник*. <...> Хотя до обеда, пока служба, а уж после обеда» (с. Кужное, Мордовский р-н).

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ. День памяти великого отца и учителя церкви Григория Богослова, 25.I/7.II. «Наблюдают на этот день перемены в атмосфере. Каков день с утра до полудня, такова, говорят, будет и первая половина зимы, а с полудня до вечера – предвещает другую половину зимы» [ТГВ, 98].

ГРОЗНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. То же, что ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. «[Как называется первый день Пасхального поста?] Вот понедельник, на нём ничего не делают. С понедельника начинается Великий пост. Вот этот *понедельник Грозный*» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ. То же, что ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. «[Как назывался первый день Великого поста?] *Грустный день* его, по-моему, *Грустный*, точно. Ну такой день» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

Д

ДМИТРИЕВ ДЕНЬ. День обретения мощей святого Димитрия, 21.X/4.XI. «Октябрьская, вот октябрьская, когда седьмое ноября, а двадцать третьего – Михайлов день. А после октябрьской-то – *Дмитриев день*, а потом двадцать третьего – Михайлов день. Вот какие праздники. А уж стряпать – это как и сейчас всё, если день рождения справляешь, стряпаешься, ну и тогда так-то. Ждёшь гостей, настряпаешься, у кого чего есть...» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

ДМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ. Локальный осенний праздник, точная дата не установлена. «Эт нет, это, это осенний праздник, Воздви... вот такие: Рождество, потом, эта вот, такие-то, Красную Горку, потом наш праздник *Дмитрий Ростовский*, вот такие вот. [Когда отмечали этот праздник?] Такой праздник, но только его нигде нет, и вот у меня *численник* такой, церковный, а такого праздника нет, даже и в календаре нет. [Какого числа отмечали этот праздник?] Мы никогда, ну это отмечали, бывало, в детстве, молодёжь вот, вечер собирали, всё, а сейчас какие на праздники, ноги болят, руки болят» (с. Канищево, Пичаевский р-н).

Е

ЕВДОКѢИ. День преподобномученицы Евдокии, 1.ІІІ/14.ІІІ. «...Впрочем, нередко в *Евдокеи* в стоячь собаку заносит снегом. Примечают: с какой стороны в этот день дует ветер, с той будут ветры весною и летом. – Ясная погода в этот день предвещает хороший урожай пшеницы, ржи и трав» [ТГВ, 98]. «Четырнадцатого марта, это четырнадцатого марта... Вот она, наверно, в феврале бывает, не знаю, вот точно. Что-т забыла. Ну, и вот. Я иду и снохе-т своей вот рассказываю, говорю: «Вот как сказать? *Евдокеи*, водички нигде нету – курочка не напилась, – я говорю, – весна холодная». Да, она, снег растаял, весна-т, только ведь три дня постояло, тепло-т. А то ведь холодно было. Ну, и всё. Вот это *Евдокеи* – четырнадцатого марта, а по-старому они первого марта, да...» (с. Старая Казинка, Ми-чуринский р-н).

ЕВДОКѢЯ (-ѢИ). То же, что ЕВДОКѢИ. «*Евдокия* – эт после, наверное, этой... Да, после Масленицы, она после Масленицы» (с. Чикарёвка, Жердевский р-н). «А ещё примета, это тоже бывает: на девятнадцатого... это, четырнадцатого марта бывает *Евдокия*, праздник. Вот если на эту *Евдокию* курочка, говорят всё, водички напьётся, то год хороший будет. А если воды... ну, бывает и морозы, если водички не напьётся, то засуха будет или там... ну, в общем, плохой год» (с. Павловка, Сампурский р-н). «Да, да. Это *Евдокии*. Если лист через дорогу перекатит, значит, весна будет плохая. А если тихая и оттепели, чтобы, говорит, водички было чудок, курица если, говорит, напьётся, на Ягория, вот Ягорий, конь наестся. Вот, да. <...> А это в марте, думаю, четырнадцатого. А уж точно забыла. [Поясните, пожалуйста, значение выражения «лист через дорогу перекатит»?] Ну ветер, ветер, он... ну дует, хоть бумага, хоть что понесёт... А если тихо, сейчас тихо, вот, и всё на месте лежит, значит, весна будет хорошая. Да, и если оттепель, курица напьётся – на Ягория, говорит, конь наестся, трава вырастет» (с. Рудовка, Пичаевский р-н). «Есть *Евдокии*, да. *Евдокия* – это праздник тоже, так называется. <...> Да, да. То, говорит, будет дождок идти, да, и хлеб будет урожайный. Так-то говорили. Вот. А вот ныне нет сейчас дождя, надо на картошку» (с. Поповка, Староюрьевский р-н).

ЕВДОКѢЯ ЗѢМНЯЯ. То же, что ЕВДОКѢИ. «*Зимняя Евдокия* – праздник Евдокий, именины» (пос. Советский, Бондарский р-н).

ЕГѢРИЙ. Юрьев день, который отмечали два раза в год: весной, 23.ІV/6.V, реже осенью, 26.ХІ/9.ХІІ. П о в с е м е с т н о. «Да, это *Егорий* тута бываить, это после Пасхи тута, ну, да, он праздник вроде такой строгай, не работают на него, вот, а так боле ничего» (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н). «*Егорий* есть праздник, на нём не работают на лошадях, вот щас их лошадей-то нету, ну раньше были лошади у каждого хозяина, на них не работали, а то лошадь болеть будет, скотина. Тоже весной бывает, вот перевясны. Вот рассаду сеють в этот, в эти праздники» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «У нас зима начинается или в ноябре, вот, скажут, до Загования коров караулять, а Загование 26 ноября, а вот наш праздник престольный 17 ноября, *Егорий*. И или на Ягория, или в конце ноября уже вот полная зима ложится, а на Покров ещё очень рано» (с. Текино, Сампурский р-н).

ЕГѢРИЙ ВЕСѢННИЙ. То же, что ЕГѢРИЙ. «Они обои злые. И под Николу, и Зимний. Раньше *Весенний* [Егорий], бывало, мне мама скажет, обедает, вот у нас

дедушка берёт, кусок пирога отрезает, три яйца или там, может, два, и несите в лес на пенёчек, Егорию. Да, весной. Положим там Егорию» (с. Тынково, Петровский р-н).

ЕГО́РИЙ ВЕ́ШНИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «*Ягорий* вот *Вешний* бывает, она шестого, шестого *Ягорий* бывает. Эт вроде волк, тогда овцы были, да боялись, волк налетит да овцу утащит» (с. Новосёлки, Мичуринский р-н). «Да, *Ягорий* строгий, ещё *Вешний Ягорий* строгий» (с. Текино, Сампурский р-н).

ЕГО́РИЙ ЗИ́МНИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «*Егорий-т* есть *Зимний*, *Егорий Зимний* и *Вешний Егорий* есть, на эту, на *Егорий* на *Зимний*... я на *Вешний* свёклу раздёргивала, а утром не встала, на праздник вот как раз. Ну вот я говорю: “Эт тебе, чтоб ты не шаталась”» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

ЕГО́РИЙ ЛЕ́ТНИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «И *Зимний*, и *Летний Егорий* есть. <...> Это когда огороды бывают летние, стала сажать огород – нельзя. Вот у нас случай был. Ходила эта, картошку сажать, и лошадь тут же на огороде упала. И сдохла. Да. Это вот на *Егория* никогда не сажай – ничё не будет. Это вот есть, правильно» (пгт Мордово, Мордовский р-н).

ЕГО́РИЙ (-ИЯ) ОСЕ́ННИЙ. То же, что ЕГО́РИЙ. «Отмечается. Их две *Егории*. *Вешний Егорий* 6-го мая, а *Осенний Егория*, так, подожди, 16-го, наверное, ноября либо... Точно не могу Вам сказать...» (с. Никольское, Знаменский р-н). «Ну это вроде праздник бывает *Егорий Осенний*. То *Весенний*, а это *Осенний*. Вроде нельзя прясть шерсть. Да. А то волки будут овец тягать. Да, да, это было» (с. Стеньшино, Петровский р-н).

ЕГО́РИЙ – РЕ́ЗВАЯ СОХА́. То же, что ЕГО́РИЙ. «А это нужно пахать, *Егорий – соха резвая пойдёт*, пахать на огородах надо. Да. Соха резвая, говорят, пойдёт, пахать поля надо тракторами аль чем. Пахать надо» (с. Мезинец, Старо-юрьевский р-н).

ЕРЕМЕ́Й. День памяти пророка Иереми, 1.V/14.V. «14-го мая у нас *Еремей*. Всегда работали в поле. Не давали в долг, не меняли и даже не продавали, а то не получишь урожай. Наденет, бывало, мамаша моя белую рубаху и чулки, садится на борону, а сама наговёр читает: «Как я вёска и тяжка, / Так и хлеб мой, будь вёской и тяжкой. / Чтоб никто не мог на моей полосе / Свет ни снять, ни сдуть, / Чтоб дождь не обмыл, и человек не снимал, / Окромя меня – хозяйки. Отец мой перепрягал коня в соху и делал три бразды по ограде» (пгт Ржакса, Ржаксинский р-н).

Ж

ЖА́ВОРОНКА ПРА́ЗДНИК. То же, что ЖА́ВОРО́НКИ. «А это когда пост бывает, жаворонки-то, их пекут. Жаворонки – праздник. Вот и делают, да, как птички. <...> А, а как же, считают. Это праздник, тоже считается он пра́здник. *Жаворонка праздник* это» (с. Моисеево, Уваровский р-н).

ЖА́ВОРО́НКИ. День Севастийских мучеников, 9.III/22.III. «Это называется день *Жаворонки*, *Сорки*. Называется *Жаворонки*. Это пекут эти жаворонки и выносят на улицу. Ребятишки мы тогда выносили, и шумим, кидаем и шумим...» (с. Кишкино, Инжавинский р-н). «Крестики пекут это когда, бывает, проходит половина поста перед Пасхой, нонче, говорят, называется Кресты́. 22-го бывают *Жаворонки*, а потом Кресты́» (с. Рамза, Кирсановский р-н). «[Как называется

день, на который принято было выпекать хлебное изделие в форме птицы?] А, к какому празднику пекли? *Жаворонки* называется. Так и называется. Ну до Пасхи они. До Пасхи» (пгт Мордово, Мордовский р-н). «Пост бывает сорок дней, сорок дней, семь недель. И вот эта половина поста отмечается, *Жаворонки* называют. Пекут старые, раньше пекли, жаворонки – птички такие. И вот с этого поста, скажут, половина поста, и вот примечают. Нет, нет и нет, нет снегу, там мороза. Потом начинают идти морозы, и говорят: «О, сорок морозов!». И вот высчитывают, когда прекратится» (с. Текино, Сампурский р-н). «Это называется *Жаваронки*. Эти *Жаваронки*, они бывают в число, тоже бывают. Эти пекли жаваронки. На эти *Жаваронки* пекли. И назывались они *Жаваронки*. Птички пекли. И вот эти напекут, и ребятишки ходили на улицу и шумели: «Жаваронка, жаваронка, прилети, / Красную вёсню принеси, / А холодную унеси. / Нам зимушка надоела, / Много хлебушка поела»» (с. Верхнее Чуево, Уваровский р-н).

ЖАВОРОНЫ. То же, что ЖАВОРОНКИ. «Ну это *Жавороны*, да. <...> Вот это самое, на *Жавороны*. [Жавороны – название праздника?] Да» (с. Верхнеспаское, Рассказовский р-н).

ЖЁНА-МАРОНОСЬЯ. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «Ну это после Пасхи. Пасха, потом эта, Красная Горка, она после Красной Горки, *Жёна-Мароносья...*» (с. Дмитриевщина, Рассказовский р-н). «Ну праздник, например, там Пасха, если до Паски выгнали скотину, ходит он, собирает, ну кто блинцов пачку даст, иль там пару, иль там пяток, ну у кого сколько яиц, дадут ему. Сейчас-то отменили, сейчас не ходят, нет. Да, да, дают ему, да. Вот, например, Пасха, если совпала Красная Горка, потом *Жёна-Мароносья*, *Жёна-Мароносья*, вот три этих воскресенья, они такие строгие, годовые, вот и Пасха первая, а потом Красная Горка, а потом *Жёна-Мароносья*, вот и до Заговенья, Заговенья всё. Пройдёт он последний раз, ну и тоже так-то вот ему дадут и всё, и больше потом не ходит, Заговенье» (с. Беломестная Криуша, Тамбовский р-н).

ЖЁНА-МИРОНОСЬЯ. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «Даже, дочк, это по численнику надо посмотреть, а у меня памяти нет, я не помню. Но я говорю, у нас не принято, это в том селе, они вот, это *Жёна-Мироносья*, это вроде праздник небольшой, а люди, видишь, как вот у нас Михайлов день, а людей вот он такой, это вроде как престол, как сказать...» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЖЁН МАРАНОСЬЯ. То же, что ЖЁН-МИРОНОСИЦ. «Да, на Троицу эт праздник, *Жён Мараносья*, эт праздник подходит..., то красные яйца, а эт на *Жён Мараносья* эт желтят яйца, эт всё, всё эт было, всё» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н).

ЖЁН-МИРОНОСИЦ. Второе воскресенье после Пасхи, День жен-мироносиц. «*Жён Мироносиц*. Это после Пасхи. Тут Красная Горка, потом *Жён-Мироносиц*, это Вознесение – это тут всё, после Пасхи, праздники» (с. Голынщина, Кирсановский р-н).

ЖЁН МИРОНОСИЦА. Второе воскресенье после Пасхи, День жен-мироносиц. «*Жён Мириносица*, Женский праздник. Кур режут, да, и говорит, вóрют, варют, кур режут и варют. Эт называется Женский праздник, вот, ну» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н).

ЖЁН МИРОНО́СЬЕ. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Ну и *Жён Мироносье*, ребяташки собираются, девчонки – и на речку. Берут с собой яйца, скóвороду, таган и там это, как его, жарют яишницу, встречают кукушку, крестят её, кукушку. Как крестят, это вот я не знаю, кличут её, кличут, это вот уж я забыла: “Кукушка приходи и весну нам принеси...”» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЖЁН МИРОНО́СЬЯ. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Ну и *Жён Мироносье*, ребяташки собираются, девчонки – и на речку. Берут с собой яйца, скóвороду, таган и там это, как его, жарют яишницу, встречают кукушку, крестят её, кукушку. Как крестят, это вот я не знаю, кличут её, кличут, это вот уж я забыла: “Кукушка приходи и весну нам принеси...”» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Вербная, это под Паску, а после Паски – Паска до Красной Горки, а потом *Жён Мироносья*» (с. Правые Ламки, Сосновский р-н). «Какой же праздник, *Жён Мироносья* – она бывает раньше...» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н).

ЖЁНСКИЙ ПРА́ЗДНИК. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Да, эт *Женский праздник* Жёны Мироносиц. Тогда на выгон ходили, венки плели, в речку кидали. Какой венок куда поплывёт. Или он поплывёт в эту сторону, а ну другой стороне – Вердерёвщина [село Бондарского р-на], там ребята были, значит, уха-жёр будет оттёда» (с. Прибытки, Бондарский р-н). «*Жён Мирино́сица, Женский праздник*. Кур режут, да, и говорит, вóрют, варют, кур режут и варют. Эт называется *Женский праздник*, вот, ну» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Нет, эт *Женский праздник* бывает Жён Мироносья... Он бывает после Красной Горки тут, забыла как, ну он бывает не в числах, потому что как она, Паска-то, бывает, и такого числа, и такого она от Пáски вот бывает, Жён Мироносья, эт *Женский праздник*» (с. Ярок, Мичуринский р-н).

ЖЁНЫ МИРИНО́СИЦ. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Ну потому что говорит, *Жёны Мирино́сиц* – эт Женский праздник, эт, говорит, как уж заведено, в православном ч́сленнике тоже так же написано, *Жён Мирино́сицы*, но ток не пишут, Женский праздник, но он всё равно, так славится он – Женский праздник, вот, ну» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «*Жёны Мирино́сицы*, это он бывает осенью, так, подожди, я сейчас уж тоже, голова стала во..., ну кру́жится уж голова. *Жёны Мирино́сицы*, нет, нет, не осенью, она, *Жёны Мирино́сицы*, эт когда ж, забыла, восьмого мая была у меня свадьба, на *Жёны Мирино́сья*, да, вот когда...» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

ЖЁНЫ-МИРОНО́НСЦЫ. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Ну это Жён-Маранóсиц, после Паски. На Жён Мараносья, Жён Мараносья... Нет, нет, нет, это Жёнский. Это по Писанию сказано, Жён Мараносья, мы про него особо и не знаем, это Жёны Мараносья. Когда Спасителя распинали, Спасителя распяли, и Он лежал там, иде положили. А *Жёны-Мироно́носцы* как, они пошли Его проведать, найти тело Его и поклониться Ему, Этому, Спасителю. А Его распяли, вот, а когда пришли на это место, а уже Спасителя нет, Он, Его, воскрес, ушёл. И вот эт, они пришли, *Жёны-Мироно́носцы*, чтоб помазать тело мýром, каким-то помазать Его, чтоб в общем Он не портился, Его тело. Это вот по Евангелю. Вот так написано, я читала его. И вот это, называется этот день *Жёны-Мироно́носцы*, это Жёны шли к Спасителю на покаяние. Они хотели помазать мýром тело Его, это чтоб (они

Его распяли и в пещеру положили), а они шли, ангел-то им сказал: “Что ж Вы, – говорит, – ищите живого с мёртвым. Его, – говорит, – нет. Он воскрес, идите”. Вот. И на этот день сказали, что на этот праздник обозначилси, что *Жёны-Мироносцы*» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЖЁНЫ-МИРОНО́СЦЫ. То же, что ЖЁН-МИРОНО́СИЦ. «Что *Жёны-Мироносцы* – это Жёнский праздник. *Жёны Мироносцы* – мира носят» (с. Старославино, Первомайский р-н).

3

ЗА́ГВОНЬЕ. То же, что ЗА́ГОВЕНЬЕ. «Прощаются, всё уж, это пост, эт Прощёный день вроде, уж отгуляли, все отпраздновали, Прощёный день. Я сама спрашивала: а почему? И вот за неделю вперёд – *Загвонье*, это масло и мясо не едят, только молочное, вот это едят. А я говорю: почему? Потому что один апостол был в отпуске, на *Загвонье* он не попал и ему Господь разрешил неделю эту не мясу, а молоко, и всем это разрешёно неделя. Вот считался Прощёный день, вот так вот» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н). «Сухая, Пёстрая, не скоромная, по-сухому, а потом под Масленой бывает *Загвонье*, и тута разговляются» (с. Вишневое, Староюрьевский р-н).

ЗА́ГОВАНЬЕ. То же, что ЗА́ГОВЕНЬЕ. «На Маслену. Вот Маслена, начинается она на всю неделю. Как *Загованье* начнётся, как Масленица едет, и блины начинаются, ма́сленские блины» (с. Кулевца, Инжавинский р-н).

ЗА́ГОВЕНЬ. То же, что ЗА́ГОВЕНЬЕ. «Оно вообще не играют на Масленицу свадьбу-ту. [Почему?] А потому что мясного-то ничего нет, и какая ж Маслена без эта... раз уж пост, заговели, он считается уж весной пост, когда *Заговень* бывает перед этим, перед Масленой последняя воскресенья, уж это *Заговень* на мясу, вот. Это чтоб мясо, ни колбасу – ничего уж не едят, и какая ж это будет свадьба безо всей, чем ты будешь угощать, эт Маслена, на Масленицу не играли никогда свадьбы или какой-нибудь, может, запой» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

ЗА́ГОВЕНЬЕ (-ЬЯ). Канун Масленицы. «Ну Широкая, ну Широкая она Масленица, она неделя. Она всю неделю, Масленицкая. Первую неделю – *Заговенья*, первый день *Заговень*, потом начинается Масленица, а до другой воскресение – тут уж неделя, тут она в конце называется Широкая. А потом Широкая Масленица кончается в воскресенье, в понедельник начинается Великий пост» (с. Стёжки, Сосновский р-н). «Это на Заговние. На Заговние даже и делать нельзя. Даже и делать нельзя на Заговню. Это говорили так: ни шить, ни прясть, ни вязать, так, будут нарывать пальцы» (с. Оголиновка, Инжавинский р-н). «Теперь это, ну, Родительская суббота, эт перед Масленицей, да, эт Родительская суббота, служба, поминают усопших, вот, ну это, а уж за родителями суббота, а это воскресенье. Воскресенье – эт *Заговенья*, заговуют: мясо едят и молоко. Всё, и там начинается Маслена. Маслена – мясо нельзя есть, молоко, яйца можно есть, а мясо нельзя есть, вот» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Ну Широкая, ну Широкая она Масленица, она неделя. Она всю неделю, Ма́сленицкая. Первую неделю – *Заговенья*, первый день Заговень, потом начинается Масленица, а до другой воскресения,

ние – тут уж неделя, тут она в конце называется Широкая. А потом Широкая Масленица кончается в воскресенье, в понедельник начинается Великий пост» (с. Стёжки, Сосновский р-н).

ЗАГОВНИЕ. То же, что ЗАГОВЕНЬЕ. «Это на *Заговние*. На *Заговние* даже и делать нельзя. Даже и делать нельзя на *Заговню*. Это говорили так: ни шить, ни прясть, ни вязать, так, будут нарывать пальцы» (с. Оголиновка, Инжавинский р-н).

И

ИВАН БОГУСЛОВ (БУГУСЛОВ). День памяти св. Иоанна Богослова, 26 IX /9.X. «Ох, Ив́ан Купа́ла, *Иван Бугуслов* есть, эт надо-ть, Тань, несть этот вот, православный календарь-то... Вы бы это по православному календарю всё бы это, не всё? Да, не всё, ну тут я не знаю. Иван Купала есть, *Иван Бугуслов* есть. [Как и когда справляли Иван Богослов?] Обедня, *Ив́ан Богуслов*, эт читала, написал откровенью. В Евангеле писал Откровенью, в Библии, в Евангелие. Ну это вот он первая рука Спасителю, Христу, ведь он всё открове... Откровенье, много листов. И он всё писал, вот» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «А тут вот весной, таких праздников, Иван..., вот у нас и она и тут, тут только это, разные праздники, вот у нас там ещё праздник *Ив́ан Богуслов*, и Микóла рядом бывает. А тут-та Отданье Пáски, то Вознесения, то Трóица, то *Ив́ан Богуслов* и Микола, вот эта весной, это ещё весной. Я в Свищёвке [село Бондарского р-на] *Ив́ан Богуслов*, тут-то Михай́лов день, а у нас *Ив́ан Богуслов*...» (с. Плетни, Рассказовский р-н).

ИВАН ПОСТНЫЙ. Усекновение головы Иоанна Крестителя, 29.VIII/11.IX. «Щас-то уж чё, щас иль блинцы, это блины испекём или вот, ну щас постный праздник, когда *Иван Постный*, особо-т так... всё постное. Как блинки на куляше испекём иль там, как сказать, чем-нибудь начинешь пирожков, иль с капустой, всё постное, да, всё постное» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Это *Иван Постный*. Он как... вот осенью туда бывает. *Иван Постный* бывает... Ничё круглого не ядят. Ну вот нельзя, ему отрубали голову, клали на тарелку и показывали. Какая-то девица, вот уж я не могу так сказать, приказала, что в женихи ей ктой-то лез, она приказала, вот если вот отрубишь голову Ивану Предтечу, то, значит, пойду за тебе замуж. Вот отрубали ему голову и ей приносили» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н). «Да это называется, как его, даже икона у меня была такая, не хуже, держит тарелку, а на тарелке голова. Вот капусту не ели, круглая, да, *Иван Постный*, что ля, я уж забыла. Да это было так» (с. Песковатка, Петровский р-н). «Это говорили старики, ну, вот сейчас кто его знает, были, так вот делали или нет. Сейчас Бог яво знает, как, а вот ни едят в году только..., даже совсем можно ни есть, вот, Св́ечки, ни кушают ничего, и *Иван Постный*, и Отсечение Ивана головы, вот. Это тоже грозные праздники, вот... Это прошёл у нас, дед? Прошёл. Вот недавно совсем был *Иван Постный*. Ну на него только не едят скоромное» (д. Цыганок, Токарёвский р-н).

ИВАН ПРЕДТ́ЕЧА. То же, что ИВАН ПОСТНЫЙ. «*Иван Предтеча*, голову ему отрубили. Нет, уж это круглого нельзя есть. Его так и называют *Иван Предтеча* или Иван Постный» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н).

ИВАН СУХОЙ ОТСЯЧЕНИЕ ГОЛОВЫ. То же, что ИВАН ПОСТНЫЙ. «Три, а как же *Сухой-то Иван отсечение головы*. Это свёклу вёртуть» (с. Поповка, Строурьевский р-н).

ИЛЬИН ДЕНЬ. День памяти ветхозаветного святого Илии, празднование которого приходится на 20.07/2.08. «Это *Ильин день* второго августа называется, вот, и, говорить, Илья окунул в воду крест там. И чё, холодно, вода холодная делается. Не купаются. До Илья дня тепло, а потом уже зори прохладнее делаются и купаться перестают» (с. Ленинское, Кирсановский р-н).

ИЛЬЯ. То же, что ИЛЬИН ДЕНЬ. «*Илья?* Да праздник большой, конечно, теперь он передал свой чин, это перевернуть... это... этому, Анохе. Это Аноха у нас теперь. Но это есть у нас такое. Было это и всё время перяходит друг от дружки. Праздник. Знают, и молодежь сейчас стала знать праздник» (с. Кулевча, Инжавинский р-н). «Да это будеть второго августа *Илья*. Это Ильин день. Вот, говорить, пустить ледешок Илья в речку, вот когда будеть, если когда лето жаркое, то после Ильина дня вода будеть холодная. Хоть бывают лета жаркие, юни бывают жаркие, это сёднишний год свалился такое, а то после Ильина дня вода-то уже холодная. Да, это всё правда. Это уж я сама за лето за это замачала. Уже купаться уже всё, откупались» (с. Текино, Сампурский р-н).

ИЛЬЯ ПРОРОК. То же, что ИЛЬИН ДЕНЬ. «Такой же он [день] грозный, *Илья Пророк*, он грозный, потому что он, его Господь взял на колеснице, на огненной колеснице. Он же не умирал, а живой вознёсся, вон какой он грозный. Нельзя на этот день даже, нельзя ничего делать ни в поле сено на этот праздник, *Илья Пророк* очень грозный день» (с. Красивка, Инжавинский р-н). «Очень даже. Даже очень. *Илья пророк*. Он руководить и громом, и грозою, и дождем. Он... Он всем руководить. У нас тады вот тут муж рассказывал, Иван Иваныч жил, ну это, ну годов там 70, например, или сто, это... вишь, стало было так это дело-то. Ну и пришли из церкви, пообедали. Он говорить: “Ой, да поеду-то я за снопами”. Обедня отошла, пообедали. Чё ж. Поехали за снопами. Чё у него? Дрожжи что-ли развалилися, а приехали – корова издохла. Строгий праздник. Он говорить долготерпеливый, милостивый, но и больно бьёт кто его не почитать» (с. Отшивка, Мордовский р-н). «Это *Илья-пророк*. Прошёл, недавно. Купаться... На него никто и не делал. И купаться после нельзя» (с. Сычёвка, Никифоровский р-н).

ИЛЬЯ ХОЛОДНЫЙ. То же, что ИЛЬИН ДЕНЬ. «...*Холодный Илья*, говорит, в речку написает, вода бывает холодная, купаться нельзя, но всё равно купались. Да, *Холодный Илья* в речку начнёт в... после этого дня нельзя...» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

ИСУСХРЁЩЕНИЕ. То же, что ПАСХА. «Это с нами Бог – *Исусхрещенье*. *Исусхрещенье* – это Пасха. Ходили в праздник к обедне в церковь. Верили сильно, молились все. Чистое бельё надевали» (с. Граждановка, Бондарский р-н).

К

КАЗАНСКАЯ. 1. Явление иконы Пресвятой Богородицы в Казани, 8.VII/21.VII. «...да, потом ещё был праздник *Казанская*, двадцать первого июля *Казанская* вот, а второго июля эт первая *Казанская*, эт новые пышки. Когда уро... урожай

поспеваит, у кого хлеба нет, они поджигают эта, обмолотють, посушуть и ядят. Когда уж они ожа... ожахнуть. Ну пышки, ну эт *Казанская*, двадцать первого июля, а второго, этого, августа, это Ильин день, это всё, эт уж...» (с. Старая Казинка, Мичуринский р-н). «Вот Иван Купальскай пройдёт потом будить так... Двадцать первого *Казанская*. Ну тут идёт уборка хлеба... да вот *Казанская*, сенокос» (с. Вирятино, Сосновский р-н). «А то такие праздники, ой, Илья-пророк, ведь это грозный праздник и так *Казанская*. Тады на *Казанскую* поехали рожь убирать у нас, моя мать даже ищ была молодая и с одним тут они поехали. Приехали на *Казанскую* на ночь. Вроде, завтра рано встать и подкосить, ну иде же? Вроде встанут делать, да давайте сабе достанется, скосим. Скосили там копёнки две, христцы сделали, так, стали там когда на другой день начинать косить, косят, косят да этого, до завтрака. Уж до обеда доходят. Начинают тучки, облачок даже, как гром дал и вчарашние хрястцы горят. И дай до нынешних дошли и потухли. И это скорей сказал: до кех поживу ни один праздник работать не буду никогда» (с. Челнаво-Покровское, Сосновский р-н). «Посли *Казанской* не убивая человека. После *Казанской*. А иё нигде не убивают. [Какого числа бывает этот праздник?] Двадцать... первого... июля. [Почему после *Казанской* молния не может убить человека?] После *Казанской* не убивая. А хто знать, почаму, тах-т говорить. А хто иё знает, почему?» (с. Вишневое, Староурьевский р-н).

2. Праздник *Казанской* иконы Божьей матери, 22.X/4.XI. «А уж *Казанская*, четвёртого ноября, иль там октябрьская была, эт у нас престольный праздник» (д. Казинские Выселки, Мичуринский р-н). «На *Казанскую* всё убирается... Да не к чему, просто так вот, так должно быть, чтобы на *Казанскую* успели убраться, всё чтобы с города убрать. Ну это уж я не знаю, почему это так, чтобы на *Казанскую*. Да это до *Казанской* и так всё уберут, там уже бывают морозы» (с. Чернышёвка, Первомайский р-н). «*Казанская*. Это *Казанская*, она будет четвёртого октября» (с. Коптево, Рассказовский р-н).

КАЗАНСКАЯ БОЖЬЯ МАТЬ (МАТЕРЬ). То же, что КАЗАНСКАЯ в 1-ом знач. «Знаю, что когда выезжали на эту, на косовицу, рожь косить – обычно иё косют после праздника – *Казанская* Божья Мать, называется, праздник. Вот отслужат его, обедню, после обедни приходят, пообедают и все собираются, идут на ночь в поле, это, косить рожь. Помню, рожь косили» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «На *Казанскую* Божью Матерь ничего нельзя делать. Пошли стога метать в этот праздник, да всё погорело. А соседи наши пошли рожь вязать, и тоже загорелась, галки принесли» (д. Фёдоровка, Бондарский р-н).

КАЗАНСКИЙ ПРАЗДНИК. То же, что КАЗАНСКАЯ в 1-ом знач. «21 июля *Казанский* праздник и уборка хлебов, и тут пироги стали печь, они очень белые из свежего хлеба. Маслобойки были свои, в большие горшки их положим и едим всю зиму» (с. Ракша, Моршанский р-н).

КОЛЯДА. Канун Рождества 24.12/06.01. «День перед Рождеством – *Коляда*. Наряжали старуху колядой. И она ходит с толкачом (ну такая палка, посох) и спрашивала: кто, что зимой делал. *Коляда* молодые по окнам шумели» (пос. Советский, Бондарский р-н). «*Колядой*-то её называют... Это под Рождество и под это, под Крещение. Под Крещение Свечки. А это *Коляда*. *Коляда*, так и называют

Коляда» (с. Вольная Вершина, Уваровский р-н). «Ну *Коляда*, это не ели на нее мясу, ждали Рожество, так это. Тах-то вот...» (с. Поповка, Строюрьевский р-н).

КАСЬЯН. Праздник в честь св. Кассиана, 29.II. «Это говорили про это, про високосный год. Ну вот високосный год – через три на четвёртый. Ну на кого, говорят, не знаю, как его назвать-то, *Касьян* покосится, если на людей, то значит, люди умирать будут, если на скотину, то скотина тамдохнуть будет или чего, вот так говорили. [Поясните выражение «Касьян покосится»] Ну вот так, откуда мы знаем, начинают люди умирать, високосный год, високосный – ну, говорим, покосился на людей. А на скотину – скажут, о, это корова там подохла, или свинья у этой чё-то, високосный год – о, ну тогда это понятно. Високосный год» (с. Текино, Сампурский р-н).

КОРЕННАЯ МАСЛЕНА. Четвёртый и/или пятый, шестой дни Масленицы, на которые приходится народное гулянье. «Катались. Эт она, Маслена, начинается в четверг, *Коренная Маслена*. [Поясните выражение «Коренная Маслена».] Ну да, ну, называется так. То она, вот, Маслена – вся неделя, а то с четвергу начинается уже Маслена, вот, и она уж начинается, вот. И катаются на лошадях, и тут, чё ж, убирают лошадей, там, утёрками [полотенце], хорошо, вот так-то вот» (с. Стёжки, Сосновский р-н).

КОРЕННÓЙ ПОСТ. То же, что ПАСХАЛЬНЫЙ ПОСТ. «*Коренной пост* – пост Великий, пост. Это *Коренной*, семь недель – от Масленой до Пасхи. Да, это до этой, ага, от Масленой до Пасхи не едят. Ничего семь недель. [Почему пост так называется?] Это уж так. Вообще это маленькие посты есть, три недели какой, там скока. А это уж, семь недель – это говеть обязательно надо, есть грех мясу. А мы её всегда едим, когда есть» (с. Попока, Староюрьевский р-н).

КОРОВИЙ ПРАЗДНИК. То же, что БРЫКУШКИ. «Эт *Коровий праздник*. <...> *Коровий праздник*, так, Власий, Власий... Власий, Власий, ага, Власий, Власий, ага. Власий. <...> Коровий, Коровий. На Власий пекут торешки» (с. Никольское, Знаменский р-н).

КРАСНАЯ ГÓРКА. Первое воскресенье от Пасхи. П о в с е м е с т н о. «[Как называется воскресенье, следующее после Пасхи?] Ну *Красная Горка*. [Почему этот праздник так называется?] Не знаю, так называлась. Свадьбы начинают играть на неё, принято было» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «Ну вот Пасха начинается, и вот если работы нет в колхозе, бывает Паска ранняя, бывает поздняя. Если нет в колхозе делов, то всю неделю ходят катают [яйца]. А если есть дела, то на сев идут сеять. А если нет делов, то всю Паску катают, до *Красной Горки* катают» (с. Ярок, Мичуринский р-н). «Эт поют вот в субботу, когда Пасха пройдёт. Пасха пройдёт вся, и уходят мёртвые на своё место. Говорят ток... они, а когда Пасха, первые дни подходят, они все гуляют по воле, они, не они, а душа их гуляет по воле, вот. А когда суббота подойдёт, называется *Красная Горка*, помнишь? Вот, вот, эт под *Красную Горку* мы их идём провожать, идём провожать, и вот в два часа, там в три часа, там большинство в три часа, они идут на своё место. То им ворота на Пасху на первый день открываются, а уж на кра... под *Красную Горку*, в субботу всё, они все на свои места. И ворота закрываются, всё, они тогда на своё место опять. И так они год на своём месте, а потом опять

Пасха подходит, они... их опять так-то распускают...» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «А потом идёт Пасха, а за Пасхой идёт *Красная Горка*, тоже также праздник *Красная Горка*, на нём тоже красят, последние – ну это на Троицу, последний раз красят яйца, последний раз на Троицу, травой уже, зелёные чтоб они были это уж. *Красная Горка* – это всю неделю яйца красят до *Красной Горки*» (с. Коптево, Рассказовский р-н). «*Красная Горка*, на этот, на *Красную Горку* играют свадьба. Уже даже и венчают, *Красная Горка*, в это воскресенье можно играть свадьбу, в субботу играют, а в воскресенье уже венчают, да» (с. Верхнее Чуево, Уваровский р-н).

КРЕЩЕНИЕ. Крещение Господне, 6.I/19.I. «А на *Крещение* делают кресты вот эт на воротах, в доме. [Зачем?] Не знаю. Видно, тах-то положено, по старости, в старину чё-нибудь, и шас вот всё эт мы делаем, вот вечером на ночь пойдём и делаем кресты» (с. Ольшанка, Гавриловский р-н). «...Батюшка ходил с выходом на *Крещение* с крестом идёт туда. Весь народ с ним туда идёт, там вода-т колыхается, не хуж вот так вот всё вот выходит из проруби-та» (с. Вязовое, Жердевский р-н). «Это праздник большой. Большой праздник. *Крещение* – большой праздник. Ну как мы его отмечали, отмечали просто, радовались, что ни что, а мать приготовить на праздник, жили-то ведь голодно, чё ж тут говорить. Но пусть был голод, но пусть был холод, но такая была веселья, шас такой нету» (с. Оголиновка, Инжавинский р-н).

КСЕНИЯ. День преподобной Ксении, 24.I/7.II. «Ксения. Аксиныя Полухлебница, или Полужимница. Как с этого дня установится цена на хлеб, та и останется до нового урожая. Накануне этого дня простолюдины гадают о ценах на хлебе: повысится она или понизится. Для этого берут печёный хлеб, взвешивают его на весах вечером, а утром снова взвешивают: если вес хлеба убавится за ночь, цена на него понизится; если прибавится, цена повысится; а если не убавится и не прибавится вес за ночь, то цена останется прежняя» [ТГВ, 98].

КУЗЬМА. То же, что КУЗЬМА-ДЕМЬЯН. «Бабка давала всем имена. Вот я родился на *Кузьму*, а имена давали по праздникам. Вот *Кузьма* – это подоктябрьские» (с. Максимовка, Бондарский р-н). «*Кузьма* закуёт, лёд застынет в речке, а Введение, вода, получается. Получается – тает. Тает, растает, тепло, вот так бывает. *Кузьма* закуёт, а Введение сломает...» (с. Гаритово, Мичуринский р-н). «Есть. *Кузьма* закуёт, а Пётр, Введение-то это бывает, ломает лёдение, я не знаю, которого он, в декабре четвёртого, что ли, Введение бывает...» (с. Текино, Сампурский р-н).

КУЗЬМА-ДЕМЬЯН(А). Праздник, посвященный памяти святых Космы и Дамиана, который отмечается два раза в год, 1.VII/14.VII и/ли 1.XI/14.XI. «Да, *Кузьма-Демьян*, погоди, эт он бывает под Михайлов день. Если *Кузьма-Демьян* подкуёт, мороз даст, то Михаил Архангел раскуёт, грязь сделает, они через две недели» (с. Прибытки, Бондарский р-н). «Праздник, есть праздник *Кузьма-Демьян*. Вот мы были тогда молодые, мы на *Кузьму-Демьяна*, у себё кур жалко воровать, мы пойдём <...>. Наворует и гуляем, вечера справляем» (с. Воронцовка, Знаменский р-н). «*Кузьма-Демьян* – это осенью. Это тоже они были святые, два брата, врачами они были. Вот они не брали, как сейчас – всё платно стало – бес-

платно лечили. И вот одному из них, брату, кто-то просто от души подарил там какой-то подарок. Этот второй брат узнал и на него рассердился: зачем ты взял, я с тобой и знаться не буду. Это нам на проповеди рассказывали в церкви. Ну и потом эти люди собрались и сказали: «Он не брал и не просил, мы просто отблагодарили его от души»» (с. Голынщина, Кирсановский р-н). «Ну, *Кузьма-Демьян*, *Кузьма-Демьян*, ну *Кузьма-Демьян* закуёт, Михайлов день, говорит, раскуёт, да. Вот эт, он это, праздник-то *Кузьма-Демьян*, а потом Михаил Архангел опять праздник, мг, ну» (с. Гаритово, Мичуринский р-н). «Я слышала, но как следваёт, я тебе не назову. Да, или этот как его *Кузьму-Демьян* кличишь: “Кузьма-Демьян, приходи к нам, этот, обедать, а потом приходи к нам помогать, полоть или там жать чего...”. Вот это я слыхала. Ильин день и *Кузьма-Демьян* ещё праздник. И вот Кузьму-Демьяна звали: “Кузьма-Демьян, приходи к нам, этот, обедать, вот. А потом приходи к нам помогать...”. И вот это, это вот его зовёшь, и он помогает, Кузьма-Демьян, вот это вот я слы..., это слышала. Слышала и сама даже, вот идёшь и просишь его в огороде: “Кузьма-Демьян, приходи к нам, этот, обедать, вот. А потом приходи к нам помогать...”. А когда вперёд зовёшь обедать, а потом зовёшь его помогать» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Ну вот вроде говорят, что Святой Дух. Да. Он каждого человека ходит – кого наказать, кому приказать, вот так. Вот мы и ходим. Я вот пеку когда блинчики или иду чё-нибудь делать в огород, то обязательно говорю: “Ну, Кузьма-Демьян, помоги мне”. Вот я возьму блинчики: “Кузьма-Демьян, идём кушать!” [Кто такой Кузьма-Демьян?] Это праздник такой. [Когда отмечали этот праздник?] Это зимой. Не зимой, а глубокой осенью. *Кузьма-Демьян* праздник» (д. Натальевка, Ржаксинский р-н).

КУЗЬМОДЕМЬЯНЕ. То же, что КУЗЬМА-ДЕМЬЯН. «Стихотворения очень сочиняла. Сочиняла – на всякие темы. В клуб сочиняла стихотворения и к *Кузьмодемьяне* – это религиозный праздник, он четырнадцатого ноября, вот такие вот стихотворения» (с. Песковатка, Петровский р-н).

КУКУШКА. То же, что ЖЁН МИРОНО?СИЦ. «Ну *Кукушка*, есть такой праздник, *Кукушка*. Мы, например, жили в Беклемищево [деревня Рассказовского р-на], мы всегда справляли её, эту *Кукушку*... И вот мы справляем, мы всегда это праздник, всегда мы его, бывало, говорит: “Ой, ныне *Кукушка*”» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

КУКУШКИН ПРАЗДНИК. То же, что ЖЁН МИРОНОСИЦ. «Да, это вот после Паски Красная Горка, а потом через неделю... вот яйца катают, кукушка в ляску кукует, вот *Кукушкин*, эт *Кукушкин праздник*» (с. Кёрша, Рассказовский р-н). «Ну *Кукушка*, есть такой праздник, *Кукушка*. Мы, например, жили в Беклемищево [деревня Рассказовского р-на], мы всегда справляли её, эту *Кукушку*... И вот мы справляем, мы всегда это праздник, всегда мы его, бывало, говорит: “Ой, ныне *Кукушка*”» (с. Кёрша, Рассказовский р-н).

КУРЬНЫЙ ПРАЗДНИК. То же, что ЖЁН МИРОНОСИЦ. «[Принято ли было на праздник Жёны Мироносицы резать кур?] Резать, да. Ну ведь ты-то помнишь, тебе сказали, и я знаю: кур всегда резали на Жёны-Мирино́сья. Говорили «*Куриный праздник*». Говорили, да» (с. Поповка, Строюрьевский р-н). «Да, праздник, да, бывает *праздник Куриный*. [Когда бывает этот день?] Вот Паска прой-

дёт, вот первая неделя эт называется... как ж её называют, погоди, Красная Горка – первая неделя после Паски. Вот вторая неделя – эт *Куриный праздник*. [Какие обряды связаны с этим днем?] Курёнка резали. [Зачем?] Ну так положено было... да, так. <...> [Куриный праздник и Жёны Мироносицы – это разные названия одного и того же дня?] Жёны пере... эт один и тоже» (с. Мезинец, Староюрьевский р-н).

Программа соби́рания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: Науч.-метод. пос. Ч. 1. СПб., 1994.

Программы педагогических институтов. Фольклорная практика. М., 1988.

ТГВ – Тамбовские губернские ведомости. 1864.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Татьяна Владимировна Махрачева – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Института русской филологии и лабораторией этнолингвистики (Инновационный культурно-образовательный центр) Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

V Всероссийская научная конференция «Проблемы региональной ономастики»

На базе лаборатории при филологическом факультете Адыгейского государственного университета «Региональная ономастика» с 1998 г. и «Координационного центра по изучению региональной ономастики Северного Кавказа» (руководитель – проф. Р. Ю. Намитокова), открытого в 2001 г. при поддержке Института языкознания РАН, проводятся регулярные (раз в два года) всероссийские научные конференции «Проблемы региональной ономастики» с постоянным составом ведущих ученых северокавказского региона (А. Н. Абрегов, З. У. Блягоз, Л. А. Введенская, Л. П. Ефанова, С. Л. Зухба, Т. Х. Каде, Дж. Н. Коков, Л. С. Макарова, Х. Т. Таов, М. В. Федорова, Л. Р. Хагба, М. Х. Шапацева и др.) и растущим числом молодых исследователей. 25–27 мая 2006 г. в Адыгейском государственном университете (Майкоп) прошла очередная, V Всероссийская научная конференция «Проблемы региональной ономастики».

Организаторы конференции получили заявки от 118 ученых из 34 городов России: Майкопа, Ставрополя, Махачкалы, Славянска-на-Кубани, Краснодара, Сухума, Нальчика, Белгорода, Тулы, Сыктывкара, Таганрога и др. По сравнению с первой конференцией 1998 г., в которой приняли участие 80 человек из 13 городов, круг и география участников конференций значительно расширились.

Основу обсуждения и научных дискуссий составили различные аспекты исследования ономастических единиц, отражающие главную идею конференции, заключающуюся в том, что региональная ономастика является неотъемлемой частью ономастикона наций, ее данные позволяют решать как собственно лингвистические проблемы современной науки, так и социально-прагматические задачи, которые ставятся жизнью на каждом этапе развития общества.

Организаторы конференции выделили четыре пленарных заседания в целях формирования многоаспектного осмысления представленных тем: 1. Актуальные проблемы общей и региональной ономастики. 2. Антропонимы как знаки истории, культуры и языков народов Северного Кавказа. 3. Лингвокультурологический и идейно-образовательный потенциал ономастики; 4. Ононимическое и отонимическое словообразование.

Р. Ю. Намитокова (Майкоп) выступила с докладом «Проблемное поле общей и региональной ономастики на современном этапе». Среди ономастических проблем, актуальных для Северного Кавказа, Р. Ю. Намитокова называет необходимость издания региональных топонимических и антропонимических словарей, в создании которых уже удалось добиться определенных успехов, а также сводных словарей, позволяющих представить северокавказскую цивилизацию как многообразное и в то же время единое целое. В докладе речь шла о «Сводном словаре личных имен народов Северного Кавказа», работа над которым близка к завершению, хотя предстоит сделать еще многое, отдельные антропонимические участки зияют

«белыми пятнами», поскольку до сих пор нет данных по ономастике письменных языков Дагестана и по вайнахской группе.

В докладе «Лингво-энциклопедические основания сводного топонимикона Северного Кавказа» *Л. П. Ефановой* (Ставрополь) обсуждался вопрос о необходимости создания историко-топонимического словаря региона.

На пленарном заседании с докладами также выступили: *Н. П. Кравченко* (Краснодар) – о функции имен собственных в игровой стилистике языка СМИ; *Н. И. Махновская* (Москва) – об особенностях функционирования имени собственного в дискуссионной речи; *Л. Б. Савенкова* (Ростов-на-Дону) – об антропонимах в русских «антипословицах»; *В. В. Катермина* – об антропоморфическом компоненте в номинации человека. Актуальным проблемам региональной этнонимии было посвящено выступление *Т. А. Сироткиной* (Пермь).

Антропонимы как знаки истории, культуры и языков народов Северного Кавказа рассматривались в докладах *Н. Э. Гаджихмедова* (Махачкала), *Ш. Х. Салакая* (Сухум), *Х. Т. Таова* (Нальчик), *Ш. Ф. Пашаевой* (Баку), *А. А. Максидова* (Нальчик) и *О. И. Авдеевой* (Майкоп).

С интересом были встречены выступления, посвященные ономастическому и отонимическому образованию окказионализмов (*И. А. Нефляшева*, Майкоп; *Н. Б. Гарбовская*, Славянск-на-Кубани), зоонимов (*Т. Б. Кузнецова*, Ставрополь), антропонимов (*Л. В. Копоть*, Майкоп; *Ю. Н. Шаталова*, Белгород), топонимов (*Г. А. Мелконян*), названий металлов (*Н. И. Грищенко*).

Лингвокультурологический и идейно-образовательный потенциал ономастики был раскрыт в докладах *М. Ю. Беляевой* (Ставрополь), *Л. И. Луговой* (Ставрополь), *А. В. Корольковой* (Смоленск), *Л. С. Макаровой* (Майкоп), *Н. Н. Ореховой* (Удмуртия), *Л. И. Плотниковой* (Белгород), *Т. М. Степановой* (Майкоп).

Дальнейшая работа участников конференции была организована по нескольким секциям. Широта и многообразие представленных на конференции сообщений обусловили проведение семи секционных заседаний.

На заседании секции «Новые объекты ономастики и особенности их функционирования» (11 докладов) значительный интерес вызвали выступления *З. К. Бедановой* (Майкоп) на тему «Ктематымы и их производные, или процессы деривации в рекламном тексте»; *Л. А. Аваковой* (Майкоп) – «Особенности номинации отдельных произведений шахматной композиции»; *Ю. Н. Подымовой* (Краснодар) – «Использование средств выразительности в фильмонимах»; *Е. В. Любичкой* (Ставрополь) – «Имя в виртуальном пространстве».

На заседании секции «Антропонимы в социокультурном аспекте» (12 докладов) широкое обсуждение вызвали вопросы, связанные с именами-прозвищами в южно-великорусских памятниках письменности XV–XVII вв. (*Л. М. Афасижева*, Майкоп), с антропонимами в социальном пространстве в Республике Коми (*Н. И. Волкова*, Сыктывкар), с функционированием антропонимов в даргинской топонимии (доц. *М. Р. Багомедов*, Махачкала), с модификационными моделями школьных прозвищ (*Е. Н. Манько*, Майкоп), этнонимами-прозвищами в лингвокультурологическом аспекте (*С. А. Гучешиокова*, Майкоп).

В обстановке заинтересованного обсуждения каждого доклада проходила также работа секции «Топонимия в аспекте этнолингвистики» (11 докладов). В ней приняли участие *Ю. А. Авдеева* (Майкоп), выступившая с докладом «Английские топонимы с компонентами *new/old* и их структурно-семантический анализ», *Н. А. Тов* (Майкоп) – «К вопросу о структуре адыгских топонимов», *А. Ю. Баранова* (Майкоп) – «Метафорические названия в русской топонимии Адыгеи», *М. С. Схакумидова* (Майкоп) – «Аул Егерухай и его микропонимы», *М. Р. Багомедов* (Махачкала) – «История изучения топонимии Дагестана», и др.

На заседании секций «Литературная ономастика и ономастика в текстах разных функциональных стилей» (21 доклад) и «Онимы в текстах разных жанров» (9 докладов) внимание участников конференции яркостью иллюстративного материала привлекли доклады *В. и Г. Гурицких* (Сухум) – «Ономастикон в произведениях Фазиля Искандера», *Е. А. Луговой* – «Моделирование виртуального пространства через топонимический материал (на материале

ле эпоса Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»)» (Ставрополь), *А. А. Адзиновой* «Отономические заглавия в креолизованных текстах» (Майкоп) и др.

В секции «Ономастика и лингвокультурология» (11 докладов) глубиной лингвистического анализа отличались доклады *С. Л. Зухбы* – «К этимологии имени морского божества Кодеша в абхазо-адыгской мифологии», *Е. М. Мали* – «О некоторых теонимах в мифологии абхазо-адыгов». *Д. Б. Луговой* (Ставрополь) доложил о репрезентации этнокультурных смыслов в региональном топонимиконе. Интерес вызвало сообщение студентки 5-го курса АГУ *В. Ю. Минаковой* (Майкоп) о персонификации болезни в народной медицине.

Следует отметить, что среди участников конференции было много молодых исследователей из числа студентов и аспирантов, активно участвовавших в дискуссиях.

В целом конференция выявила устойчивый интерес ученых к проблемам общей и региональной ономастики как в теоретическом плане, так и в практическом; констатировала развитие ее методологии, разнообразие подходов к анализируемым явлениям и наметила пути решения прикладных задач в сфере межкультурной коммуникации.

На заключительном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций, участники выразили благодарность организаторам конференции, объединившей тематикой «Проблемы региональной ономастики» не только лингвистов, но и историков, учителей и работников музеев. Следует отметить, что подобные конференции способствуют интеграции межвузовской и академической науки, направляя усилия ученых и молодых исследователей Северного Кавказа на решение проблем общей и региональной ономастики и на внедрение материалов исследования в социокультурное и образовательное пространство региона.

Изданный к началу конференции сборник материалов под тем же названием «Проблемы региональной ономастики» (Майкоп, 2006. – 316 с.) заметно порадовал участников своего образного форума, которые, побывав в горах Кавказа и музеях города, разъехались с твердым намерением встретиться в мае 2008 г. на 6-й научной ономастической конференции в Адыгейском государственном университете (с информацией о ней можно ознакомиться на сайтах www.advnet.ru и www.gramota.ru).

Р. Ю. Намитокова, доктор филол. наук,
проф., зав. кафедрой русского языка
Адыгейского госуниверситета
С. Ш. Шхалахо, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка
Адыгейского госуниверситета
(Майкоп)

Симпозиум «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте»

В апреле 2007 г. в г. Петрозаводске состоялся симпозиум «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте». Его организаторами были Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Санкт-Петербургский государственный университет. Симпозиум проводился в рамках проекта «Топонимический атлас Карелии», поддержанного Программой президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». За время работы симпозиума финно-угроведами из России и Финляндии было прочитано 14 докладов.

На утреннем заседании 25 апреля в докладе *Я. Саарикиви* (Финляндия, Хельсинки) рассматривались проблемы этнической идентификации топонимических слоев на примере прибалтийских финнов Двинского бассейна. Автор показал способы лингвистической идентификации субстратного языка на материале топонимии р. Пинега.

Г. М. Керп (Петрозаводск) проанализировал особенности саамской и финно-угорской топонимии Европейского севера России с учетом отличий саамской и прибалтийско-финской лексики.

Н. А. Лебедева (Петрозаводск) в докладе «Семантические классы финской топонимной лексики Ингерманландии», основанном преимущественно на материале письменных и картографических источников, рассмотрела употребляющиеся в топонимии классы апеллятивов и антропонимов.

В коллективном докладе *И. С. Николаева, И. В. Азарова, А. С. Герда, С. А. Федорова, А. В. Дмитриева* (Санкт-Петербург) содержалась информация о работе над созданием автоматизированной базы данных по топонимии Ингерманландии как основе модели формирования историко-культурного ландшафта этого региона.

Е. В. Ляля (Петрозаводск) продемонстрировала применение ГИС-технологий для пространственно-временной локализации населенных мест по различным источникам исторической информации на примере топонимического материала «Кодификатора поселений Карелии».

На вечернем заседании состоялась презентация ГИС «Топонимия Заонежья», созданной в Карельском научном центре РАН. Директор Института языка, истории и литературы Карельского научного центра доктор филологических наук *И. И. Муллонен* рассказала о компьютерной программе, в которой на базе карты масштаба 1:25 000 представлено более 10 тыс. названий, собранных в полевых условиях и извлеченных из архивных источников и старых карт. Были показаны конкретные примеры практической работы с материалами, включенными в ГИС.

26 апреля на утреннем заседании в докладе *Т. Н. Дмитриевой* (Екатеринбург) были рассмотрены хантыйские топонимы с компонентами, характеризующими пространственные отношения, показано многообразие пространственной лексики и необходимость ее учета при этимологизации топонимов.

В дискуссионном докладе *А. Н. Куклина* (Йошкар-Ола) «Проблемы ареалогической топонимастики» ставился вопрос о возможности рассмотрения названий, совпадающих на разных территориях и способствующих решению проблем этногенеза и этнической истории финно-угро-самодийских народов европейской части России и Западной Сибири.

Доклад *А. Г. Мусанова* (Сыктывкар) был посвящен проблемам анализа субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения на территории Республики Коми.

В докладе *И. И. Муллонен* и *Н. Л. Шибановой* (Петрозаводск) рассказывалось о работе по созданию Топонимического атласа Карелии, о проблемах и перспективах этой работы, о широких возможностях использования атласа для лингвистического анализа топонимов и дальнейшего выхода на историко-культурные ареалы.

О. А. Карлова (Петрозаводск) в докладе «Ареальная дистрибуция *-l*-овой модели в топонимии Карелии» остановилась на характеристике топонимов на *-la/-lä*, обозначающих места поселения и дающих возможность проследить пути миграции карел, важные для изучения истории карельского народа.

В докладе *Н. Н. Мамонтовой* (Петрозаводск) «Местные географические термины – своеобразные маркеры этнических границ» были рассмотрены представленные в топонимии географические термины, дифференцирующие зоны проживания северо-восточных карел, карел людиков и ливвиков.

Д. В. Кузьмин (Петрозаводск) в докладе «Восточно-финские типы в топонимии Беломорской Карелии» указал на возможную связь топонимических моделей региона с историей расселения древних карел-саволакцев.

В сообщении *Л.В. Михайловой* (Петрозаводск) рассматривалась топонимия Валаама как отражение разных периодов истории его заселения и освоения.

На вечернем заседании состоялся круглый стол «Перспективы развития финно-угорской ономастики». Участники симпозиума рассказали о проблемах, встающих перед исследователями финно-угорской ономастики в разных регионах. Всеми отмечалась необходимость общей координации работы, обмена опытом по использованию прогрессивных методов исследования и обработки топонимии. В числе важнейших научных задач поставлен вопрос о создании теоретических работ обобщающего характера. Предложено сделать симпозиум регулярным и проводить его заседания хотя бы раз в два года в центрах изучения финно-угорской ономастики.

27 апреля в рамках программы симпозиума для его участников была организована экскурсия в традиционную вепскую деревню Шолтозеро, интереснейшей достопримечательностью которой является уникальный этнографический музей.

Т. Н. Дмитриева, доктор филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского госуниверситета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Ономастическая проблематика в лингвокраеведческих исследованиях: эхо Всероссийской научной конференции «Проблемы лингвистического краеведения»

Пермская конференция «Проблемы лингвистического краеведения» является традиционной и проводится уже в третий раз. Однако нынешняя конференция была особенной, поскольку приурочена к юбилею известного российского ономатолога, историка языка и диалектолога, доктора филологических наук, профессора Елены Николаевны Поляковой.

Программа конференции включала 58 докладов представителей 20 городов России (Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Красноярск, Москва, Омск, Пермь, Петрозаводск, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Челябинск, Ярославль и др.). Одним из направлений работы конференции было ономастическое, и это закономерно, поскольку ономастика является одним из важных разделов современного лингвистического краеведения. Учет местных языковых факторов при исследовании того или иного вида онома, необходимость изучения местных систем именований – все это обуславливает актуальность ономастического краеведения.

Ономастические доклады традиционно представляют два направления исследований – антропонимическое и топонимическое; начнем с обзора выступлений, посвященных исследованию а н т р о п о н и м о в.

В докладе *М. В. Горбаневского* и *В. О. Максимова* (Москва) «О некоторых актуальных вопросах российской прикладной ономастики начала XXI века» был проанализирован опыт работы Информационно-исследовательского центра «История фамилии», целью которого является упрочение связей и объединение усилий ученых-антропонимистов, изучающих происхождение и функционирование разнообразных личных именований людей (фамилий, имен, отчеств, прозвищ, псевдонимов и др.) в русском языке и других языках Российской

Федерации. В числе задач отечественной антропонимики авторы доклада указали: создание компьютерной гипертекстовой базы данных российских антропонимов, участие в освоении научного наследия выдающихся советских и российских ученых-антропонимистов, в обработке и публикации их архивов, а также исследование функционирования местных именованных людей в семье, обществе и государстве, включая СМИ.

Т. Н. Дмитриева (Екатеринбург) выступила на пленарном заседании с докладом на тему «К изучению антропонимии коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа». Автором собран огромный материал (в настоящий момент насчитывающий свыше 2 500 единиц, включая варианты) по антропонимии Ханты-Мансийского автономного округа. В выступлении освещались проблемы этимологической интерпретации фамилий ханты и манси, связанные с тем, что данные фамилии, фиксировавшиеся в русских источниках, часто записывались в нескольких вариантах, менялись, подвергались переработке вследствие русской адаптации, передавались с ошибками и порой искажались до неузнаваемости.

В докладе *А. В. Ефимовой* (Пермь) «*Костерин, Кострюков, Кострюшин*: к этимологии некоторых пермских фамилий» на заседании ономастической секции рассматривалась этимология некоторых фамилий с корнем *костр-*. Автор возводит их к прозвищам *Костеря, Кострюк, Кострюша*, имеющим длительную историю. Слова, от которых они образованы, так или иначе восходят к праславянскому **kostra* – ‘отходы от трепания, чесания льна’, а оно, в свою очередь, к индоевропейскому корню **kes-*, имеющему значение ‘резать, бить, колотить’.

Цель доклада *Л. А. Захаровой* (Томск) «Женские личные имена в Западной Сибири начала XVIII в. (на материале переписной книги Нарымского острога)» – представить женские личные имена Нарымского острога в сравнении с женскими личными именами Русского Севера того же периода. В результате анализа материала был сделан вывод о том, что в число десяти наиболее активных имен как в Нарыме, так и в Вологде и вообще во всей России этого периода входили *Анна, Марья, Евдокия, Авдотья, Пелагея, Прасковья, Матрона (Матрёна), Ульяна, Дарья* и др. В Нарыме не использовались те имена, которые не дошли до наших времен (*Епистимия, Феодулия, Макрида*). Причины частотности или единичности употребления женских имен переписные книги Нарыма начала XVIII в. установить не позволяют.

Л. Н. Подвигина (Прокопьевск) в докладе «Семантическое пространство украинских фамилий (прозвищного типа) жителей города Прокопьевска конца XIX века» отметила, что группа украинских фамилий жителей города Прокопьевска – вторая по величине после русских антропонимов. В ходе анализа 92 антропонимических единиц докладчик установил, что доминирующей является группа фамилий прозвищного типа (71,7 % общего числа). Характерной чертой украинской ономастики исследователь считает наличие производных от сложных слов, относящихся к разным частям речи: *Козорез, Полулях, Шевкопляс*.

Рассмотрим т о п о н и м и ч е с к и й блок статей.

Г. С. Доржиева (Улан-Удэ) в докладе «Национальный ономастикон: проблемы семантической типологии» рассмотрела топонимию Квебека, уделив наибольшее внимание инновационным явлениям франко-канадской лексики – единицам, не зафиксированным во французских толковых словарях (лексическим квебецизмам), и французским лексемам, получившим особое смысловое преломление (семантическим квебецизмам), которые вносят особый колорит в топонимическую лексику Квебека.

В выступлении *Л. Е. Кирилловой* (Ижевск) «О некоторых удмуртско-тюркских лексических соприкосновениях в удмуртской топонимии» были проанализированы тюркские апеллятивы, встречающиеся в топонимии и микротопонимии Удмуртии. Докладчиком был сделан вывод о том, что тюркские апеллятивы особенно часто употребляются в зоне непосредственного контактирования удмуртского и татарского этносов, распространены же они главным образом в южной части Удмуртии: в Алнашском, Граховском, Киясовском, Можгинском районах.

Л. П. Михайлова (Петрозаводск) в докладе «Древние компоненты в названиях географических объектов Верхней Руси и Европейского Севера» обратила внимание на ойконимы

Вины, Холова, Епръ, которые или не получили научной интерпретации, или требуют дополнительных материалов для подтверждения уже имеющихся гипотез об их происхождении. Анализируя данные ойконимы, автор убедительно доказал, что географические названия географических объектов Европейского Севера и Северо-Запада России сохраняют древние компоненты разных языков – славянского, скандинавского, балтийского, прибалтийско-финского.

Объектом анализа *Н. П. Тихомировой* (Череповец) в докладе «Географическое имя и история края» стали топонимы Белозерского края, восходящие к этнонимам и связанные с татаро-монгольским нашествием, а также событиями польско-литовской и шведской интервенции.

Анализу местных урбанонимов был посвящен доклад *Р. В. Разумова* (Ярославль), представленный на заседании ономастической секции. Автор установил, что дореволюционные системы урбанонимов малых городов типологически отличались от аналогичных систем крупных городов. В системах урбанонимов малых городов использовалось ограниченное количество номенклатурных терминов и лексико-семантических типов названий. Все рассмотренные в докладе наименования отражают особенности номинируемого объекта. Совпадение местных реалий обусловило появление в разных городах большого количества одинаковых названий.

Завершил работу ономастической секции доклад *Т. А. Сироткиной* (Пермь) «Ономастическая проблематика в лингвокраеведении Прикамья: итоги и перспективы». В нем было отмечено, что пермская ономастика – активно развивающаяся область лингвистических исследований, перспективы же изучения местных имен собственных заключаются, во-первых, в систематизации и лексикографическом описании пермских прозвищ, зоонимов, топонимов, эргонимов, во-вторых, в создании пермского ономастикона, в котором могли бы быть представлены различные виды имен собственных и их системные связи. База для подобного ономастикона постепенно складывается, необходимо лишь не останавливаться на пути научного освоения пермского ономастического пространства.

По итогам конференции был издан сборник материалов. Участники конференции приняли резолюцию, определив время проведения следующей конференции – ноябрь 2010 г.

Т. А. Сироткина, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка
Пермского госпедуниверситета

Симпозиум «Имя в экономике и экономической истории-2»

Совещание, проходившее в Вене с 15 по 16 июня 2007 г., стало продолжением симпозиума «Name in the economy and economic history», имевшем место в Антверпене годом раньше (см. о нем в 4-м номере журнала). Большая часть докладчиков венского симпозиума принимали участие в предыдущем. Новый симпозиум кроме цифры 2 получил подзаголовок «Where Business strategies meet onomastics» – «Когда бизнес-стратегия пересекается с ономастикой». Показательно, что симпозиум организован именно Экономическим университетом Вены (точнее, входящим в его состав Институтом романских языков).

Хотя все доклады были сгруппированы по секциям, три секции, заседание которых пришлось на первый день симпозиума, фактически оказались пленарными, поскольку собрали всех участников конференции, а также коллег-преподавателей и студентов университета. Второй день был посвящен в основном секционным заседаниям. Деление на секции было скорее техническим, чем тематическим, во всяком случае, организаторы не стали присваивать секциям тематических подзаголовков.

Конференция была открыта приветственным выступлением членов организационного комитета – *Фиоренцы Фишер, Хольгера Вохелле, Юлии Кун и Мартина Стегу*. Последний произнес приветственную речь на четырех языках – немецком, английском, французском, которые были заявлены в качестве рабочих языков совещания, и на русском¹.

Первый доклад был сделан *Людгером Кремером* (Ludger Kremer, Бельгия), кстати, он был председателем организационного комитета первого симпозиума «Имя в экономике». Доклад «От Объединенного банка Гамбурга к ГОБ. К диахронии немецких названий предприятий» был посвящен изменению названий предприятий в Гамбурге на протяжении последних 50 лет. Исследование основывается на выборках материала за 1956, 1990 и 2006 гг. Общие тенденции, отмеченные в докладе, – сокращение количества атрибутивных прилагательных в пользу субстантивных словосочетаний, резкое усиление роли аббревиатур (пример вынесен в заглавие доклада, *Vereinbank in Hamburg* был переименован в *HVB*), появление иноязычных элементов, неологизмов. Указания на характер деятельности фирм отступают на второй план, и, наоборот, появляются элементы рекламного характера. Новые названия, особенно аббревиатуры и неологизмы, могут отклоняться от строгих орфографических норм. Со своей стороны отметим, что большинство из указанных тенденций можно наблюдать и в русской коммерческой эргонимии, несмотря на принципиальную разницу в языке, развитии экономических отношений и т. д. Возможно, следует говорить об общеевропейской тенденции; было бы интересно посмотреть подобные исследования на материале других основных европейских языков (например, во французском языке, достаточно закрытом для англоязычных заимствований благодаря языковой политике государства, или в самом английском языке).

Ангелика Бергиен (Angelika Bergien, Германия) продолжила пленарное заседание докладом «Коммерческие имена как показатели традиций и инноваций». В отличие от предыдущего докладчика, А. Бергиен выбрала иной хронологический срез – 1996–2006 гг. (немецкие названия, район Магдебурга), но во многом продолжила заявленную тематику, например, так же, как в предыдущем докладе, было отмечено возрастание роли субстантивных словосочетаний, рассмотрены некоторые случаи переименований. Однако основным смысловым стержнем доклада стало противопоставление традиционных и новых названий. В докладе отмечалось, что в современной конкурентной борьбе, брендинговой политике и т. п. многие фирмы возвращаются именно к традиционным моделям номинации, например к названиям, в которых акцент делается на антропоним (например, *Beauty-Center Herdam*, типичное для современности немецкое название с ярко выраженным влиянием английского языка переименовывается в более традиционное *Herdam Kosmetiksalon*). Далее в выступлении подробно анализировалась динамика взаимосвязи между традиционными и новыми элементами в коммерческих именах в разных отраслях бизнеса.

Два доклада под почти одинаковым названием представили *Элке Ронненбергер-Зибольд* (Elke Ronnenberger-Sibold, Германия) – «Ассоциации немецких товарных марок во второй половине XX века» и *Паола Коттичелли Куррас* (Paola Cotticelli Kurras, Италия) – «Ассоциации итальянских товарных марок во второй половине XX века»². Авторы, каждый в своем докладе, предприняли попытку рассмотреть, какие политические, социокультурные и экономические изменения влияют на выбор товарных марок. Так, например, оба автора считают, что своеобразным поворотным пунктом в наборе вызываемых товарными марками ассоциаций стала Вторая мировая война. В частности, Э. Ронненбергер-Зибольд, рас-

¹ Отметим, что в Венском экономическом университете ведется преподавание русского языка и поддерживаются научные связи с Россией.

² В обзоре предыдущей конференции («Вопросы ономастики». 2007. № 4. С. 125) нами были допущены ошибки в написании и транслитерации фамилий уважаемых коллег, за что приносим им свои искренние извинения.

смаатривая такие ассоциации, как *власть*, *традиция* и др., указывает, что идеологический вакуум, образовавшийся после Второй мировой войны в Германии в сфере торговых марок выразился в ассоциативном обращении к предыдущим периодам истории (автор проводит параллели с современной русской коммерческой ономастикой). П. Коттицелли Куррас отметил своеобразие итальянских марок по сравнению с немецкими, но указала, что как и в немецком, так и в итальянском языках поворотным пунктом становятся 1970-е гг., когда в сфере товарных марок возникают многочисленные инновации и неологизмы.

Габриель-Люк Баллон (Gabriel-Luc Ballon, Бельгия), специалист в области права, сделал доклад об особенностях правовой защиты особого вида торговых марок – *marque banale*, что особенно актуально в условиях жесткой рыночной конкуренции. Доклад был иллюстрирован примерами из реальной судебной практики. Само участие правоведа в ономастической конференции показало актуальность ономастических проблем для других гуманитарных наук и, наоборот, значимость междисциплинарных связей для решения ономастических вопросов. Юридическая проблематика отчасти была затронута и в некоторых других докладах, например в выступлении *Марсьен Мартин* (Marcienne Martin, Франция). В своем докладе она рассказала о названиях вин во Франции и Квебеке и о следующей примечательной ономастической ситуации: вследствие политики канадских властей экспортные французские вина в Квебеке должны в определенных случаях получить иное название, это заставляет экспортеров и продавцов проявлять чудеса изобретательности, чтобы в новом названии намекнуть (например, метафорически) на основной французский бренд. Кроме этого, *Андреас Тойч* (Andreas Teutsch, Швейцария), рассматривая понятие словесной торговой марки, начал свой доклад с определения торговой марки вообще, как феномена, определяемого правом. Автор предложил свою модель описания торговой марки как особого вида знака.

Андреас Гелке и *Мартин Стегу* (Andreas Gelke, Martin Stegu, Австрия) представили на пленарном заседании совместный доклад, написанный в русле прикладной лингвистики. Авторы сопоставили распространенное в литературе по бизнесу понятие «осведомленность о бренде» – англ. *brand name awareness*, нем. *Markenbewußtheit* – со сравнительно недавно появившимся в прикладной лингвистике понятием «осведомленность о языке» – англ. *language awareness* (оно используется, например, в работах, посвященных обучению языку). В качестве объединяющего звена между этими двумя явлениями, которое объясняет взаимосвязь общей языковой осведомленности и частной осведомленности в сфере брендов, авторы доклада предлагают понятие «осведомленность о собственном имени» – нем. *Eigennamenbewußtheit* (доклад был сделан на немецком языке), например, знания о значении, происхождении личных имен и фамилий и т. п.

Эва Лаврик (Eva Lavric, Иннсбрук) выбрала оригинальную тему для исследования – названия блюд в ресторанных меню. В докладе отмечалось, что хотя основная роль меню – информативная, но через список названий блюд и соответствующих им цен клиент должен получить общее впечатление о ресторане и качестве его кухни. В частности, дорогие рестораны должны оправдать названием блюда в меню его высокую цену. Поэтому для меню таких ресторанов в Германии, Франции и Испании характерны развернутые субстантивные наименования.

Бернхард Ульрих (Bernhard Ulrich, Австрия) представил доклад «Процесс поиска имени на практике». Автор доклада является креативным директором специальной экспертной группы – агентства *Powerbrand*, которое занимается созданием и продвижением бизнес-имен, поэтому доклад содержал как фактический материал, так и теоретические наработки реальных и даже профессиональных номинаторов.

Завершил первый день работы конференции круглый стол. На нем обсуждались в основном практические вопросы и конкретные примеры экономических имен.

Второй день был посвящен секционным заседаниям; секции, как уже говорилось выше, принципиально не различались по тематике. Но начало работы второго дня симпозиума открыл общий для всех доклад *Жана-Луи Вакслера* и *Джона Хамбли* (Jean-Louis Vaxelaire,

John Humbley, Франция). Материалом для их исследования послужили названия неправительственных организаций – особых субъектов бизнес-отношений (название некоммерческой организации призвано не только информировать о ее деятельности, но и служить своего рода рекламой для привлечения спонсорских средств). Авторы подробно остановились на языковой специфике названий интернациональных неправительственных организаций. Такие названия либо создаются на одном из мировых языков, при этом название должно быть понятным и легким для восприятия, либо имеют официальные переводы на разные языки. Особое внимание было уделено случаям изменения, модификации или перевода названия организации, которые неизбежно происходят, когда неправительственная организация меняет статус на международный.

Проблема языковых контактов в сфере экономических имен была так или иначе затронута и во многих других докладах. В частности, *Вернер Брандл* (Werner Brandl, Германия) рассматривал динамику количественного соотношения англоязычных и немецкоязычных торговых марок на немецком рынке потребительских товаров. Кроме того, в докладе В. Брандла был поставлен очень интересный теоретический вопрос об иерархии брендов и торговых марок, т. е. о вертикальных структурирующих связях и взаимовлиянии в этом разряде собственных имен. Для анализа автор выбрал названия FMCG (*Fast moving consumer goods*) – потребительских товаров быстрого оборота (в основном это продукты питания), которые наиболее наглядно показывают общие тенденции, так как новые марки в этом секторе рынка появляются каждый год. В дальнейшем, насколько известно авторам настоящего обзора, исследования В. Брандла должны быть оформлены в виде диссертации.

Мару Риегер (Marie Rieger, Италия) рассмотрела случаи нарочитой «итальянскости» (*Italianita*) в немецкоязычных торговых марках на рынке продовольственных товаров – названий паст, пиццы, тракторий и т. п. Результаты исследования оказались достаточно парадоксальными: «итальянское» звучание имени оказывается отнюдь не решающим для покупательского выбора, более того, иногда оно может дать и отрицательный эффект. Респонденты отнеслись к таким названиям в основном критично: псевдоитальянское название создает (иногда с ошибками) немецкоязычный номинатор. Хотя люди даже с высоким уровнем образования, но не располагающие глубокими познаниями в итальянском языке не сразу могут распознать псевдоитальянские наименования. Кстати, эту особенность методики исследования хотелось бы отметить особо: М. Риегер тщательно учитывает уровень образования респондентов, который, очевидно, влияет на уровень языковой компетенции, особенно когда дело касается заимствований и иных языковых контактов. Таким образом, кроме собственно ономастико-экономических вопросов (брендинг, номинативные стратегии и т. п.) в докладе поднимается более общая проблема – границы интуитивных знаний носителей одного языка о другом языке, находящимся с первым в активном взаимодействии.

Собственно итальянский рынок продуктовых товаров стал предметом анализа другого докладчика: *Анттье Цильг* (Antje Zilg, Германия) в докладе «Товарные марки на итальянском продуктовом рынке» рассмотрела основные тенденции создания итальянских торговых марок в сугубо синхронном срезе – материал был собран лично автором непосредственно в итальянских магазинах. Исследование А. Цильг является в основном типологическим и имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: в докладе анализировались фонетические, графические, морфологические лексико-семантические, риторические и культурологические аспекты итальянских торговых марок.

Как антитеза этому выступлению на том же секционном заседании прозвучал доклад *Сандры Рейнманн* (Sandra Reinmann, Германия) «Краткая история предпринимательства – имя в рекламе». Для ее диахронического по характеру исследования были привлечены только три торговые марки – *Bärenmarke*, *Dallmayr* и *Löwenbräu*. Кроме сферы использования – пищевая промышленность, их объединяет долгая история и связь с конкретным регионом – Баварией (на примере *Dallmayr* в докладе также рассматривались рекламные механизмы превращения региональной марки в глобальную). Узость круга рассматриваемых марок

компенсировалась глубиной исторического подхода. С. Рейнманн привлекла для исследования все возможные виды рекламы за все время существования марок (доклад был эффектно проиллюстрирован и рекламными объявлениями из газет, изданных до Первой мировой войны, и фрагментами телевизионной рекламы 1960-х гг.). По мнению докладчика, на протяжении более чем вековой истории указанные марки придерживались схожей стратегии в рекламе – четкая, легкая для интерпретации мотивировка названия, актуализация идей вкусоности, естественности, регионального патриотизма и, что особенно интересно в наше время, сохранение традиции и отказ от слишком радикальных экспериментов с языковой формой. С ономастической точки зрения доклад, на наш взгляд, интересен тем, что в нем показана специфика торговых марок и затронут ряд порождаемых ею проблем – способность обозначать товары разного рода, возможность разных типов сочетания в названии продукта торговой марки и указания на тип или сорт товара³, соотношение общего (зонтичного) бренда и подчиненных ему более частных марок и т. п.

Многие докладчики, как на пленарных, так и на секционных заседаниях так или иначе затронули тему соотношения «экономических» имен и антропонимов (поскольку в создании названий фирм и продуктов естественным образом может появиться имя владельца бизнеса). Одним из авторов настоящего обзора – *Сергеем Горяевым* (Екатеринбург) был сделан доклад, в котором рассматривались фирменные и товарные наименования, образованные от традиционных для русского языка антропонимов. В выступлении делался вывод, что «антропонимическая» модель номинации сейчас часто не используется в традиционной для нее функции – указание на владельца магазина, производителя товара, изобретателя, селекционера и т. п., а используется для языковой игры и разного рода стилизаций.

Катарина Лейбринг (Katharina Leibring, Швеция) подошла к вопросу об экономической роли антропонимов с другой стороны: ее доклад назывался «Хорошая ли инвестиция – ваше имя? Социально-экономические причины смены имени в Швеции». В докладе рассматривались случаи смены фамилии, что весьма распространено в Швеции, мотивированные экономическими соображениями. Смена фамилии может повысить социокультурный уровень ее носителя. Фамилии могут, например, менять эмигранты с целью более полной интеграции в шведское, достаточно однородное общество: имя, звучащее по-иностранному, может ограничивать неэкономическую независимость человека, затрудняет поиск работы или удобного места жительства. Или фамилия может быть изменена на более аристократичную, что, пусть и ошибочно, будет свидетельствовать с точки зрения окружающих о более высоком социальном статусе носителя. Кроме столь неординарного «экономического» подхода к антропониму в докладе были затронуты и магистральные для конференции разряды онимов, поскольку смена фамилии может положительно отразиться, например, на названии бизнеса, включающего фамилию владельца.

Сергио Пиццикони (Sergio Pizziconi, Италия) представил доклад под названием «От имени изобретения к изобретению имени», в котором была проведена параллель между регистрацией торговых марок и патентованием изобретений – и в том и другом случае создатели названия часто идут на нарушения традиционных грамматических моделей. Исследование, проведенное на материале итальянских названий патентов показало, что если в начале XX в. товарная марка нового изобретения обычно повторяет название патента, то в дальнейшем языковые средства для создания торговых марок более специализируются. Для того чтобы показать влияние глобализации в этой сфере ономастики автор произвел сравнительную выборку патентных названий, зарегистрированных в США. На наш взгляд, доклад был интересен и с ономастической точки зрения – в нем обсуждались разнообразные варианты

³ Вопросы соотношения географической терминологии и топонимии уже давно и активно разрабатываются, возможно, пришла очередь обсуждения аналогичной проблематики в «коммерческой» ономастике.

соотношений между техническими терминами, номенклатурными единицами, собственными именами разных разрядов (торговые марки, имена изобретателей, включенные в патентное наименование). Напомним, что в свое время в русском языкознании активно обсуждался вопрос о лингвистическом статусе терминов, номенклатурных единиц, торговых марок и тому подобных явлений, существенно отличающихся, прежде всего по семантике, от «нормальных» лексических единиц.

Кстати, вопросы терминологического характера были затронуты напрямую в докладе проф. *Ангело Гарови* (Angelo Garovi, Швейцария), но уже в диахроническом аспекте. Докладчик рассмотрел влияние итальянского языка средневековья и Нового времени в сфере экономической терминологии других европейских языков на примере итальянского слова *caparra*, которое обозначает один из видов денежного вклада. Это слово было заимствовано во многие европейские языки (в частности, в немецкий и французский), этимологически оно восходит к лат. *arra*, обозначающему соответствующий правовой институт римского права.

Историко-топонимическую тематику в масштабах нескольких столетий, широко представленную на предыдущем симпозиуме, продолжил только один участник, соавтор настоящего обзора. *Кристиан Цишишанг* (Christian Zschieschang, Германия) представил исследование «Между богемцами и саксами – мобильность и хозяйственная деятельность в ономастике раннего и высокого Средневековья». В докладе рассматривалась топонимия бассейна Эльбы в области современного чешско-немецкого пограничья, показывалось, как изменения топонимической системы отражают заселение территории, развитие путей разного рода сообщений, строительство поселений, ремесленных центров.

В большинстве прозвучавших на конференции докладов основное внимание уделялось фактическому материалу и его анализу, но все-таки в нескольких выступлениях превалировала теоретическая часть исследовательской работы, в частности, *Паула Шёблом* (Paula Sjöblom, Финляндия) в докладе «Некоторые замечания к значению и интерпретации эргонима» (в оригинале *comprany name*) отметила, что обычно исследователи интерпретируют то или иное имя исходя из знания номинативной ситуации, принципа номинации. Ключом к пониманию имени становится интенция и выбор номинатора. Однако интересным будет и подход к значению имени с другой стороны, с точки зрения воспринимающего. Имя, в частности имя в сфере бизнеса, порождает целый ряд значений, не связанных напрямую с идентификацией денотата, поскольку носители языка должны каким-либо образом интерпретировать имя компании и/или товара и связать эту интерпретацию с референтом. Автор доклада провела исследование именно восприятия финских эргонимов носителями языка. При этом были классифицированы виды интерпретаций (например, метафорическая, метонимическая, дескриптивная), указана специфика интерпретаций в разных возрастных группах и сделан еще ряд аналитических наблюдений.

Теоретической базой исследования П. Шёблом послужили положения и методы когнитивной лингвистики. По ее мнению, имя собственное с точки зрения образования значения должно рассматриваться как любое другое слово языка. Автор исследования указывает, что фонологическая форма имени дает разнообразные ассоциации, но связанные с когнитивными доменами, вызываемые референтом. П. Шёблом выделяет четыре схемы образования значения у имени, основанные на прямой, не прямой, сжатой (*compressed*) и прерванной (*interrupted*) смысловой связи с когнитивными доменами (*cognitive domains*). Доклад отличался большой теоретической глубиной, но, на взгляд авторов настоящего обзора, тема требует дальнейшей разработки на большом количестве фактического материала.

С докладами, глубоко продуманными теоретически, выступили молодые ученые из России – Оксана Врублевская и Екатерина Трифонова, защитившие кандидатские диссертации под руководством проф. И. В. Крюковой.

Оксана Врублевская (Волгоград) представила исследование на тему «Прагматика названий экономических событий» (геортонимов). «Изюминкой» доклада стало противопоставление внутренней и внешней прагматики геортонимов. Под внутренней прагматикой автор доклада понимает «социально осознанные и принятые обществом компоненты прагмати-

ческой природы, закодированные на уровне словозначения». Она определяется номинативной ситуацией и находит отражение в мотивировочных признаках, положенных в основу названия. Внешняя прагматика – это «функционирование единиц в определенных сферах коммуникации». С позиций внешней прагматики значимо языковое окружение названий и их прагматические функции в текстах различных жанров. Теоретические положения были подкреплены анализом материала. О. Врублевская выделила ряд принципов создания названий экономических мероприятий (принцип информативности, принцип эстетичности, принцип экономии) и функций. Среди последних выделяются функции, связанные с внутренней прагматикой (номинативная, функция дифференциации, индивидуализирующая, когнитивная, характерологическая) и с внешней (текстообразующая, информационно-презентационная, аргументативная, эстетическая, эмоционально-экспрессивная).

Екатерина Трифонова (Волгоград) продолжила прагматическую тематику и рассмотрела в своем выступлении классическую для отечественной лингвистики оппозицию «номинатор – адресат» на материале коммерческой эргонимии. В центре внимания была прагматическая природа эргонима, создавая который, номинатор, по мнению докладчика, ориентирован прежде всего на достижение прагматического эффекта по отношению к массовому адресату. В исследовании сравнивались данные, полученные методом опроса номинаторов и адресатов реальных эргонимических номинаций, рассматривались случаи совпадения и несовпадения ожидаемого номинатором прагматического эффекта с теми оценками, которые эргоним получил с точки зрения адресата. Оказалось, что только в 40 % случаев эргоним, удачный с точки зрения номинатора, был соответствующим образом интерпретирован адресатами номинации, тогда как в 27 % случаев интерпретация оказалась полностью ложной, в остальных случаях удачное с точки зрения номинатора название оценивалось адресатами нейтрально. Автор заостряет внимание на влиянии лингвокультурологических факторов при выборе и интерпретации эргонима.

Ингрид Шпитцнер (Ingrid Spitzner, Германия) сделала обстоятельный обзор проблемы определения статуса названий фирм в современной синхронической ономастике: промежуточное положение между собственными именами и апеллятивами, близость по этому критерию к товарным наименованиям, зависимость от правовой системы. Анализируя конкретные названия, автор приходит к выводу о превалировании отапеллятивных образований.

Последний доклад, собравший всех участников конференции, сделал *Андреас Лётшер* (Andreas Loetscher, Швейцария). Название его доклада было стилизовано под алгебраическую формулу: «Ciba-Geigy + Sandos $\Rightarrow$ Novartis + Syngenta + Clariant». Как стало понятно из доклада, эта формула иллюстрирует разного рода отношения в группе родственных (по юридической принадлежности) брендов. Доклад был весьма синкретичен по характеру, в нем анализировались фирменные наименования в различных аспектах. В частности, автор исследования предложил типологию фирменных наименований в словообразовательном и семантическом аспектах и рассмотрел на широком европейском материале хронологические изменения в системе фирменных наименований с 1975 по 2007 гг. Так, в докладе был отмечен рост количества искусственных слов, поддающихся интерпретации лишь частично (от 3 % до 17 %) или не поддающихся совсем (от 0 % до 18 %).

Чуть подробнее остановимся на классификации, предложенной А. Летшером для названий фирм, тем более, что схожую классификацию использовала И. Шпитцнер. Фирменные наименования делятся по формально-словообразовательному основанию на следующие категории: 1) образованные от имен (антропонимов, топонимов); 2) образованные от апеллятивов (существительных и прилагательных); 3) аббревиатуры (инициальные, слоговые); 4) «искусственные» слова (состоящие из мотивированных лексических элементов и неделимые, не состоящие из вычленимых лексических элементов с конкретным значением). Со своей стороны отметим, что в российской лингвистике «мотивированные лексические элементы» хорошо разработаны не в сфере ономастики, а в сфере терминологии, в частности фармацевтической.

Конференцию завершило общее обсуждение, все участники тепло поблагодарили организаторов, а Л. Кремер рассказал о перспективах выхода сборника статей по материалам первой конференции (в настоящее время сборник уже издан, см. аннотацию на с. этого номера журнала). Следующий симпозиум, «Имя в экономике-3» предполагается провести в Амстердаме, 11–13 июня 2009 г. (см. <http://www.meertens.knaw.nl/nite/>).

С. О. Горяев, канд. филол. наук, доц.
кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ
(Екатеринбург),
К. Цишианг, доктор филологии, науч. сотр.
Гуманитарного центра истории и культуры
средне-восточной Европы при Лейпцигском университете
(Германия)

Краткая информация

В 2007 г. состоялись также следующие научные форумы – полностью или частично посвященные вопросам ономастики:

- Международный и междисциплинарный симпозиум **«Имена как потенциал для конфликта в европейском контексте» (Германия, Регенсбург, 11–13 апреля 2007 г.)**. Организаторы: *Стефан Хакл* (Регенсбургский университет), *Николь Эллер* (Университет в Пассе, Германия), *Марек Люптак* (Университет в Баньской Быстрице, Словакия), входящие в состав научно-исследовательской группы «Имена». Результаты симпозиума публикуются в очередном томе серии «Regensburger Studien zur Namenforschung». Адрес научно-исследовательской группы «Имена»: <http://www-namenforschung.uni-regensburg.de>.

Из комментария организаторов конференции по поводу избранной для обсуждения темы, размещенного на сайте:

«Наша сегодняшняя Европа в значительной степени определяется как “Европа регионов” и “Европа культурного разнообразия”. Научная дискуссия часто связывает это понятие с этническими особенностями регионов, одновременно с этим перекидывая мост к языковому разнообразию, поскольку язык является одним из ключевых звеньев, соединяющих этническую группу с ее регионом, благодаря которому она часто отделяет себя от других групп населения. С помощью языка явно проявляются эмоциональные связи с физико-географическими особенностями, которые характеризуют отдельную область в конкретном географическом регионе. Существенной составной частью любого языка и в связи с этим эмоциональных связей географического региона являются имена собственные, которые в областях многоязычных контактов всегда приводят к конфликтам. (...)

Именные конфликты встречаются, кроме всего прочего, там, где живут или состоят в тесном языковом контакте несколько или даже много различных по языкам групп населения. С увеличением степени общеевропейской интеграции, языковые конфликты приобретают все больший масштаб, причем поле языкового конфликта имен собственных нередко приобретает политическое значение. Ярким примером политического значения этой темы является продолжающийся в течение десятилетий спор о двуязычных топонимических обозначениях в общине Кертнер со значительным преобладанием словенского населения, который в последнее время вновь стал актуальным. Противоречия в сфере имен собственных распространяются при этом на психолингвистическую область, когда, например, коннотации этнонимов

принимаются во внимание прежде, чем этническое и культурное разнообразие Европы, или правовую, когда, например, в центре разногласий оказывается область права, связанная с именами и названиями, например именами и фамилиями, а также названиями продуктов и товаров, которые с точки зрения европейского торгового союза играют все большую роль.

Об этом пишут статьи исследователи из разных стран Европы (Германия, Австрия, Швейцария, Франция, Италия, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Хорватия, Сербия, Болгария, Финляндия, Норвегия). Научный обмен с восточноевропейскими учеными выдвигается при этом на первый план, поскольку особенности языкового контакта с народами Восточной Европы создают большое количество проблем в сфере имен собственных (например, транслитерация топонимов в Болгарии)».

- XII Всеукраинская ономастическая конференция **«Ономастика Украины в общеславянском контексте» (Украина, Черновцы, 31 сентября – 3 октября 2007 г.)**. Организаторы: Черновецкий национальный университет, Институт украинского языка НАН Украины, Буковинская лингвистическая ассоциация. Основные направления работы конференции: 1. Украинская топонимия и антропонимия в межъязыковых и междиалектных связях. 2. Региональная ономастика в синхронии и диахронии. 3. Взаимосвязи и параллели украинского языка с другими языками в ономастиконе Буковины и смежных территорий. 4. Проблемы стандартизации и нормализации украинских и славянских топонимов. 5. Теоретическая и прикладная ономастика. 6. Литературная (поэтонимология) и фольклорная ономастика. 7. Неономастика (новые группы ономастической лексики: эргонимы, логинимы, фирмонимы). Материалы конференции публикуются в сборнике «Науковий вісник Чернівецького університету. Слов'янська філологія» (специальное издание ВАК Украины). Адрес оргкомитета: вул. Коцюбинського, 2, Чернівецький національний університет, філологічний факультет, 58012, Чернівці; тел. + 38 0372 584800; e-mail: onomastica@chnu.edu.ua, y.redkva@chnu.ua.

- II Святогорские ономастические чтения **«Имя собственное в историко-культурном пространстве» (Украина, Святогорск, 18–21 октября 2007 г.)**. Организаторы: Донецкий национальный университет, лаборатория общего и прикладного языкознания Донецкого национального медицинского университета, Международный ономастический семинар. Материалы чтений публикуются в журнале «Λογος ονομαστικη» (см. о нем на с. 179–180 наст. изд.). Адрес оргкомитета: ул. Калужская, 6а, к. 213, 83003, Донецк; тел. (062) 297 86 03, 304 31 88; e-mail: laboratory.medical_lexicography@dsmu.edu.ua, kalinkin.valeriy@dsmu.edu.ua.

- Международная научно-практическая конференция **«Язык города» (Бийск, 8–10 ноября 2007 г.)**. Организаторы: Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина, Алтайский государственный университет. В числе основных направлений работы конференции «Городской ономастикон», «Антропонимы в городском пространстве», программа включала мастер-класс, посвященный работе топонимических комиссий. Материалы конференции опубликованы в одноименном сборнике – Язык города: Материалы Международ. науч.-практ. конф. (8–9 ноября 2007 г.). – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. – 326 с. – ISBN 978-5-85127-420-6.

- VIII Международная славистическая научная конференция **«Славянские апеллятивно-ономастические омонимы в диахронии и синхронии» (Польша, Люблин, 22–24 ноября 2007 г.)**. Организаторы: кафедра славянского языкознания при участии кафедры украинской филологии Университета М. Кюри-Склодовской в Люблине (УМКС). Материалы публикуются в 22-м томе серии «Rozprawy Slawistyczne», издаваемом УМКС. Адрес оргкомитета: Dr. hab. Prof. Stefan Warchol, Zakład Językoznawstwa Słowiańskiego UMCS или Dr. Mateusz Jastrzębski, Zakład Filologii Ukraińskiej UMCS, pl. M. Curie-Skłodowskiej, 4A, 20-031, Lublin; e-mail: matek73@o2.pl, swarchol@klio.umcs.lublin.pl. Подробнее об этой конференции см. в след. номере журнала.

В 2008 г. проводятся следующие конференции по ономастике:

• **XXIV Международный конгресс по ономастическим наукам (Канада, Торонто, 17–22 августа 2008 г.).** Центральная тема конгресса – «Имена в контакте: Имена в мультиязыковом, мультикультурном, мультиэтническом мире», предусмотрены также специальные заседания по следующим вопросам: альпийские и горные названия; еврейские имена; имена собственные в социальных конфликтах: анализируя разговорный язык; топонимия в языке картографов; именование у коренных народов. Более подробная информация о конгрессе (включая программу и тезисы докладов) размещена на сайте: <http://icos2008.yorku.ca>.

• **II Байкальская международная ономастическая конференция (Улан-Удэ, 4–6 сентября 2008 г.).** Организатор: Бурятский государственный университет. Программа конференции включает работу секций: 1. Проблемы теории и практики ономастических исследований. 2. Ономастика в системе гуманитарных наук. 3. Ономастикон и национальная культура. 4. Ономастический ареал: проблемы исследования. 5. Ономастическое пространство художественных текстов. 6. Имя собственное в социокультурном аспекте. Адрес оргкомитета: Центр стратегических востоковедных исследований, Бурятский госуниверситет, ул. Смолина, 24а, 670000, Улан-Удэ; тел. (3012) 210 411; e-mail: csvi@yandex.ru.

• **XI Международная конференция «Ономастика Поволжья» (Йошкар-Ола, 16–18 сентября 2008 г.).** Организаторы: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Волгоградский государственный педагогический университет, Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской. Планируется рассмотрение следующего круга вопросов: теория и методология ономастических исследований; проблемы топонимики, микротопонимики и урбанонимики; антропонимика народов Поволжья; вопросы зоонимики; теонимы и мифонимы в поволжских этнокультурах; изучение поволжской ономастической периферии и апеллятивно-ономастического пограничья; литературная и фольклорная ономастика; проблемы перевода и передачи имен собственных; педагогические аспекты ономастики. Будет организован круглый стол «Волга в языках и культурах народов Поволжья». Адрес оргкомитета: ул. Буханцева, 32, 400120, Волгоград; тел. 8442-949948, 302825; e-mail: suprun@vspu.ru.

• **XVI Общепольская ономастическая конференция «Имена собственные и общество» (Вроцлав, 24–26 сентября 2008 г.),** посвященная памяти проф. Казимежа Рымута. Организаторы: Институт польской филологии Вроцлавского университета, Ономастическая комиссия при Комитете языкознания ПАН. Адрес оргкомитета: Dr. Romana Łobodzińska, Instytut Filologii Polskiej Uniwersytetu Wrocławskiego, pl. Nankiera 15, 50-140 Wrocław; e-mail: lobodzinska@interia.pl.

Из информационного письма организаторов конференции:

«Постоянное присутствие разного типа имен собственных в жизни человека требует от членов общества не только знания современной ономастической системы, но и умелого использования ее составляющих в зависимости от жанра речи и типа языкового контакта. (...) Мы хотим обсудить различные аспекты отношений между именами собственными и обществом: сознание неоднородности и знание составляющих ономастической системы в обществе; роль имен собственных в формировании и развитии национальной идентичности, также на пограничных территориях; социальная обусловленность новейшей ономастической моды, изменения имен и фамилий; имена собственные и их варианты в различных жанрах речи, типах языкового взаимодействия; имена собственные (в том числе хрематонимы, урбанонимы) в окружающей действительности, их влияние на ее формирование; историческая и современная языковая и правовая норма у имен собственных; номинативная и нормативная политика, проводимая государственными институтами».

РЕЦЕНЗИИ

Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2006. – 221 с.

Рецензируемая работа посвящена исследованию ономастического пространства Восточной Сибири, а именно топонимической и этнонимической системам региона.

Автор представляет свой труд как принципиально междисциплинарное исследование, выходящее далеко за пределы собственно лингвистического рассмотрения материала, уже в заглавии указывая на то, что рассматриваться будут «историко-этнографические и историко-культурные аспекты» изучения ономастики, и подчеркивая, что «в топонимике любого региона найдется множество лингвистических загадок, разгадать которые можно только при привлечении данных археологии, этнографии и истории» (с. 4).

Последовательно воплощая постулируемый принцип, А. А. Бурыкин во Введении дает описание этнического состава региона по данным археологии и этнографии, отдельные главы шестого раздела целиком посвящает вопросам этноархеологии и этнографии отдельных территорий исследуемого региона, а в Заключение, опираясь на ономастический материал, делает выводы, связанные с вопросами этногенеза и этнических контактов. Этноархеологическая и историческая информация также приводится автором в подтверждение собственных этимологических выводов на протяжении всего текста исследования. Опора лингвистических выводов на этнографию и археологию, а этнологических – на лингвистику нередко предоставляет возможность сделать выводы более доказательными, чем в исследованиях, основанных на рассмотрении материала в рамках одной дисциплины.

Следует отметить также широкое использование не только данных современной топонимии и этнонимии региона, но и различных «сказок», отчетов, «расспросных речей», картографических материалов XVII–XIX вв., что позволяет сопоставить первоначальное восприятие отдельных названий народов и географических объектов с тем, как эти названия отражены на картах и в документах к сегодняшнему дню. Такое сопоставление дает возможность рассмотрения различных фонетических вариантов ономастических единиц, что, учитывая сравнительно слабую изученность языков коренных народов региона даже к нынешнему времени (на это сам автор неоднократно обращает внимание по ходу исследования), может стать прочной основой реконструкции первоначального облика заимствованного слова. Естественно, языковой и культурный барьеры, существовавшие между русскими и представителями коренных народов и в XVII–XIX вв., не всегда позволяют отнестись к записи услышанных слов как к достоверной: по словам автора, «создается впечатление, что на момент появления русских землепроходцев на Юго-Восточной и Южной Чукотке, а также и на Камчатке, между ними и местным населением существовал прочный языковой барьер. В условиях действия такого языкового барьера за название реки, мыса, полуострова, поселения

можно было принять все, что угодно, в том числе и наименование ближайших соседей, и расстояние до соседней реки или поселения» (с. 93), но все же привлечение указанных документов дает исследователю очевидные преимущества.

Собственно, в книге мы можем увидеть анализ последствий действия языковых барьеров, когда иноязычные по отношению к коренным народам первопроходцы и исследователи принимают звание собеседника за имя, имя – за звание, просто неправильно переводят услышанное слово и т. п. В этом случае автор, опираясь на лингвистический материал, может делать выводы исторического и культурно-этнографического плана, указывая на то, что же именно имели в виду иноязычные информанты, восстанавливая тем самым истинную картину социального, культурного и географического состояния региона. Рассмотрению такого влияния языковых барьеров автор отдельно посвящает две главы-очерка: «Кем был колымский князец шаман Пороча и почему на Нелоге серебро “висит из яру”?» и «Бородатые люди и лесистые острова в Восточной Арктике...», где реконструирует смысл неверно переведенных на русский язык текстов, созданных на языках коренных народов Восточной Сибири, отмечая, что верный перевод подобной информации дает возможность использовать ее как надежный документальный источник.

В Предисловии автор проводит границу между «географической» и «лингвистической топонимикой», указывая на то, что данные географической топонимики базируются на охвате широких территорий и малой глубине проникновения в языковой материал, следствием чего являются «определенные вольности, а иногда и ошибки в обращении с ним (языковым материалом. – Ю. К.)» (с. 9). Однако хотя автор предпочитает заниматься именно лингвистической региональной топонимикой, регион, который он выбрал, представляется как раз чересчур обширным, а учитывая сравнительно небольшой объем исследования (около 220 страниц), вряд ли можно надеяться на «фронтальное изучение всего массива географических названий конкретного региона» (с. 9), за что так ратует автор. На этом фоне не удивляет отрицательный результат авторских попыток локализовать расположение отдельной, например, скалы по данным письменных источников на столь масштабной территории.

С другой стороны, жанр своего исследования А. А. Бурыкин характеризует как «очерки», и это позволяет ему обращаться к неким «точечным» явлениям в топонимике региона, четко локализованным во времени и пространстве. При этом заявленная междисциплинарность подхода вкупе с таким определением жанра дает автору возможность уйти довольно далеко от сферы собственно лингвистического исследования и посвящать отдельные главы таким вопросам, например, как точное определение маршрутов русских первопроходцев по Восточной Сибири. Так, раздел книги под названием «Неизвестные маршруты» по жанру больше похож на описание путешествий, относящихся к сфере географической науки, но автор реконструирует маршруты путешественников, умело опираясь на встречающиеся в документах топонимы и этнонимы, делая ономастику вспомогательной дисциплиной по отношению к географии.

А. А. Бурыкин особо подчеркивает, что данный труд не является словарем. Однако некоторые части текста исследования повторяют структуру словаря (или топонимического справочника), причем словарь этот «разбросан» по всему исследованию, что несколько затрудняет поиск того или иного имени собственного. Кажется целесообразным помещение всех словарных статей в конец книги в виде приложения или, учитывая невозможность вычленения такой статьи из текста исследования, разработка указателя топонимов и этнонимов, встречающихся в тексте. В книге также отсутствует библиографический указатель, несмотря на большое количество цитат из чужих текстов и исторических документов и постраничных сносок к ним. Это несколько затрудняет выяснение того, к каким источникам обращается автор.

Стиль работы можно охарактеризовать как научно-популярный. Это проявляется, в частности, в обращениях к именам, например, А. Городничкого или О. Куваева (причем не как ученых – специалистов в своей области, а как авторов художественных текстов), В. Шаламова и т. п.

Определенное, вряд ли позитивное, влияние научно-популярного стиля можно видеть также в некоторых вольностях, которые автор допускает в сфере критики оппонентов. Автор часто называет выкладки оппонентов «абсурдными», обвиняет их в «необоснованном желании лишь продемонстрировать свою эрудицию» и т. п. Очевидно, как специалист в своем вопросе, А. А. Бурыкин имеет полное право на подобное мнение по отношению к несостоятельным и необоснованным выводам, однако кажется, что резкие выпады отнюдь не помогают логичному изложению рассуждений самого автора и несколько снижают общий стиль работы. При этом, несмотря на избранный стиль, свои выводы автор делает с крайней осторожностью, часто указывая на то, что их не всегда можно считать окончательными, и явно приглашая читателей-специалистов к дискуссии.

Если оценивать книгу в целом, можно сказать, что она производит довольно благоприятное впечатление в первую очередь потому, что, как указывалось выше, автор последовательно придерживается принципа подтверждения и дополнения лингвистических выводов данными других наук, что делает его заключения весомыми и обоснованными. Избранные автором стиль и жанр исследования, постоянно изменяющийся ракурс изложения – от топонимического справочника до описания путешествий – делают книгу легко воспринимаемой и просто интересной.

Ю. С. Костылев, магистрант кафедры русского языка
и общего языкознания Уральского государственного университета
им. А. М. Горького (Екатеринбург)

А. В. Кузнецов. Тотемский ономастикон: Фамилии тотьмичей. Названия деревень. «Советские» ойконимы. Русские гидронимы. – Вологда: ВГПУ, 2007. – 328 с.

Работы вологодского ономатолога А. В. Кузнецова хорошо известны топонимистам, краеведам, историкам. Его деятельность лежит в сфере разработки научного подхода к осмыслению местной топонимии в ее непосредственной связи с различными этнокультурными факторами. Не является исключением и новый ономастический труд автора, во многом обобщивший исследования ономастики родной автору территории.

Принцип привязки к определенному региону лежит в основе большинства известных ономастических словарей, однако обычно лексикографы сосредотачиваются на одном из ономастических классов. При комплексном рассмотрении ономастикона исследуемой зоны неминуемо возникает существенный проблемный вопрос: как лексикографически отразить сложные взаимосвязи не только онимов одного класса (например, топонимов), но и разных классов (например, топонимов и антропонимов). Рецензируемая книга А. В. Кузнецова оказывается включенной в решение обозначенной выше проблемы: основная ее идея – объединить ономастический фонд сложившегося под влиянием различных, в том числе этнокультурных, факторов региона, дать его исторический обзор, подготовить вспомогательные карты местности. В словаре представлено более 1 500 онимов, привлечено значительное количество источников, как исторических, так и собственно ономастических, в приложении приведены карты местности и схемы, позволяющие читателю наглядно увидеть привязку материала (преимущественно топонимического) к территории региона. Отметим, что и в самом тексте словаря географическая определенность всегда присутствует, и это относится не только к топонимам, но и к фамилиям: всегда точно указывается, где фамилия бытует, а нередко – и где она возникла.

Уважительный интерес к словарю возникает сразу – при чтении обширного предисловия (с. 3–23), в котором подробно характеризуются источники материала, дается его общая характеристика, обозначается ареал исследования.

Безусловным положительным качеством разработанной концепции территориального изучения ономастики является четко оговоренная, достаточно подробно проиллюстрированная связь онимов как в микросистемах, так и в более широких масштабах. Так, анализируя название *Мосеево*, автор указывает на отнесенность его к двум объектам, расположенным «не так далеко» друг от друга (с. 168), а определяя ареал распространения фамилии *Демидовский* (с. 78), говорит и о количестве деревень с названием *Демидово* во всей Вологодской области на начало XX в.

Поиск реальной связи ойконима с исходным антропонимом или экклезионимом, от которого топоним ведет свое происхождение, или фамильного антропонима с именем родоначальника семьи также является одним из значительных достоинств словаря, например: д. *Волоцкая* – «названа в честь землеустроителя дворянина *Дмитрия Владимировича Волоцкого*» (с. 56); фамилия *Демидовский* – «На Вологодчине в конце XX в. было восемь дер. *Демидово*... Переселенец из какой-то из них... и мог стать первым *Демидовским*... В Тотьме в середине XVI в. жил целовальник *Деомид Юрьев*... Его дети звались Демидовыми, а внуки – *Демидовскими*. Обе версии происхождения фамилии имеют право на существование» (с. 78); фамилия *Корепов* – «Из таможенной книги Тотьмы за 1634 год известен “*Кореп* Пятово сын” с Верхней Еденьги» (с. 126). Примеры такой кропотливой работы с историческими источниками наполняют книгу и делают ее особенно интересной.

Разумеется, не всегда исторические источники предоставляют исследователю необходимые сведения, и ему приходится вставать на путь предположений и догадок. Одной из важнейших сторон данного словаря, безусловно, является ономаσιологическая интерпретация онимов. В ономаσιолого-этимологических справках к именам немало примеров убедительного сведения сложного материала к наиболее употребительным моделям онимообразования. Например: «КОТОЧИГОВ – <...> Плоский, широкий и кривой инструмент для плетения лаптей назывался раньше *коточиг*. В прозвище это слово могло перейти с такими возможными значениями: “сгорбленный человек” либо “пронырливый человек”, ведь с помощью коточига узкие полоски бересты (*скарины*) проталкивались между поперечными лентами» (с. 131). В рассматриваемой словарной статье последовательно выстроены три стадии становления итоговой номинации: диалектизм *коточиг* (раскрыто его значение, пояснена сфера употребления самого предмета, им обозначаемого) – прозвище человека «пронырливого» или «сгорбленного» (дана мотивировка прозвища) – отпрозвищная фамилия.

Не менее тщательна проработка топонимов, ср.: «СОЛОНУХА (Пят.), она же СОЛОНИЦА, – прав. пр. Ковды – лев. пр. Песьей Деньги. До сих пор в русле этой речки торчат из-под земли остатки рассолоподъемных труб, из которых пробиваются струйки *соленой* воды. Были по берегам речки и естественные *соленосные* родники, которые в старину углубляли и заключали в рубленые колодчики. Рядом с рекой Солонухой, в долине Ковды, находится место, где в XVI–XVII веках стояли многочисленные варницы, продукцией которых была пищевая *соль*» (с. 248).

Прекрасное знание географии и истории родного края, обращение к многочисленным историческим источникам, владение диалектным материалом – все эти факторы делают «Тотемский ономастикон» полезным не только в собственно лексикографическом, но и в методическом плане.

Дальнейшие критические замечания призваны подчеркнуть трудности в составлении подобного «Ономастикона» и, может быть, помочь автору в этой огромной работе.

Основной упрек связан с принципами отбора материала: А. В. Кузнецов включает в свой словарь названия *в с е х* населенных пунктов, но только *р у с с к и е* *п о п р о - и с х о ж д е н и ю* гидронимы, избегая тем самым объяснений и гипотез относительно финно-угорского топонимического субстрата. Мотивы такого решения понятны, но получа-

ется, что, во-первых, обойтись без этимологических справок автор не может, а во-вторых, нарушается логика подачи топонимов, ср.: «КОВДИЦА (Пят.) – назв. верхнего течения Ковды – лев. приток Песей Деньги. *Ковдица* – это “маленькая Ковда”. См. выше» (с. 118). Выше находим: «КОВДА – лесоучасток, существовавший с 1945 по 1964 год в 7 километрах к северу от Тотмы, в верховьях реки *Ковды*. Сам финно-угорский гидроним, по одной из версий, означает “Берёзовая” (Кузнецов, 1995, 40)» (Там же). Во-первых, статья *Песья Деньга*, описывающая гидроним – элемент речной системы р. Ковдица – р. Ковда – р. Песья Деньга, – отсутствует в словаре (из-за своего явно нерусского происхождения), что сразу делает невозможным привязку заглавного гидронима к другим более или менее значимым водным объектам. Во-вторых, *Ковда* интересна скорее как часть гидронимической микросистемы *Ковдица – Ковда*, поэтому логичнее было бы подавать статью в первую очередь на гидроним; *Ковда*, лесоучасток – другой объект, следовало бы подать его описание в отдельной статье, выстраивая таким образом микросистему *Ковда*, река – *Ковда*, лесоучасток. В-третьих, при допущении подачи в одной словарной статье информации о двух разных объектах, по нашему мнению, не следует нарушать причинно-следственные связи номинации: очевидно, что лесоучасток был назван по реке. Возможно, более уместной будет следующая последовательность подачи материала: сначала – объяснение названия гидронима, затем – примера отгидронимической номинации (в данном случае – лесоучастка). Если же принять во внимание, что описываемый лесоучасток не существует с 1964 г., то предложенная составителем последовательность еще более непонятна. В результате страдает и полнота представленного в словаре материала, и системность его подачи.

Отметим, что финно-угризмы все-таки сопровождаются этимологическими комментариями самого А. В. Кузнецова, при этом не приводятся ни другие версии, ни финно-угорские соответствия, что лишает читателя возможности самому оценить правомерность авторских толкований. Среди приведенных этимологий есть явно спорные (ср. хотя бы интерпретацию основы *ковд-* в [Матвеев, 2004, 183]). Возможно, автору было бы легче ограничиться «ближней» этимологией (в данном примере – ссылкой на гидроним).

Для большей цельности в организации материала, возможно, было бы уместнее либо включить всю гидронимию и названия болот, либо, наоборот, ограничиться фамилиями и названиями населенных пунктов, где так явственна системная взаимосвязь.

Конечно, не только этимологическая, но и ономазиологическая интерпретация столь обширного и разнородного материала не всегда оказывается однозначной. Достоинство словаря в том, что автор детально разбирает разные возможности истолкования, допускает различные этимоны для одного и того же названия. Однако иногда предполагаемые истолкования просто перечисляются, никак не обсуждаясь и не доказываясь. Например, название р. *Моторка* (с. 169) связывается и с прозвищем *Мотор*, которое А. В. Кузнецов толкует как «работяга» или «беспокойный человек», основываясь, очевидно, на приведенном здесь же глаголе *моториться* ‘работать, сидеть за каким-то занятием до позднего вечера’, и с диалектным *муторный* ‘противный, неприятный; беспокойный, суетливый’ (заметим, что собственно диалектным у этого употребительного просторечного слова можно считать только значение ‘беспокойный, суетливый’ [ср.: СРЯ, 2, 424], и с *матора* ‘дубина’, но не делает ни попытки обосновать семантические переходы и словообразовательные модели (в частности, скорее *моториться* образовано от *мотор* в общеязыковом значении, а не наоборот; от прозвища *Мотор* название речки было бы, очевидно, *Моторова*, *Моторовка*, *Моторская*, но не *Моторка*), ни объяснить чередования гласных (y/o или a/o). Очень интересная версия о фамилии *Носырев* как образовании от татарского имени *Насыр* с убедительной ссылкой на архивные данные, в которых упоминается «Ондрей Иванов сын Насыров» (с. 183) повисает в воздухе, поскольку остаются необъясненными перенос ударения на первый слог, смягчение конечного согласного именной основы и изменение гласного первого слога. Кроме того, нельзя отстраниться и от фамилии *Носарев*, широко распространенной в России далеко за пределами Тотемского края. Скорей всего, здесь не обошлось без народной этимологии и влияния существующих моделей прозвищного именования.

Некоторые словарные статьи содержат лишь историческое рассмотрение онима, упуская собственно лингвистические моменты. Так, в статье *Копань* (с. 124) указана исторически легендарная мотивировка названия, но не обращено ни малейшего внимания на его диалектный характер.

С лингвистической точки зрения весьма интересно проследить ареал распространения топонимов с определенным формальным языковым признаком (финалью). Представленный в словаре ряд карт и схем, позволяющих это сделать (см. Приложения к словарю), обобщение топонимов и выделение в них частотных формантов – несомненное достоинство книги.

К формальным недочетам можно отнести отсутствие акцентологической информации о материале. В некоторых случаях это значительно затрудняет прочтение имени (см., например, разобранный выше пример интерпретации фамилии *Носырев*). Также не лишним было бы указание типа гидронима (в оппозиции «речка – ручей» особенно, так как грамматическая категория рода топонима в данном случае отнюдь не помощник: *Вожбал*, река – м. р., *Сухона*, река – ж. р., *Горный*, ручей – м. р.).

Недостает и фиксации отношений парных топонимов: официальные и неофициальные, старые и новые названия деревень, редкое и частотное употребление топонима и т. п. никак не комментируются. В некоторых случаях это ведет к необъяснимому с точки зрения читателя выбору заглавного онима: см., например, **КОНДРАТЬЕВСКАЯ**, она же **ВОРОНЦОВО** (с. 122) – чем вызвано предпочтение одного названия другому, не оговорено. Эта неясность наблюдается во многих подобных статьях по всему словарю: **БЕРЕЗНИКИ**, она же – **ДОБРЫНИН ПОЧИНОК**; **ЗАХАРОВСКАЯ**, она же – **ЗАРЕЧЬЕ**; **ИГНАЧЕВСКАЯ РЕЧКА**, она же – **МАЛАЯ БОЯРКА**; **ИЛЮХИНСКАЯ**, она же – **КУЗНЕЦОВО**; **КИСЕЛЁВО**, она же – **ПУСТОШЬ**.

Среди мелких замечаний к отдельным статьям укажем следующие. В статье **КРАСОТИНКА** (с. 134) при этимологизации топонима не указана диалектная основа, о котором ведется речь. Также следовало бы привести и примеры слов вологодского говора, упоминание о которых имеется в статье. **ЛЕНИВИЦА** (с. 146) – некорректно называть топоним термином. **МОСЕЕВО** (с. 168) – во фрагменте статьи «ойконимы возникли совершенно самостоятельно», очевидно, имелось в виду «независимо друг от друга».

Словарь написан с ориентацией на широкий круг читателей, поэтому естествен повествовательный тон с элементами рассуждения. Однако при этом иногда размываются акценты на основных (лингвистических, этимологических, исторических) моментах, ср.: «**КУФТЫРЕВ** – довольно (насколько? в сравнении с какими другими фамилиями? – *К. Г.*) редкая, но интересная (чем именно? – *К. Г.*) фамилия. <...> У слова “куфтырь”, ныне накрепко забытого (стилистическое излишество), раньше было целых (излишний элемент разговорной речи, не может быть дробное количество значений. – *К. Г.*) три значения <...> но само прозвище *Куфтырь*...» (с. 144). В статье **МИЛЛЕР** (с. 165) задаваемые автором вопросы (вполне риторические, надо признать) также сбивают читателя с единой стилистической канвы словаря.

На наш взгляд, излишним является обращение к литературному наследию Вологодской области (Предисловие, с. 18). Его наличие, безусловно, демонстрирует высокий уровень культурного развития данной территории, однако не несет ономастической информации напрямую и даже косвенно не связано с предметом рецензируемого словаря.

Если отбросить досадные мелочи, необходимо признать, что словарь А. В. Кузнецова представляет собой не просто сводный перечень элементов ономастического фонда Тотемского района Вологодской области – это разработанная концепция как сбора подобного рода материала, так и многосторонней обработки его с учетом знаний исторических, культурологических, лингвистических, географических и этнографических дисциплин. Актуальность проведенного исследования неоспорима: ономастическая лексикография пока знает весьма небольшое количество примеров словарей, описывающих и выстраивающих весь основной ономастический материал искусственно ограниченной территории. Более того, связь с исто-

рическими документами письменности исследуемого региона, с литературным наследием края и богатая культурологическая освещенность материала наделяет выполненную автором работу неоспоримой научной новизной.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

К. А. Гейн, студент филол. факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Словарь йорубских антропонимов

Babalola A., Alaba O. A Dictionary of Yoruba Personal Names. – Lagos: West African Book Publishers, 2003. – 857 p.

Современная мировая ономотология развивается в основном в рамках традиций европейской цивилизации и индоевропеистики с добавлением материала и исследовательских приемов из гебраистики, арабистики, тюркологии, финно-угроведения, а в последнее время и из синологии и японистики. Африканская ономия изучена недостаточно. Отсутствуют или малодоступны для исследователей работы о специфике имятворчества у различных африканских народов, о функционировании имен в разных языках Африки, о топонимическом своеобразии африканского континента, о функциях имен собственных в художественных текстах на африканских языках и проблемах транслатологии, об африканской ономической периферии и т. п.

Выход в свет словаря личных имен йоруба, составителями которого являются профессор Лагосского университета (ЛГУ) Адебойе Бабалола и Олугбойега Алаба, знаменует новый этап в развитии африканской ономотологии. Нигерийские ученые подготовили объемный научный труд, освещающий теоретические проблемы африканской антропонимики и пригодный для практического использования при анализе имен йоруба.

А. Бабалола получил степень доктора наук (Ph. D.) в Лондонском университете, ныне он является профессором-консультантом ЛГУ. А. Бабалола – крупный специалист по изучению проблем народов Западной Африки, автор более 20 книг по различным разделам лингвистики и этнологии. Он удостоен высокой национальной награды за научные исследования. О. Алаба заведует кафедрой африканских и азиатских исследований ЛГУ. Он был первым бакалавром наук, получившим данную степень в стенах этого нигерийского университета. В 1986 г. О. Алаба защитил в *alma mater* диссертацию на соискание ученой степени доктора наук.

Впервые научные исследования в области йорубских имен собственных были начаты А. Бабалолой в 60-е гг. прошлого века. В 1968 г. им была издана книга о топонимах и антропонимах этого африканского народа (*Dictionary of Yoruba Place Names and Personal Names*). В словаре указывалось правильное произношение и значение живых йорубских имен и географических названий. Эти принципы исследования происхождения и функционирования антропонимов были положены в основу дальнейшей работы нигерийского ученого, к которой подключился О. Алаба.

В рецензируемый словарь вошло 20 тысяч единиц. В книгу авторами включены не все имена, только наиболее типичные. В языке йоруба много диалектов, поэтому важной является

ся задача кодификации имен собственных, выбора правильной формы онима. Для обозначения правильного произношения имен в словаре используются диакритические значки. Поскольку в языке йоруба имеется музыкальное ударение, каждое имя сопровождается указанием на тип ударения, при этом приводятся нормативные с точки зрения современной йорубской орфографии формы. В каждой словарной статье приводятся грамматические пометы, этимологическая справка (на английском языке), фиксируются идиоматические выражения, связанные с антропонимом.

В предисловии к словарю дается очерк истории и анализ современного состояния антропонимии йоруба. Многие йорубские имена семантически равны простому предложению. Нередко встречаются антропонимы, равные сложному предложению. Употребляются также имена номинативного типа, соответствующие слову (редко) или словосочетанию. Всего учеными выделено 16 семантических типов йорубских личных имен: 1) оценочные имена, обозначающие высокое социальное положение номинанта: *Obanlearo* «Король кузнечного дела» (здесь и далее диакритические значки и обозначение тона при графической передаче антропонима опускаются); 2) оценочные имена, образованные на основе пословицы или поговорки: *Abanikannda* «Термиты смело берутся за дело (но не могут есть камень)»; 3) имена, оценивающие внешний вид человека: *Odudugbedu* «Толстяк, огромный человек (такой, как беременная женщина)»; 4) имена, оценивающие характер, поведение человека: *Abiringbere* «Медлительный человек; тот, кто ходит неторопливо»; 5) имена, оценивающие характер или социальный статус человека: *Aberuagba* «Тот, кто уважает старших»; 6) имена, отражающие положение и предпочтения человека: *Adifala* «Оракул будет богатым, потому что правильно предсказал будущее»; 7) имена с традиционными типами движения тона *низкий – низкий – высокий* или *высокий – низкий – высокий*: *Adigun* «Тот, кто родился хорошим и красивым»; 8) имена от названий растений, птиц, животных, ставшие фамилиями: *Ajanaku* «Слон»; 9) важные титулы, перешедшие в имена: *Araba* «Главный предсказатель, шаман на данной территории»; 10) имена, отражающие события, происходящие в семье во время рождения ребенка: *Abidogun* «Ребенок родился во время войны»; 11) имена, отражающие связь рождения ребенка с культом или национальным праздником, с историческими событиями: *Abimbese* «Мое рождение произошло, когда на нас напала саранча»; 12) имена, отражающие место рождения ребенка: *Tuyobo* «Тот, кто приехал из местности под названием Ойо»; 13) имена, отражающие семейные традиции, обстоятельства появления ребенка на свет и т. п.: *Adebayo* «Появившийся ребенок принес семье радость»; 14) имена, показывающие оценку факта рождения ребенка со стороны родителей или бабушек и дедушек: *Wuraola* «Золото нашей благородной семьи»; 15) имена, отражающие высказывание отца или деда по поводу рождения ребенка: *Iyabode* «Мать вернулась»; 16) имена, отражающие высказывание другого человека: *Akinrinso* «Герой увидел меня и убежал».

Как видим, многие семантические типы антропонимов йоруба вполне универсальны, они легко вписываются в известные ономастические модели других языков. Вместе с тем среди йорубских имен встречаются и уникальные способы имятворчества, что позволяет уточнить современную антропонимическую классификацию. Некоторые из представленных семантических типов требуют более глубокого осмысления, более детального рассмотрения: на первый взгляд, они не воспринимаются как самостоятельные, границы между разными типами не всегда четко прослеживаются.

Приведем некоторые примеры словарных статей:

Oladunsi: Oladunsi: Ola-dun-si-i: Our noble family is more delightful than before <Наше благородное семейство стало более очаровательным, чем раньше>.

Oladunsoye: Oladunsoye: Ola-dun-si-oye: Our noble family is gratifying as regards chieftaincy celebrations <Наше благородное семейство восхитительно в отношении чествования вождя племени>.

Oladuntan: Oladuntan: Ola-dun-tan: Our noble family is supremely delightful <Наше благородное семейство – самое очаровательное>.

Oladuntoye: Oladuntoye: Ola-dun-to-oye: Our noble family is as gratifying as a chieftaincy family <Наше благородное семейство восхищает так же, как семья вождя племени>.

Olaegun: Olaegun: Ola-egun: The reflected glory of our ancestors in heaven (who annually visit us in the form of masquerades) <Отражение славы наших предков в небесах (те, кто ежегодно навещают нас на празднике масок)>.

Olaewe: Olaewe: Ola-ewe: The reflected glory of medicinal charms / herbalist's medicines <Отражение славы заклинаний, имеющих целью исцелить человека/народной медицины>.

Этот словарь поможет лучше узнать мир африканского народа йоруба, увидеть его не только языковые, но этнологические особенности. Словарь представляет интерес не только для африканистов, учителей языка йоруба, африканских социологов и журналистов, представителей народа йоруба, проживающих за пределами Африки, но и для ономатологов разных стран, занимающихся построением антропонимических семантических моделей, проводящих компаративно-контрастивное исследование имен собственных, для литературоведов, изучающих произведения африканских писателей, для этнологов, историков и всех, кто интересуется культурой и традициями этого народа.

*В. И. Супрун, докт. филол. наук, проф.
кафедры общего и славяно-русского языкознания
Волгоградского госпедуниверситета,
Уде Фрайдей Эменка, преподаватель
Лагосского университета (Нигерия)*

ОБЗОРЫ

Топонимика Дагестана: становление и развитие

Одним из зачинателей научного исследования топонимии Дагестана является С. М. Хайдаков, который опубликовал по данной проблеме ряд статей, среди них «Место топонимических названий лакского языка, их структура и познавательная ценность» [1960], «Некоторые вопросы, связанные с изучением топонимии Дагестана» [1962б], Морфологическая структура и семантическая природа аульных названий Табасарана » [1965а], «Названия лакских аулов и их связь с родоплеменным делением лакского народа» [1965б], «Топонимы Арчинской языковой территории» [1969б] и др.

Структурно-морфологическому анализу лезгинских ойконимов, выявлению их основных типов (в диахроническом аспекте) и особенностей топонимической системы посвящена статья Р. И. Гайдарова «О названиях лезгинских аулов (К вопросу о топонимии лезгин)» [1963], включающая список из 252 наименований.

В 1996 г. вышла книга Р. И. Гайдарова «Введение в лезгинскую ономастику», которая, на наш взгляд, является базой для дальнейших лингвистических исследований. Работа состоит из Введения, двух частей (1. Топонимия. 2. Антропонимия) и Приложения. Во Введении автор делает обзор литературы по лезгинской ономастике и приходит к выводу, что «все они (публикации. – М. Б.) в основном этнографического порядка, ни в одной из них доказательно-научного анализа соответствующего топонима нет, а то, что сказано, к сожалению, носит явный парэтимологический отпечаток» [Гайдаров, 1996, 4]. В первой части работы «Топонимия» дается характеристика лезгинским географическим названиям по времени их появления, мотивам номинации, ареалам, принадлежности к языку и т. п., а также по структурным типам, способам и средствам образования. К монографии прилагаются «Краткий словарь ономастических терминов», «Индекс ойконимов» (212 названий по Республике Дагестан и 119 названий по Республике Азербайджан).

Вопросам истории становления и развития дагестанской ономастики посвящены работы И. Х. Абдуллаева [1965а, 1965б, 1969, 1976б]. В статье «Об исследованиях по дагестанской ономастике» [1976б] автор прослеживает пути развития антропонимии и топонимии Дагестана, более подробно останавливается на языковых особенностях отдельных видов имен собственных (антропонимы, этнонимы, ойконимы, гидронимы и оронимы). Опираясь на большой фактический материал, И. Х. Абдуллаев приходит к выводу, что «топонимическая система дагестанских языков не есть простое механическое сложение отдельных систем разных языков, хотя последние отчасти могут иметь присущие только им специфические особенности, а единая система, в которой представлены подсистемы, усложнившиеся и частично видоизменившие общедاغестанскую систему топонимических названий» [Абдуллаев, 1976б, 117]. Ряд работ этого же автора посвящен рассмотрению структурно-морфологических особенностей дагестанских (преимущественно лакских) топонимов (в том числе аульных названий, гидронимов) [см.: Абдуллаев, 1966, 1967, 1972а, 1976в, 1976г, 1978, 1980, 1981, 1986, 1990б и др.], уделяется внимание проблеме языковых контактов в ономастике [см.: Он же, 1989, 1994] и вопросам прикладной топонимии [см.: Он же, 1990а, 1991].

Систематизированный топонимический материал представлен в приложениях к двуязычным словарям апеллятивной лексики [см.: Хайдаков, 1962; Талибов, Гаджиев, 1966; Саидов, 1967; Мейланова, 1984; Халилов, 1995; 1999; Магомедова, 1999; 2003; 2004; Магомедова, Халидова, 2001; Исаков, Халилов, 2001; Ганиева, 2002; Халилов, Исаков, 2005, и др.]. В научно-популярной книге С. Д. Алиева «В помощь краеведу Дагестана» [1964] дан «Словарь географических названий». В работах Ш. И. Микаилова «Очерки аварской диалектологии» [1959], К. Ш. Микаилова «Арчинский язык» [1967], Н. К. Шириновой «Лексика будухского языка» [1997] представлены и топонимические единицы рассматриваемых языков.

Для упорядочения правописания топонимических единиц Дагестана была издана работа Л. И. Розовой «Инструкция по передаче географических названий» [1959]. В 1972 г. был издан «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Дагестанской АССР», составленный Е. Н. Бушуевой. Он подготовлен для практических целей – «как пособие при установлении единой русской транскрипции географических названий республики, при устранении всевозможных искажений и ошибок в их написании, а также при определении их языковой принадлежности, структуры и содержания. Словарь должен служить, в конечном итоге, целям унификации и стандартизации топонимов Дагестанской АССР» [Бушуева, 1972, 3]. Несмотря на то, что словарь в основном предназначается для топографов, картографов, географов, геологов, он имеет ценность и для лингвистов. В нем представлено более 700 географических терминов и других слов, характерных для топонимии Дагестана, а в качестве примеров приведено около 2 000 наименований.

Проблемные вопросы топонимии Дагестана не раз выносились на обсуждение на научных, научно-практических конференциях, симпозиумах различного уровня, включая и международные [см.: Абдуллаев, 1979; Ханмагомедов, 1997б; 1998; Гайдаров, 1998; и мн. др.]. С целью объединения усилий исследователей в становлении и развитии ономастической науки в 1971 г. в г. Махачкале был организован первый Кавказский ономастический семинар, в котором приняли участие ученые из Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Дагестана, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Краснодар и Ставрополя. «По новизне и широте поднятых проблем, по разнообразию тематики, его географии, по острой актуальности практических вопросов семинар стал большим форумом специалистов по ономастике» [Ономастика Кавказа, 1976, 4]. Материалы семинара (доклады и выступления) вышли в сборнике «Ономастика Кавказа» [1976]. «Включенные в сборник статьи, различные по своему характеру и научному уровню, отражают не только опыт, общий уровень и подготовку авторов, но и современное (тогдашнее. – М. Б.) состояние ономастической науки вообще и на Кавказе – в частности» [Там же, 5]. Наиболее полно и разнообразно в сборнике оказалась представлена топонимика; из 26 публикаций по топонимике Кавказа характеристике географических названий в дагестанских языках посвящены статьи И. Х. Абдуллаева – «Словообразовательные модели ойконимов в Дагестане», «Словообразование табасаранских названий аулов», «Еще раз к происхождению гидронима Самур», Г. Х. Ибрагимов – «К этимологии гидронима Самур», И. М. Магомедова – «Оронимы юго-западного Дагестана» и Х. Л. Ханмагомедова – «Тюркские этнонимы в топонимии Дагестана».

Второй сборник под тем же названием – «Ономастика Кавказа» был издан в 1980 г. в Орджоникидзе. В раздел «Топонимия» вошли разнообразные по тематике исследования ученых из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Еревана, Махачкалы, Краснодар, Цхинвали, Катта-Кургана и Грозного. Дагестанская топонимия представлена статьей И. Х. Абдуллаева «Названия кварталов лакских аулов» [1980].

Большая работа ведется в созданном на базе Адыгейского государственного университета Координационном центре по исследованию региональной ономастики Северного Кавказа (КЦИРОСК). На его базе проводятся регулярные (раз в два года) всероссийские научные конференции «Проблемы региональной ономастики» (о последней, пятой конференции см. на с. 140–142 наст. изд.). В них активное участие принимают и дагестанские ученые (если на четвертой конференции было представлено 7 докладов, то на пятой – уже 13).

Первым комплексным изданием исследований по антропонимике и топонимике Дагестана явился сборник «Дагестанская ономастика» [1991], где опубликована 21 статья (15 – по топонимике, 6 – по антропонимике). В них анализируются семантические, структурные, фонетические, морфологические и типологические особенности дагестанской ономастической лексики. Статьи сборника условно можно подразделить «на две группы: 1) работы, где выявляется и систематизируется ономастический инвентарь; 2) исследования, где дается классификация, общий синхронный анализ, семантическая разработка онимов, выявляется исконное и заимствованное в ономастике. Особое место здесь занимают статьи, содержащие сравнительно-этимологический подход к дагестанскому ономастическому материалу» [Там же, 3]. Достоинство сборника заключается еще и в том, что он содержит богатый фактический материал, а выводы исследователей основываются на прочном фундаменте лингвистического анализа.

Через пять лет издается второй выпуск «Дагестанской ономастики» [1996], куда вошли двадцать статей, где рассматриваются семантические и словообразовательно-морфологические особенности различных видов собственных имен в дагестанских языках. Широко представлен фактический материал по микротопонимии отдельных селений (см. статьи М. Р. Багомедова, Ф. А. Ганиевой, К. И. Гаруновой, У. У. Гасановой, М.-Ш. А. Исаева, И. Р. Рамазанова, З. М. Тагировой, А. М. Халилбековой). Истории становления ойконима *Дусрах* посвящена статья И. Х. Абдуллаева. Н. А. Звиадуров рассматривает этимологию дидойского оронима *Кидилашани*. П. А. Саидова дает характеристику чаро-белоканским географическим названиям закатальских аварцев, проживающих в Закатальском и Белоканском районах Азербайджана. Анализ лезгинской топонимической номенклатуры на территории Азербайджана посвящена статья У. А. Мейлановой, Б. Б. Талибова и Э. М. Шейхова. С. Б. Юзбекова дает структурную классификацию микротопонимов с глаголом в лезгинском языке. На основе данных исторического документа «Хроника войн Джара в XVIII столетии» М. Ч. Чеерчиев делает попытку объяснения семантики ряда топонимов и идентификации некоторых географических и этнических названий.

Исследованию топонимической лексики даргинского языка посвящена квалификационная работа М. Р. Багомедова «Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка» [2001б], которая является первой диссертацией в Дагестане по данной проблеме. Эта тема рассматривается и в других работах автора: «Структурные особенности топонимов даргинского языка» [1996], «Микротопонимы сел. Меусиша» [1998], «К вопросу о географических терминах в даргинской топонимии» [2001а], «Заимствованная лексика в даргинской топонимии» [2002а], «Показатели понятия “населенный пункт” в даргинских ойконимах» [2004], «Функционирование антропонимов в даргинской топонимии» [2006г] и др.

Исследованию топонимов, извлеченных из русскоязычных произведений, посвящена работа С. Х. Гасановой «Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе» [2003].

В кандидатской диссертации Х. И. Абдужалиловой [2006] рассматриваются топонимические единицы аварского языка.

Проблемами топонимии Дагестана занимаются также ученые, успешно работающие в других областях дагестанского языкознания. Здесь следует упомянуть работы А. А. Абдуллаева – «Двуязычие и топонимия в Дагестане» [1979] и др., З. Г. Тарланова – «Лексико-топонимические данные к этногенезу восточно-лезгинских народов» [1989], Н. Д. Сулейманова – «Микротопонимы как объект исторической географии» [1979], «Место ойконимов в континууме языка и их значение для сравнительно-исторических исследований» [1991], и др.

Влиянию языковых контактов на развитие топонимии посвящены также работы Н. С. Джидалаева «О роли показаний топонимии в практике исследования тюркско-дагестанских языковых контактов» [1982], «Тюркизмы в дагестанских языках» [1990], Т. Г. Таймасхановой «Географические названия даргинского происхождения в кумыкской топонимии» [1982], «Тюркский элемент в аварской топонимии» [1985], Н. Э. Гаджихмедова «Даргинское влияние на кайтакский диалект кумыкского языка» [1985], и др.

Проблемами дагестанской ономастики занимаются ученые не только Республики Дагестан. Так, Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, З. М. Магомедбекова, А. О. Магометов, И. Мегрелидзе, И. И. Церцвадзе и др. приводят в своих трудах ойконимы. Эти материалы ценны тем, что «в них в точной фонетической записи приводятся названия населенных пунктов, формы этих названий даются на русском и других языках» [Абдуллаев, 1976б, 10]. Подобного рода топонимический материал представлен и в работе А. А. Бокарева «Очерки грамматики чамалинского языка» [1949].

Интересный и богатый материал по топонимии Дагестана представлен и в различных исследованиях исторического и географического характера, см. работы Р. М. Магомедова, Б. Г. Алиева, М.-С. К. Умаханова, Б. И. Гаджиева, М.-З. О. Османова, А. Р. Шихсаидова, С. Ш. Гаджиевой, С. Д. Алиева, Г. И. Каймаразова, Т. М. Айтберова, М. М. Эльдарова, Д. Г. Кажлаева, Х. Л. Ханмагомедова, И. Г. Магомедова и др. Хотя в них отсутствует сугубо лингвистический анализ географических названий, они ценны тем, что приводятся различного рода историко-географические справки, а в отдельных случаях и этимологии.

Подводя итоги, можно сказать, что дагестанскими учеными сделано немало в изучении топонимии Дагестана, тем не менее, исследования по ономастике дагестанских языков заметно отстают от исследований по общим вопросам языка (фонетики, морфологии, синтаксиса). Это объясняется тем, что длительное время топонимия Дагестана оставалась без должного внимания языковедов, вплоть до второй половины XX в. не было серьезных работ с лингвистическим анализом.

В исследованиях по топонимии Дагестана отдельные топонимические факты нередко интерпретируются вне связей и закономерностей. В работах ряда авторов производится изолированный анализ микротопонимов отдельных селений. Наиболее часто преследуются цели узкорегionalного исследования, а это значит, что топонимия данной ограниченной территории не рассматривается как элемент системы с присущими ей характеристиками.

Некоторые ученые напоминают о недостаточной интенсивности и отсутствии систематического характера работы, проводимой по ономастике. Особую тревогу вызывает состояние незафиксированного материала, возможность безвозвратной потери ценнейших материалов не устранена. В силу различных обстоятельств во второй половине XX в. наблюдался процесс переселения горцев на равнинную часть республики, в результате чего десятки селений опустели. В последнее время, особенно в горной части Дагестана, наблюдается уменьшение населения, занимающегося земледелием и скотоводством, что в результате влияет на употребление в речи микротопонимов. Ими чаще всего пользуются люди старшего поколения.

Географические названия Дагестана весьма разнообразны как по времени появления, так и по связям с этнолингварными коллективами. Подчиняясь общезыковому и диалектным нормам, топонимическая система языка отражает динамику изменения географических названий и одновременно сохраняет древние фонетические, морфологические и деривационные особенности. Сбор и последующее изучение топонимических единиц на территории Дагестана имеют значение как в собственно лингвистическом отношении, так и с точки зрения лингвоэтноэкологии.

Абдулжалилова Х. И. Структурные типы аварских топонимов // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. 3. Махачкала, 2005. С. 9–11.

Абдулжалилова Х. И. Аварская топонимия: структурно-семантический аспект: Дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Абдуллаев А. А. О необъяснимых топонимах // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Вып. 10. Махачкала, 1978а. С. 12–14.

Абдуллаев А. А. Социолингвистический аспект топонимики // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Вып. 11. Махачкала, 1978б. С. 117–118.

- Абдуллаев А. А.* Двухязычие и топонимия в Дагестане // Тез. докл. конф., посвящ. 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. 12. Махачкала, 1979. С. 110–112.
- Абдуллаев И. Х.* Аннотация к топонимике Дагестана. 1964. Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 158/3452.
- Абдуллаев И. Х.* Некоторые выводы и итоги изучения дагестанской топонимики. 1965а. Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 190/3663.
- Абдуллаев И. Х.* Некоторые итоги изучения дагестанской топонимии // Тез. докл. науч. сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965б. С. 75–77.
- Абдуллаев И. Х.* Структурно-морфологические особенности дагестанских аульных названий. 1966. Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 191/3651.
- Абдуллаев И. Х.* Топонимика Дагестана. 1967. Рукоп. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 202/3842.
- Абдуллаев И. Х.* Некоторые итоги изучения дагестанской топонимики // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С. 156–161.
- Абдуллаев И. Х.* Об одной группе лакских аульных названий // Тр. Тбилис. ун-та. Тбилиси, 1972а. С. 13–20.
- Абдуллаев И. Х.* Опыт анализа лакской этнонимии // Сб. ст. по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972б. С. 151–187.
- Абдуллаев И. Х.* Еще раз к происхождению гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976а. С. 120–133.
- Абдуллаев И. Х.* Об исследованиях по дагестанской ономастике // Языки Дагестана. Вып. 3. Сб. ст., посвящ. 50-летию Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1976б. С. 105–120.
- Абдуллаев И. Х.* Словообразование табасаранских названий аулов // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976в. С. 33–41.
- Абдуллаев И. Х.* Словообразовательные модели ойконимов в Дагестане // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976г. С. 20–32.
- Абдуллаев И. Х.* К характеристике лакских географических названий // Тез. науч. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Вып. 11. Махачкала, 1978. С. 111–113.
- Абдуллаев И. Х.* Названия кварталов лакских аулов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 84–99.
- Абдуллаев И. Х.* Словообразовательные особенности лакских гидронимов // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Вып. 12. Махачкала, 1981. С. 86–87.
- Абдуллаев И. Х.* К характеристике лакских тухумных имен // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1985. С. 70–71.
- Абдуллаев И. Х.* К истории некоторых словообразовательных моделей лакских географических названий // Вопр. словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С. 83–90.
- Абдуллаев И. Х.* Языковые контакты и дагестанская топонимия // Использование топонимического материала в краеведческой работе (рекомендации). Махачкала, 1989. С. 8–10.
- Абдуллаев И. Х.* Передача иноязычных топонимов на лакский язык // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований Дагестанского филиала ГО СССР за 1989 г. Махачкала, 1990а. С. 83–85.
- Абдуллаев И. Х.* Суффиксы имен места в лакском языке // Выражение пространственных отношений в дагестанских языках. Махачкала, 1990б. С. 22–33.
- Абдуллаев И. Х.* Дагестанская ойконимия и прикладная топонимика // Сб. материалов второй Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры». Вып. 1. М., 1991. С. 20.
- Абдуллаев И. Х.* Аварско-лакские топонимические связи // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. Махачкала, 1994. С. 85.
- Абдуллаев И. Х.* К истории ойконима Дусрах // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 5–13.

- Алиев С. Д. В помощь краеведу Дагестана. Махачкала, 1964.
- Априонидзе Ш. Т. Из грузинской ономастической литературы // Ономастика Востока. М., 1980. С. 277–282.
- Багомедов М. Р. К вопросу о переименовании названий географических объектов (на материале микротопонимов с. Меусиша Дахадаевского района) // Тез. докл. конф. по итогам географических исследований в Дагестана. Вып. 21. Махачкала, 1993. С. 96–97.
- Багомедов М. Р. Структурные особенности топонимов даргинского языка (на материале муиринского диалекта) // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 38–45.
- Багомедов М. Р. Микротопонимы сел. Меусиша // История и география Дагестана: Тр. преподавателей. Вып. 3. Махачкала, 1998. С. 60–62.
- Багомедов М. Р. К вопросу о географических терминах в даргинской топонимии // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. Махачкала, 2001а. С. 40–42.
- Багомедов М. Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка: Дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2001б.
- Багомедов М. Р. Формы латива в даргинской топонимии // Материалы регион. науч. конф., посвящ. 70-летию ДГУ «Актуальные проблемы синхронного, диахронного и контактного анализа языков Дагестана и Северного Кавказа на пороге третьего тысячелетия». Махачкала, 2001в. С. 31–32.
- Багомедов М. Р. Заимствованная лексика в даргинской топонимии // Проблемы региональной ономастики: Материалы 3-й межвуз. науч. конф. Майкоп, 2002а. С. 24–25.
- Багомедов М. Р. Формирование топонимических единиц даргинского языка на базе аппеллятивной лексики // Проблемы региональной ономастики: Материалы 3-й межвуз. науч. конф. Майкоп, 2002б. С. 25–27.
- Багомедов М. Р. Показатели понятия «населенный пункт» в даргинских ойконимах // Проблемы региональной ономастики: Материалы 4-й Всерос. науч. конф. Майкоп, 2004. С. 33–34.
- Багомедов М. Р. О функционировании русизмов в топонимических единицах даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 6. Махачкала, 2005. С. 94–96.
- Багомедов М. Р. Даргинские топонимические единицы с генитивным определением // Вопр. типологии русского и дагестанских языков. Вып. 2. Махачкала, 2006а. С. 14–16.
- Багомедов М. Р. Имена прилагательные в микротопонимах даргинского языка // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: Материалы межвуз. науч. конф. Вып. 2. Махачкала, 2006б. С. 92–93.
- Багомедов М. Р. О роли и месте простых микротопонимов в даргинской топонимической системе // Вопр. типологии русского и дагестанских языков. Вып. 1. Махачкала, 2006в. С. 65–69.
- Багомедов М. Р. Функционирование антропонимов в даргинской топонимии // Проблемы региональной ономастики: Материалы V Всерос. науч. конф. Майкоп, 2006г. С. 120–123.
- Багомедов М. Р. Даргинская ономастика: Указатель литературы. Махачкала, 2007а.
- Багомедов М. Р. Исторические и географические труды – источники экстралингвистической информации по топонимии Дагестана // Современные проблемы кавказского языкознания. Вып. 7. Махачкала, 2007б. С. 59–61.
- Багомедов М. Р. К этнолингвистическому анализу микротопонимии Субхтимахи // Современные проблемы кавказского языкознания. Вып. 7. Махачкала, 2007в. С. 62–67.
- Багомедов М. Р. Ономастикон рукописи Магомедшапигаджи Меусишинского «Шейх из Мега» // Вопр. дагестанских языков и литератур. Вып. 5. Махачкала, 2007г. С. 157–159.
- Багомедов М. Р. Топоосновы гидронимов даргинского языка // Контенсивная типология естественных языков: Материалы междунар. науч.-практ. конф. языковедов. Махачкала, 2007д. С. 84–86.
- Багомедов М. Р. Этнолингвистический анализ ойконимов Дагестана (на материале даргинского языка) // Междунар. науч. конф. «Языки Кавказа». Германия, Лейпциг. 2007е. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.eva/mpg.de>.

- Багомедов М. Р., Ахмедова З. Г. О функционировании географических терминов в топонимической системе губденского говора даргинского языка // Изучение языка, фольклора и литературы народов Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: Материалы межвуз. науч. конф. Вып. 3. Махачкала, 2007а. С. 103–106.
- Багомедов М. Р., Ахмедова З. Г. Семантика топонимических единиц губденского говора даргинского языка // Вопр. типологии русского и дагестанских языков. Вып. 3. Махачкала, 2007б.
- Бокарев А. А. Очерки грамматики чамалинского языка. М.; Л., 1949.
- Булатова А. Г., Булатов А. О. О некоторых древних топонимах селения Кумух Лакского района // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований Дагестанского филиала ГО СССР за 1989 г. Вып. 19. Махачкала, 1990. С. 76–77.
- Бушуева Е. Н. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Дагестанской АССР. М., 1972.
- Габуния З. М. К методике ономастических исследований П. К. Услара // Материалы науч. конф. «Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания», посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Б. Х. Балкарова. Нальчик, 1997. С. 79–83.
- Гаджихамедов Н. Э. Даргинское влияние на кайтакский диалект кумыкского языка // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 115–127.
- Гайдаров Р. И. Введение в лезгинскую ономастику. Махачкала, 1996.
- Гайдаров Р. И. О некоторых древних традициях номинации географических объектов // Тез. докл. IX Междунар. colloquium Европейского общества кавказоведов, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А. С. Чикобава. Махачкала, 1998. С. 107–108.
- Ганиева Ф. А. К характеристике микропонимов хиналугцев // Дагестанская ономастика. Вып. 1. Махачкала, 1991. С. 88–93.
- Ганиева Ф. А. Микропонимия хиналугцев // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 58–66.
- Ганиева Ф. А. Хиналугско-русский словарь. Махачкала, 2002.
- Гарунова К. И. Микропонимия с. Ругуджа Гунибского района // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 14–18.
- Гасанова С. Х. Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.
- Гасанова У. У. Микропонимика с. Шиляги // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 45–47.
- Гасанов М. Р. Из топонимии Табасарана // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований Дагестанского филиала ГО СССР за 1989 г. Вып. 19. Махачкала, 1990. С. 80–81.
- Гюльмагомедов А. Г., Гюльмагомедов Г. А. Структурно-семантические типы современных топонимических названий лезгин // Тез. I Междунар. конгресса 11–14 сентября 1996 г. Симпозиум 2. «Языковая ситуация в современном мире: междисциплинарный анализ глобальной и региональной проблематики». Ч. 2. Пятигорск, 1996. С. 129–131.
- Дагестанская ономастика. Материалы и исследования / Сост. Т. Г. Таймасханова. Махачкала, 1991.
- Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Вып. 2 / Сост. Т. Г. Таймасханова, З. М. Тагирова. Махачкала, 1996.
- Джамалов Ф. Р. Этимология некоторых топонимов агульского языка // Материалы науч. конф. «Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания», посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Б. Х. Балкарова. Нальчик, 1997. С. 106–107.
- Джидалаев Н. С. О роли показаний топонимии в практике исследования тюркско-дагестанских языковых контактов // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. С. 116–130.
- Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990.
- Загиров З. М. К вопросу о топонимике табасаранских населенных пунктов // Тез. докл. IX Междунар. colloquium Европейского общества кавказоведов, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А. С. Чикобава. Махачкала, 1998. С. 133–134.

- Звиадури Н. А.* К этимологии одного дагестанского топонима «Кидилашани» // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 19–21.
- Ибрагимов Г. Х.* Названия цахурских и рутульских аулов // Сб. ст. по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972. С. 136–144.
- Ибрагимов Г. Х.* К этимологии гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 113–118.
- Исаев М.-Ш. А.* Микротопонимия аула Мекеги // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 48–58.
- Исаков И. А., Халилов М. Ш.* Гунзибско-русский словарь. М., 2001.
- Кадыраджиев К. С.* Географическая локализация и генезис этнотопонима Эндер // Тез. докл. к конф., посвящ. 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. 12. Махачкала, 1979. С. 116–117.
- Кадыраджиев К. С.* К этимологии некоторых кумыкских топонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 122–125.
- Кадыраджиев К. С.* Булгарский ономастикон Дагестана // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985а. С. 95–105.
- Кадыраджиев К. С.* Кумыкская топонимия в генетическом аспекте // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1985б. С. 68–70.
- Каландаров М. И.* О значениях некоторых топонимов аула Балхар // Тез. докл. к конф., посвящ. 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. 12. Махачкала, 1979. С. 110.
- Магомедов И. Г.* Оронимы юго-западного Дагестана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 156–160.
- Магомедов М. А.* Классификация микротопонимов с. Арадерих с точки зрения их происхождения // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 124.
- Магомедов М. А.* Микротопонимика и значение ее изучения в школе (на материале с. Арадерих) // Проблемы совершенствования обучения и воспитания в общеобразовательных учреждениях Республики Дагестан. Ч. 1. Махачкала, 1993. С. 29–30.
- Магомедов М. А.* Об одном явлении в топонимии аварцев // Тез. докл. IX Междунар. коллоквиума Европейского общества кавказоведов, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А. С. Чикобава. Махачкала, 1998. С. 170–171.
- Магомедова П. Т.* Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999.
- Магомедова П. Т.* Тиндинско-русский словарь. Махачкала, 2003.
- Магомедова П. Т.* Багвалинско-русский словарь. Махачкала, 2004.
- Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш.* Каратинско-русский словарь. Махачкала, 2001.
- Мейланова У. А.* Будухско-русский словарь. М., 1984.
- Мейланова У. А., Талибов Б. Б., Шейхов Э. М.* Структурно-морфологическая характеристика лезгинской топонимической номенклатуры на территории Азербайджана // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 67–72.
- Микаилов К. Ш.* Арчинский язык. Махачкала, 1967.
- Микаилов К. Ш.* Из теории и практики ономастической науки в Дагестане // Тез. докл. науч. сессии «Перестройка и гуманитарные науки в Дагестане». 1988. С. 90–93.
- Микаилов К. Ш.* Дагестан – заповедник ономастики // Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры». М., 1989. С. 53–54.
- Микаилов Ш. И.* Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959.
- Никонов В. А.* Проблемы и ошибки // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 183–189.
- Ономастика Кавказа / Отв. ред. В. С. Никонов. Махачкала, 1976.
- Ономастика Кавказа / Под ред. Т. А. Гуриева, Б. Р. Логашова, В. А. Никонова. Орджоникидзе, 1980.
- Рамазанов И. Р.* Микротопонимия с. Хашархота // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 21–26.
- Розова Л. И.* Инструкция по передаче географических названий на картах географических названий Дагестанской АССР. М., 1959.

- Саидов М. Д. Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Саидова П. А. К характеристике чаро-белоканских топонимических названий // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 27–31.
- Сулейманов Н. Д. Микротопонимы как объект исторической географии // Тез. докл. к конф., посвящ. 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. 12. Махачкала, 1979. С. 115–116.
- Сулейманов Н. Д. Место ойконимов в континууме языка и их значение для сравнительно-исторических исследований // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1991. С. 73–76.
- Тагирова З. М. Микротопонимы сел Аймаки, Гергебиль, Кикунь // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 31–33.
- Таймасханова Т. Г. Географические названия даргинского происхождения в кумыкской топонимии // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. С. 131–135.
- Таймасханова Т. Г. Тюркский элемент в аварской топонимии (на материале Салатавского диалекта) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 106–114.
- Тарланов З. Г. Лексико-топонимические данные к этногенезу восточнолезгинских народов // Сов. этнография. 1989. № 4. С. 113–120.
- Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- Темирбулатова С. М. К вопросу о микротопонимах в хайдакском диалекте даргинского языка // Десятая регион. науч. сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Грозный, 1983а. С. 61–62.
- Темирбулатова С. М. Микротопонимия сел Санчи // Проблемы лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей: Тез. докл. регион. науч. сессии. Нальчик, 1983б. С. 73–78.
- Темирбулатова С. М. Из хайдакской микротопонимии // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1991. С. 57–64.
- Хайдаков С. М. Место топонимических названий лакского языка, их структура и познавательная ценность. М., 1960. С. 462–470.
- Хайдаков С. М. Лакско-русский словарь. М., 1962а.
- Хайдаков С. М. Некоторые вопросы, связанные с изучением топонимики Дагестана // Топонимика Востока. М., 1962б. С. 110–114.
- Хайдаков С. М. Глагол в лакских топонимах // Топонимика Востока. М., 1964. С. 203–204.
- Хайдаков С. М. Морфологическая структура и семантическая природа аульных названий Табасарана // Тез. докл. Всесоюз. конф. по топонимике СССР. М., 1965а. С. 92–100.
- Хайдаков С. М. Названия лакских аулов и их связь с родоплеменным делением лакского народа // Питання ономастики. Киев, 1965б. С. 86–91.
- Хайдаков С. М. Особенности аульных названий Чамали // Вопр. географии. Вып. 70. М., 1966. С. 147–148.
- Хайдаков С. М. Первый компонент лакских топонимов // Ономастика. М., 1969а. С. 214–215.
- Хайдаков С. М. Топонимы Арчинской языковой территории // Топонимика Востока. М., 1969б. С. 132–135.
- Хайдаков С. М. Фамильные имена, образованные от топонимов и нарицательных слов (на материале лакского языка) // Этнография имен. М., 1971. С. 103–104.
- Хайдаков С. М. Семантическая природа и познавательная ценность некоторых топонимов аварского языка // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 178–179.
- Халилбекова А. М. Микротопонимия Ботлиха (материалы) // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 34–38.
- Халилов М. Ш. Бежтинские топонимы для обозначения Грузии // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1981. С. 88–90.
- Халилов М. Ш. Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995.
- Халилов М. Ш. Цезско-русский словарь. Махачкала, 1999.
- Халилов М. Ш., Исаков И. А. Гинухско-русский словарь. Махачкала, 2005.

- Ханмагомедов Х. Л.* Тюркские этнонимы в топонимии Дагестана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 193–198.
- Ханмагомедов Х. Л.* Топонимия Дагестана в трудах В. В. Бартольда как историко-географический источник // Материалы VII Всерос. заоч. науч. конф. «Актуальные вопросы отечественной историографии». СПб., 1997а. С. 100–101.
- Ханмагомедов Х. Л.* Тюркские топонимические термины Северного Кавказа и их отражение в кавказских языках как этноязыковой и лингвогеографический факт. 1997б.
- Ханмагомедов Х. Л.* Влияние географической среды и этноязыкового состава на возникновение и формирование топонимии Дагестана как проблема этноэкологической топонимики и лингвистической географии // Тез. докл. IX Междунар. colloквиума Европейского общества кавказоведов, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А. С. Чикобава. Махачкала, 1998а. С. 171–173.
- Ханмагомедов Х. Л.* Дагестанско-грузинские ономастические контакты // Материалы Междунар. симп., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А. С. Чикобава. Тбилиси, 1998б. С. 239–241.
- Чеерчиев М. Ч.* Некоторые топонимы и этнонимы Дагестана XVIII века. (По данным «Хроники войн Джара в XVIII столетии») // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 81–87.
- Ширинова Н. К.* Лексика будухского языка: Дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997.
- Юзбекова С. Б.* Структурная классификация микропонимов с глаголом в лезгинском языке // Дагестанская ономастика. Вып. 2. Махачкала, 1996. С. 72–75.

М. Р. Багомедов, канд. филол. наук,
доц. кафедры дагестанских языков
Дагестанского госуниверситета
(Махачкала)

НОВЫЕ КНИГИ

Вязовская В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне». – Воронеж: Научная книга, 2007. – 174 с.

Монография представляет собой комплексное описание ономастической системы указанного в названии романа. В первой главе, следующей после небольшого введения, дается очерк развития литературной ономастики и обзор отечественных ономастических работ, посвященных творчеству Н. С. Лескова. Во второй главе автор на основании художественных и публицистических произведений Н. С. Лескова, его писем, записных книжек, воспоминаний современников показывает внимательное отношение писателя к имени, к русскому ономастическому фонду и к роли имени в художественном произведении. Третья глава посвящена анализу ономастикона романа «Соборяне»; материал сгруппирован в четыре раздела: антропонимы главных персонажей, антропонимы второстепенных персонажей, антропонимы внесценических персонажей, культурно-исторический фон. В последнем разделе наряду с антропонимами рассматриваются имена иных ономастических разрядов. В заключении еще раз отмечается системность антропонимических единиц в романе и подчеркивается репрезентативность данного романа для всего творчества Н. С. Лескова. Список литературы насчитывает более 200 позиций, после которого приводится указатель онимов.

С. О. Горяев

Парфенова Н. Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). – М.: Издательский дом «Синергия», 2005. – 480 с.

Словарь основан на многочисленных архивных материалах, извлеченных из различных источников, относящихся к территории Зауралья: дозорных и переписных книг, ревизских сказок, различных росписей, окладных книг, крестоприводных книг, челобитных разных видов, рукоприкладных подписей, таможенных, вкладных и метрических книг. Обращение к памятникам разных жанров деловой письменности, созданных на территории Зауралья в конце XVI–XVIII вв. и хранящихся в архивных фондах Москвы, Тюмени, Тобольска, Шадринска, Санкт-Петербурга (некоторые памятники письменности XVII–XVIII вв. опубликованы), позволило автору собрать обширный свод антропонимов и представить в словаре около 3 000 зауральских фамилий и их вариантов. В словаре хорошо показана региональная специфика рассматриваемых фамилий и в то же время их неразрывное единство с общерусским антропонимиконном.

* Аннотации составлены сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург): докт. филол. наук *Т. Н. Дмитриевой*, канд. филол. наук *С. О. Горяевым*, канд. филол. наук *Ю. А. Кривошаповой*, магистранткой *А. А. Макаровой*.

Учитывая предшествующие достижения исследователей русских фамилий, опираясь на существующие этимологические, исторические и диалектные словари, Н. Н. Парфенова интерпретирует представленные фамилии с точки зрения их истории, этимологии, семантики и структуры, распространенности и социальной престижности.

Ценность словаря многогранна и состоит не только в этимологизации фамилий зауральского населения XVI–XVIII вв. Антропонимы, извлеченные из деловых текстов, отражают языковые контакты (наиболее ярко они проявляются в фамилиях тюркского происхождения), передают особенности живой разговорной речи, в том числе и диалектного характера. Многие прозвища, ставшие базой для образования фамилий, содержат диалектизмы, среди которых многочисленны лексемы субъектно-оценочного характера, не представленные в памятниках письменности, в том числе в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», или же они фиксируются с более поздней датировкой.

Словарь представляет научный и практический интерес для специалистов в области ономастики, лексикологии, истории русского языка и диалектологии, для преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических и исторических факультетов.

Т. Н. Дмитриева

Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: Учеб. пособие. – Пермь: Перм. ун-т, 2006. 256 с.

Учебное пособие Е. Н. Поляковой является приложением к курсу «Региональная лексикология и ономастика», который читается на филологическом факультете Пермского государственного университета. На материале памятников письменности XVI–XXI вв. и живой речи (говоров, городской речи) XX–XXI вв. Пермского региона, охватывающего Верхнее и Среднее Прикамье (Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ), рассматриваются проблемы русской современной и исторической лексикологии и ономастики. В книге затрагиваются вопросы лингвистического краеведения: заселение региона и формирование на его территории русских говоров, состав ономастики края, происхождение и история отдельных лексем и онимов и пр. Пособие включает программу курса (с указанием рекомендуемой литературы), список тем для самостоятельной работы студентов и материалы для ее выполнения.

Ю. А. Кривошапова

Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. – Москва: ОГИ, 2007. – 120 с.

«Ономастикон восточнославянских загадок» А. В. Юдина представляет собой этнолингвистический словарь имен собственных, встречающихся в текстах русских, белорусских и украинских загадок. Собранный и систематизированный автором материал подается в виде словарных статей, которые расположены по идеографическому принципу (например, «Человек», «Дом и его части», «Предметы быта») и включают как имена, выступающие в функции заместительных номинаций, так и те, которые данной функции не выполняют (чаще всего это топонимы). В статьях приводятся контексты употребления имен, а также комментарии автора (этимологические гипотезы, культурные параллели и пр.). Книга содержит алфавитный указатель имен. Словарь предназначен для этнолингвистов и фольклористов, а также широкого круга читателей, интересующихся традиционной культурой восточных славян.

Ю. А. Кривошапова

Вербиц С. О. Гідронімія басейну Верхнього Дністра: Етимологічний словник-довідник. – Київ: Університетське видавництво ПУЛЬСАРИ, 2007. – 118 с.

Этимологический словарь-справочник «Гидронимия бассейна Верхнего Днестра» содержит названия проточных водоемов бассейна Верхнего Днестра (территория Львовской области, до впадения р. Стрий). Бассейн Верхнего Днестра – один из наиболее архаичных в этническом, языковом и культурном плане восточнославянских регионов, поэтому системное этимологическое исследование данного региона имеет огромное значение для изучения проблемы глоттогенеза восточных славян.

Основными источниками материала стали «Словник гідронімів України» (Киев, 1979), Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины, топографические карты Львовской области и «Słownik geograficzny Królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich». Кроме того, словарь включает ономастические материалы, собранные в 1995–1996 гг. в ходе опроса местного населения, а также данные лексикографических и письменных источников, топографических карт.

Словарь построен по алфавитному принципу. Для каждого гидронима указывается местоположение называемого объекта и приводится ссылка на источник материала. В статье анализируется структура и семантика гидронима, проясняется мотивационная семантика основы, производится этимологический анализ. При необходимости приводятся аналогичные топонимы (как на территории Украины, так и за ее пределами) и параллели из славянских языков. Словарь снабжен алфавитным указателем, включающим формы гидронимов как в кириллической, так и в латинской графике.

Словарь рассчитан на лингвистов, историков и специалистов в области ономастики и этимологии.

А. А. Макарова

Кръстев Б. Топонимията на Преславско. – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2005. – 296 с.

Работа посвящена топонимам бывшей Преславской «околии» (территории, сейчас входящей в состав Шуменского округа Болгарии), как полученным в результате полевого сбора материала, так и извлеченным из архивных источников. В первой главе монографии приводится географический и исторический очерк всего региона и каждого из 32 населенных пунктов с указанием типичных для их окрестностей топонимов, производных от названия населенного пункта наименований жителей. Во второй главе описываются языковые особенности топонимов в Преславско – проявление диалектных черт в фонетике, структурные и синтаксические особенности (включая использование артикля), лексическая специфика (например, автором выделяются топонимы, производные от вышедшей из употребления лексики). Третья глава представляет семантическую классификацию топонимов (автор различает три больших массива материала – гидронимию, оронимию и «равнинные» топонимы, относя к последним и ойконимы). В этой же главе рассматривается географическая терминология в составе преславских топонимов (114 лексем). Четвертая глава содержит выводы по теоретической части работы. Пятая глава представляет собой словарь топонимов, который насчитывает около 2 500 статей. Работа дополнена списком информантов, составленным с учетом административного деления районов. Список литературы содержит 239 позиций. В небольшом приложении представлен различный иллюстративный материал: карты, фотографии археологических раскопок, фрагменты рукописи 1887 г. с описанием местности около села Върбица (*Върбица*).

С. О. Горьев

Димитрова-Тодорова Л. Местните имена в Поповско. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2006. – 694 с.

Книга издана под грифом Болгарской академии наук (Институт болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина) и посвящена топонимам бывшей Поповской «околии» (территории на северо-востоке Болгарии). Материал для монографии был собран топонимическими экспедициями (автор подчеркивает, что каждый из 51 населенного пункта был обследован ею лично), а также путем анализа архивных источников.

В первой главе дается историко-географический очерк как всего региона, так и каждого населенного пункта в отдельности. В разделах этой главы, посвященных отдельным населенным пунктам, приводятся кроме историко-географических материалов (начиная во многих случаях от археологически засвидетельствованных стоянок древних людей) и собственно филологические данные – названия жителей, фамилии семейств местных жителей (с указанием этнической принадлежности последних); отмечается, зафиксировано ли в Болгарии подобное наименование села, приводится список топонимов, собранных в окрестностях, при этом автор отдельно указывает количество турецких названий и названий, образованных от турецких слов с помощью болгарских формантов.

Вторая глава работы, весьма объемная, посвящена очень подробному анализу языковых особенностей топонимов данного региона. Прежде всего, автор выделяет болгарские и иноязычные по происхождению имена. Болгарские по происхождению названия анализируются с точки зрения их фонетических, словообразовательных, лексических особенностей; иноязычные названия классифицируются по языку-источнику. Для имен османо-турецкого происхождения так же, как и для собственно болгарских, указываются их языковые особенности. Отдельно говорится также о гибридных болгарско-турецких топонимах, о кальках и полукальках.

Третья глава представляет классификацию топонимов с мотивационной точки зрения и делится на три крупных раздела: названия мест, гидронимы и ойконимы. В этой же главе дается заключение всей теоретической части работы.

Четвертая глава представляет собой словарь топонимов, содержащий 7 064 названия, для большинства которых приводится транскрипция.

Работа дополнена списком информантов, составленным с учетом административного деления районов. В двух приложениях отмечены населенные пункты, которые в современном административном делении не относятся к Поповской околии, и ойконимы, которые были отмечены в источниках XV–XIX вв. Список литературы составляет 27 стр. (более 500 позиций) К работе также прилагаются карты: административная карта Поповской околии, карта, иллюстрирующая этнический состав региона, и карта административного деления Болгарии с указанием районов, топонимия которых уже изучена, а результаты изучения изданы.

Данная работа, на наш взгляд интересна не только содержательной, но и методологической стороной. Подробные комментарии и теоретические обоснования позволяют читателю наглядно представить принятую в болгарской лингвистической науке методику работы с топонимическим материалом.

С. О. Горяев

Raszewska-Żurek B. Kształtowanie się nazwisk równych imionom w Polsce (wiek XII–XVI). – Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2006. [Рашевска-Журеке Б. Формирование польских фамилий, образованных от личных имен (XII–XVI вв.).]

Книга посвящена анализу польских антропонимов, состоящих из двух личных имен. В исследовании, охватывающем временной период с первой половины XII до конца XVI в., представлена типология антропонимических конструкторов типа «имя + имя». Среди них выделяются антропонимы с христианским именем на второй позиции (*Spytek Jordan*) и/или со сла-

вянским именем (*Stanislaw Bogdan*). Автор уделяет пристальное внимание генезису и статистике подобных онимов, процессу трансформации одного из имен в часть фамилии, а также задается вопросом о социальном статусе носителей таких антропонимов. Монография содержит индекс имен.

Ю. А. Кривошапова

Slownik pomístních jmen v Čechách. I. A / Pod ved. Jany Matúšové. – Praha: Academia, 2005. – 109 s.; II. B-Bau / Pod ved. Jany Matúšové. – Praha: Academia, 2006. – 168 s.; III. Bav-Bíd / Pod ved. Jany Matúšové. – Praha: Academia, 2007. – 184 s.

«Словарь географических названий Чехии» под редакцией Яны Матюшовой задуман как многотомное издание, осуществляемое в рамках проекта по полному описанию топонимов Чехии. Изданию словаря предшествовало создание электронной базы по данным полевых исследований второй половины XX в. и письменных источников (исторические документы, топонимические словари, списки населенных мест). В 2000 г. был издан пробный выпуск, содержащий описание принципов словаря и включающий примеры словарных статей. Общий объем словаря составит около 45 000 статей.

Словарная статья включает следующие разделы: 1) заглавный топоним, сведения о его распространенности на территории Чехии, грамматическая и ареальная характеристика (привязка обозначаемых топонимом объектов к населенным пунктам или отсылка к карте), примеры конкретных топонимов; 2) виды объектов (поле, луг, лес, ручей и т. д.), к которым прилагается топоним, с указанием частотности для каждого вида объекта; 3) происхождение топонима, мотив номинации (для апеллятивов) или способ образования (для имен собственных); 4) ойконимы (названия деревень и их частей), связанные с заглавным топонимом; 5) топонимические дериваты заглавного имени. Все словарные статьи с шестью и более фиксациями топонима снабжены картами, отражающими географическое расположение объектов.

А. А. Макарова

Onomastica Uralica. 3. Settlement Names in the Uralian Languages. – Debrecen; Helsinki: Vider Plusz Bt., 2005. – 182 p.

Основное назначение серии «Onomastica Uralica», издаваемой Институтом венгерского языкознания Дебреценского университета и Центром исследования языков Финляндии (*Kotimaisten kielten tutkimuskeskus*) в Хельсинки, – отразить современное состояние исследований ономастики уральских языков. Уже вышло два выпуска: первый содержит библиографию работ (Onomastica Uralica. 1a. Selected Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages. – Debrecen; Helsinki, 2001. – 241 p.; Onomastica Uralica. 1b. Selected Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages. – Debrecen; Helsinki, 2001. – 469 p.; Onomastica Uralica. 1c. Hungarian Onomastics in Onoma. – Debrecen; Helsinki, 2002. – 289 p.); второй посвящен истории изучения топонимии (Onomastica Uralica. 2. History of the Study of Toponyms in the Uralian Languages. – Debrecen-Helsinki, 2002. – 275 p.). Цель третьего тома – синхронное и диахронное описание систем названий поселений в отдельных уральских языках.

Финно-угорская ономастика в третьем выпуске представлена именами ученых из России, Венгрии, Финляндии и Эстонии. Статья *L. Lehtikainen* (Хельсинки) посвящена способам образования финских названий домов, особое внимание уделяется описанию их связи с финскими фамилиями. Статья *M. Kalasmaa* (Таллинн) представляет эстонские названия поселений с точки зрения принципов номинации и структурных моделей. Статья *И. И. Муллонен* (Петрозаводск) посвящена анализу структурных и семантических особенностей вепсской ойконимии. Объект анализа *Г. М. Керта* (Петрозаводск) – названия саамских поселений на Кольском полуострове с точки зрения способов образования и адаптации русским языком. *Н. Н. Мамонтова* (Петрозаводск) освещает проблемы отражения карельской ойкони-

мии в официальных документах. *S. Maticsák* (Дебрецен) рассматривает структурные и семантические типы мордовских названий поселений с точки зрения структуры, происхождения и функционирования. Описание ойконимии мордовского Заволжья представлено в статье *Д. Цыганкина* (Саранск), освещаются вопросы иноязычных влияний, семантической и словообразовательной типологии ойконимов. Статья *А. Г. Мусанова* (Сыктывкар) посвящена исследованию апеллятивов, обозначающих виды и типы поселений в топонимии Коми, для каждого апеллятива приводится этимология и список топонимов, включающих данный апеллятив. Структурная и семантическая типология удмуртских ойконимов предложена в статье *Л. Е. Кирилловой* (Ижевск). *G. Kristó* (Szeged) рассматривает традиции номинации венгерских поселений в эпоху Арпадов. В статье *V. Tóth* (Дебрецен) представлено описание венгерской ойконимии в аспекте исторических изменений формы и значения. Системы коррелятивных названий в венгерской ойконимии на материале исторических источников исследует *A. Bölcskei* (Будапешт).

А. А. Макарова

Kremer L., Ronnenberger-Sibold E. (Ed.). Name in commerce and industry: past and present. – Berlin: Logos Verlag, 2007. – 433 p. [Имя в коммерции и промышленности / Под ред. Л. Кремера и Э. Ронненбергер-Зибольд]

Сборник статей составлен, в основном, по результатам конференции «Имя в экономике и экономической истории» (Антверпен, июнь 2006, см. обзор в «Вопросах ономастики». 2007. № 4). Все статьи сборника так или иначе касаются ономастической проблематики в ее связи с экономической деятельностью. Материалы поделены на четыре раздела: 1. Теоретические и юридические перспективы; 2. Названия товаров; 3. Названия фирм; 4. Имя в экономической истории. В сборник включены статьи на английском, немецком и французском языках, предисловие, аннотации к статьям – на английском языке.

С. О. Горяев

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Украинский ономастический журнал «Λογος όνομαστική» («Ономастические науки»)

Идея специализированного ономастического журнала с международным статусом неоднократно обсуждалась на Всеукраинских ономастических конференциях. Решение о его учреждении было принято в Святогорске (Донецкая обл.), где 13–16 октября 2005 г. проходила одиннадцатая Всеукраинская (первая международная) ономастическая конференция «Традиционное и новое в изучении собственных имен». Резолюцию конференции воплотили в жизнь несколько центров ономастических исследований, объединенных в Донецкую ономастическую школу (руководитель – Е. С. Отин), и отдел ономастики Института украинского языка НАН Украины (руководитель – В. П. Шульгач). Первый номер журнала вышел в свет в самом начале 2007 г. (хотя на обложке значится 2006 г.), второй номер в настоящее время находится в печати, готовится к публикации третий номер, выход которого запланирован на весну 2008 г.¹

История развития ономастических исследований на Украине – тема особого разговора, поэтому, ограничившись констатацией одного общеизвестного факта, обратимся непосредственно к концепции журнала, к целям и задачам, решать которые предполагается на его страницах. В 1950–1960-е гг. на Украине, практически одновременно с ономастическими исследованиями в послевоенной Европе, в нескольких научных центрах началось интенсивное изучение ими. Со временем малочисленные группы энтузиастов превратились в мощные лингвистические школы, развивающие комплекс ономастических наук. Органическая связь украинской ономастики с советской и мировой наукой определила главную черту концепции «Λογος όνομαστική». Пространство специализированного ономастического журнала должно стать местом встречи ученых разных научных школ не только Украины, но и других стран. Международный объединительный характер отражен в звучащем по-гречески (дань терминологической основе науки о собственных именах) названии журнала.

Концепция журнала учитывает сложившуюся традицию членения ономастических наук на теоретические, описательные и прикладные. В публикациях, посвященных теоретической ономастике, планируется сделать акцент на формировании и развитии новых методов и приемов собственно ономастических исследований. Не предусматривается никаких ограничений и на публикацию работ, в которых будут обсуждаться вопросы модернизации и адаптации различных методов сравнительно-исторического, контактного, генетического, структурного, типологического, когнитивного и т. д. языкознания к решению задач ономастических исследований. Особое внимание будет уделяться развитию терминологии и метаязыку ономастики.

¹ Рукопись поступила в редакцию журнала 25.12.2007 г.

В журнале, сохраняющем десятилетнюю традицию ономастических публикаций «Восточноукраинского лингвистического сборника», определенное место будет отведено историко-этимологическим исследованиям. С учетом важности ономастического обследования разных областей, ареалов и этнических территорий Украины и других стран, особое место в журнале будет отведено работам по региональной ономастике.

Разумеется, предусмотрены рубрики, в которых будут размещаться работы, посвященные антропонимии, топонимии, зоонимии, астронимии и другим разрядам собственных имен, традиционно выделяемым в соответствии с категориями именуемых объектов. Более полувек на Украине развивается (в последнее время – довольно бурно) поэтонимология, занимающаяся изучением онимии литературных произведений. В журнале предусмотрена постоянная рубрика для исследований этого рода. Отдельную группу работ составят публикации по ономастической лексикографии, развитию которой отдают силы многие украинские лингвисты.

Одной из задач журнала является знакомство читателей с историей ономастических исследований на Украине, с индивидуальным вкладом крупных ученых-ономастов в изучение собственных имен, с известными ономастическими школами. Так, третий номер журнала в значительной мере посвящен результатам двенадцатой Всеукраинской (с участием зарубежных гостей) ономастической конференции «Ономастика Украины в общеславянском контексте» в г. Черновцы (31 октября – 3 ноября 2007 г.) и истории ономастических исследований в Черновицком национальном университете.

Предусмотрены традиционные для научных журналов рубрики «Хроника» и «Рецензии».

Основную часть содержания первого номера занимают тексты некоторых докладов, прозвучавших на Святогорской ономастической конференции. Открывает журнал статья по пленарному докладу *Е. Ю. Карпенко* «Асоціативний словник – шлях до сутності власної назви» («Ассоциативный словарь – путь к сущности собственного имени»), посвященная исследованию ассоциативных комплексов ономастических концептов. Она имеет новаторский характер как в плане постановки проблемы, так и в технологии (методике) ее решения. Поскольку пленарные доклады конференции были опубликованы заранее отдельными брошюрами, реализовалась идея принципиального и качественного их обсуждения на секционных заседаниях. Один из опытов обсуждения пленарного доклада представлен статьей *С. Л. Ковтюх*. В первом номере журнала опубликованы две статьи по антропонимии (*О. С. Баранівська, О. Ф. Слюсар* и *И. Борисевич*), статьи, посвященные истории польских и украинских фамилий, топонимии (*С. А. Вербич, Я. П. Редьква*), зоонимии (*О. Л. Кирилюк*). Две работы посвящены исследованиям в области коннотативной онимии (*Г. П. Лукаш* и *Е. С. Отин*). Значительную часть составляют поэтонимологические исследования (*Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина, В. М. Калинин, Н. С. Колесник, А. К. Поповчук, М. В. Максимюк, К. В. Перишина, В. И. Розгозина, А. А. Фомин, Т. В. Чуб*). Второй номер в основном состоит из публикаций, предварительно обсуждавшихся на ежегодных Святогорских ономастических чтениях.

В. М. Калинин, докт. филол. наук,
проф. кафедры общего языкознания и истории языка
Донецкого национального университета
зам. главного редактора журнала «Λογος ὀνομαστικῆς»

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ

Saarikivi, Janne. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. – Tartu: Tartu University Press, 2006. – 297 p.

Диссертационное исследование Янне Саарикиви выполнено на кафедре финно-угорской филологии университета Хельсинки. Под одной обложкой объединены пять статей, подготовленных и изданных в течение нескольких предшествующих лет на финском, немецком, английском и русском языках и предваренных обширным предисловием. Диссертация посвящена проблемам языковой идентификации субстратной топонимии Русского Севера (прежде всего, района бассейна Двины) и опирается на обширный полевой материал – как собранный самим автором, так и хранящийся в топонимической картотеке Уральского университета. Работа использует исследовательские традиции как финляндской, так и российской школ финноугроведения и ономастики.

Все множество обсуждаемых в исследовании проблем можно условно поделить на два круга: вопросы теории языкового субстрата и этноязыковой истории Русского Севера.

В плане теории субстрата важна первая статья, опубликованная в 2000 г. в крупнейшем финляндском лингвистическом журнале «*Virittäjä*». В ней в контексте получившей широкую известность в Европе контактной теории (Thomason, Kaufman 1988) на севернорусском диалектном материале анализируется отражение субстратных явлений на разных языковых уровнях. Вопреки упомянутой теории, делающей ставку в доказательстве субстрата на фонетические и морфолого-синтаксические данные, Саарикиви приходит к убедительному выводу о том, что эти данные неспособны однозначно доказать наличие субстрата. В подтверждение приводится целый список севернорусских фонетических и морфологических явлений, которые могут объясняться, с одной стороны, как возникшие под воздействием финно-угорского субстрата, с другой – быть результатом собственного развития русского языка. Это, в частности, обсуждавшаяся в разное время проблема аканья/оканья, отмеченное в ряде архангельских говоров ослабление звонкости взрывных согласных, особые *haben*-конструкции, использование творительного предикатива, указывающего на признак, ограниченный во времени и др. (заметим, что получившийся список имеет самостоятельное значение для исследования контактов между финно-угорскими и русским языками).

Автор прав, отмечая, что российская диалектология, традиционно основывающаяся на фактах фонетики и морфологии, как правило, не верит в финно-угорские субстратные истоки севернорусских диалектных явлений и предпочитает исходить из возможностей их собственного развития. В качестве критерия возможного субстратного происхождения названных явлений Я. Саарикиви предлагает использовать наличие лексического субстрата на искомой территории. Он доказывает, что лексический материал, которым пренебрегают сторонники европейской контактной лингвистики, обладает большой доказательной силой, основывающейся на этимологической прозрачности субстратных лексем. К этому можно добавить ареальный критерий, а также большой массив бесспорных субстратных прибалтийско-финских

слов в севернорусских говорах. На базе лексического материала возможно реконструировать тот конкретный прибалтийско-финский (финно-угорский) язык, с которым контактировали русские говоры. Анализ фонетических и морфологических явлений не дает такой возможности. Следует отметить, что эти мысли созвучны в целом тем, что высказываются в российской диалектологии. Было бы полезно пойти по этому пути и дальше, имея в виду выявление критериев для разграничения субстратных явлений и заимствований в лексике и топонимии, что было бы важно как с позиций понимания этнических процессов, так и для этимологической интерпретации. Определенный опыт такого рода исследования накоплен в российской ономастике, в частности екатеринбургской школой.

В рамках теории лексического субстрата уместно отметить проблему палеоевропейского субстрата в прибалтийско-финских и саамских языках, поднимаемую в диссертации. Известно, что гипотеза применительно к прибалтийско-финскому миру была высказана еще в начале 1970-х гг. Паулем Аристе, обратившем внимание, в частности, на ряд прибалтийско-финских ландшафтных терминов, для которых не обнаруживается этимологических соответствий ни в финно-угорских, ни в индоевропейских языках, и предположившем их заимствование из древних языков, бытовавших в районе Прибалтики. Палеоевропейская теория развивается в индоевропейском языкознании, она привлекает в последнее время и внимание финских лингвистов.

Для доказательства реальности палеоевропейских субстратных включений Я. Саарикиви предлагает свою методику, основанную на выявлении этимологических истоков наиболее частотных для топонимии ландшафтных терминов. Обращение к данной лексике вызвано тем, что она, по мнению автора, легко усваивается из языка в язык. Анализ 20 терминов показал, что по крайней мере половина из них не имеет этимологии, среди них *mäki* 'гора', *saari* 'остров', *niemi* 'мыс', *lampi* 'лесное озеро', *oja* 'ручей' и др. Такова же ситуация в саамском языке, где из 20 наиболее известных ландшафтных терминов лишь 6 имеют финно-угорские истоки и два-три доказанную индоевропейскую этимологию. Я. Саарикиви опирается и на известную работу Ю. Лехтиранты, в которой содержится около 200 общесаамских лексем широкого распространения, не имеющих этимологии и могущих, по мнению диссертанта, также свидетельствовать в пользу субстрата. Наличие субстрата связывается в работе с актуальной для современного финно-угроведения проблемой прибалтийско-финской хронологии. Фонетический облик целого ряда предполагаемых палеоевропейских лексем таков, что они не могли быть усвоены в глубокой финно-угорской древности, поэтому могут рассматриваться в числе доводов относительной молодости прибалтийско-финской истории. В последние десятилетия в финляндской науке преобладала другая точка зрения – так называемая *jatkuvuusteoria*, согласно которой финны являются непосредственными потомками того финно-угорского населения, которое освоило территорию Финляндии в III тыс. до н. э.

Второй круг вопросов, поднимаемых в диссертации, – это реконструкция финно-угорского прошлого территории Русского Севера (Подвинья) на основе лексического и прежде всего топонимического материала. Поскольку данная проблематика так или иначе затрагивается во всех пяти статьях, в дальнейшем в отзыве предложен общий обзор положений диссертации, без разделения на отдельные статьи. В работе отдается дань предшествующим исследованиям финно-угорского элемента в топонимии Подвинья. Отмечается, что благодаря исследованиям А. К. Матвеева наука значительно продвинулась в реконструкции исторического прошлого региона. Тем не менее в конкретной языковой идентификации дославянского населения остаются вопросы, для решения которых диссертант широко и профессионально использует приемы исторической фонетики и этимологии, привлекает ареальные и типологические критерии, а также методику ономастического исследования. Наряду с использованием известных наработок в области изучения субстратной топонимии Я. Саарикиви предлагает и ряд новых методических приемов. Среди них плодотворная мысль о том, что восприятие местных ландшафтных терминов пришлым населением происходило одно-

временно, а нередко и через посредство топонимов, что имело следствием реапеллятивизацию, вычленение географического термина из состава сложного по структуре топонима. О реальности данного процесса свидетельствуют семантические сдвиги, наблюдающиеся в ряде случаев в русском диалектном слове в сравнении с его прибалтийско-финским источником. В качестве довольно убедительного примера приводится термин *пахта* 'болото, низкое сырое заболоченное место', восходящий к прибалт.-фин. *pehku* 'гнилой, трухлявый (например, о дереве, соломе), заплесневелый'. По мысли автора, появление семантики 'болото' стало возможным потому, что основа *pehku* является в прибалтийско-финской топонимии типичной для наименований болот и выступает многократно в качестве атрибута в сочетании *Pehkusuo* (*suo* 'болото'). Использование слова в гелонимах привело к восприятию его пришлым населением как имеющем значение 'болото'. По-видимому, внимание специалистов привлечет и предлагаемая автором шкала надежности этимологизации субстратных топонимов, которая опирается, с одной стороны, на степень идентичности субстратных и живых топонимных моделей, с другой – на экстралингвистические данные, в частности на ландшафтную характеристику объектов названия. Автор приводит дополнительные к известным в ономастике обоснования того, почему топонимы испытывают большие фонетические изменения, чем апеллятивы. Стоит отметить и установление тех существенных признаков, которые с точки зрения синтаксическо-семантической классификации отличают саамскую топонимию от прибалтийско-финской: распространенность многокомпонентных топонимов, а также девербальных имен, что связывается диссертантом с мобильным образом жизни саамов.

Анализируя контактирование топонимов в Подвинье и адаптацию субстратной финно-угорской топонимии к системе русских названий, Я. Саарикиви не претендует на полноту и заостряет внимание лишь на основных особенностях фонетической и морфологической адаптации, очевидно, имея в виду основательную разработку вопроса А. К. Матвеевым (2001). Вместе с тем в диссертации обнаруживается ряд важных моментов, дополняющих исследование А. К. Матвеева. Среди них замечания об адаптации геминат, о «реморфемизации», т. е. родившихся на основе аналогии морфемах, о значении народной этимологии для морфологической адаптации топонимов, причинах незначительного распространения суффиксации как способа восприятия иноязычной топонимии и др. В качестве недочета отметим нечеткость в изложении особенностей адаптации неоднозначного в этом смысле прибалтийско-финского фрикативного *h*, а также возведение русской модели *Железные Ворота* к соответствующему прибалтийско-финскому оригиналу *Rautaveräjät*. Русская модель имеет довольно широкие аналогии в славянском мире, в то время как прибалтийско-финская распространена прежде всего в карельской и вепсской топонимических системах, что теоретически может указывать на восприятие ее из русской среды.

Наряду с развитием теории ономастики и контактологии Янне Саарикиви предлагает этимологическую интерпретацию для целого ряда топооснов. Как правило, этимологии строятся на надежной историко-фонетической и семантической основе. Можно отметить убедительную интерпретацию некоторых подвинских субстратных географических терминов, до сих пор не рассматривавшихся в специальной литературе (например, *волгас* < прибалт.-фин. **alho(s)* 'низина'; *койдома* < прибалтийско-финский ландшафтный термин **kaita-mV*, ср. фин. диал. *kaita* 'перешеек между двумя реками или озерами' < саам. *skai'de* 'то же'). Автор удачно использует в процессе этимологизирования данные исторического словообразования (*мурга*, *курья*, в которых реконструированы финно-угорские суффиксы *-*ka* и *-*ja*).

Эти, а также некоторые другие примеры субстратных ландшафтных терминов свидетельствуют, что субстратный язык Подвинья, будучи близок современным прибалтийско-финским и саамским языкам, все же не соответствовал им полностью, а имел свои особенности, в частности в словообразовании. Автор прав, замечая, что вывод применим и к топоосновам – как основным элементам, так и атрибутам сложных названий, в списке которых наряду с представленными в современных языках и этимологизирующимися из них

без проблем есть и такие, которые, допуская финно-угорскую этимологию, не используются в этих языках в топонимообразовании: *Кычас* - < **kiccās* 'узкий', *Ухм* - < **ukti* 'дорога, проход', в качестве детерминантов *-сара*, *-пала*.

Отмеченные особенности, дополненные рядом других (см. далее), послужили основанием для уточнения той картины этнического прошлого региона, которая сложилась на сегодняшний день в науке. Подробный сравнительный анализ саамской топонимной лексики, представленной в топонимии Двины, приводит автора к примечательному выводу о том, что в ней присутствуют только те элементы, которые имеют прибалтийско-финские или другие уральские параллели. В то же время саамская лексика, таких параллелей лишенная и, возможно, имеющая субстратные палеоевропейские истоки (например, *narke*, *vonde*, *pakte*, *kedke*, *rove*), неизвестна архангельской и вологодской субстратной топонимии. Как показывают приводимые в работе карты, ее ареал практически не выходит на востоке за пределы восточного Обонежья. Это обстоятельство в совокупности с отмеченными выше особенностями субстратной лексики и топооснов, а также отсутствием на Двине наиболее частотных саамских топооснов (например, **kukēs* 'длинный'), равно как и характерных саамских фонетических изменений, доказывает, что о наличии саамской топонимии на Двине можно говорить лишь условно. Ее язык значительно отличался не только от современного саамского, но и от того прасаамского, который бытовал в Карелии и на западе Архангельской области (в последнем просматривается собственно саамское фонетическое развитие). Я. Саарикиви выдвигает гипотезу о бытовании в Подвинье особого языкового типа, который характеризовался как саамскими, так и прибалтийско-финскими особенностями. По мнению диссертанта, наглядным примером этого языка могут служить многие топонимы типа *Нюхчалакша*, *Шубоя*, *Шиднема*, которые принято рассматривать как саамско-«финские» полукальки. Такому генезису, как считает автор, противоречат некоторые обстоятельства, в частности присутствие в первом примере звуко сочетания *-хч-*, которое не свойственно современным прибалтийско-финским языкам, и в случае прибалтийско-финского (карельского) усвоения саамского оригинала надо было бы, скорее, ожидать в первом элементе **Нукиш-* или **Нюкиш-*. Не вдаваясь в детали, заметим все же, что в виде *Нюхч-* основа представлена и в ряде топонимов западного побережья Белого моря, а также в северном Обонежье, где саамский оригинал подвергся прибалтийско-финскому (карельскому) и русскому усвоению. В этом контексте предложенный автором фонетический критерий не выглядит слишком убедительно. В целом же подход перспективен, поскольку сделана попытка установить фонетические, лексические и типологические критерии «саамскости» и на их основе ограничить тот бескрайний ареал саамской топонимии, к которому апеллируют исследователи субстратной топонимии Русского Севера. В отличие от предшествующих исследований, ориентированных на живые финно-угорские языки, Я. Саарикиви оправданно оперирует историческими языковыми типами. Гипотеза объясняет и присутствие мощного прибалтийско-финского пласта в топонимии Русского Севера, который не обязательно связывать с современными прибалтийско-финскими языками (как правило, в работах по прибалтийско-финскому субстрату в топонимии Русского Севера фигурируют вепский и карельский), но исходить из того, что древний язык носителей субстратной топонимии Подвинья сочетал в себе саамские и прибалтийско-финские языковые особенности, представляя собой еще не разделенный на саамский и финский языковой тип. Подтверждением этому служат, в частности, установленные диссертантом заимствования в коми и удмуртский (прапермский) – их источником был язык, который, исходя из фонетического облика заимствований, может быть охарактеризован как праприбалтийско-финско-саамский (*Pre-Finnic*).

Автор приходит к оправданному выводу о разных «финских» пластах в топонимии Двины и обращает внимание на топонимы, соотносимые по некоторым языковым признакам с южными прибалтийско-финскими языками. Среди южных особенностей – наличие дифтонга **ai* (например, топооснова *хайн-*), преобразовавшегося в других языках прибалтийско-

финской группы в *ei*, присутствие следов средних по подъему гласных, а также использование топонимических формантов *-пала* и *-вера*. Наряду с топонимами, содержащими южные праязыковые черты, автор обращает внимание и на названия, которые по некоторым особенностям (например, отражение дифтонга *ua* < **aa*, топонимы с основой *корел-*) могут быть верифицированы как карельские. В этой части исследования была бы желательна большая четкость и последовательность в идентификации пластов. В частности, есть ли возможность выявить в списке наиболее частотных топооснов и формантов те, которые имеют карельские истоки, или, к примеру, точнее определить генезис форманта *-la*? Этот же вопрос возникает в связи с анализом прибалтийско-финской антропонимии: каков ее возраст и истоки в архангельской топонимии, с каким «финским» пластом она соотносится? Попутно, чтобы не возвращаться более к сюжету об антропонимии, отметим развитие взглядов автора от тех, что были им изложены в статье «Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения», опубликованной в екатеринбургском сборнике «Этимологические исследования» (2003), к тем, которые представлены в комментариях к названной статье, а также в вступительном разделе диссертации. Выросло количество анализируемых личных имен, углубился их анализ. К примеру, абсолютно верно автор не связывает уже столь однозначно истоки именной основы *Karpo-* с западным для прибалтийско-финского мира апеллятивом *karhu* ‘медведь’, предпочитая возводить ее к слову *karhea*, характеризующему жесткие грубые волосы человека. Со своей стороны мы предложили бы обратить внимание на переносное значение слова *karhea*, которое используется, в частности, в восточных финских говорах для обозначения упрямого, сердитого, вспыльчивого человека. С позиций антропонимии такая семантика естественна.

Предпринятый анализ праязыковых прибалтийско-финских особенностей топонимии Двины в контексте топонимии смежных территорий, населенных сейчас или в прошлом «финским» этническим компонентом, приводит диссертанта к предположению о том, что предыстория современного прибалтийско-финского и саамского мира протекала на более восточных и южных территориях, чем считает современная финляндская наука, привязывающая ее к берегам Балтийского моря. В качестве территории, на которой протекало формирование финско-саамского языкового типа, он предлагает Белозерье и расположенные от него на запад тверские и новгородские земли, откуда происходило распространение в северо-западном и в северо-восточном направлении. Ареал прибалтийско-финской языковой общности, по мнению автора, также протягивался дальше на восток, чем принято считать. При том, что и сам процесс, и его языковая подоплека вызывают вопросы и нуждаются в уточнении, предложенный Янне Саарикиви взгляд перспективен и развивает теорию финно-угристики. Убедительны те дополнительные доводы, которые автор приводит в пользу этой гипотезы: например, проникновение (конечно, через прибалтийско-финское посредство) ряда ранних германских заимствований в пермские языки, причем еще на прапермском языковом этапе (исследованы Й. Койвулехто), наличие в прибалтийско-финских языках иранских заимствований, которые невозможно объяснить иначе, как воспринятые на территории центральной России. Естественно думать, что и балтийские контакты должны были происходить несколько восточнее, чем Прибалтика. К этому можно добавить, что такой подход естествен в общем финно-угорском ареальном контексте. К сожалению, в силу особенностей формата диссертации, которая представляет собой не единый текст, а серию статей, этноисторические выводы даются отдельно к каждой статье, поэтому в них не всегда хватает четкости и последовательности.

Исследование Янне Саарикиви опирается, с одной стороны, на современное финно-угроведение, с другой – на современную ономастику. При этом и та, и другая наука получили в работе дальнейшее развитие. В области ономастики обогатилась методика исследования субстратных топонимов, в финно-угроведении не только предложены новые взгляды на этническую историю архангельского региона и сделана попытка вписать его по-новому в об-

щий саамский и прибалтийско-финский контекст, но и рассмотрены принципиально важные с учетом накопления новых данных проблемы времени и места формирования прибалтийско-финской и саамской языковой общности. Еще раз доказан большой потенциал топонимики – при условии знания, использования и творческого развития ее методики – для решения этно-исторических задач.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: Дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 254 с.

Выбор темы свидетельствует не только о большой любви молодого венгерского ученого к истории своей Родины, но и о его похвальной смелости, поскольку в этом случае историография и источниковедение теснейшим образом связаны с проблемами этногенеза и древнейшей истории венгров, а в истории средневековой Европы трудно найти более темный и запутанный вопрос. Перед нами твердо установленный факт: финно-угорский народ совершил беспримерный переход с Урала на Дунай и оказался в окружении индоевропейских этносов, но обстоятельства этого до сих пор остаются тайной.

Проблема венгерского этногенеза волнует многих. Естествен интерес самих венгров, но не удивляет и внимание к этой проблеме российских ученых, особенно уральских. Обе традиции – венгерская и российская – имеют свою историю и достигли определенных успехов, однако их взаимодействие по многим причинам было ограничено, а это не могло не отразиться и на решении проблемы в целом. Сказанное в равной мере относится как к собственно историческим, так и лингвистическим аспектам исследования.

Г. Дьёни поставил перед собой сложную задачу объединить эти две традиции, сделать их общим достоянием, в меру возможности оценить и тем самым создать условия для дальнейших результативных поисков.

Соискатель последовательно рассматривает письменные источники, имеющие отношение к проблеме, начиная с ранних хроник, и трезво отделяет крупницы истины от нагромождений вымыслов. Эта объективность сохраняется и при анализе научных взглядов венгерских и российских ученых прошлого и настоящего. Как и должно быть в работах такого рода, диссертация хорошо документирована и наделена обширным ссылочным аппаратом. Интересны и приложения, содержащие схемы, карты и т. п. Строгая композиция, выделение узловых проблем, а также хронологический принцип изложения удачно объединяют отдельные разделы исследования.

Несомненной заслугой соискателя следует считать то, что он тщательно и скрупулезно свел воедино разнородный материал двух труднодоступных друг для друга исследовательских традиций и достаточно осторожно и умело его интерпретировал. В целом можно считать, что автор диссертации справился с поставленной задачей, впервые рассмотрев весь комплекс дошедших до нас венгерских и российских письменных источников, а также лингвистических и археологических данных о протовенграх. Возникает, однако, и ряд вопросов, связанных с тем, что исследование неизбежно выходит за рамки историографии и источниковедения в область этногенетической проблематики.

Достоверно известна дата обретения дунайской Родины венграми – конец IX в. (896 г.). Но когда началось их движение на Урал? Каков был «маршрут»? Где они восприняли булгаризмы и чувашизмы? Мнения противоречивы. Одни исследователи утверждают, что все эти события происходили в IX в. (с. 36), другие относят их начало к V столетию (с. 87). Одни указывают на такой промежуточный пункт движения протовенгров, как Суздаль, другие – на Северный Кавказ.

Габор Дьени ограничивается Уралом, т. е. районом исхода протовенгров, проходя мимо всех названных проблем. Это, по-видимому, верное решение, поскольку на пути Урал – Дунай мы попадаем в источниковый вакуум, где раздолье для разного рода фантазий вроде статьи некоего М. Г. Савицкого об угорской субстратной гидронимии в бассейне Оки («Советское финно-угроведение», 1989, № 4). В то же время эта неопределенность не может не влиять на истолкование предшествующих событий, поскольку амплитуда хронологического разрыва колеблется, а выбор «маршрута» во многом определяет этнических партнеров. Это, однако, не столько упрек, сколько констатация печального факта.

Сам диссертант выделяет два наиболее важных и дискуссионных вопроса: проблему угорской прародины протовенгров (Европа или Азия?) и башкирско-мадьярскую проблему. Остановимся на них подробнее.

Соискатель склоняется к предположению, что угорская прародина мадьяр была в Зауралье (с. 145). Но, во-первых, следует различать угорскую и протомадьярскую прародину, а во-вторых, у одного этноса может быть не одна прародина. Поскольку автор доказывает, что в средневековых венгерских источниках сведения о приуральской прародине практически отсутствуют (с. 38), мы можем основываться только на данных лингвистики и археологии. Археологи считают, что саргатская культура в Западной Сибири принадлежит протовенграм. Этот факт я оценивать не берусь по некомпетентности и сразу перехожу к лингвоэтническим аргументам. Их можно сформулировать следующим образом.

1. Ближайшие родственники венгров обские угры издавна обитают на Урале и в Западной Сибири, причем мансийский язык считается несколько более близким к венгерскому, чем хантыйский.

2. Протовенгры занимались коневодством, а у обских угров сохранился культ лошади, особенно выраженный у манси: вершины Уральских гор манси-оленоводы чаще сравнивают с лошадью, а не с оленем.

3. Есть надежные факты, в частности, топонимические, которые указывают на ассимиляцию наиболее западных хантыйских поселений мансийскими пришельцами.

4. Мансийская субстратная топонимия распространена в горной части Урала, ее южная граница проходит примерно по линии Шала – Нижний Тагил или несколько южнее; далее к востоку имеются слабые следы топонимии хантыйского типа, которые усиливаются в Прииртышье.

5. Известные работы Европеуса, Каннисто, Теплоухова – заблуждение, на Русском Севере угорской топонимии нет, хотя любители ее отыскивать не перевелись; реликты угорской (мансийской) топонимии фиксируются только в западных предгорьях Урала, а точно не идентифицированные угризмозы возможны также на территории Республики Коми, что еще нуждается в подтверждении.

Отсюда следует, что в какой-то период обские угры двинулись на север вдоль Урала, а поскольку южная часть Среднего Урала географически не создает никаких трудностей для передвижения населения и всегда была «проходным двором», протовенгры, которые, исходя из всего сказанного, некогда располагались южнее обских угров и ближе к манси, могли осваивать как лесостепное Зауралье, так и Приуралье. Феномен «проходного двора» губительно сказался на субстратной топонимии южной части Среднего Урала. Она сильно стерта, разрушена, системные связи почти не сохранились. Тем не менее слабые следы предположительно протомадьярской топонимии обнаруживаются по всей вытянутой с востока на запад полосе зоны широколиственных лесов и лесостепи, характерных как для Зауралья, так и для Приуралья. Но эти следы предположительно могут указывать только на пребывание

протовенгров на данной территории в определенный исторический период перед их исходом на запад.

Не меньше (а может быть и больше) вопросов вызывает башкирско-мадьярская проблема. Диссертант весьма осторожно допускает, что некоторые субстратные названия на территории Башкортостана принадлежат протовенграм (с. 154).

Поиски башкирских ученых, разумеется, следует только приветствовать. У них есть интересные находки, которые выглядят весьма убедительно, например, горы с названием *Магаши* (венг. *Magas* 'высокий'), но есть ряд смущающих обстоятельств. Предположительно, протовенгерский субстрат в башкирской топонимии обилен, он охватывает не только названия рек, но также гор и населенных пунктов. Одних только топонимов, образованных от слова *магаши*, выявлено двенадцать. Такая кучность субстратных названий может возникнуть лишь при ассимиляции древнего населения. Однако в этом случае обычны и субстратные включения в лексику, а иногда и определенные сдвиги в фонетике. Академик Б. А. Серебrenников в свое время пытался найти следы венгерского субстрата в башкирском языке. Он не нашел ничего.

Удивительно и другое: финно-угорская топонимия в основном строится по принципу составных образований: определение (прилагательное или существительное) + определяемое (географический термин). Именно такие структуры представлены прежде всего в субстратной финно-угорской топонимии Русского Севера, а также в субстратной мансийской топонимии Среднего Урала. Но в предположительно протовенгерской топонимии Башкирии структуры этого типа редки.

Я не отрицаю возможности существования протовенгерской субстратной топонимии в Башкирии, но считаю, что пока следует говорить только о рабочей гипотезе, которая нуждается во всесторонней аргументации, т. е. необходимо объяснить упомянутые нестыковки, картографировать факты, по возможности сопоставить их с археологическим материалом, убедительно интерпретировать словообразовательные форманты, наконец, оценить предполагаемые значения топонимов с учетом принципа семантической мотивированности.

«Топонимический гипноз» нередко сбивает с толку даже крупных ученых: так, замечательный историк языка А. И. Соболевский многочисленную финно-угорскую топонимию Русского Севера считал иранской. Заикленность – плохой помощник в топонимических разысканиях. Здесь важны не массовость этимологий, а их системность, ареальность фактов, их семантическая адекватность («топонимичность») и подтверждение реалиями.

Наконец, надо иметь в виду, что прямое сравнение современной и средневековой венгерской топонимии с протовенгерской встречает большие трудности. Во-первых, географическая среда Урала и Венгрии различна. Во-вторых, уральские протовенгры вряд ли говорили на том же наречии, что и их сородичи, ушедшие на Дунай. У них мог быть свой диалект или диалекты. Кроме того, за время раздельного существования речь обоих субэтносов могла испытать множественные влияния со стороны языков контактировавших с ними народов, а также сама продолжала спонтанно изменяться, поскольку развитие является формой существования языка. Следует иметь в виду и специфику освоения топонимического субстрата. Уральские гидронимы типа *Бизь* хорошо сопоставляются с венгерским *víz* 'вода', но не имеют аналогов в современной венгерской топонимии. Однако их и не может быть в живом языке. Кто же будет называть по-венгерски или по-русски ту или иную реку просто *Вода*? Но ассимилирующий язык легко воспринимает соответствующее нарицательное географическое название. Так, на Русском Севере зафиксировано несколько наименований рек *Чача*, которые восходят к саамскому слову *časse* 'вода'. То же самое могло произойти и на Урале.

Поиски протовенгерского топонимического субстрата в южной части Среднего Урала и в Башкирии должны быть продолжены, но они связаны с большими проблемами, поскольку древние топонимические системы здесь разрушены в результате неоднократных смен населения и тюркизации на заключительном этапе, а она способна в корне изменить звучание и структуру древних имен.

В заключение замечу, что Г. Дьени в целом достаточно аккуратно обращается с лингвистическим материалом, хотя отдельные промахи встречаются.

Так, имя *Энех* (матери Хунора и Магора в Легенде о чудесном олене) производится от венгерского слова *upo* 'лань' (с. 42), которое далее сопоставляется с фин. *ето*, эст. *ета* 'мать' и т. д. со ссылкой на сравнительный словарь Б. Коллиндера (с. 31–32). Но в этом словаре вообще нет венгерского *upo*. Не упоминается оно и в более новом и полном «Уральском этимологическом словаре» К. Редей, где восстанавливается уральская форма **ета* 'мать, женщина', которая сопоставляется с венг. диал. *ете* 'самка' (с. 74). Таким образом, венг. *upo* 'лань' к урал. *ета* 'мать' отношения не имеет.

Трудно согласиться и с утверждением диссертанта, что этноним *югра* как обозначение обских угров появился в результате переноса русскими этнонима *угры* 'венгры' (с. 109) на предков манси и ханты. Из этого следует, что русские уже в XI столетии знали о родстве венгров и обских угров, хотя сами венгры и в XIX в. еще сомневались в этом. В данном случае далеко не все ясно, возможности объяснения различны, так что категоричность неуместна. По-видимому, этнонимы *угры* и *югра* как-то связаны, но характер этой связи пока не установлен. К тому же есть еще и такой примечательный факт коми языка, как *йюгра* 'обские угры', о котором диссертант почему-то не упоминает.

Все эти соображения и замечания не мешают нам высоко оценить диссертацию Г. Дьени, которая представляет собой серьезное исследование крупной и очень сложной проблемы, спорной во многих отношениях. Она является существенным вкладом в изучение как венгерской, так и российской истории и весьма своевременна.

Результаты исследования отражены диссертантом в шести статьях и доложены на семи научных конференциях. Автореферат объективно отражает основное содержание диссертации.

Считаю, что труд Г. Дьени соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09. — историография, источниковедение и методы исторического исследования. Автор диссертации Габор Дьени безусловно достоин присвоения искомой ученой степени.

А. К. Матвеев, член-корр. РАН, докт. филол. наук,
проф. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

ЭКСПЕДИЦИИ

Топонимия тихвинской карелы: интерпретация экспедиционных материалов

В июне 2007 г. сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН была проведена экспедиция по сбору полевого топонимического материала у небольшой группы карельского населения, проживающего на территории Бокситогорского района Ленинградской области. Экспедицией было обследовано 14 из 15 населенных пунктов, в которых традиционно проживает карельское население. Среди них: Городок, Дятелка, Корыстелево, Климово, Логиново, Курето, Толсть, Бирючево, Коргорка (или Карельская Горка), Забелино, Дубровка, Новинка, Моклаково и Селище. Участниками экспедиции было опрошено 54 информанта и записано свыше 600 топонимов, большая часть из которых картографирована. Одновременно собиралась местная географическая терминология, а также карельская антропонимия. Ниже приводятся некоторые наблюдения историко-культурного характера, сделанные на основе первичной обработки собранного материала.

Группа тихвинских карел проживает на юго-востоке Ленинградской области в бассейне среднего течения р. Чагоды уже более трех столетий. Переселение карел на земли Новгородской и Тверской губерний связано с событиями русско-шведских войн XVI–XVII вв. На территории двух сельских советов (Журавлевского и Озеревского) располагается 15 карельских деревень: Утlikово (*Uutlikova*), Городок (*Gorotka*), Дятелка (*D'iat'olka*), Корыстелево (*Kor'ist'ova*), Климово (*Klimova*), Логиново (*Loginova*), Курето (*Kuuretta*), Толсть (*Tolstie*), Бирючево (*Birčova*), Коргорка (*Gorkie*), Забелино (*Zabil'n'a*), Дубровка (*Dubrova*), Новинка (*Novinka*), Моклаково (*Moklakova*) и Селище (*Selis's'a*).

По сведениям эстонского исследователя Яна Ёйспуу на территории Ленинградской области в 1970-е гг. проживало около 2 000 тихвинских карел. Однако по официальным данным 1985 г., полученным исследователем из статистического центра СССР, карел на территории области не числилось [см.: Ёйспуу, 2004, 17]. На сегодняшний день большая часть карельского населения проживает в городах и поселках области, а в упомянутых деревнях зарегистрировано около 450 представителей карельского этноса.

В языковом отношении говор тихвинских карел входит в число диалектов собственно карельского наречия и в целом близок языку тверских и валдайских карел, а также карельского населения, проживающего в Средней и восточной части Северной (Беломорской) Карелии. Это обусловлено едиными истоками названных диалектов, носители которых переселились в XVII в. с территории Северного Приладожья.

Переселение данной группы карел на бывшие земли Тихвинского монастыря, на дальние подступы к Волге, связано с историческими событиями XVI–XVII вв. В работе К. Н. Сербиной отмечается, что «начало прилива населения на посад должно быть поставлено в связь с событиями 1659 года, когда “учинилась ссора и разратье... с немцами Свейской земли. И в то...

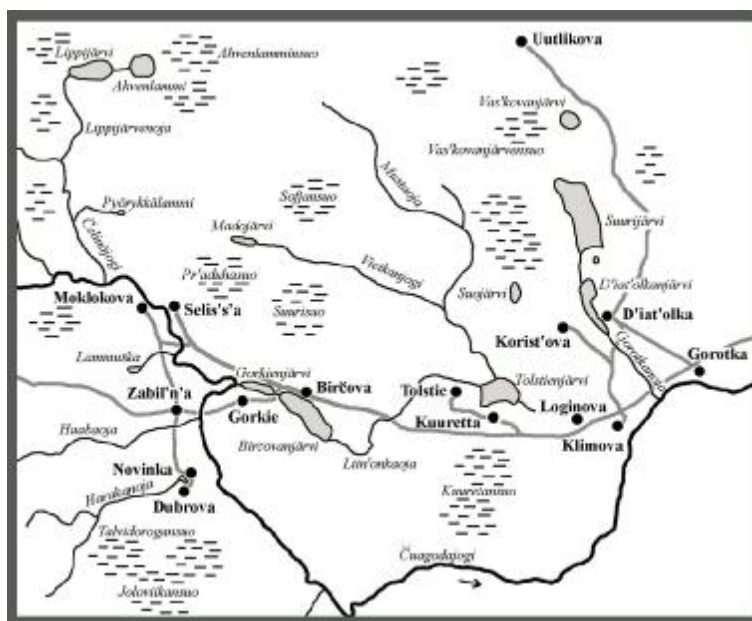

Рис. 1. Область проживания тихвинских карел

разрятие их немецкой державы жители, кореляне, бояся от них, немец, посечения и великого разорения, многие вышли из-за того немецкого рубежа..., и с тех зарубежных выходцев пришло в нашу монастырскую вотчину на Тихвинский посадец, который к тому немецкому рубежу близок» [цит. по: Сербина, 1951, 55–56].

Это была наиболее многочисленная, но не единственная волна прилива населения в тихвинские края. В 70-х гг. XVII в. в Заонежье в Шунской вотчине Большого монастыря происходили непрерывные волнения из-за притеснений, непосильных налогов и поборов. За бунт и неповиновение были выселены 16 семей шунжан на «вечное житье под монастырь на Тихвинский посадец» [Сербина, 1951, 57]. Как отмечает в своем исследовании В. Д. Рягоев, в народных преданиях тихвинских карел и по сей день можно услышать отголоски этих далеких драматических событий [Рягоев, 1977, 4].

По предположению В. Д. Рягоева, поселение карел в этих местах не было случайным. Он считает, что карелам данный регион был известен, поскольку здесь проходил водно-волоковой путь по Чагоде, Чагодоше и Мологе на Волгу. В устье Мологи когда-то находился Холопий городок, известный в то время торговый центр. Среди торговавших там упоминаются и карелы. О том, что путь этот существовал, свидетельствуют некоторые топонимы на исследуемой территории. Это, например, названия бывших деревень *Ягорево* и *Волок*, которые были сожжены литвой. О названии и истории деревни Волок (карел. *Volokankylä*) существует предание¹, записанное нашей экспедицией в деревне Дубровка, согласно которому название происходит от того, что когда-то через деревню на лошадях перетаскивали плоты для сплава по реке. Связано это было с тем, что у деревни Новинка на Чагоде начинались пороги, и сплавляться по ним было рискованно, поэтому самые опасные места объезжали на лошадях.

Таким образом, расселение карел могло происходить в местах, которые им, возможно, были знакомы по торговым делам и связям с Волгой. Известно, например, что на берегу

¹ Большая часть преданий, приводимых в работе, записана участниками экспедиции, также используются опубликованные и неопубликованные материалы В. Д. Рягоева.

Рыбинского водохранилища, недалеко от впадения в него реки Мологи стоит населенный пункт *Весъегонск* (карел. *Ves's'i*), название которого легло в основу одного из говоров тверских карел – весъегонского.

Финский исследователь Вейо Салохеймо в своей публикации, посвященной тихвинским карелам, пишет о возможных местах проживания карел на территории Северного Приладожья. Его предположения основаны на полном совпадении имен и фамилий части карельских переселенцев, зафиксированных в деревнях Курето и Селище, указания о которых он обнаружил в документах Иверского монастыря XVII в., а также списках беженцев с территории Карельского уезда. Так, по его мнению, Сава Сергеев прибыл в Селище из деревни Пиймялахти, находившейся в районе Ряккюля, через валдайскую деревню Борисова. Через Валдай переселились Василий Спиридонов из деревни Литтиля прихода Тохмаярви и Сидор Евсеев из деревни Компоро, располагавшейся в окрестностях Липери. Кирилл Фомин прибыл в Курето уже в 1620-х гг. из деревни Нестеринсаари, находившейся в приходе Эно. Исследователь также упоминает об одном карельском переселенце в деревне Бережное [см.: Saloheimo, 2003, 99], которая находилась в верховьях реки Смердомли, в районе поселения Смердомля (совр. Смердомоля). В 8 км от последнего существует урочище *Карельские Пожни*, а в окрестностях Сомино, которое находится в 12 км от карельской деревни Утливова, есть озеро с названием *Лакта* (ср. карел. *lahti* ‘залив’). Кроме этого, приблизительно в 45 км на юго-запад от деревни Дубровка на территории Новгородской области в окрестностях деревни Оксово существует урочище *Карельское Раменье*. В соответствии с ономастической универсалией топонимы с этнонимическими основами маркируют территории пограничного расселения этносов. В нашем случае они, по-видимому, отражают карело-русское пограничье в определенные исторические периоды.

Местное карельское население упоминает также о четырех карельских деревнях в Хвоинском районе Вологодской области, которые находились к югу от территории современного проживания тихвинских карел. До Великой Отечественной войны существовали и праздничные связи между жителями вышеупомянутой территории и тихвинскими карелами. Все это позволяет говорить, что некогда ареал расселения карел был несколько шире современного.

Записанные в ходе экспедиции у тихвинских карел предания подтверждают и дополняют историческую информацию, связанную с переселением карелы, и тем самым проливают свет на некоторые моменты истории этой этнической группы карельского населения. В преданиях повествуется о местах бывшего проживания, времени и причинах, побудивших карел покинуть родные места, кроме того, они хранят память о первых жителях и деревнях этого региона.

В четырех из восьми преданий, повествующих о заселении, местом прежнего проживания называется Карелия (Забелино, Новинка, Толсть). Из района Лодейного Поля, согласно преданию, пришли жители деревни Дубровка. Здесь же записано другое предание, повествующее о миграции населения из Шуньского (видимо, Шуньгского) погоста (ср. исторический факт). С последним пересекается предание из деревни Бирючево, жители которого пришли с берегов Онежского озера. О переселении в эти места калининских карел сообщает нам одно из преданий, записанное в деревне Селище. Согласно другому, жители начали строить ее после того, как литва сожгла находившуюся рядом деревушку Якорево, где находилось селище, отсюда и название нынешней карельской деревни. Можно предположить, что речь идет о разных временных отрезках истории жителей современного Селища. При этом отметим, что предания о переселении калининских карел записаны и в нескольких деревнях собственно карельского ареала Республики Карелии. Кроме этого, здесь же записано еще одно предание, которое местное население называет «чудским». Согласно ему, карел «привезли» в эти места, после того, как удалось остановить литву у деревни Сомино и обратить ее в бегство [предание записано В. Д. Ряговым].

Указываются, как отмечалось выше, время и причины переселения карельского населения. Многие из преданий связаны с деятельностью Петра Великого и военными действиями литвы против России. Так, Петром I были расселены в этих местах в качестве наказания из-за какой-то провинности жители деревни Селище. Из-за военных действий, проводимых Петром I и обложения в связи с этим налогами, карелы ушли сюда, т. е. в «самый глухой угол» (в окрестности деревни Дубровка) с территории нынешнего Лодейнопольского района. В предании, записанном в деревне Толсть, говорится о времени, предшествующем переселению. Согласно ему, карелы были у кого-то в подданстве и жили сначала «подходяще», но из-за усилившегося налогового гнета они переселились на территорию нынешнего проживания, и было это во времена Петра I. В предании, записанном в Селище, также сообщается, что «карел раньше много было и жили они все вместе в одной “Карелии”, но потом царская власть разлучила карел, отправив кого куда» [Рягоев, 1977, 239]. В деревне Селище существует также предание, согласно которому переселение карел связывается с проигрышем их в карты в одном случае Петром I, в другом – помещиком. Подобное предание фиксируется также у дёржинских карел Тверской области.

О том, что предки современных жителей карельских деревень переселялись из разных мест, свидетельствуют наблюдения местного населения, которое отмечает некоторые фонетические и лексические расхождения в речи соседствующих деревень, объединяя Селище, Моклаково и Коргорку в одну группу и противопоставляя ее другим деревням. По мнению В. Д. Рягоева, изучавшего язык тихвинских карел в 1960-е гг., говор этой группы карельского населения в значительно степени един и обнаруживает отличия главным образом в употреблении шипящих и свистящих (Моклаково и Селище vs. остальные карельские деревни). Впрочем, данный факт, по мнению исследователя, может свидетельствовать и о разных исходных местах проживания.

О том, что карел поселяли, по всей видимости, в опустевшие или практически опустевшие русские деревни, говорит тот факт, что все названия нынешних карельских поселений имеют русские истоки. Обращают на себя внимание и замечания жителей Селища и Утлюкова о плохом местонахождении их деревень среди болот, что также может быть отголоском того, что карелы не сами выбирали места для своих поселений. Подтверждает данное предположение записанное в деревне Утлюково предание, в котором говорится о том, что сюда карел именно привезли, однако не сообщается, откуда [Рягоев, 1977, 273].

Предания местного населения сохраняют память и о первых деревнях и жителях этого региона. Так, первым карельским поселением считается Орокка (ныне уроч. Опоки). Кроме этого, существовал ряд других карельских деревень, таких как Cudzeniha (Чудениха), Siikelövä (Сикелево), Jakor’ova (Якорев), Sruupina (Струпино) и Buik(k)ova (Быково), исчезновение которых связано с приходом литвы. Однако память о них до нынешних дней сохраняется в преданиях и топонимии (в названиях одноименных урочищ). В результате военных набегов литвы исчезли такие русские поселения, как Поделье (Podelja), Горка (Gorka) и Волон (Volokankylä). О приходе литвы сохранилась память и в деревне Корыстелево, однако предание не содержит сведений о его последствиях.

Основателями деревни Новинка считаются, согласно одному преданию, Бирька (Bir’ka) и Рябинка (Räbinkä), согласно другому – Миколка и Иванко, которые были выселены Петром I из Карелии. Можно предположить, что в первом предании закрепились родовые (уличные) фамилии, а в другом – личные имена первопоселенцев. Подтверждением этого могут служить официальные фамилии жителей современной деревни: ср. *Рябини́чев* (карел. *Räbinä-Iva*), *Бири́нов* (карел. *Bir’an Gaaro*), а также, возможно, *Никуленков* (< производное от *Миколки*). Далее в предании говорится, что именно с них началась «тихвинская корела», а все остальные рода съехались откуда-то позднее.

Первым поселившимся в деревне Коростелево считается род Елкуновых. Фамилия *Елкунов* в деревне в настоящее время не фиксируется, однако из предания известно, что распавшись, этот род дал начало трем родам из шести вышеупомянутой деревни, представители которых носят сейчас официальные фамилии *Андреев*, *Иванов* и *Николаев*.

В Селище, согласно рассказам местного населения, первоначально было девять домов, в которых проживали представители четырех родов: Моторины, Редькины, Егоренковы и Топтыгины.

Все сказанное свидетельствует о нелегких временах и событиях, свидетелями которых оказались не столь уж и далекие предки современных тихвинских карел.

Анализ карельской топонимии также дает определенную информацию об историко-культурных особенностях ареала. Собранный материал подтверждает, например, тот факт, что до переселения карел исследуемый регион был территорией бывшего русского освоения, свидетельством чему являются как русские названия современных карельских деревень, так и наименования целого ряда крупных водоемов (озер, рек, ручьев) и важных с точки зрения хозяйственного использования географических объектов.

Из тридцати карелоязычных названий озер, зафиксированных на исследуемой территории, две трети имеют «русские» истоки: ср. *Diimanjärvi* (Здымля), *Gluhoijärvet* (Глухие), *Joloviikka* (Еловик), *Kopn'ova(n)järvi* (Копьево), *Loššinkajärvi* (Лошинка), *Lutoššinajärvi* (Лутошино), *Miškinjärvi* (Мишинское), *Palkinajärvi* (Палкино), *Prissinjärvi* или *Priskinjärvi* (Толстинское), *Rudenkajärvi* (Руденок), *Struuzicanjärvi* (Стружец), *Stupkajärvi* (Ступка), *Vas'kovanjärvi* или *Vas'kanjärvi* (Васьково). При этом часть водоемов названа по населенным пунктам, которые находятся или находились по их берегам: ср. *Bir'covanjärvi* (< Бирючево), *Buik(k)ovajärvi* (< Быково), *Bujananjärvi* (< Буян), *Diat'olkanjärvi* (< Дятелка), *Gorkienjärvi* (< карел. *Gorkie*; рус. *Коргопка*), *Tolstienjärvi* (< Толсть), *Sruupinajärvi* (< Спрупино), *Zazerjanjärvi* (< Заозерье).

Остальные десять названий озер появились, по всей видимости, уже в карельской среде и имеют собственное карельское происхождение: *Ahvenlambi* (Окунево), *Hebojärvi* (Глухое), *Lammuska* (Ламбушка), *Lippijärvi* (Липнево), *Madojärvi* (Мадэярви), *Puörykkälammut* (Пюрюкя-ламми), *Raiduška* или *Raajaanjärvi* (Глухое), *Suojärvi* (Светлое), *Suurijärvi* (Мишинское), *Valgiejärvi*.

Отметим, что за некоторыми первоначально русскими названиями озер закрепились на современном этапе переводные карельские наименования. Например, озеро *Большое* первоначально называлось *Мишинским*, однако в настоящее время используется преимущественно первый русскоязычный вариант названия, восходящий к карельскому *Suurijärvi* (рус. *Большое озеро*), а озеро *Липнево* называют теперь *Липярви* от карел. *Lippijärvi*.

Кроме этого, необходимо заметить, что карельские названия озер фиксируются главным образом внутри карельского ареала расселения, а на его границе функционируют карелоязычные варианты русских названий.

Подобная ситуация сложилась и с гидронимами. Названия наиболее крупных рек и ручьев являются «русскими» по происхождению, в то время как на внутренних карельских территориях более мелкие гидрообъекты имеют исключительно карельские названия, большинство из которых даже не имеет русскоязычных вариантов. При этом соотношение карельских и некарельских наименований рек и ручьев прямо противоположно соотношению лимнонимов – 4 : 1. Примеры: *Celinäjogi* (Пчелинка), *Cuagoda* (Чагода), *Gorodkanoja* (Городская), *Jovancovanoja* (Иванцево), *Korzovkanoja* (Корзовка), *Liin'onkaoja* (Линёнка), *Loššinkariuicca* (Лошинка), *Mel'onkioja* (Меленка), *Smerdinkajogi* (Смердинка), *Tušemel'ka* (Тушемелька), *Uz'minajogi* (Узьминка), *Vietkanoja* (Ветка). И тут же – *Harakanoja* (карел. «Сорочий ручей»), *Kivoja* («Каменный ручей»), *Lamminoja* («Озерный ручей»), *Lapsoja* («Ребячий ручей»), *Mustaoja* («Черный ручей»), *Ruozmijane* («Ржавый ручеек»), *Ullinoja* («Ульянин ручей»), *Vilunoja* («Холодный ручей») и др.

Обратим здесь внимание на то, что в восточной части карельского ареала фиксируется целый ряд названий ручьев с заимствованным из русского детерминантом *-riuicca* «ручей», что свидетельствует, по всей видимости, о более интенсивных контактах с русским населением прилегающих деревень: ср. *Huabariuicca* («Осиновый ручей»), *Häkkiriuicca* («Бычий ручей»), *Reduriuicca* («Грязный ручей»), *Saviriuicca* («Глиняный ручей»), *Tihananriuicca* («Тихановский ручей») и др.

Напрямую заимствованные из русского языка названия сельскохозяйственных урочищ, являющиеся преимущественно простыми по структуре, также фиксируются главным образом на окраинах карельского ареала расселения, в местах, где, по всей видимости, соприкасалась граница русских и карельских сельскохозяйственных угодий. Отметим при этом, что поселения карел представляют собой своеобразный остров в окружении русских деревень. Именно на русско-карельском пограничье нами зафиксированы следующие названия: покосы *Demšinännurmi*, *Dolgušši*, *Dvoorikka*, *Ganovicca*, *Golišša*, *Kardona*, *Krugliška*, *Lisv'anka*, *Lizanovšina*, *Lukovka*, *Martinova*, *Mitr'ohina*, *Nariezka*, *Peciššo*, *Piskuniha*, *Por'olkat*, *Rogozihä*, *Siidorova*, *Simaniha*, *Skovorodka*, *Somova*, *Terebišša*, *Zavodskoi*, *Zavoi*; поля *Der'binä*, *Fen'ova*, *Lubeniha*, *Ondini*, *Pluaškina*, *Prisoi*, *Pr'aduha*, *Teternikka*, *Trufanskojopeldo*, *Uz'mina*, *Zarova*. При этом часть из них имеет адаптированные карельские варианты, ср.: *Zarova* – *Zuaru*; *Trufanskojopeldo* – *Trufano*. Наиболее крупные урочища разделены на участки, которые имеют преимущественно карельские наименования. Так, в составе урочища *Nariezka* фиксируются следующие названия покосов: *Bir'annurmi* («Луг Бириновых»), *Jäniznurmi* («Заячий луг»), *Kivenkinurmi* («Каменный луг»), *Kivikolu* («Нагромождение камней»), *Kukannurmi* («Луг Кукиных»), *Marfuškannurmi* («Марфушкин луг»), *Motorannurmi* («Луг Моториных»), *Piisarinnurmi* («Луг Писаревых»), *Polostaho* («Полоса земли и нива»), *Zävinnurmi* («Луг жителя по прозвищу Жяви») и др.

Кроме наименований водоемов и сельскохозяйственных угодий, «русские» по происхождению названия и у других географических объектах на исследуемой территории: ср. болота *Cuckovansuo*, *Lobkovasuo*, *Miškinäsuo*, *Neposed'*, *Palkinasuo*, *Rudenkasuo*, *Runkinasuo*, *Seredkasuo*, *Uuhari*; рыбное место *Starorecje*, поворот на реке *Korzovankolena*, причал *Papilkanpristani*, урочища *Bajova*, *Puustošša*; горка *Kosogora*.

Анализ топонимии показал, что на территории ареала практически полностью отсутствуют карельские модели, которые могли быть принесены сюда с родовой территории карельского народа. Есть все же одна дистрибутивная модель, распространение которой указывает на связь населения с Северным Приладьем – это названия *-l*-ового типа, который использовался главным образом при наименовании поселений и домов. В топонимии деревни Коргорка сохранилось одно название интересующего нас типа – поле *Teppo'antpeldo*. Наименование свидетельствует о том, что и у тихвинских карел данная модель использовалась, но по какой-то причине утратила популярность и вышла из активного употребления.

Ключом к разгадке могут послужить, на наш взгляд, карельские названия родов некоторых деревень, а также официальные фамилии жителей исследуемого ареала, ср.: *Kalin'onkat* – Калинин (Дубровка); *Räbinönkät* – Рябиничев, ср. *Räbinä-Mikula* (Новинка); *Boris'onkat* – Бибичев (Новинка); *Naum'onkat* – Наумов (Новинка); *Timošonkat* – Ерошёнков (Забелино); *Jeles'onkat* – Петров (Забелино); *Gamaz'onkat* – Осинов, ср. *Gamaza-Fedä* (Забелино); *Ivišonkat* – Елесёнков (Забелино); *Roman'onkat* – Романов (Селище); Елесёнков (Моклаково); Никитёнков (Дубровка); Степачёнков (Дубровка); Никулёнков (Новинка, Логиново).

Особое внимание хочется обратить в данном случае на название дома и рода в деревне Забелино: ср. *Suaval'onkantalo*, официальная фамилия жителей которого *Петровы*. В данном случае обращает на себя внимание наличие элемента *-l-* перед русским по происхождению коллективным суффиксом *-onk-* (рус. *-оньк-*), который не представлен в рассмотренных примерах. По нашему мнению, в названии сохранился интересующий нас прибалтийско-финский суффикс *-la/-lä* (**Suaval'antalo* < *Suava* (рус. *Савва*) + *-la/-lä*). При этом можно предположить, что данный формант был вытеснен позднее синонимичным по значению формантом *-(on)ka*, который так же, как и *-la/-lä*, обозначал совокупность жителей, относящихся к одному роду. Последний мог быть заимствован в результате контактирования с русским населением исследуемого региона. Суффикс *-(on)ka* мог быть усвоен достаточно рано, свидетельством чему является фамилия *Никулёнков* в деревне Новинка. В предании об основании деревни среди первых жителей упоминается некто *Миколка* (от рус. *Николай*), имя

которого могло лечь первоначально в основу наименования рода, а позднее и официальной фамилии. Из предания также известно, что тихвинская корела берет свое начало именно от перво-поселенцев деревни Новинка.

В топонимии сохранилась память и о функционировании посессивного прибалтийско-финского суффикса *-(i)nen*, который так же, как *-la/-lä*, использовался при наименовании жителей определенного рода/семьи: ср. дом *Rod'ozenpertti* в деревне Бирючево и берег *Kukkizenber'oga* (от фамилии *Kukkine* < совр. *Кукин*) в деревне Селище.

В качестве топонимического форманта и деминутивного суффикса *-(i)nen* и по сей день используется при наименовании географических объектов на исследуемой территории: ср. река *Celinäne* < *Celinäjovut*, остров *Ostrovkaine* < *Ostrovka*, ручьи *Ojane* и *Ruozmiojane* < *Oja*.

Кроме этого, используется ряд других суффиксов, таких как *-(u)t*: *Pyörykkälammut*, *Celinkäjovut*, *Vietkajovut*, *Mellicänsuarut*, *Kivikkoahonsuohut*, *Pikkarainesuohut*, *Kaškuot*; русский по происхождению суффикс *-ška*: руч. *Huabariuucuška* (вариант *Huabariucca*), пок. *Korbuška* (вариант *Korbi*), *Niemiška*, *Ojanladvuška* (вариант *Ojanladva*), бор *Kangahuška*, оз. *Lammuška* (вариант *Lamminjärvi*), *Raiduška* (вариант *Raajanjärvi*), *Suojärvyškä*, бол. *Plavuška* (вариант *Plavivel'ga*); а также, возможно, *-nki*: бол. *Kivenkisuo*, пок. *Närienkinurmi*.

Фиксируется ряд традиционных русских суффиксальных моделей, которые являются свидетельствами достаточно раннего докарельского освоения исследуемого региона русским населением, ср. *-иха*: *Cudzeniha* (< *Чудениха*), *Simaniha* (< *Симаниха*), *Piskuniha* (< *Пискуниха*), *Rogozihä* (< *Рогозиха*) и *Lubeniha* (< *Лубениха*); *-ица*: *Ganovičca* (< *Гановица*); *-ицина*: *Lizanovšina* (< *Лизановщина*). В связи с вышесказанным стоит отметить, что мы имеем здесь дело с уникальной ситуацией, которая сложилась в результате карельской адаптации русской топонимии в XVI–XVII вв. Все зафиксированные карелоязычные названия русского происхождения могут служить неким хронологическим критерием появления и функционирования ряда русских номинативных моделей в период до переселения карел на тихвинские земли.

В результате монофтонгизации нисходящего дифтонга *ai* в языке тихвинских карел образовался долгий гласный *aa*. Данная фонетическая особенность прослеживается как в апеллятивной лексике, так и в топонимии: ср. *haagi* (< *haugi* 'щука'), *jaaho* (< *jauho* 'мука') *avaadua* (< *avaudua* 'открыться'); *Caaruaho* (< *cauru* 'крупный зернистый песок'), *Gaaronpol'anka* (< *Gauro* 'Гаврил'), *Hiilihaada*, *Hukanhaada* (< *hauda* 'яма'), *Paalandiädänaho* (< *Paula* 'Павел') и др. Отметим, что эта закономерность сближает тихвинский говор с «соседствующим» южновепским диалектом. При этом можно предполагать существование на ранних этапах истории определенных этнокультурных связей с более северными территориями, населенными вепсами.

Подтверждением данного предположения могут служить, например, зафиксированные в Селище топоним *Чудениха* (< *чудь* 'вепсы'?) и «чудское» предание о заселении деревни, а также прозвище *Kaibana*, которое, возможно, восходит к этнониму *кайбаны*, служащему для обозначения вепсов и широко бытующему на территории Белозерья. Происхождение данного прозвища местному населению не известно, а по отношению к вепсам ими используется этноним *сuhari* 'чухарь'. При этом карелы знают, что к северу от поселения Ефимовское начинаются территории, на которых проживает вепское население.

И. И. Муллонен, проводившая исследование топонимии южных вепсов указывает, что современная граница расселения вепсов проходит по территории, на которой находится село Радогоща. Однако, на основании распространения топонимии, имеющей вепские истоки, она предполагает, что несколько ранее граница проходила южнее, по озеру Лидскому, а еще раньше – по реке Тихвинке [Муллонен, 2006], которая расположена в 45 км от современного проживания тихвинских карел. В учет этого можно полагать, что на определенном этапе истории исследуемого региона могло иметь место карело-вепское контактирование.

Топонимия несет также информацию о разных сторонах экономической жизни карельского населения. Она сохраняет память об охотничьих и рыболовных угодьях, рассказывает о местах размещения мельниц, кузниц, смолокурень, глиняных ям, пастбищ и др. Особо хочется отметить детально разработанную сельскохозяйственную топонимию карельской территории, на фоне, например, соседней русской топонимии. При освоении пашенного и подсечного земледелия на родовой территории у карел появилась довольно развитая земельно-терминология, закрепившая в терминах многие этапы подготовки и создания будущего участка пашни или сенокоса, а также их особенности. Не является исключением и исследуемая территория, в топонимии которой многочисленные географические названия отражают местные особенности подсечного и пашенного земледелия. Таким образом, данный факт объединяет тихвинский ареал с карельскими территориями других регионов и свидетельствует о значительной устойчивости традиционно-бытовой культуры. Примеры: *Pahapergo* (*pergo* 'расчищенный для покоса участок'); *Miikkulanperos̄*, *Suuriperos̄* (*peros̄* 'расчистка'); *Peros̄nurmi*, *Pekunnurmi*, *Mustanurmi*, (*nurmi* 'луг'); *Huaz'aho*, *Korendaho*, *Kangasaho* (*aho* 'нива, вырубленное в лесу, сожженное место под поле'); *Jehropeldo*, *Melliccäpeldo* (*peldo* 'поле'); *Zabil'n'anojanniitot* (*niitto* 'покос, луг'); *Fedoticanniitoš* (*niitoš* 'покос'); *Razi*, *Raziahot*, *Razisuo* (*razi* 'несоженный срубленный лес; заброшенное поле'); *Mustaojankaški*, *Ogonkaški*, *Pešankaški* (*kaški* 'подсека'); *Huuhi*, *Huuhingora* (*huuhi* 'подсека'); *Palosuo* (*palo* 'сожженная подсека'); *Bir'covanjälgi*, *Kondienjälgi*, *Tolstienjälgi* (*jälgi* 'след').

Кроме этого, в топонимии ареала фиксируется ряд заимствованных карельским языком сельскохозяйственных терминов русского происхождения, большинство из которых являются, по всей видимости, заимствованиями позднего периода. Здесь следует отметить, что в их употреблении часто не наблюдается последовательности: один и тот же информатор может употреблять термины как собственно карельские, так и заимствованные из русского. Примеры: *Kir'unpol'anka*, *Suuripol'anka* (*pol'anka* 'поляна, луг'); *Vas'anpoloska* (*poloska* 'полоса поля или луга'); *Vezipolossu* (*polossu* 'полоса, надел'); *Polostaho*, *Huabapolostu*, *Perilapolostu* (*polostu* 'полоса поля или луга'); *Rascistkapeldo* (*rascistka* 'расчистка'), *Beloz'orovaciska* (*ciska* 'расчистка'); *Ucaskanpeldo* (*ucaska* 'сельскохозяйственный участок'); *Lädinänsuo* (*lädinä* 'пустоши, покинутая и заросшая лесом земля').

Географические термины и лексемы русского происхождения неоднократно встречаются в топонимии исследуемого региона, что обусловлено столетними контактами карельского населения с русским. При этом часть из них вошла в язык говора вместе с заимствованными понятиями, а некоторые заимствования употребляются как переводные синонимические эквиваленты карельских лексем, ср.: о-в *Ostrovkaine* (< от рус. *остров*); кладб. *Roššane* (< *роуца*); повороты реки *Sorzankolena* и *Suurikolena* (< *колено*); горки *Huabagora*, *Huuhingora*, *Paimenengoraine* (< *гора*); тропы *Suarentroppane* и *Vietkantroppa* (< *тропа*); броды *Keskibrodusuo*, *Lamminsuonbrodu*, *Ojanladvanbrodu* (< *брод*); пороги *Lästilöinporogat* (< *порог*); зимник *Pienizimnikka* (< *зимник*); омут *Omutanoja* (< *омут*), берега *Jyrkköber'oga* и *Korgieber'oga* (< *берег*); выгоревшее место в лесу *Gariaho*, *Garikazet*, *Garisuo* (< *гарь*); выселки *Grišunselenja*, *Ivonselenja* (< *селенье*); низина *Povarn'anloga* (< *поварня* + *лог*); пок. *Kortohkanurmi* (< *картошка*), *Vinokurkka* (< *винокурня*); поля *Potokkapeldo* (< *поток*), *Kosogorapeldo* (< *косога*), *Kipronsadu* (< *сад*), грива *Klyccisuari* (< *ключ*) (ср. вариант *Lähesuari*), ур. **Gorel'nikka** (< *горелое* (место)), *Gorakkoaho* (< *гора*). В последних двух примерах мы видим, что заимствованные русские термины оформлены прибалтийско-финскими суффиксами *-kka/-kko*.

В топонимии исследуемого региона фиксируются также ряд собственно карельских лексем, вышедших из активного употребления в связи с их вытеснением русскими (возвышенное место **Zärkänaho**, пок. *Zärki* < *särkkä* 'холм, кряж'?; берег озера *Valgamo* < *valgamo* 'причал'; пож. *Niemi*, мыс *Kirikköniemi* < *kirikkö* 'церковь' + *niemi* 'мыс'; грива на болоте

Hirvisuari < *hirvi* 'лось'; барсучьи норы *Mägränhaavat*, *Mägrihäsuu*, вариант *Jazvannorat* < *mägrä*, *jazva* 'барсук'), а также таких, которые имеют значения, несколько отличающиеся от общераспространенных (грибное место *Järviranda*, пок. *Jogiranda*, *Plaviranda* < *randa* 'край', при общеупотр. 'берег'; гривы на болоте *Madosuari*, *Somasuari*, *Kondronsuari* < *suari* 'островок леса на болоте', Однако в названии острова *Mellicänsuarut* на реке Чагоде сохранилось, по всей видимости, традиционное значение лексемы *suari* 'остров в реке или озере').

Сохранилась в топонимии региона память о помещичьем землевладении, на которое указывает неоднократно встречающаяся на территории ареала основа *bairi*-(*bajari*-) 'барин', ср. бол. *Bairinsuohut* или *Puorecoinsuohut* (по фамилии барина *Попецкий*), пок. *Bairinnurmi*, ур. *Bairintanhuo* и *Bairinaho*, низина *Bairinloga*, канава *Bajarinkanuava*. Известно также о проживании барина в местечке *Lubeniha* и барской усадьбе, располагавшейся в деревне Климово. Кроме этого, фиксируется прозвище *Bajari*, ср. *Bajari-Fed'a*.

В свою очередь, хutorская система расселения отразилась в топонимах с детерминантами *-fuutora* и *-selenja*, ср.: *Gulimanfuutora*, *Jakar'ovanfuutora*, *Jovancovanfuutora*, *Solmovanfuutora*, *Sruupinanfuutora*, *Šagajanfuutora*, *Tsapanfuutora*, *Kosogoranfuutora*, *Grišunselenja* и *Ivonselenja*.

Подводя итог, отметим, что анализ топонимии тихвинского ареала показал, что ей свойственны те же типы, что и карельской топонимии в целом. Отличительной чертой по сравнению с топонимией других карельских территорий стало отражение в ней значительного числа русских заимствований, что обусловлено проживанием в течение нескольких столетий небольшой группы карельского населения среди русских поселений и, соответственно, связями с русским населением. При этом заимствования имеют разную хронологию, а толщина русского пласта в топонимии ареала колеблется в зависимости от удаления от русско-карельского пограничья. В целом же в исследуемом кусте поселений карельские названия составляют костяк топонимии. Наибольшее число «русских» по происхождению названий фиксируется в восточной части исследуемого региона, которая располагается в непосредственной близости от русских деревень. Этому способствовало, по всей видимости, и помещичье землевладение, вызвавшее более интенсивное проникновение русских заимствований в те места, где располагались барские усадьбы. Западные же деревни отделены от русских поселений рядом значительных по величине болот, что, вероятно, и стало препятствием для русского влияния на топонимию исследуемой территории.

Муллонен И. И. Формирование системы расселения в южновепском ареале // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 224–237.

Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. М., 1977.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVII вв. М.; Л., 1951.

Õispuu J. Karjalan kielisaarekkeita tutkimassa: viisi matkaa Tihvinän karjalaishyötiin // Karjalan heimo. 2004. № 1–2.

Salohimo V. Vihjeitä Tihvinän karjalaisten juurista // Karjalan heimo. 2003. № 7–8.

Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук,
мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

ЮБИЛЕИ

К юбилею В. И. Супруна

25 октября исполняется 60 лет известному ученому-ономатологу, доктору филологических наук, профессору Василию Ивановичу Супруну.

35 лет назад молодой перспективный выпускник славянского отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета приехал в Волгоград и приступил к работе в Волгоградском государственном педагогическом институте (ныне университете). С тех пор волгоградская земля стала для него родной. Именно здесь раскрылись его многочисленные таланты: руководителя, педагога и ученого.

Талантливому руководителю Василию Ивановичу Супруна с благодарностью вспоминают преподаватели-русисты во многих странах мира. 20 лет проработал он на факультете по обучению иностранных граждан Волгоградского педуниверситета: методистом, деканом по работе с иностранными учащимися, заведующим кафедрой русского языка как иностранного, проректором по международным связям. Организаторские способности В. И. Супруна, его энергия и оптимизм, знание иностранных языков способствовали развитию международных связей университета. Именно под его руководством Волгоградский педуниверситет стал крупным центром страны по подготовке кадров для многих стран Европы, Азии и Латинской Америки. Число иностранных студентов и стажеров в эти годы постоянно росло, достигало 600–700 человек в год, началась подготовка иностранцев в аспирантуре. При его участии были установлены партнерские отношения с вузами Польши, Чехии, Германии, США, Кубы, Китая. Под его руководством регулярно проводились конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Последние 7 лет В. И. Супрун возглавляет Волгоградский государственный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. В этом нелегком деле В. И. Супрун проявляет себя не только как талантливый руководитель, но и как одаренный педагог. При его инициативе осуществляются проекты по оказанию помощи педагогам. Один из них – издание педагогических журналов «Учебный год» и «Res paedagogica», в которых публикуются статьи по теории педагогики, технологиям обучения, некоторым вопросам гуманитарной культуры. По его содействию организована подготовка преподавателей по основам православной культуры, созданы специальные курсы по подготовке к единому государственному экзамену.

Талантливый педагог Василий Иванович Супрун, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания воспитал не одно поколение студентов-филологов и аспирантов. На высоком профессиональном уровне он читает курсы старославянского языка, введения в славянскую филологию, спецкурсы, проводит семинары по русской ономастике, основам научного поиска, чешскому языку, руководит курсовыми и дипломными работами, магистерскими, кандидатскими и докторскими диссертациями. Под его руководством защищено 25 работ на соискание ученой степени кандидата филологических и педагогических наук, в том числе специалистами из Китая, Чехии, Германии, Кубы. При этом В. И. Супрун буквально заряжает студентов и аспирантов своей энергией и творческой инициативой. В педагогической деятельности проявляется важная составляющая его натуры – умение плодотворно общаться с большой разнородной аудиторией и в то же время находить индивидуальный подход к каждому. За заслуги по подготовке педагогических кадров В.И. Супрун награжден отраслевой наградой – нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Особо хочется отметить достижения талантливого ученого Василия Ивановича Супруна. Первые работы молодого исследователя, посвященные славянским этнонимам, были опубликованы в начале 1970-х гг. В марте 1977 г. в ЛГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов», которая сразу привлекла внимание славистов и ономатологов. И это не случайно, так как и в самых первых и в последующих работах В. И. Супруна языковой материал осмысливается им в контексте обильных сведений культурно-исторического порядка, исследуются древние этнические связи, что всегда было важно не только для ономастики, но и для формирования нового, активно развивающегося направления языкознания – этнолингвистики.

Затем были многочисленные работы по антропонимии, топонимии, литературной ономастике, методике преподавания русского языка как иностранного, церковнославянского языка, функциональной грамматике, исторической грамматике, диалектологии, краеведению, истории православия. На сегодняшний день список научных трудов В. И. Супруна включает около 300 публикаций, в том числе 15 книг. В течение нескольких лет в сотрудничестве с профессорами ВГПУ Р. И. Кудряшовой и Е. В. Брысиной он работает над созданием уникального шеститомного словаря донских говоров Волгоградской области. Уже вышли в свет три тома, готовится к изданию четвертый.

Плодотворную научную работу В. И. Супрун успешно сочетает с редакторской деятельностью: является главным редактором серии «Филологические науки» журнала «Известия ВГПУ», редактирует сборники научных трудов, материалов конференций (всего под его редакцией вышло около 70 сборников).

Однако проблемы ономастики занимают в научной деятельности В. И. Супруна особое место. Ими он занимается с особым интересом и чрезвычайной тщательностью. Антропонимические исследования, зачастую выполненные на материале нескольких языков, ведутся им в самых разных направлениях: контрастивная антропонимия, диалектная антропонимия, антропонимия художественного текста и т. д. Топонимические исследования В. И. Супруна, отраженные в серии публикаций в журнале «Отчий край» (1994–2000 гг.) и получившие завершение в словаре гидронимов Волгоградской области (2002 г.), неразрывно связаны с историей и культурой родного края. Докторская диссертация «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» (2000 г.) выдвинула В. И. Супруна в ряд наиболее авторитетных специалистов по теории имени собственного. В ней представлена по-настоящему новая, оригинальная трактовка проблем полевого структурирования ономастического пространства. Без обращения к этой работе сейчас не может обойтись практически ни одно современное ономастическое исследование.

Возглавив постоянно действующий комитет научной конференции «Ономастика Поволжья», В. И. Супрун много сделал для того, чтобы возродить и продолжить замечательную

традицию проведения поволжских ономастических конференций, начатую известным ученым-ономатологом В. Н. Никоновым.

В. И. Супрун известен как активный популяризатор научных знаний. Его научно-популярные книги «Имена и именины» (Волгоград, 1997) и «Православия святыя имена» (Волгоград, 1996), в которых в доступной и занимательной форме излагается история происхождения и исходное значение русских имен, приводятся статистические сведения о русских именах и новый именной календарь, стали настольными. Серии книг, посвященных православию на волгоградской земле (написаны в соавторстве с С. М. Ивановым в 2003, 2005 и 2006 гг.) проникнуты любовью к родному краю, в них звучит тема сохранения родного языка и православной культуры.

Соединение качеств талантливого руководителя, педагога и ученого в полной мере проявляется и в многогранной общественной деятельности В. И. Супруна. Он председатель правления Волгоградского филиала Российского фонда культуры, участник многих благотворительных и социальных проектов, частый гость на волгоградских и российских радиостанциях и телевизионных каналах. Его общественная деятельность отмечена многочисленными наградами общественных организаций, среди которых юбилейная медаль «100 лет профсоюзам России», орден святителя Макария, митрополита Московского III степени Русской православной церкви.

Мне посчастливилось преподавать на кафедре русского языка как иностранного под руководством декана, а затем и проректора по международным связям В. И. Супруна, обучаться под его руководством в аспирантуре, работать над многими научными проектами (создание словаря гидронимов, подготовка и проведение конференций «Ономастика Поволжья» и др.). Его филологическая эрудиция, широта взглядов, творческая инициатива и великая трудоспособность всегда оказывают сильное влияние на всех, с кем он общается.

Очередную жизненную веху Василий Иванович встречает в расцвете творческих сил и созидательной энергии. Все друзья, коллеги, ученики поздравляют его с замечательной датой. Мира Вам, добра, счастья, здоровья и успешной реализации жизненных и творческих планов, дорогой Василий Иванович!

И. В. Крюкова, докт. филол. наук,
проф. кафедры языкознания
Волгоградского госпедуниверситета

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2008. № 5

Редактор	<i>Е. Ф. Васюта</i>
	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Корректор	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Компьютерная верстка	<i>К. В. Пьянкова</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.
Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2008 г., поз. 39.
Подписано в печать 01.07.2008. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,56. Усл. печ. л. 16,8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СТАТЬИ

Васильев В. Л. Заметки по славянской топонимической архаике Новгородской земли

Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский (европейская часть)

Сироткина Т. А. Этнонимы как речевые маркеры этничности

Финно-угорское наследие в русской топонимии

Кузьмин Д. В. К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии)

Муллонен И. И. Загадка Выга

Захарова Е. В. Прибалтийско-финский субстрат в топонимии Колодозерья

Кабинина Н. В. Ономатопозитическая лексика в субстратной топонимии Архангельского Поморья

Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской топонимии Ингерманландии

СООБЩЕНИЯ

Картавенко В. В. Древний Вержавск: к этимологии названия

Супрун В. И. Пушкинский аутографоним

МАТЕРИАЛЫ

Махрачева Т. В. Материалы к Словарю хрононимов Тамбовской области. II. Л–Я

ТРИБУНА ОНОМАСТА

Матвеев А. К. Эволюционные процессы в ономастике

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

О Первых крымских международных Михайловских чтениях «Собственное имя в русской и мировой литературе» (*А. А. Фомин*)

Рецензии

Имя: Семантическая аура (*М. В. Голомидова*)

Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта (*Л. В. Куркина*)

Младенова Д. Звездного неба над нас: Этнолингвистично изследване на балканските народни астронимии (*М. Э. Рут*)

Обзоры

Ономастика в Австрии (*Ф. Ш. Пашаева*)

Новые книги

Новые диссертации по ономастике

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сноска – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
Филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики».
Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.
- Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова – <http://www.ruslang.ru/agens.php?id=onomastica>,
научной библиотеки УрГУ – <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786>.